

ISSN 0869-6063

Номер 2

Апрель - Май - Июнь
2001

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Главный редактор
В.И. Гуляев

<http://www.maik.ru>

“НАУКА”

МАИК “НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА”

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2001

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин,
В.П. Любин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

В.И. Гуляев (главный редактор),
Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев (зам. главного редактора),
А.Н. Гей, И.С. Каменецкий, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е.Н. Черных

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2001

К этногенезу волжских болгар <i>В. В. Седов</i>	5
“Великая Скифия” как показатель терминосистемы скифологии <i>Н. А. Гаврилюк</i>	16
Халцедоновые бусы эллипсоидной формы эпохи раннего средневековья: распространение, датировка, социальная атрибуция <i>А. В. Мастыкова</i>	23
Миф о хазаро-иудейском основании Киева <i>П. П. Толочко</i>	38
Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? <i>Г. Е. Афанасьев</i>	43
“Семикаракоры” – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону <i>В. С. Флеров</i>	56
Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? <i>В. Е. Флерова</i>	71
Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) <i>З. Х. Албегова</i>	83
Кочевники в Таматархе <i>С. А. Плетнева</i>	97

Публикации

Декоративные пластины из Бубуеча <i>В. И. Мордвицева</i>	108
---	-----

Заметки

Новопокровская стела эпохи раннего железа <i>В. С. Ольховский, А. П. Лопатин</i>	115
Комплекс гуннского времени из дельты Дона <i>А. А. Иванов</i>	119
Бутероль ножен длинного римского меча из Херсонеса <i>В. М. Зубарь, И. А. Антонова</i>	122
Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье <i>И. В. Волков, В. Е. Маслов, В. Г. Петренко</i>	126
Белокаменное надгробие Михаила Озерова из Соловецкого монастыря <i>В. А. Буров</i>	132
Опыт консервации музейных коллекций археологического металла <i>А. М. Дорфман, Т. И. Останина</i>	135
Создание изображений объемных предметов с помощью планшетного сканера <i>С. Д. Захаров</i>	139

История науки

Муромские исследователи каменного века <i>А. А. Формозов</i>	144
---	-----

Критика и библиография

Об издательской деятельности Института археологии РАН в 1999–2000 гг. <i>К. А. Смирнов</i>	150
Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М., 1998 <i>В. Г. Збеневич, И. Д. Сегал</i>	152
Дударев Л.С. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н. э.). Армавир, 1999 <i>А. И. Иванчик</i>	157

Хроника

Международная конференция “Взаимодействие и развитие древних культур пограничья Европы и Азии” (Саратов–Энгельс, 2000 г.) <i>А. И. Юдин, И. И. Дремов</i>	162
XXI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа (Кисловодск, 2000 г.) <i>В. И. Козенкова, С. Н. Савенко</i>	167
Конференция “Проблемы истории и археологии Украины” (Харьков, 1999 г.) <i>О. А. Ручинская, В. В. Литовченко</i>	176
Франко-российское сотрудничество в области раннесредневековой археологии: новые результаты <i>Г. Е. Афанасьев, А. В. Мастыкова</i>	180
Памяти Бориса Федоровича Железчикова (1946–2000)	183
Памяти Инны Анатольевны Антоновой (1928–2000) <i>С. Б. Сорочан</i>	185
Памяти Нины Константиновны Лисицыной (1921–2000) <i>В. В. Седов, К. А. Смирнов</i>	188
Памяти Виталия Васильевича Волкова (1933–2000) <i>М. А. Дэвлет</i>	189

Список сокращений	191
-------------------	-----

Сдано в набор 09.01.2000 г.

Подписано к печати 15.03.2001 г.

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Офсетная печать

Усл. печ. л. 24.0

Усл. кр.-отт. 26.5 тыс.

Уч.-изд. л. 25.7

Бум. л. 12.0

Тираж 1083 экз.

Зак. 2038

Свидетельство о регистрации № 0110150 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 2, 2001

On the ethnogenesis of the Volga Bolghars <i>V. V. Sedov</i>	5
“Scythia Magna” as a marker of terminology in Scythian studies <i>N. A. Gavrilyuk</i>	16
Chalcedony elliptical beads of the early Middle Ages: their spread, chronology, social attribution <i>A. V. Mastykova</i>	23
The myth on the Judaic Khazars as the founders of Kiev <i>P. P. Tolochko</i>	38
Where are the archaeological evidences of the existence of the Khazarian state? <i>G. E. Afanas'ev</i>	43
Semikarakory – the fortress of Khazarian kaganate on the Lower Don <i>V. S. Flyorov</i>	56
Khazarian barrow-mounds with ditches: Central Asia or Eastern Europe? <i>V. E. Flyorova</i>	71
Palaeosociological research of the Alanic religion of the 7th–9th centuries (on the amulets from the North Caucasian and the Middle Don catacomb tombs) <i>Z. Kh. Albegova</i>	83
The nomads in Tamatarcha (the traces of their presence) <i>S. A. Pletneva</i>	97

Publications

Decorative plaques from Bubuech <i>V. I. Mordvintseva</i>	108
--	-----

Notes

Novopokrovskaya stele of the Early Iron Age <i>V. S. Olkhovsky, A. P. Lopatin</i>	115
The assemblage of Hunnic period from the Don river delta <i>A. A. Ivanov</i>	119
A detail of sheath of long Roman sword from Chersones <i>V. M. Zubar', I. A. Antonova</i>	122
Burials of the Golden Horde epoch from Central Ciscaucasia <i>I. V. Volkov, V. E. Maslov, V. G. Petrenko</i>	126
Lime tomb-stone of Mikhail Ozerov from Solovetsky monastery <i>V. A. Burov</i>	132
An attempt of conservancy of archaeological metal from museum collections <i>A. M. Dorfman, T. I. Ostanina</i>	135
Application of plane-table scanner for creating images of three-dimensional artefacts <i>S. D. Zakharov</i>	139

History of science

The investigators of the Stone Age from Murom <i>A. A. Formozov</i>	144
--	-----

Critics and bibliography

On the publications issued by the Institute of Archaeology of RAS in 1999–2000 <i>K. A. Smirnov</i>	150
Ryndina N.V. The earliest metal-working in South-Eastern Europe. M., 1998 <i>V. G. Zbenovich, I. D. Segal</i>	152
Dudarev L.S. The interrelations of North Caucasian tribes and the nomads of South-Eastern Europe in pre-Scythian epoch (the 9th – first half of the 7th centuries B.C.). Armavir, 1999 <i>A. I. Ivanchik</i>	157

Chronicle

International conference “Interrelation and development of ancient cultures on the borders of Europe and Asia” (Saratov – Engels, 2000) <i>A. I. Yudin, I. I. Dremov</i>	162
The XXIth Krupnov colloquium on the archaeology of North Caucasus (Kislovodsk, 2000) <i>V. I. Kozenkova, S. N. Savenko</i>	167
Conference “The problems of Ukrainian history and archaeology” (Khar’kov, 1999) <i>O. A. Ruchinskaya, V. V. Litovchenko</i>	176
French-Russian co-operation in the field of early Medieval archeology: new results <i>G. E. Afanas’ev, A. V. Mastykova</i>	180
In memory of Boris Fedorovich Zhelezchikov (1946–2000) <i>Friends and colleagues</i>	183
In memory of Inna Anatol’evna Antonova (1928–2000) <i>S. B. Sorochan</i>	185
In memory of Nina Konstantinovna Lisitsyna (1921–2000) <i>V. V. Sedov, K. A. Smirnov</i>	188
In memory of Vitaly Vasil’evich Volkov (1933–2000) <i>M. A. Devlet</i>	189

List of abbreviations	191
-----------------------	-----

К ЭТНОГЕНЕЗУ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР

© 2001 г. В. В. Седов

Институт археологии РАН, Москва

В историко-археологической литературе сложилось представление, согласно которому в Среднем Поволжье в X в. доминировало тюркское население (Степи Евразии..., 1981. С. 77–80, 208). “Почти все источники рисуют нам Волжскую Булгарию в период ее формирования как многоплеменное, но тюркоязычное в своей основе государство, окруженное тюркоязычными, угорязычными и финноязычными племенами, а с запада все приближающимися землями древнерусских княжеств” – писал в этой связи А.Х. Халиков (1989. С. 77). При этом допускается присутствие на территории волжских болгар угорского населения и участие его в этногенетическом процессе. В составе населения Волжской Болгарии на раннем этапе, отмечал исследователь, были отдельные группы венгров, оставшиеся в Поволжье после ухода основной массы мажарских племен на запад. Племя эсегелы, известное по письменным памятникам, было, по его мнению, смешанным тюрко-угорским, поскольку своим происхождением связано с прикамско-приуральским угорским массивом (Халиков, 1989. С. 78, 79). Согласно А.М. Белавину, эсегелы – камские угры (племена неволинской культуры, к которым присоединились ломоватовско-родановские), переселившиеся в землю болгар (Белавин, 1999. С. 73–84). Е.П. Казаков также считает, что во второй трети IX в. в результате конфронтации мажар с печенегами на территорию волжских болгар проникли массы угорского населения (носители кушнаренковских и ломоватовских древностей), результатом чего стало распространение лепной круглодонной керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией. Инфильтрация угров, утверждает исследователь, продолжалась и позднее. Танкеевский и ему подобные могильники второй половины IX – первой четверти X в. отражают этап органического смешения болгаро-салтовского, кушнаренковского и ломоватовско-ломоватовского компонентов, который завершился в 60-е годы X в. переселением на среднюю Волгу новых групп болгар из ареала салтово-маяцкой культуры (Казаков, 1999. С. 64–72).

В настоящей статье исследуется третий этнический компонент, активным образом участвовавший в этногенезе волжских болгар.

Начиная с конца IV – начала V в. вся обширная территория Среднего Поволжья, которую в XI –

начале XIII в. заселяли волжские болгары, была плотно освоена земледельческим населением именьковской культуры. Монографическое исследование последней было выполнено П.Н. Старостиным еще в 60-е годы XX в. (Старостин, 1967). В результате последующих раскопок и разведочных изысканий источниковый фонд именьковской культуры был значительно пополнен, что позволило исследователям решить ряд важных вопросов по истории населения, оставившего эти древности.

Прежде всего, прояснен вопрос о происхождении культуры. Последняя характеризуется устойчивыми традициями земледельческо-скотоводческого хозяйствования, не имеющими корней в Среднем Поволжье. Работами Г.И. Матвеевой обоснована миграция населения, создавшего именьковскую культуру, с запада (Матвеева, 1981. С. 52–73; 1986. С. 158–171). Ею показано значительное сходство основных элементов этой культуры с пшеворскими, черняховскими и постзарубинецкими. В результате вывод о формировании именьковской культуры в условиях расселения в Средневожском регионе земледельческого населения с запада представляется ныне достаточно авторитетным. Исходным регионом миграции предков носителей именьковской культуры были области Верхнего Поднестровья со смежными землями Волыни и Подолии, где в черняховском ареале существенная роль принадлежала пшеворским и отчасти постзарубинецким культурным элементам.

Нужно отметить, что эта миграция населения на среднюю Волгу с запада не была начальной. Первые переселенцы из Волыни и Верхнего Поднестровья появились в Самарском регионе еще во II–III вв. н.э. Их памятниками являются немногочисленные поселения славянского типа, сопоставимые с пшеворскими древностями (Агапов и др., 1981. С. 108–114; Матвеева, 1986. С. 160–162). Отселение сравнительно небольшой группы пшеворского населения из Волыньско-Верхнеднестровского региона, по-видимому, было обусловлено первой волной экспансии готов – именно в это время на Волыни получают распространение древности вельбарского облика. Вторая волна миграции пшеворско-черняховского населения документируется в регионе Самарской Луки па-

мятниками лбищенского типа, датируемыми III–IV вв. (Матвеева, 1984. С. 159, 160; 1985. С. 162, 163; 1986. С. 162–164). Именьковская же культура сформировалась в результате третьей, наиболее мощной переселенческой волны, которая поглотила носителей славяно-лбищенских древностей и распространилась на широких пространствах Поволжья от Самарской Луки на юге до правобережья нижней Камы на севере и от среднего течения Суры на западе до реки Ик на востоке. Переселенцами были освоены наиболее плодородные земли, до этого пустовавшие некоторое время. Лишь на севере пришлое население потеснило племена азелинской культуры. Достаточно очевидно, что эта крупная миграция была вызвана нашествием на Севернопричерноморские земли орд гуннов (Седов, 1994а. С. 287–315).

В Среднее Поволжье переселенцами были привнесены элементы провинциально-римских ремесел и высокоразвитая культура земледелия. Металлографические исследования железных изделий именьковской культуры показывают, что местные кузнецы владели высокими техническими навыками при получении стали путем цементации железных заготовок и термической обработки их, квалифицированно выполняли ковку и сварку (Старостин, Хомутова, 1981. С. 208–216). Ю.А. Семькин отмечает близость уровней развития именьковских и черняховских кузнецов. Их сближает использование процемментированных заготовок, термическая обработка стальных изделий и проковка изделий из засоренного железа (Семькин, 1993. С. 196). На именьковских поселениях найдены железные молотки, напильники, зубила, шарнирные клещи, долота, струги и пинцеты. В периоды, предшествующие именьковской культуре, ничего подобного в Среднем Поволжье не было известно. Есть в именьковских вещевых коллекциях и предметы одежды, распространенные в черняховской культуре. Таковы, в частности, пряжки с утолщенным в передней части кольцом и с изогнутым у конца язычком, имеющим приподнятую квадратную площадку у основания; прогнутая подвязная фибула; подвески в виде спаренных ведерок и др. Только из черняховско-пшеворского ареала могли быть привнесены на Волгу и секировидные предметы.

С расселением именьковского населения в Среднем Поволжье получает распространение пашенное земледелие. Переселенцами сюда были принесены умеренно заостренные наральники с втулкой, расширяющейся к тыльной части (тип IB1 согласно классификации Ю.А. Краснова). Такие орудия в Средней Европе известны с первых веков нашей эры, отсюда в позднеримское время они распространились в Северное Причерноморье (Краснов, 1987а. С. 38, 39, 106–113). На территории именьковской культуры широко культивировались просо, пшеница, полба, ячмень, рожь, овес и

горох. С расселением именьковского населения впервые в Среднем Поволжье получают распространение каменные жернова, появилась новая порода крупного рогатого скота, разводившаяся ранее в Днепропровском регионе (Петренко, 1984. С. 140).

На первых этапах изучения именьковской культуры было высказано несколько догадок об этнической принадлежности ее носителей. Их относили и к местным финнам, и к буртасам, и к уграм-мадярам, и к пришлым из Приуралья и Западной Сибири тюркам, и к балтам, расселившимся из Окского региона. Согласно Г.И. Матвеевой, это – славяне (Матвеева, 1988. С. 11–13). Действительно, если предками именьковского населения были земледельцы, переселившиеся на среднюю Волгу из пшеворско-черняховского ареала, то этническая атрибуция их как славян наиболее вероятна.

Население пшеворской и черняховских культур было полиэтничным. В его составе были славяне, сарматы, различные племена германцев, гето-дакийцы. В тех регионах, откуда вышли предки именьковского населения (Верхнее Поднестровье, Вольты, Подолия), среди земледельцев доминировали славяне (Седов, 1994а. С. 223–286). Вместе с тем, в составе переселенцев на Волгу не исключены и иные этнические элементы. Так, среди жилых построек, исследованных раскопками Старо-Майнского городища, имеется сооружение типа “длинных домов”, восходящих к северногерманскому домостроительству (Богачев, 1991. С. 159–171; Матвеева, 1993. С. 156–183). Однако основной массив именьковских жилищ находит широкие аналогии в домостроительстве Днестровско-Днепровского лесостепного региона и не оставляет сомнений в принадлежности переселенцев славянскому этносу.

Славянская атрибуция именьковского населения определяется его последующей историей. Около рубежа VII и VIII столетий множество поселений именьковской культуры были оставлены жителями, прекращают функционировать и могильники. Значительные массы именьковского населения вынуждены были покинуть средневольтские земли, что обусловлено переселением сюда после распада Великой Болгарии больших групп тюркоязычных кочевников. В Самарском Поволжье памятниками последних являются древности новинковского типа (Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998).

Именно в это время (в конце VII или в самом начале VIII в.) в Днепропровско-Донском лесостепном междуречье появляется крупный массив нового населения с вполне сложившейся культурой – вольтынской. Сопоставительный анализ характерных элементов последней с именьковской обнаруживает близость – вольтынцевскую культуру можно рассматривать как эволюцию именьковской. Принадлежность же населения вольтынской культу-

ры к славянскому этносу не подлежит сомнению (Седов, 1994б. С. 49–66; 1995. С. 186–195).

Определение именьковских древностей как славянских находит подкрепление в лингвистических материалах. В пермских языках изысканиями В.В. Напольских выявлено несколько праславянских лексических заимствований, которые должны быть отнесены ко времени до распада прапермской языковой общности. Вклад ранних славян в лексику пермских языков прежде всего связан с терминами развитого земледелия. В этой связи исследователь утверждает, что в Среднем Поволжье – Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. должно было существовать население, говорившее на праславянском языке, которое распространило в этом регионе развитое пашенное земледелие. Этим населением могли быть только племена именьковской культуры (Napolskich, 1996. S. 97–106). Среди праславянских заимствований в общепермском языке особого внимания заслуживает лексема *рожь*. Эта культура, как показал польский археолог К. Яжджевский, в Средней Европе получала широкое бытование только в процессе славянского расселения (Яжджевский, 1988. С. 98, 99). В Восточной Европе до освоения ее земель славянами рожь также не культивировалась. В Среднем Поволжье она появилась только с расселением именьковских племен.

Прапермский этноним **го̃с̃*рос ‘русь, русский’, как утверждает О.Н. Трубачев, также следует датировать временем до распада около VIII в. н.э. прапермской этноязыковой общности (Трубачев, 1993. С. 52, 53). Этноним *русь* в IX в. идентифицируется со славянами вольницевской культуры, позднее с их потомками, заселявшими летописную Русскую землю в узком значении (Седов, 1999а. С. 50–90; 1999б. С. 27–54). Если это так, то этот этноним мог быть известен и среди славян Среднего Поволжья. Русью могла именоваться какая-то значительная часть населения именьковской культуры. Только от этого населения еще до распада прапермской общности этот этноним мог получить известность среди финских племен Волго-Камья.*

В археологической литературе дискутируется вопрос о том, все ли земледельческое население при появлении тюркоязычных кочевников покинуло Средневожские земли или какая-то немалая часть его осталась на прежних местах обитания. Наличие на многих именьковских поселениях культурных отложений болгарского периода стало для исследователей основанием утверждения о доживании носителей именьковской культуры до времени становления болгарской государственности (Смирнов А.П., 1951. С. 17; Калинин, Халиков, 1954. С. 61–63). Так, верхние слои Именьковского городища, по названию которого именуется рассматриваемая культура, содержат керамику и вещевые находки болгарской культу-

ры. Исследователи памятника датировали их IX–X вв., и полагали, что поселение функционировало непрерывно от середины I тыс. н.э. (Калинин, Халиков, 1960. С. 226–250). Отсутствие хронологического разрыва между именьковскими и раннеболгарскими древностями отмечалось и позднее (Халиков и др., 1976. С. 19).

В монографии, посвященной именьковской культуре, П.Н. Старостин отмечал: при появлении кочевых орд отдельные группы именьковцев ушли в глухие местности, в частности в регион р. Черемшан, где в керамических материалах болгарского времени проявляются черты именьковской посуды (Старостин, 1967. С. 31, 32). С этим был согласен А.Х. Халиков, отмечавший присутствие в раннеболгарских коллекциях из памятников верхнего течения Большого Черемшана горшковидных сосудов с именьковскими реликтами (Халиков, 1989. С. 79, 80).

Однако в последние десятилетия получила распространение иная точка зрения. Изучение Большетарханского, Танкеевского и других раннеболгарских могильников показало существенные различия между ними и именьковскими древностями. Каких-либо заметных следов именьковской культуры в памятниках ранних болгар не обнаруживается. В этой связи был сделан вывод об исчезновении оседлого именьковского населения в VII в. до прихода болгар на среднюю Волгу (Казаков, 1992. С. 231, 232). А.В. Богачев, ссылаясь на отсутствие в памятниках именьковской культуры поясной гарнитуры геральдического типа и появление во второй половине VI в. первых кочевников (имеется в виду впускное погребение в кургане у с. Новоселки в юго-западной части Татарстана), склонен ограничивать ее существование даже VI в. (Богачев, 1995. С. 16–21).

Г.И. Матвеева справедливо возразила ему, отмечая, что пряжки и накладки геральдического типа среди именьковских древностей VII в. есть, но в меньшем количестве, чем в предшествующем столетии. Появление же отдельных сравнительно небольших групп кочевников во второй половине VI в. не привело к захвату ими всей территории именьковской культуры. “Такой огромный оседлый этнический массив, каким были племена именьковской культуры”, утверждает исследовательница, не мог полностью покинуть обжитую территорию. Это подкрепляется результатами раскопок Гундаровского и Старо-Куйбышевского V селищ и городища Лысая Гора, на которых имеются культурные напластования, содержащие именьковские и новинковские материалы, явно говорящие о подселении кочевых болгар к земледельцам (Матвеева, 1997. С. 88, 89; 1999. С. 66–68).

Интересные данные в этой связи были получены Ю.А. Семькиным исследованиями городища “Чертов городок” в Старомайском р-не Улья-

новской обл. (Семыкин, 1996. С. 66–82). Это было крупное укрепленное поселение именьковской культуры – своеобразный протогород. Основу его образовывало мысовое городище размерами 290 × 160 м, внутри которого имелось малое городище – детинец размерами 50 × 50 м. За валами большого городища с северной и северо-восточной сторон располагались неукрепленные части поселения с культурными напластованиями именьковской и раннеболгарской культур. На рубеже VII–VIII вв., когда в этих краях появились орды кочевников, полноценное развитие поселения прекратилось, но жизнь на нем продолжалась. Немалое число его обитателей не покинуло поселение и вступило в контакт с пришлыми болгарами. Исследователь полагает, что VIII–IX столетия были периодом мирного сосуществования именьковцев с тюркоязычным населением.

Памятниками, давшими археологические материалы, явно свидетельствующие о взаимодействии именьковского населения с болгарами, являются также городище Пролетарское, расположенное в Самарском Поволжье (Сташенков, 1999. С. 75–77), и поселение у с. Бельмеры в Татарстане (Ефимова, 1962. С. 25–48). Первый памятник является именьковским поселением, в верхних слоях которого, датируемых VIII в., наряду с именьковской керамикой содержится глиняная посуда салтовомаяцкой и кушнаренковской культур. Поселение у с. Бельмеры первоначально принадлежало именьковскому населению, в X–XI вв. – болгарам. Никаких данных о прекращении жизни на поселении не прослеживается. Население возникшего болгарского города, отмечает А.М. Ефимова, было смешанным, о чем говорит не только сосуществование болгарской и именьковской керамики, но и ритуальные сооружения языческого культа аборигенных жителей. Наряду с тюрками-болгарами в нем, несомненно, проживали потомки местного населения.

Думается, что количество таких памятников, прямо указывающих на взаимодействие оседлого именьковского населения с пришлым тюркоязычным, со временем возрастет. Даже те исследователи, которые считают, что болгары в своей массе появились в Среднем Поволжье после того, как именьковцы уже покинули эти земли, предпочтя “крупномасштабное переселение войне с кочевниками”, не исключают проживание в VIII–IX вв. отдельных именьковских коллективов, которые остались (или были оставлены) в этом регионе (Багаутдинов и др., 1998. С. 167, 168).

Вопрос об участии потомков именьковского населения в этногенезе волжских болгар становится очевидным при анализе материалов не могильников, а поселений первых этапов сформировавшейся болгарской культуры.

Наследием именьковской культуры прежде всего было развитое земледелие волжских болгар. При изучении пахотных орудий Восточной Европы Ю.А. Краснов подчеркивал, что болгарские наральники полностью идентичны именьковским и их можно рассматривать как продолжение традиции именьковского земледелия. Отмеченные выше втульчатые наральники типа ПБ1 продолжали широко употребляться болгарским населением. Заимствование из соседних земель исключено, так как такие наконечники рал там в IX–XII вв. не употреблялись (Краснов, 1987а. Прил. 1). С именьковского времени почти неизменным остается состав культивируемых злаков. Сопоставление технологий сельскохозяйственного производства волжских болгар и Древней Руси выявляет их заметное различие. Так, например, на Руси были широко распространены посевы озимой ржи, в Волжской Болгарии в X–XIII вв. она неизвестна вовсе (здесь культивировалась исключительно яровая рожь); одной из основных культур в Болгарии была полба, на Руси на ее долю приходился незначительный процент и т.п. (Краснов, 1987б. С. 205–230; Туганав, 1976. С. 240–251). Серпы, косы-горбуши, каменные жернова болгар эволюционировали от именьковских. Все говорит о том, что земледелие Волжской Болгарии эволюционировало из местного хозяйствования. Прилив населения из салтовомаяцкого ареала в большей степени, по-видимому, способствовал быстрому подъему ремесленного дела. Преимущество болгар перед другими народами Среднего Поволжья в земледельческом отношении заключалось в многовековых традициях, поэтому сельское хозяйство Волжской Болгарии в домонгольское время получило весьма высокое развитие.

Состав стада домашних животных болгарского населения в XI – начале XIII в. по сравнению с именьковским изменился слабо, но зато он заметно отличен от золотоордынского периода. В Волжской Болгарии в домонгольский период, как и в именьковское время, значительное место занимал крупный рогатый скот той же породности, в городах его мясо было основным продуктом питания. Численно же преобладал мелкий рогатый скот. Мусульманская религия не допускала употребления в пищу свинины, поэтому доля этого животного в составе стада в Волжской Болгарии резко уменьшилась. Кости свиньи зафиксированы при раскопках целого ряда болгарских поселений, в том числе они встречены в Болгаре, Биляре, Хулаше, на Березовском, Муранском, Мало-Сундырском и других поселениях (Петренко, 1984; 1988. С. 254–271; 1999. С. 135–145). В золотоордынских слоях Болгара кости свиньи полностью отсутствуют (Асылгараева, 1999. С. 53–56).

А.Г. Петренко расценивает наличие костей свиньи на болгарских поселениях как факты проживания среди мусульманского населения иноэт-

ничных ремесленников, разводивших свиней и употреблявших их мясо в пищу. Это представляется маловероятным, недопустимым в мусульманском мире. Более вероятным представляется, что жителями ранних болгарских поселений, употреблявшими в пищу свинину, были потомки местных земледельцев, для которых разведение этих животных было традиционным. В процессе мусульманизации со временем они отказались от этого. В этой связи представляют интерес материалы Болгарского городища, к настоящему времени наиболее исследованного памятника волжских болгар. Оказывается, что кости свиньи здесь встречены преимущественно в тех раскопах центральной части верхнего плато поселения (XVI, XXXVIII, XLI, LVII–LVIII, LXXVIII), где имеются напластования конца IX – начала XI в., или в раскопах (LX, LXV, LXVIII), где слой VI не выделен, но находки X – начала XI в. имеются. Поэтому рассматриваемые остеологические материалы следует связывать прежде всего с ранними этапами жизни Болгарского поселения, а им на его территории непосредственно предшествовал целый комплекс именковских памятников. Это – два укрепленных поселения на Бабьем и Коптеловом буграх и не менее пяти селищ (Старостин, 1987. С. 89–98). При раскопках могильника на Бабьем бугре было открыто предшествующее ему по времени поселение с материалами, свидетельствующими о встрече пришлых болгар с местным населением (Ефимова, 1960. С. 169–194). Болгарское городище было основано не на пустом месте, а в зоне концентрации оседлого именковского населения. П.Н. Старостин при этом обращает внимание на хронологический разрыв между именковскими поселениями, верхней границей которых, по его мнению, является конец VII в., и болгарским. Однако нельзя исключить того, что земледельческое население в этом микрорегионе (впрочем, как и в других местностях) продолжало проживать и тогда, когда в его округе кочевали болгары. Дани, поборы и грабежи, осуществляемые последними, привели к значительному понижению уровня жизни и быта, к обеднению оседлого населения, к разрушению торговых контактов с соседними и отдаленными землями, установившихся в V–VII вв. В результате в культурных отложениях VIII–IX вв. земледельческих поселений отсутствуют датирующие находки, которыми обычно было импортные вещи. Впрочем, при раскопках Болгарского городища такие предметы были обнаружены. Это – бусы глухого стекла с выступающими рельефными глазками и ребристые бусы эллипсоидной формы из непрозрачного стекла, найденные в слое VI, который определяется от рубежа IX–X до начала XI в. (Хлебникова, 1987. С. 57). Однако эти бусы характерны для предшествующего времени (VIII–IX вв.), что отмечает и Т.А. Хлебникова. Не ис-

ключено, что они были утеряны именковским населением, проживавшим в селениях на территории, где позднее было основано Болгарское городище.

Только наследием именковской культуры можно объяснить наличие на ранних болгарских поселениях подпрямоугольных полуземляночных жилищ. Жилые полуземлянки XII и последующих столетий в городах Волжской Болгарии сопровождаются обычно древнерусской керамикой и иными вещевыми находками и справедливо интерпретируются исследователями как постройки переселенцев (преимущественно мастеров-ремесленников) из Руси (Полубояринова, 1993. С. 58–68, 73, 74). Однако полуземляночную постройку, раскопанную в 50-х годах XX в. на селище Криуши в Ульяновской обл. (Тухтина, 1960. С. 145–154), никак невозможно рассматривать как жилище переселенца из Древней Руси. Найденные в полуземлянке целые горшки по своей форме типично именковские. Фрагменты горшкообразных сосудов с высокой цилиндрической горловиной, встреченные в немалом числе в культурном слое поселения, также сопоставимы с керамикой именковской культуры. Н.В. Тухтина при этом отмечает, что подобные сосуды встречены на целом ряде памятников Волжской Болгарии. В середине XX вв. именковская культура еще не была выделена, поэтому исследовательница, как и А.П. Смирнов (Смирнов А.П., 1962. С. 167, 168), указывали параллели этой посуде в материалах волынцевской культуры, которая, как отмечалось выше, весьма близка к именковской и эволюционировала из нее. Аналогии криушской полуземлянке Н.В. Тухтина находила в домостроении роменской культуры, выросшей из волынцевской. Она полагала, что поселение было основано переселенцами, вовлеченными в миграционный поток болгарских племен, который шел из Приазовья на среднюю Волгу. Теперь же нет смысла обращаться к отдаленным параллелям – подобные подквадратные и прямоугольные полуземлянки доминировали на поселениях именковской культуры. Открытые на Криушском и на многих других селениях болгарской культуры зерновые ямы колоколовидной формы также следует рассматривать как наследие именковской культуры. На селище близ с. Криуши обнаружены обгорелые зерна пшеницы, ржи, ячменя и полбы; среди остеологических материалов основная доля принадлежит костям коровы и свиньи. Это явно поселение местного оседлого населения, культура которого продолжала традиции именковцев. Датировано оно Н.В. Тухтиной в целом IX–XI вв.

Потомкам именковского населения принадлежат и некоторые другие прямоугольные жилища-полуземлянки болгарских поселений. Такова полуземлянка, раскопанная на поселение в уроч.

Ага-Базар, датируемом XI–XII вв. (Смирнов К.А., 1960. С. 155–158).

В своей основной массе болгарская керамика была привнесена со стороны. Болгары знали уже гончарный круг, а среди племен именьковской культуры бытовала исключительно лепная посуда. Болгарская керамика более многообразна, качественнее в технологическом отношении, богато орнаментирована. Исходные формы кувшинов, корчаг, кувшинообразных и стаканообразных сосудов, как и элементы орнаментации, находятся в салтово-маяцкой культуре. В именьковской культуре доминировали горшковидные сосуды.

На основе анализа керамики домонгольского периода из ряда селищ и городищ Волжской Болгарии Т.А. Хлебникова в 1960-х годах утверждала, что “формы горшков с цилиндрическим горлом, с горлом в виде раструба наружу так же, как высокие пропорции тулова горшков в изучаемых комплексах, восходят к формам горшков местного населения (Хлебникова, 1962. С. 139). Местное, именьковское происхождение, по мнению Т.А. Хлебниковой, имели и болгарские крышки. “Биконическая и цилиндрическая формы пряслиц, характерные для болгар изучаемого периода, также издавна бытовали у носителей культуры типа Именьковского городища” (Хлебникова, 1962. С. 141). Более того, устанавливается, что лепная посуда в целом, которая в домонгольский период играла большую роль в сельских местностях Волжской Болгарии, продолжала “традиции керамического производства племен, обитавших в Среднем Поволжье к моменту появления здесь болгар. Это явствует из изучения ее фактуры, форм и приемов орнаментации” (Хлебникова, 1962. С. 142).

В этой связи весьма дискуссионными представляются наблюдения Т.А. Хлебниковой, приведенные через два десятилетия в монографии, посвященной керамике Волжской Болгарии (Хлебникова, 1984). теперь связь болгарских горшкообразных сосудов с более или менее высоким цилиндрическим горлом с именьковской керамикой почему-то отрицается. Выделяется лишь группа керамики с примесью шамота в тесте, которой возможно проявляются традиции керамического производства именьковского населения.

Думается, что по этому вопросу необходимо провести дополнительные специальные изыскания. Сейчас же нельзя не отметить, что выделенная Т.А. Хлебниковой II этнокультурная группа болгарской керамики по многим показателям сопоставима с именьковской глиняной посудой. Так, горшки, изображенные на рис. 120 под номерами 1–6, по своим формам и шамотной примеси подобны характерным именьковским сосудам. На названном выше Криушском селище посуда этой группы составляет до 40% керамического материала (по подсчетам И.А. Талицкой), а на Мало-

Пальцинском поселении – около половины собранной при раскопках. Некоторая архаичность керамики последнего памятника позволила Г.А. Федорову-Давыдову датировать его VIII–X вв. (Федоров-Давыдов, 1962. С. 76–78), и таким образом, хронологически поселение вплотную соприкасается с классическими именьковскими древностями. Впрочем, эта дата оспаривается Т.А. Хлебниковой. Глиняная посуда II этнокультурной группы встречается на множестве болгарских земледельческих поселений, расположенных на Волге и на ее малых левобережных притоках, и почти полностью отсутствует в городах и могильниках с доминирующими тюркскими захоронениями (в Болгарах, Биляре, Суваре и Танкеевском некрополе ей принадлежит не более 0.01% керамического материала). Встречается эта керамика уже в самых ранних памятниках болгарской культуры (в Кайбельском могильнике в погребениях IX в.) и бытует в основном до XI в. включительно. В памятниках XII – начала XIII в. ее фрагменты крайне редки. Если действительно керамика II этнокультурной группы была оставлена потомками именьковского населения, то можно полагать, что к началу XII в. они окончательно влились в болгарский этнос.

Таким образом, изложенное позволяет утверждать, что в этногенезе волжских болгар участвовало довольно многочисленное местное земледельческое население, представленное именьковской культурой, т.е. славяне. Последние, очевидно, и придали болгарской культуре земледельческий облик с самого начала ее развития. Это население импульсировало постепенную смену кочевого образа жизни пришлых болгар на оседлый, участвовало в становлении городской жизни.

Проживание славянского населения в Волжской Болгарии в X в. документировано письменными источниками. Ибн Фадлан, посетивший это раннегосударственное образование в 922 г. в составе посольства багдадского халифа, называет среди его многоплеменного населения болгар, эскель, сиван, баранджар и сакалиба. Примечательно, что основным среди них были не болгары, а сакалиба – Волжская Болгария именуется страной “Сакалиба”, а ее верховный правитель Алмуш, происходящий из племени болгар, – царем “сакалиба” (Ковалевский, 1965. С. 121–148; Новосельцев, 1965. С. 359–408). Ал-Бируни (начало XI в.) именовал Волгу “Нахр ас-Сакалиба”, т.е. “Славянской рекой”. Это, как и рассмотренные выше археологические материалы, дают все основания утверждать, что в первой половине X в. в Волжской Болгарии основным и, вероятно, довольно многочисленным был народ “сакалиба”.

Восточные историки и географы раннего средневековья этим этнонимом (ас-сакалиба) называли славян. Арабы познакомились со славянами в

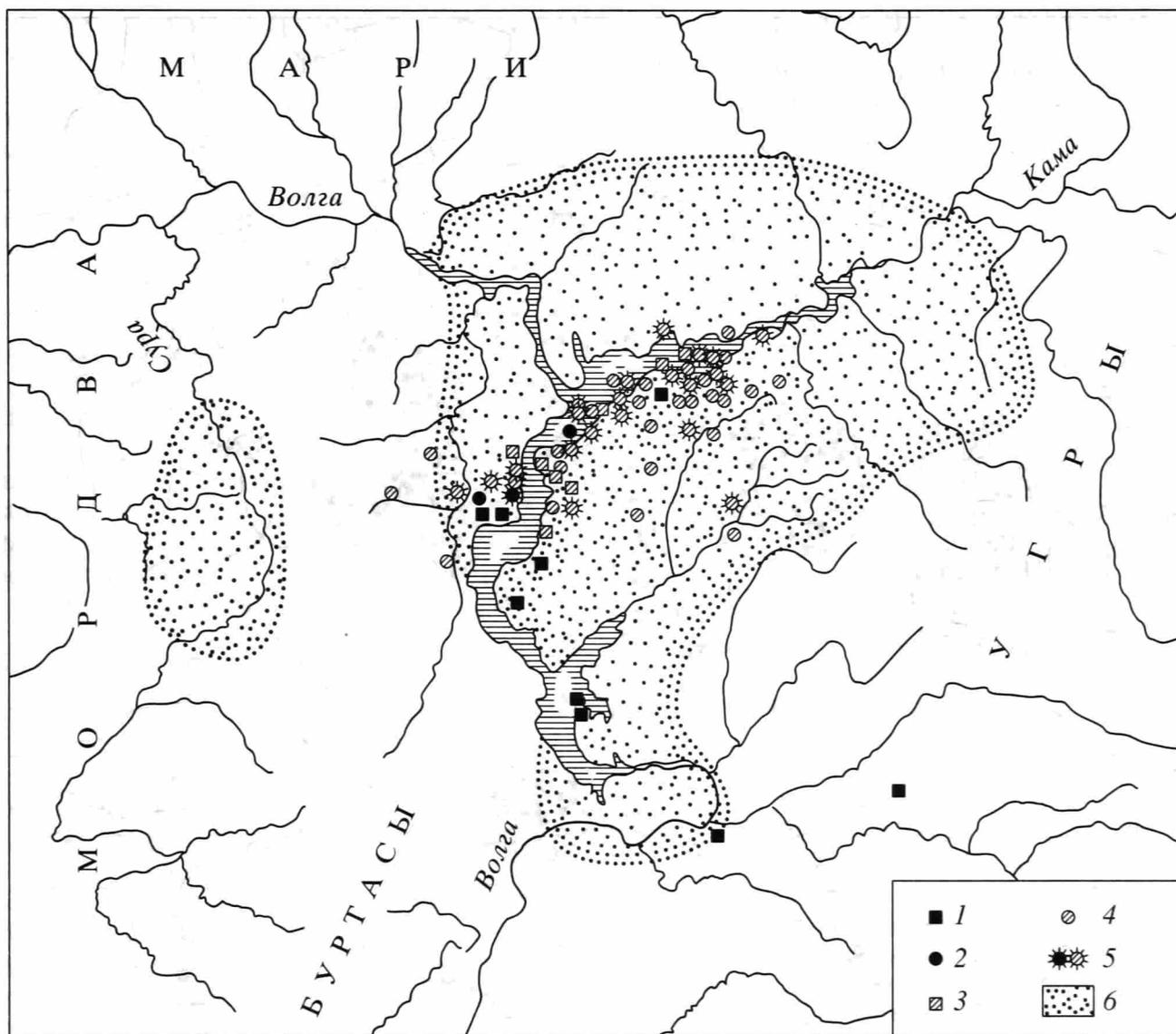

Рис. 1. Первые этапы расселения болгарских племен в Среднем Поволжье. 1 – болгарские могильники, основанные во второй половине VIII – начале IX в.; 2 – синхронные им поселения; 3 – болгарские могильники, основанные во второй половине IX – начале X в.; 4 – синхронные им поселения; 5 – болгарские поселения, имеющие напластования именьковской культуры; 6 – ареалы именьковской культуры.

VII в., когда в 635, 636 гг. они были расселены в малоазийских провинциях Византии. Тогда же в арабской литературе появился термин ас-сакалиба, который восходит к греческому названию славян. Позднее, в VIII–X вв., в Халифате было много славян-невольников. Известно, что славяне у фатимидских халифов общались друг с другом на родном языке, в Багдаде и других городах евнухи-славяне были переводчиками купцов-русов, изъяснявшихся, очевидно, на славянском языке. Какая-то часть славян в Халифате была обращена в ислам; славяне участвовали в мусульманских еретических движениях; есть известия о том, что славяне были в ближайших окружениях халифов, в источниках зафиксированы случаи жестокости в отношении славян-невольников со стороны халифов и эмиров. Ибн Фадлан был хорошо знаком с ситуацией в Халифате и невозможно представить, чтобы в своем описании путешествия на Волгу он назвал славянами какой-то иной этнос.

Правда, в научной литературе встречается и иное толкование этнонима ас-сакалиба. Поскольку, как считалось до сих пор, на средней Волге славяне никогда не жили, предполагается, что ас-сакалиба Ибн-Фадлана – северные народы вообще, общее название различных этносов, в том числе тюркских и финно-угорских племен.

Археологи Татарстана, исследующие древности Волжской Болгарии, присоединились к этому мнению, рассматривая ас-сакалиба Ибн Фадлана как общее название болгар, сувар, берсулы, эсегел, баранджар, т.е. тюркских и отчасти угорских племен. При этом каких-либо конкретных данных в пользу этого утверждения не приводится (Халиков, 1978. С. 58, 59; 1989. С. 82, 83; Хузин, 1997. С. 45).

Между тем специальный анализ значения термина ас-сакалиба восточных авторов VII–XI вв. показывает, что это – этнические славяне (Lewicki, 1956. С. 86). Смешение славян с тюрками или

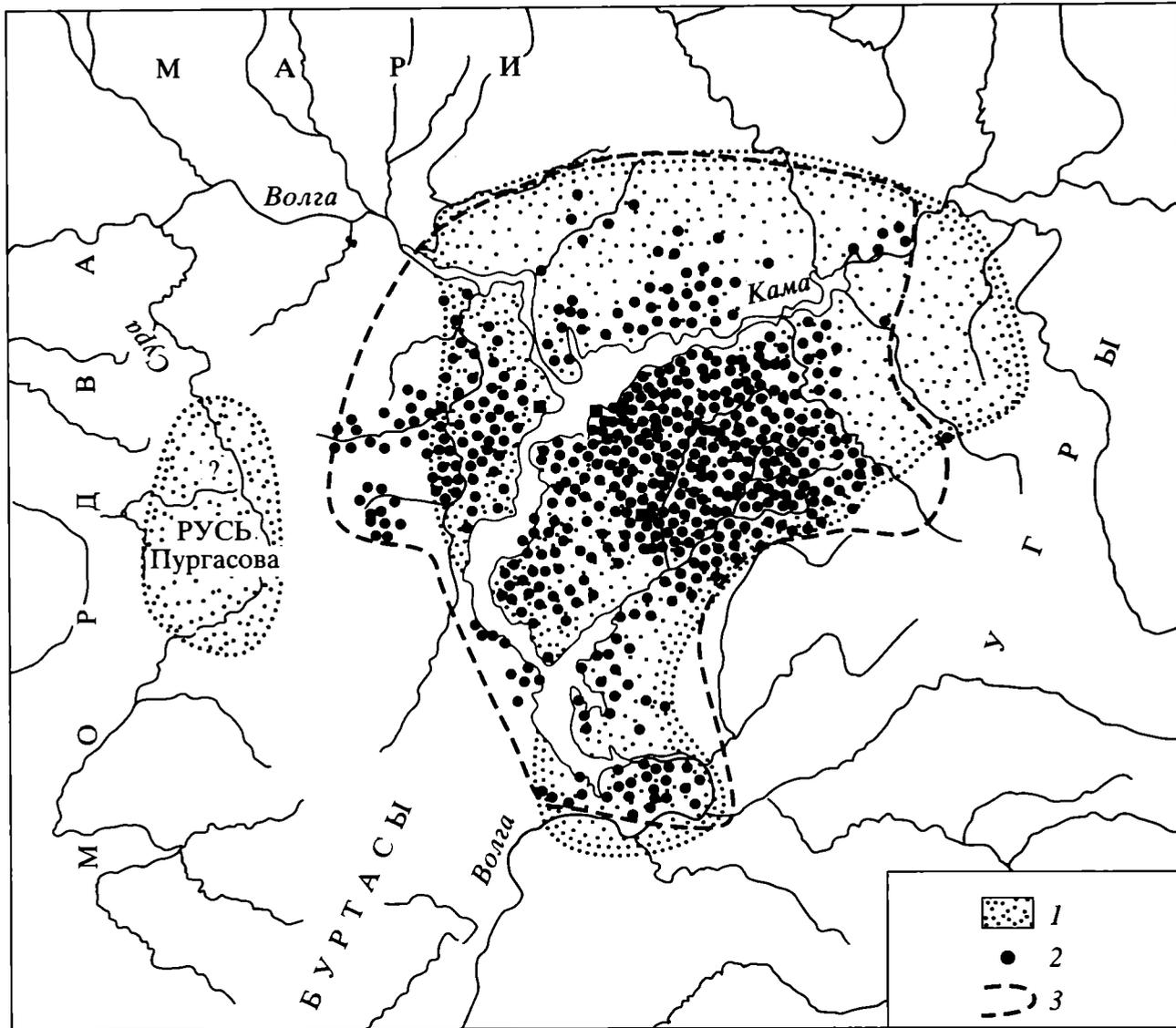

Рис. 2. Волжская Болгария в домонгольский период. 1 – ареалы именьковской культуры; 2 – памятники волжских болгар; 3 – граница Волжскоболгарского государства.

иными этносами, подчеркивал А.П. Новосельцев, наблюдается только у поздних компиляторов XII–XVII вв. В исторических трудах более раннего времени ас-сакалиба – славяне или в крайнем случае массив, в котором доминировал славянский этнос (Новосельцев, 1965. С. 368–371; 1990).

Проживание славянского этноса в Среднем Поволжье с IV в. н.э. вплоть до конца I тыс., устанавливаемое по данным археологии, снимает все сомнения в достоверности сведений Ибн Фадлана. Во время его пребывания на средней Волге славяне действительно составляли массив земледельческого населения, поэтому наименование этого края “страной славян”, а хана Волжской Болгарии “царем славян” представляется вполне оправданным.

Сосуществование на средней Волге кочевого и земледельческого населения засвидетельствовано и историческими документами. Кочевой образ быта болгарских племен достаточно подробно описан Ибн Фадланом, который сам наблюдал жизнь болгар в юртах. Это подтверждают и дан-

ные археологии – болгары до второй четверти X в. вели в основном кочевой образ жизни, подчеркивает Е.П. Казаков (1992. С. 15). Вместе с тем, арабский географ Ибн Русте в труде, написанном в начале X в., но восходящем, как считают исследователи, в середине IX в. (к Ибн Хордадбеку и ал-Джайхани), сообщает, что “болгаре народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб” (Хвольсон, 1869. С. 23). Отсюда следует, что в землях кочевания болгар проживало многочисленное земледельческое население.

В X в. памятники пришлых болгар концентрируются преимущественно в поречье Волги и нижней Каме, занимая сравнительно небольшую часть Волжской Болгарии (рис. 1). Многие находки раннеболгарской культуры сделаны на поселениях именьковской культуры, что нельзя считать случайным. Очевидно, это результаты контактов кочевого населения с оседлым, земледельческим. Более значительные области Волжской Болгарии в это время, нужно полагать, оставались заселен-

ными земледельческим населением – носителями именьковской культуры или их потомками. Дальнейшее распространение болгарской культуры было обусловлено, нужно полагать, не быстрым расселением пришлых болгар, а восприятием их культуры местным населением и переходом под его воздействием кочевников к оседлой жизни. Только в таком случае объяснимо почти полное соответствие территории Волжской Болгарии домонгольского времени ареалу именьковской культуры (рис. 2).

В описании Волжской Болгарии Ибн Фадлан характеризует еще русов. В X в. этим этнонимом, как следует из сочинения Константина Багрянородного “Об управлении империей”, назывались и жители Древней Руси в целом, и варяги-скандинавы. Многие исследователи рассматривают русов Ибн Фадлана норманнами. С ними обычно связывается небольшой курганный могильник у с. Балымеры, раскапываемый в 70–90-х годах XIX в. и датируемый по мечу типа “Е” X столетием (Измайлов, 1999. С. 94–100; 2000. С. 70–86).

Вместе с тем, в южных землях Восточной Европы этноним русы/росы был известен в более раннее время, задолго до появления скандинавов. На Арабском Востоке купцы-русы первоначально воспринимались как часть славянского мира (Коновалова, 1998. С. 52–57). Выше говорилось о возможности бытования этого этнонима в именьковском ареале, откуда он проник к прапермским племенам. В этой связи находит объяснение существование где-то в Мордовском крае Руси Пургасовой, упоминаемой в летописях в первой трети XIII в.

Согласно летописной информации, в 1228 г. великим князем Юрием Всеволодовичем был предпринят военный поход на мордовские земли, во время которого муромский князь Юрий Давыдович пограбил и пожег Пургасову волость. Узнав об этом, болгарский князь направил в этот район свою дружину и владимирское войско вынуждено было возвратиться ни с чем. В начале следующего года Пургас с мордвой осадил Нижний Новгород. В ответ владимирское войско совместно с половцами разгромило “...Мордву всю и Русь Пургасову” (ПСРЛ, 1962. С. 451). На основе исторических данных ответить на вопросы, что представляла собой эта Русь, каким образом она оказалась в мордовских краях, почему за нее заступилась Волжская Болгария, не представляется возможным.

В этой связи нельзя не обратить внимание на наличие крупного островка памятников именьковской культуры в мордовских землях в бассейне Суры. Они слабо изучены и судьба этой группы именьковского населения остается неясной. Не были ли жители Руси Пургасовой начала XIII в. потомками этого населения? При таком допущении находятся ответы на поставленные выше вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П.* Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
- Асылгараева Г.Ш.* О предварительных результатах исследований остеологического материала с раскопок 1998 г. Болгарского городища // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. К 100-летию А.П. Смирнова. Тез. науч. конф. Болгар, 1999.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.
- Белавин А.М.* Об этнической принадлежности так называемых “булгарских эсегел” // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
- Богачев А.В.* Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье, Самара, 1991.
- Богачев А.В.* О верхней хронологической границе именьковской культуры // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Ефимова А.М.* Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // МИА. 1960. № 80.
- Ефимова А.М.* Городецкое селище и болгарское городище у с. Белымеры Татарской АССР // МИА. 1962. № 111.
- Измайлов И.Л.* “Русы” в Среднем Поволжье (этапы булгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Матер. Международ. симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. Казань, 1999.
- Измайлов И.Л.* Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Докл. Международ. симпозиума по вопросам археологии и истории. Пушкинские Горы, 11–14 мая 1999 г. СПб., 2000.
- Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). М., 1992.
- Казаков Е.П.* К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1954.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Именьковское городище // МИА. 1960. № 80.
- Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1965.
- Коновалова И.Г.* К вопросу о датировке сообщения Ибн Хордадбега о путях купцов-русов // Восточная Европа в древности и средневековье. X чтения к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 1998.
- Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987а.

- Краснов Ю.А.* Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987б.
- Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
- Матвеева Г.И.* Работы на городище Лбище // АО–1982. 1984.
- Матвеева Г.И.* Работы на городище Лбище // АО–1983. 1985.
- Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Матвеева Г.И.* К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (Сборник тезисов). М., 1988.
- Матвеева Г.И.* Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
- Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Матвеева Г.И.* К вопросу о хронологии и периодизации именьковской культуры // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1984.
- Петренко А.Г.* Osteологические остатки животных из Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Петренко А.Г.* К истории исследования проблем хозяйственной деятельности населения средневековых городов Среднего Поволжья (по данным археологических материалов) // Татарская археология. 1999. № 1–2 (4–5).
- Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.
- ПСРЛ: Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1962.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994а.
- Седов В.В.* Очерки по археологии славян. М., 1994б.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В.В.* Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999а.
- Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. М., 1999б.
- Семькин Ю.А.* Технологическая характеристика кузнечного инвентаря Тураевского могильника // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
- Семькин Ю.А.* К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
- Смирнов А.П.* Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар // КСИИМК. 1951. Вып. XL.
- Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной, педагогической и общественной деятельности. М., 1962.
- Смирнов К.А.* Раннеболгарская землянка в урочище Ага-Базар // МИА. 1960. № 80.
- Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып. Д1–32.
- Старостин П.Н.* Предболгарские памятники на территории Болгарского городища // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Старостин П.Н., Хомутова Л.С.* Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. № 3.
- Сташеников Д.А.* Самарское Пограничье (к проблеме взаимодействия кочевого и оседлого миров в эпоху средневековья) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Трубачев О.Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.
- Туганаев В.В.* Состав и характеристика культурных и сорных растений билярских полей // Исследования Великого города. М., 1976.
- Тухтина Н.В.* Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // МИА. 1960. № 80.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище // МИА. 1962. № 111.
- Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
- Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
- Халиков А.Х., Габяшев Р.С., Казаков Е.П. и др.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Аду-Али Ахмеда бен Омара Ибн-Дафта. СПб., 1869.
- Хлебникова Т.А.* Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. 1962. № 111.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.
- Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Хузин Ф.Ш.* Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII века). Казань, 1997.
- Яжджевский К.* О значении возделывания ржи в культурах раннего железного века в бассейнах Одры и Вислы // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. T. 1. Wrocław; Kraków, 1956.
- Napolskich V.V.* Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des I Jahrtausend unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1996. Bd. 18/19.

On The Ethnogenesis of the Volga Bulgars

V. V. Sedov

Summary

In the late 4th – early 5th cc. Imen'kovo culture characterized by developed agriculture was formed on the Middle Volga. Extensive mass of population had left the settled territory between the Dnieper and Dnestr, affected by the Huns' invasion, and moved to the Volga. Here it gave the origin for Imen'kovo culture. Judging from the archaeological, historical, and linguistic data the population in question represented the Slavs. When warlike Bulghar tribes made their attack on the Middle Volga lands at the turn of the 7th and 8th cc., certain part of the Imen'kovo culture bearers migrated to the territory between the Dnieper and Don rivers and constituted there the beginning for Volyntsevo culture. Another significant part of Imen'kovo population stayed in their native territory. During two or three centuries the settled agricultural tribes on the Middle Volga coexisted with the nomadic ones. In the 10th century agricultural population represented the basis of the Volga Bulgars' state being formed, these tribes were mentioned by Ibn Fadlan (922) as "the land of the Slavs". The culture of Volga Bulgaria in the 10th–12th cc. developed as interrelation of economy and everyday life of settled agricultural peoples and nomadic world; certain features were inherited from Imen'kovo population. In the course of formation of the Volga Bulgarian nation the Slavs adopted the Bulgarian language and became an integral part of this nation.

“ВЕЛИКАЯ СКИФИЯ” КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОСТОЯНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ СКИФОЛОГИИ

© 2001 г. Н. А. Гаврилюк

Институт археологии НАН Украины, Киев

Развитие каждой научной дисциплины сопровождается терминотворчеством – явлением во многих случаях полезным, а подчас неизбежным. Однако участники исследовательского процесса часто не соблюдают меры и выходят за рамки необходимой достаточности, определяемой писаными или неписаными законами. При этом повторяется ситуация Вавилонской башни, сооружение которой прекратилось, как только ее “прорабы” заговорили на разных языках. Количество самостоятельно и независимо порой от здравого смысла введенных “строителями” разнообразных понятий и терминов, частью заимствованных (по нашему мнению, скорее – подслушанных) из сопредельных наук, частью – придуманных, достигает порогового значения. Возникает ситуация семантического кризиса, выход из которого лежит не только в повышении общеобразовательного уровня исследователей, но и в достижении терминологического единства в данной научной дисциплине на базе системы специальных словарей.

Состояние терминологического “фола” становится, к сожалению, привычным для скифологии. Если язык и стиль научных работ Б.Н. Гракова, М.И. Артамонова, А.И. Тереножкина, В.А. Ильинской, Б.А. Шрамко, А.И. Мелюковой, Г.И. Смирновой, Б.Н. Мозолевого и многих других представителей старшего поколения безупречен, то в современных скифоведческих работах легко отыскать множество примеров разнобоя в толковании традиционных и новых терминов; слишком вольного, неточного, непоследовательного или ошибочного их употребления; смешения понятий; с одной стороны – выпренности, с другой – упрощенного подхода к постановке и решению сложных вопросов. В “охоте” за новым термином жертвой может стать сам предмет исследования, а нередкий случай отсутствия новизны в исследовании или его цели камуфлируется языковыми “изысками” и “академичностью”. При этом терминологическая ущербность может служить приемом для прикрытия таких явлений, как тиражирование одних и тех же, чаще всего скромных, результатов¹ под разными

ми заголовками; отсутствие новизны в публикациях, маскируемое под необходимость издания научно-популярных книг. Засорению языка публикаций способствует то обстоятельство, что многие современные издания по экономическим причинам выходят без должной редакторской подготовки.

Естественно, больше всего с терминологическими проблемами приходится встречаться авторам словарей. Опираясь на свой опыт автора-составителя “Словника-довідника з археології” (Словник-довідник..., 1996), участника создания пятиязычного словаря (Rolle et al., 1998), могу заверить, что даже небольшие несовпадения при переходе от языка к языку приводят к существенным смысловым искажениям и даже полным потерям смысла. Например, термин “культура многоваликовой керамики” часть украинских археологов в ходе “борьбы с русизмами” начала переводить на украинский как “культуру багатопружкової кераміки”. “Пружок” в переводе с украинского означает рифление, образующееся от пальцев гончара на поверхности сосуда при работе ножного гончарного круга (Пошивайло, 1993). О каких “пружках” в культурах периода поздней бронзы может идти речь? Как видно, при непрофессиональном переводе термины могут утратить смысл и рискуют возвратиться в исходный язык с иным значением.

На материалах двух-трех публикаций приведем примеры терминологической безответственности, не касаясь их сути, критическое рассмотрение которой требует иных подхода, времени и места.

1. *Неизбежность в использовании иностранных слов, вошедших в современный быт*, наглядно иллюстрирует заголовок тезисов Ю.В. Болтрика “Скифский курган как единый заранее спланированный ансамбль” (Болтрик, 1999. С. 23). Если под ансамблем понимать “гармоническое единство пространственной композиции, включающей здания, инженерные сооружения (мосты, набережные) и зеленые насаждения” (Советский энциклопедический словарь, 1990. С. 59), то немедленно возникает ряд вопросов. Можно ли что-нибудь планировать не *заранее*, а *позднее*? Ведь планом называется *заранее* намеченный порядок действий. Если ансамбль единый, то хотелось бы получить хотя бы намеки о существовании его антонима, т.е. не единого ансамбля. Всякий ли

¹ Конечно, я не имею в виду результаты полевых исследований. К первичному материалу, особенно если он правильно описан, всегда должно быть особо почтительное отношение, и его ценность со временем только увеличивается.

скифский курган представляет собой “ансамбль”? В какой мере впускные скифские погребения подтверждают “единство ансамбля” скифского кургана? Как быть со склепами и курганами, являющимися разновременными комплексами?

Чтобы продемонстрировать действенность работы над терминологией, предложим вариант заголовок доклада Ю.В. Болтрика, которым снимается ряд вопросов: “Об одновременности сооружения комплекса курган скифской знати”. В таком варианте заголовок характеризует тему исследования как будничную, не отличающуюся ни новизной, ни актуальностью в скифологии. К тезисам остается еще много вопросов терминологического характера. Что значит “базовые памятники Европейской Скифии” (Болтрик, 1999. С. 23)? В терминсистеме скифологии то понятие еще не определено, а с тем, что предлагает Ю.В. Болтрик (“курганы скифской элиты”), согласиться нельзя, поскольку для реконструкции скифской истории не менее важны и поселения, и погребения рядовых скифов, включая памятники VII–V вв. до н.э. и т.д. В выражениях “одноактный² курган-ансамбль”, “синхронные входы” (Болтрик, 1999. С. 2) Ю.В. Болтриком демонстрируется единство пространства-времени подобно присловью “копать от забора до обеда”. Хронологическая близость (Болтрик, 1999. С. 24) вовсе не обязательно доминирует над хронологической удаленностью.

Годом ранее общественность узнала, что появление дружинных могильников в северной подзоне лесостепи (Посулье, север Киевщины) на рубеже VII–VI вв. до н.э. связано, вероятно, “...с оживлением северной трансевропейской магистрали в период нестабильной обстановки в степи. Решающую роль, возможно, играла потребность в железе, производимом в курском Посеймье” (Бессонова, 1998. С. 58). Оказывается, в раннем железном веке существовала “магистраль” (по словарю – “широкая и прямая дорога”), которая проходила через север Киевщины, т.е. через заболоченные и изрезанные небольшими реками территории. Не удивительно, что маркерами такой “магистрали”, по С.С. Бессоновой, стали могильники. Действительно, сооружение такой дороги, если бы оно имело место, стоило бы жизни многим ее творцам, даже виртуальным.

От тезисов Е.Е. Фиалко, исходя из их названия “Знаковость вещи в погребальной практике” (Фиалко, 1999. С. 138–140), нужно было ожидать хотя бы минимального опыта семиотического анализа вещей из погребений скифов. Но, как говорится, не случилось. Начав тезисы с совершенно загадочного по “внешним признакам и внутреннему содержанию” предложения: “Курганы как объекты, сочетающие внешние признаки и внутреннее содер-

жание... , нередко рассматривались всего лишь как признак по отношению к погребенным в них представителям скифского общества” (Фиалко, 1999. С. 138), в дальнейшей Е.Е. Фиалко ведет речь всего лишь о более чем скромном и не бесспорном списке “вещей-индикаторов, указывающих на социальную значимость погребенного” (Фиалко, 1999. С. 138). От себя замечу, что круг вещей, охваченный Е.Е. Фиалко, датируется узким временным интервалом и касается погребений отдельных представителей скифского общества, что находится в явном противоречии с декларированным Е.Е. Фиалко широким и глубоким замыслом. Что такое “символ-знак” (Фиалко, 1999. С. 139), чем он отличается от “символа” и “знака”? И как вообще понять “символ-знак”? Если с точки зрения литературоведения, то символ – это “предметный или словесный знак, условно выражающий сущность какого-либо явления” (Словарь литературоведческих терминов, 1974. С. 348). Если с точки зрения семиотики в психотерапии, то контаминация “знак-символ” и вовсе недопустима – “многозначность, неисчерпаемость символа противопоставляется *знаку*, точному и конечному” (Калина, 1997. С. 258). Е.Е. Фиалко, открывая новое направление изучения курганов “как объектов, сочетающих внешние признаки и внутреннее содержание” и публикуя в открытой печати результаты его исследования, не должна создавать “ловушек для обыденного сознания”.

2. *Небрежность в использовании терминов и понятий из других наук.* Сначала о прирастании богатства скифоведческого лексикона географическими понятиями. Недавно в киевской школе скифологов появился термин “Украинская лесостепь”. Так, в журнале “Археологія”, в 1999 г. в разделе “Дискусии” напечатана статья С.С. Бессоновой “Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація”. Ясно, что природная зона не всегда совпадает с административными границами. Опять же не приходится сомневаться, что в скифское время лесостепь не была украинской. Если же речь идет об этнологическом понятии, то политики национального толка будут С.С. Бессоновой очень благодарный, поскольку она включает в понятие “Укрлесостепь” и Среднее Подонье – еще чуть-чуть и речь пойдет про восстановление границ Украины по этническим признакам скифского времени. Термин “историко-географическая ситуация” в данном случае также неуместен. В географии “ситуация – место, расположение, местонахождение города, страны и пр. относительно их окружения или место или расположение предметов к их окружению или друг к другу” (Словарь общегеографических терминов, 1976. С. 245). С другой стороны, вынеся в заголовок статьи слова “историко-географическая”, автор должен был бы заняться исследованием физической, экономической или политичес-

² Акт, если не документ и не законченная часть драматического произведения, то поступок, действие.

кой географии (Советский энциклопедический словарь, 1990. С. 516) “Укрлесостепи” или изучением “влияния географических условий на исторические события” (Словарь..., 1975. С. 392). Ни того, ни другого сделано не было. Географический подход к истории в настоящее время считается если не устаревшим совершенно, то крайне ограниченным и давно почти исчерпавшим себя. Он заменяется по меньшей мере страноведческим, а по возможности – палеоэкологическим исследованием, более полно и комплексно описывающим особенности взаимодействия общества и природы. Все же польза от рассмотренной попытки “историко-географического” исследования “Укрлесостепи” есть. Эта статья означает, что у моих ближайших коллег, наконец, обозначился интерес к палеоэкономическому и палеоэкологическому аспектам истории Скифии.

Займствование терминов и понятий из других наук неизбежно сопровождает прогресс науки в целом и исторических наук в частности. И если к понятийно-терминологическому аппарату социологии, философии, этнографии и других наук об обществе историки привыкли, так сказать, “с детства”, то использование экологических и экономических понятий, отличающихся от привычных среднему по возрасту звену историков парадигм политэкономии социализма, часто принимается “в штыки”³. Незнание и неточное понимание, в ряде случаев нежелание пользоваться словарями при использовании заимствованного термина вызывает ошибки, порой курьезные. Кратко остановимся на терминах, которые, по сугубо личному мнению некоторых исследователей, отражают экономические реалии скифского времени.

С.С. Бессонова и С.А. Скорый сообщают, что из “домашних промыслов главнейшим было керамическое производство” (Бессонова, Скорый, 1999. С. 19). Хотя фраза по внешним признакам напоминает ленинскую максиму о кино, но по сути она далека от ленинского определения домашнего производства (Ленин, 1986. С. 280) и уж совсем отличается от принятого в современной науке определения промыслов (Гаврилюк, 1999. С. 277). В экономике термины “производство” и “промыслы”, тем более “домашние”, обозначают понятия разного таксономического уровня. Их смешение в работе, посвященной анализу хозяйственной деятельности общества раннего железного

³ Непонимание киевскими скифологами моей работы “История экономики Степной Скифии” как раз связано со страхом историков перед терминологией им непонятной, хотя каждый вновь вводимый термин мною снабжен определениями. И все же интерес, хотя и запоздавший, к палеоэколого- и палеоэкономической тематике пробудился и, надо полагать, не без влияния обсуждения моей работы, четырехлетнего пребывания ее рукописи на столах С.С. Бессоновой и других коллег.

века, просто обескураживает. В другой, уже цитированной работе, С.С. Бессонова утверждает, что “курганы скифского типа появляются в узловых пунктах торгово-военных путей, а также связанных с ними стратегически значащих территориях” (Бессонова, 1999. С. 151). Оставив на совести исследователя идентификацию нераскопанных курганов как “курганов скифского типа” и, не найдя в тезаурусе экономики понятия “торгово-военный путь”, все же попытаемся представить, что имела в виду исследовательница. Исходя из логики, торговый путь чаще всего проходит по местностям открытым и удобным для продвижения транспортов с большими партиями товаров. А вот “военные пути”, если таковые имеются, могут проходить по неудобным для продвижения торговых караванов участкам “Укрлесостепи”. Как С.С. Бессоновой удалось сцепить два столь разных понятия? Далее, в экономической науке нет терминов “хозяйственная среда”, “степная периферия”, “регион земледельческой ориентации” (Бессонова, 1999. С. 155). В скотоводстве не существует “перегона как способа содержания скота” – есть кочевой, полукочевой, придомный, стойловый способы содержания скота. Есть перегон как способ пастыбы скота. И уж совсем непонятно, кто такие “подвижные номады” (“рухливі номади” в оригинале) с большим процентом овец в стаде” (Бессонова, 1999. С. 155). Не следует ли ожидать скорого появления статичных номадов?

Если свидетельства попыток “обогащать” археологический язык терминами и из других наук. Из архитектуры, на мой взгляд, неуклюже одолжено понятие “рустифицированная” по отношению к культуре. В.П. Былкова, позаимствовав из нашей ранней работы процедуру сопоставления постскифских поселений на Нижнем Днепре и Ольвии, позволившую в свое время получить новое знание (Гаврилюк, Абикулова, 1992), применила ее к Ольвии, поселениям ее окружи и скифским поселениям IV в. до н.э., материалами которых она, мягко говоря, не владеет. В применении этой процедуры здесь нет особой необходимости, так как с большой долей вероятности ответ предопределен заранее – культура хоры “грубее” культуры полиса (грань между городом и деревней не сумел стереть даже социализм), а культура греческих центров и их хоры отличается от скифской и равно от всех других культур варварского круга. В условиях откровенного отсутствия новизны в работе можно встать на путь ее симуляции путем привлечения нового термина “рустифицированная”.

3. Спорность нового “исторического” термина “Великая Скифия”. Перечень неоправданной, непонятной и неточной терминологии можно продолжить. Но и так уже видно, что в скифологии доминирует спонтанный процесс терминологической имплантации, слабо соответствующий теоретической

археологии. В связи с выходом археологии раннего железного века на рубежи реконструкции экономической, этносоциальной, политической истории Скифии терминологический хаос в скифоведении становится не просто досадным, а недопустимым.

В среде скифологов, в основном киевских, для определения одной из фаз развития скифской культуры приживается новый термин “Великая Скифия” (Давня історія України, 1999. С. 47–197). Отрицательное отношение к этому термину может формироваться уже исходя из того обстоятельства, что, кажется, нет какой-либо исторической реалии, которая бы отвечала притязаниям авторов какой-то ни было “Великой” страны. В самом деле – Великая Румыния, Великая Албания, – вот, пожалуй, и весь список примеров “исторических” аналогов “Великой Скифии”. Потом появятся многочисленные “Великие” Гуннии, Алании, “Великие” тюрские, монгольские и т.п. образования, поток которых ничем не остановить, и как бы не пришлось в ближайшем будущем отбиваться уже от волн пантюркизма, пангерманизма и т.п.

Дефиниции термина “Великая Скифия”, кажется, еще не существует, и надо полагать, этот термин призван отразить какую-то ступень этнополитического и этнокультурного единства племен западной части евразийских степей.

Первородство понятия “Великая Скифия” связано, по-видимому, с именем И.И. Артеменко, использовавшего термин “Большая Скифия” скорее как метафору, чем научный термин, в тексте “От редактора” к книге В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 5). Собственно “Великая Скифия” изобретена позднее⁴. Сторонники “скифского единства”, подобно И.И. Артеменко, также пока не дают определения этого термина, но широко им пользуются. Например, ими⁵ фиксируется время вхождения тех или иных народов в состав этого, по нашему мнению, призрачного объединения.

Покажем, исходя из данных самих пользователей термина “Великая Скифия”, что для него в истории Степной Скифии не находится места.

По В.Ю. Мурзину (1990. С. 78) первый период включает “начало – первую половину VII в. до н.э. – продвижение с востока на территорию степей Северного Кавказа и Северного Причерноморья протоскифских племен”. С.В. Махортых, в отличие от периодизации В.Ю. Мурзина, “кавказскими” считает не 50 лет, а VII–VI вв. до н.э. В экономическом плане скифы находились на стадии кочевания, ха-

рактеризуемой “набегами для получения дани и грабежа” (Махортых, 1991. С. 104). По В.Ю. Мурзину и по С.В. Махортых речь может идти, соответственно, либо о “Великой Протоскифии”, либо об объединении без экономической базы, без которой ни одно общество не только не велико, но и просто нежизнеспособно.

Второй период по В.Ю. Мурзину: “VII–начало VI в. до н.э. – сложение в период походов в Переднюю Азию этносоциальной структуры скифского объединения, основанной на покорении протоскифами киммерийского населения” (Мурзин, 1990. С. 78). То есть “протоскифы”, покорив киммерийцев, не только не были скифами, но даже еще “не определились” с территорией своего расселения. “Великая Скифия” на ранних этапах скифской истории не усматривается.

Третий период по В.Ю. Мурзину: “VI в. до н.э. – образование причерноморской Скифии в пределах Степи и лесостепи под эгидой ираноязычных кочевников, осуществлявших коллективную эксплуатацию земледельцев Лесостепи” (Мурзин, 1990. С. 78). 21 погребение VII–VI вв. до н.э. на 0,24 млн. км² степной зоны и без памятников оседлости; 60 подкурганых раннескифских погребений на Северном Кавказе и Прикубанье; 57 могил с 99 подкурганскими погребениями в лесостепном Правобережье для второй половины VI–V в. до н.э. являются не чем иным, как доказательством отсутствия “Великой Скифии”.

Четвертый период по В.Ю. Мурзину: “конец VI–V в. до н.э. – формирование скифского этноса в результате ускорения объединительных этногенетических процессов внутри кочевой орды” (Мурзин, 1990. С. 78). Как и в предыдущем случае, в 80 погребениях конца VI–V в. до н.э. не приходится видеть доказательства существования “Великой Скифии”. История античных центров Северного Причерноморья, как и тексты Геродота, не дают указаний на существование в степи в конце VI–V в. до н.э. “Великой Скифии”. В V в. до н.э. она все еще пребывает в инкубационном состоянии.

Методом исключения мы приходим к необходимости поиска признаков “Великой Скифии” в последнем периоде скифской истории, т.е. в хорошо изученном IV в. до н.э. Таким образом, “Великое” скифское объединение могло просуществовать максимум одно столетие в пределах в основной степной зоны Северного Причерноморья, окончательно подчинив и коллективно эксплуатируя население “Укрлесостепи”. Правда, доказательство заселенности лесостепной зоны Северного Причерноморья в IV в. степными скифами исчерпывается указанием на 131 могилу с “кочевническими чертами” (Скорый, 1996. С. 35). Хотя в конце V–IV в. до н.э. южные районы Днепровского Правобережья уже вошли в состав “Великой Скифии” (Скорый, 1996. С. 43, 44) и, следовательно, к V в. до н.э., по мнению С.А. Скорого, “Вели-

⁴ Мною это понятие также используется, но не как термин, а как антитеза памятников Скифии Северного Причерноморья IV в. до н.э. и “постскифских” памятников (Гаврилюк, 1996. С. 119, 120).

⁵ Так, С.А. Скорый (1996. С. 43, 44) утверждает, что в конце V–IV в. до н.э. южные районы Днепровского лесостепного Правобережья вошли в состав Великой Скифии.

кая Скифия” уже существовала. Ранее С.А. Скоро́ый утверждал, что в конце VII в. до н.э. номады проникли в лесостепь и скифы (выделено мною. – Н.Г.) заняли “доминирующее положение в регионе, способствовали формированию тут скотоводческо-земледельческого образования, возглавляемого военно-кочевой скифской знатью”. Однако скотоводством и земледелием население лесостепи начало заниматься задолго до прихода каких-либо кочевников (Тереножкин, 1961), а скифов, как этнической общности VII в. до н.э., по данным В.Ю. Мурзина (Мурзин, 1990. С. 78), еще не существовало. Проще говоря, в новых экологических условиях им (кочевникам) надо было либо приступить к занятиям земледелием и придомным скотоводством, либо заняться эксплуатацией (коллективной? – Н.Г.) местного населения. Каких-либо объективных исследований форм эксплуатации местного лесостепного населения пришлой “военно-кочевой скифской знатью” в работах С.А. Скоро́ого не приводится, эта возможность лишь декларируется. Исходя из уровня развития производительных сил общества раннего железного века, я сомневаюсь в том, что земледельческо-скотоводческое хозяйство чуждых скифам лесостепных племен могло быть экономической основой “Великой Скифии”.

Термин “коллективная эксплуатация” также без всяких оснований и определения присутствует в работах некоторых скифологов. Каковы признаки этого вида коллективной деятельности вообще и особенности ее проявления у скифов в частности? Какие доказательства ее существования можно получить из известного археологического материала?

В поисках “Великой Скифии” обратим внимание на соотношение скифских памятников степного и лесостепного регионов. В VII–первой половине VI в. до н.э. погребений с кочевническими скифскими чертами известно 115; второй половиной VI–V в. до н.э. датируется 57 (Скорый, 1996. С. 34). В степи к VII–VI вв. до н.э. относится 20, к концу VI–V в. до н.э. 80, а “за пять лет, прошедших с момента составления указанных выше сводок, открыто не менее 50” (Мурзин, 1990. С. 51). Следовательно, соотношение погребений кочевнического типа в правобережной лесостепи и степи 172 (на 1996 г.) к не менее 150 (на 1990 г.). То есть скифские памятники VII–V вв. до н.э. правобережной лесостепи соотносятся с синхронными погребениями степи как 1:1⁶. Получается, что скифов-кочевников в лесостепи в VII–V вв. до н.э. так же мало, как и в степи. Правда, в лесостепи они подчиняют многочисленное местное население,

живущее в городищах типа Мотронинского, Немировского или Бельского, а степи в демографическом плане остаются практически пустынными.

То есть на фоне почти полного отсутствия в степи автохтонного населения происходит “формирование скифского этноса” в “чистом” виде. Новый этносоциальный организм обладает собственной прочной экономической базой, основанной на кочевом и полукочевом скотоводстве с ядром в Степном Приднепровье (Каменское, Капуловское и Совутинское городища с округами). Погребальные памятники “Великой Скифии” IV в. до н.э. сводятся к 131 скифской могиле в Правобережной Лесостепи (Скорый, 1996. С. 35) и 3337 погребениям в степной зоне. Таким образом, одна из основных идей Б.Н. Гракова о существовании Скифии в пределах степной зоны имеет полное право на существование. То есть Скифия, наконец, сформировалась в степи, но почему она Великая?

Воспользуемся логикой, примененной для атрибуции “Великой Скифии”. На основании того, что скифские памятники обнаружены в трех регионах (Северный Кавказ, Лесостепь и Степь) в равных соотношениях, делается вывод о возникновении Великой Скифии. Следовательно, на основании факта концентрации основной части (≈ 96%) скифских памятников в степной части Северного Причерноморья мы имеем право заключить, что имеет место возникновение вовсе не Великой, а “Малой” Скифии, так как по сравнению с предыдущим периодом Скифия в IV в. до н.э. сократила свою активность на нестепных территориях и уменьшилась в размерах.

Одной из проблем, в свое время получивших различные решения в киевской и московской школах скифологии, было определение границ Скифии. Б.Н. Граков локализовал Скифию в степях Причерноморья. Политическим, административным и экономическим ее центром он считал Каменское городище. А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская размещали ее в степной и лесостепной зонах Причерноморья. При этом ими всегда подчеркивалось, что речь идет о подчинении степными скифами-иранцами местных лесостепных протославянских племен. Указывалось на присутствие скифов в ранний период их истории в Прикубанье и на Северном Кавказе, что подтверждается находками VII–VI вв. до н.э.

Тенденция сближения обеих точек зрения происходит на фоне словотворчества, затрудняющего понимание скифской истории, в частности использования без дефиниции термина “Великая Скифия”. В это понятие на интуитивном уровне вкладываются представления, по-видимому, о самых широких границах Скифии в максимально большом временном интервале и им обозначают политическое объединение разноэтничных племен под эгидой кочевников-

⁶ Соотношение 1:1 числа погребений кочевнического типа в правобережной лесостепи и степи для С.А. Скоро́ого, судя по его реакции на мой доклад на международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова, явилось неожиданностью. По просьбе С.А. Скоро́ого привожу исходные числовые данные из публикаций самого С.А. Скоро́ого и В.Ю. Мурзина, которые лежат в основе определения этого соотношения.

индоиранцев во всем цикле скифской и предскифской археологических культур.

Таким образом, термин “Великая Скифия” есть, даже используется, а соответствующее ему понятие не выявлено. За ним не следует научной традиции, он не имеет ни историографического, ни операционального значения и, следовательно, в подобной понятийно-терминологической инновации нет необходимости.

Ничего не имея против образования новых исторических терминов, хотелось бы призвать авторов, которые их вводят, все же их определять.

ВЫВОДЫ

1. В терминосистеме современной археологии существуют пробелы, на которые необходимо обратить внимание именно сейчас, в момент формирования научной лексики вновь создаваемых национальных научных школ и направлений.

2. Выбор терминологической базы и унифицированных дефиниций, имеющих кроме археологического и исторического еще и этнологическое, экономическое, географическое и другие содержания, необходимо произвести по обобщающим трудам, массиву изданий по археологии и близким к ней наукам.

3. Потребность в продолжении фундаментальных изданий типа терминологических словарей по специальности “археология” типа изданных ранее словарей (Археологический словарь-справочник..., 1991; Колпаков и др., 1990; Археологія..., 1993; Graudonnis, 1994; Словник-довідник..., 1996) налицо, равно как и потребность в изданиях типа ежегодных обзоров, в которых собирались бы сведения о новых понятиях и терминах, дискуссиях об их составе, спектре толкований, языковых традициях и практике употребления. Необходимо помнить, что эта большая работа должна проводиться, во-первых, в условиях заказа (гранта), предполагающего оплату труда привлеченных сотрудников из различных академических учреждений Восточной Европы, где русский язык остается “языком науки”. Во-первых, эти же сотрудники должны взять на себя ответственность по подготовке исходного материала с определениями слов, отслеживанию движения их массива.

4. Возможно, следует вернуться к практике терминологических комиссий различного уровня, задачей которых было бы обеспечение преемственности, накопление словарного корпуса, концентрация международного опыта и использование материалов, которые накапливаются в национальных археологических школах.

5. До тех пор, пока не появится дефиниция “Великой Скифии” (пока что имеется только его “антидефиниция” – см. раздел 3 данной статьи), не завершится обсуждение этой дефиниции и относительно нее не будет достигнут консенсус, следует остерегаться терминологической инвазии “Великая Скифия”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мінск, 1993.
- Археологический словарь-справочник каменных орудий / Отв. ред. Соффер О. М., 1991.
- Бессонова С.С. Дружинные курганы в Украинской лесостепи скифского времени // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб., 1998.
- Бессонова С.С. Український лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. 1999. № 1.
- Бессонова С.С., Скорый С.А. Хозяйственная деятельность обитателей Мотронинского городища // Скифы Северного Причерноморья VII в. до н.э. – IV в. до н.э. М., 1999.
- Болтрик Ю.В. Скифский курган как единый заранее спланированный ансамбль // Скифы Северного Причерноморья VII в. до н.э. – IV в. до н.э. М., 1999.
- Гаврилюк Н.А. Керамика вневстепной группы в погребениях предскифского времени на территории Северного Причерноморья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996.
- Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI–IV вв. до н.э. Киев, 1999.
- Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники нижнего Поднепровья (новые материалы). Киев, 1992.
- Давня історія України. Т. 2. Киев, 1999.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–III вв. до н.э. Киев, 1983.
- Калина Н.Ф. Основы психотерапии. Семиотика в психотерапии. М., 1997.
- Колпаков Е.М., Бочкарев В.С., Васкул И.О. и др. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М., 1990.
- Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1986.
- Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
- Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
- Пошивайло О. Илюстрований словник гончарської термінології Лівобережної України (Гетьманщина). Опішня, 1993.
- Скорый С.А. Кочовики передскіфської та скіфської доби в Дніпровському Правобережному Лісостепу (питання етнокультурної історії). Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ, 1996.
- Словарь литературоведческих терминов / Тимофеев Л.И., Тураев С.В. М., 1974.
- Словарь общегеографических терминов / Отв. ред. Станп Л.Д. Т. 1. М., 1975.
- Словарь общегеографических терминов / Отв. ред. Станп Л.Д. Т. 2. М., 1976.
- Словник-довідник з археології. Киев, 1996.
- Советский энциклопедический словарь. М., 1990.
- Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.

- Фиалко Е.Е. Знаковость вещи в погребальной практике скифов // Скифы Северного Причерноморья VII–IV вв. до н.э. М., 1999.
- Graudonnis J. Arheologijas terminu vardnica. Riga, 1994.*
Rolle R., Tolocko P., Gavriljuk N., Schliep-Andraschko N. Archaologisches Worterbuch. Hamburg, 1998.

“Scythia Magna” as a Terminological Marker in Scythian Studies

N. A. Gavriljuk

Summary

The author considers the present situation in Scythian studies' terminology and evaluates the latter as a crisis. The examples of different interpretation of traditional and new terms, misunderstandings and errors while using foreign words are drawn, as well as unreasonable adoptions of terminology and definitions from other sciences. The history of emergence of the term “Scythia Magna” is analyzed in details. It appeared and exists as an intuitive one. The author demonstrates the dependence of solution of numerous problems of ethnic, political, and economic problems in the Scythian history from accurate definition of this term. Since the archaeology of the Early Iron Age has achieved the level of historical reconstruction, chaos in the Scythian archaeology should be canceled. Facing the problem of unification of scientific language, probably it would be useful to resume the practice of terminological commissions of various levels in charge of continuation, glossary accumulation, concentration of international experience, and application of the material available within national archaeological sciences.

ХАЛЦЕДОНОВЫЕ БУСЫ ЭЛЛИПСОИДНОЙ ФОРМЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ДАТИРОВКА, СОЦИАЛЬНАЯ АТТРИБУЦИЯ

© 2001 г. А. В. Мастыкова

Институт археологии РАН, Москва

В данной работе будут представлены зона распространения, датировка и социальная атрибуция крупных (от 1.5 см длиной и более) округлых бус из халцедона эллипсоидной формы (или, как их еще называют, “бочковидные”), найденных в закрытых комплексах эпохи раннего средневековья. Такие бусы известны в широкой географической зоне – от Восточного Причерноморья до Бургундии на северной периферии постримского средиземноморского мира (рис. 1). К сожалению, практически полное отсутствие работ по средиземноморским бусам начала средневековья, а также широкое распространение безынвентарных погребений в средиземноморском регионе, не позволяют установить насколько халцедоновые бусы были типичны для Средиземноморья.

Как известно, халцедон представляет собой скрытокристаллический кварц микроволокнистого строения. Свое название этот минерал получил от древнегреческого города Халкедон на берегу Босфора, послужившего местом находки или скорее всего местом торговли этими камнями. В зависимости от цвета, структуры и текстуры различается несколько разновидностей халцедона. К разновидностям халцедона относятся сердолик, агат, сардер, кахолонг, оникс, моховик, хризопраз и др. Собственно халцедон имеет цвета от серого до молочно-белого с характерным восковым или матовым блеском (Никитин, 1979. С. 18, 19). В данной работе учтены бусы, изготовленные из собственно бело-серого халцедона и его разновидности – белого агата. Разумеется, ввиду широкого распространения халцедоновых бус большая часть находок учтена только по публикациям. Кстати, именно поэтому исследователи иногда вынуждены объединять бусы из белого камня в одну группу, не уточняя минерал, из которого они изготовлены (см. например: Tempelmann-Maczyńska, 1985. S. 88, 89, 195. Taf. 19, 504).

Халцедоновые бусы эллипсоидной формы, несомненно, возникают еще в античное время. В Северном Причерноморье в Пантикапее эти бусы известны, по-видимому, уже со II в., а может быть, даже с эллинистической эпохи (Алексеева, 1982. С. 12. Табл. 37, 18, 19). Можно также назвать

находку эллинистического времени из сарматского погребения № 6 кургана № 2 в Новокорсунской на Нижней Кубани (I в. н.э.) (Gold..., 1989. № 187. Taf. 39, u). В экспозиции Римско-Германского Центрального музея в Майнце крупные халцедоновые бусы представлены как происходящие с территории западных провинций Римской империи (Галлия, Германия, Дунайский регион) II–V вв. (RGZM, зал № 4, витрина “Северные и западные провинции”, № 19). Наконец, такие бусы довольно многочисленны у сармат в Восточной Венгрии в позднеимперское время. Но по-настоящему модными в Европе крупные халцедоновые бусы эллипсоидной формы становятся, как мы увидим, с конца IV в. и бытуют до конца VI в.

Скорее всего именно Среднее Подунавье является эпицентром распространения изучаемых бус. Находки сарматских комплексов в Восточной Венгрии являются наиболее древними в Центральной и Западной Европе. Крупные халцедоновые бусы эллипсоидной формы здесь известны в позднеимперское время, особенно в IV в. В качестве примера можно назвать ряд находок, опубликованных в сводке А. Вадаи (Vadai, 1989. S. 105). Халцедоновые бусы встречены в богатой могиле Ясберень; в захоронении в регионе Кендереш; они известны в Ёчёд; в погребении 1 некрополя Солнок-Сандасёлёш; в погребении 50 могильника Тёрёксентмиклош-Шурьян, которое содержало, в частности, золотую гривну и длинный меч-спату; бусы из халцедона встречены в погребении 94а этого же некрополя, а также в богатой женской могиле 14 некрополя Хевиздёрк (Vadai, 1989. S. 105. Taf. 18, 7; 43, 4; 81, 6; 93, 7, 8; 140, 8; 145, 1; Dinnyés, 1991. P. 158. Tabla 2, 7; 4, 11, 5). Следует отметить, что речь часто идет о богатых привилегированных могилах, таких, как Ясберень или Тёрёксентмиклош-Шурьян. В более позднее время, в V в., как мы увидим далее, такие бусы тоже характерны для престижного костюма. Отметим, что у других центральноевропейских варваров крупные халцедоновые бусы в римское время очень немногочисленны (см. сводку Tempelmann-Maczyńska, 1985. S. 88, 89. Taf. 19, 504). Скорее всего для Барбарикума речь идет о специфическом элементе сарматской культуры

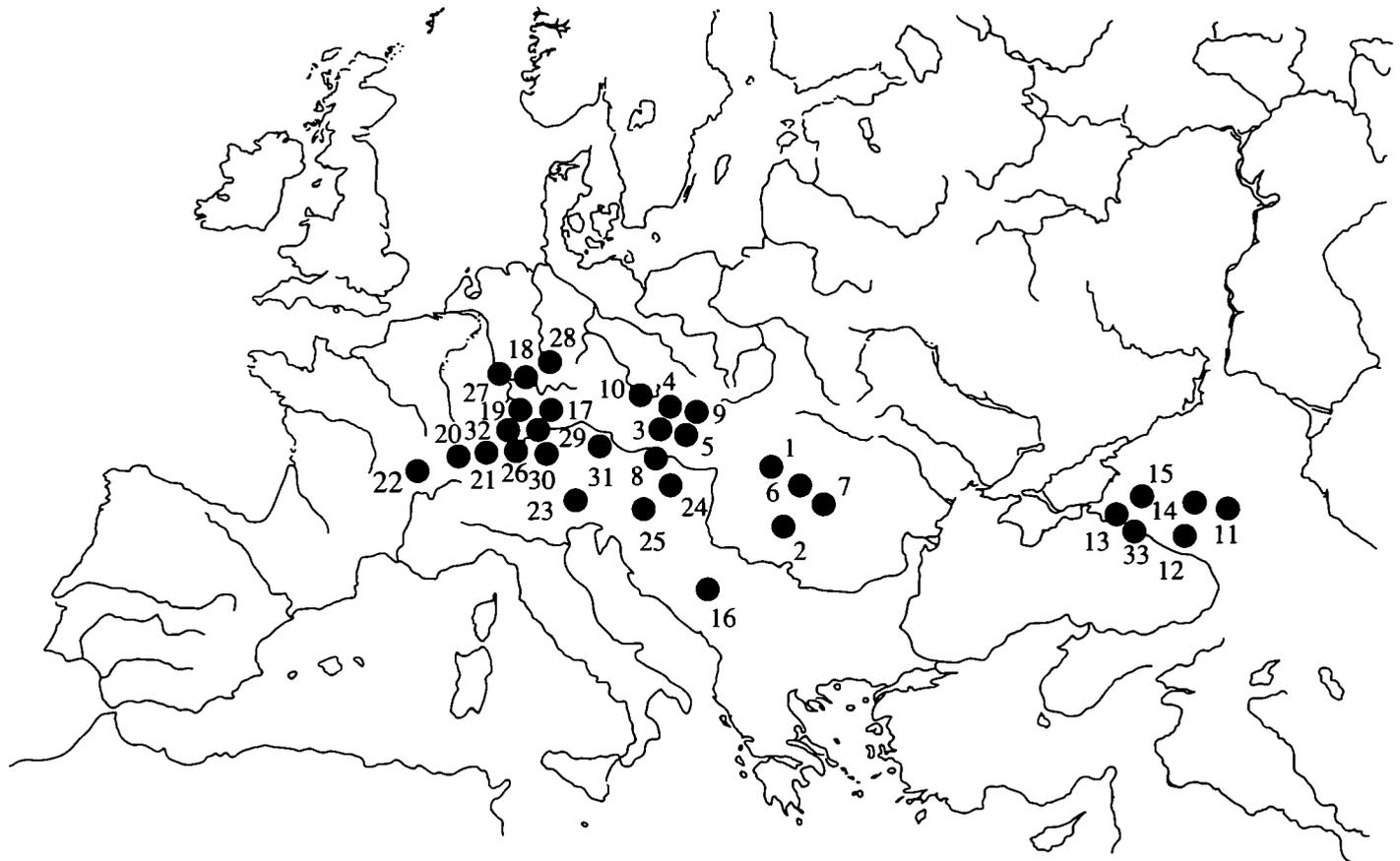

Рис. 1. Карта распространения крупных халцедоновых бус эллипсоидной формы в эпоху раннего средневековья (конец IV – конец VI в.). 1 – Тиссавалк; 2 – Тапе-Малайдок; 3 – Лаа; 4 – Смолин; 5 – Оберлейсберг; 6 – Тиссале; 7 – Дюла; 8 – Вена-И-Сальваторгассе; 9 – Новый Шалдорф; 10 – Мехолупы; 11 – Клин-Яр; 12 – Шапка-Абгыздраху; 13 – Дюрсо; 14 – Байтал-Чапкан; 15 – Пашковский-1; 16 – Горне Печине; 17 – Кохертюрн; 18 – Франкфурт; 19 – Вислох; 20 – Базель-Готтербармвег; 21 – Базель-Кляйнхюнинген; 22 – Сен-Ефрон; 23 – Чивидале; 24 – Фертёсентмиклош; 25 – Крань; 26 – Фридингген; 27 – Мюльхайм-Керлих; 28 – Вейльбах; 29 – Нересхайм; 30 – Алтенердинг; 31 – Страубинг-Баваренштрассе; 32 – Бопфинген; 33 – Мысхако.

Подунавья. По мнению венгерских археологов, такие бусы появляются у сармат Подунавья как результат связей с восточными сарматскими территориями и понтийским регионом (Dinnyés, 1991. P. 186).

В начале эпохи Великого переселения народов крупные халцедоновые бусы эллипсоидной формы появляются и у восточных германцев – соседей дунайских сармат. Так, например, они известны в дунайском регионе из сармато-германских могильников второй половины IV – начала V в. в Восточной Венгрии (конец периода C3 и период D1 по хронологии Я. Тейрала, см.: Tejral, 1988; 1997). В погребении 52 могильника Тапе-Малайдок (Párducz, Korek, 1946/1948. Pl. 60, 1; Germanen..., 1987. S. 144, II, 26 a, b) бусина из агата была встречена вместе с гривной и фибулами с подвязной ножкой периода D1 (360/370–400/410). В погребении 4 могильника Тиссавалк (рис. 2, 16–18) несколько крупных халцедоновых бус были найдены с фибулами и пряжкой, датированные также периодом D1 (Garam, Vaday, 1990. S. 176–182. Abb. 7, 14). Бусы в этой могиле располагались на ногах погребенной, по одной линии поперек голеней скелета (рис. 2, 1). Не исключено, что

они являлись обшивкой края подола одежды погребенной. Данная могила, несомненно, имела привилегированный характер, она содержала, в частности, большую фибулу с подвязной ножкой (рис. 2, 11), типичную для “аристократических” могил V в. (например, ср. Смолин, см. рис. 4, 6), крупную стеклянную шаровидную бусину с мозаичным декором (рис. 2, 9), также характерную для богатых погребений (см. примеры: Mastykova, 1998. P. 140, 141. Fig. 4; Казанский, Мастыкова, 1998. С. 117. Рис. 7, 25). Две халцедоновые бусины известны в могильнике Тисакарад в северо-восточной Венгрии (Lovász, 1994. P. 48). Публикация могильника по комплексам мне неизвестна, по любезному сообщению В. Кульчар, материал этого памятника датируется концом IV – началом V в.

Халцедоновые бусы эллипсоидной формы впервые были определены И. Вернером как типичные для дунайских древностей V в. (Werner, 1962. S. 82). Их роль в качестве социального маркера несомненна. Они появляются в “княжеском” дунайском костюме восточногерманского происхождения второй трети V в. с такими показательными вещами, как крупные двупластинчатые фибулы из серебра (рис. 3, 1, 4; 4, 1, 2), крупные по-

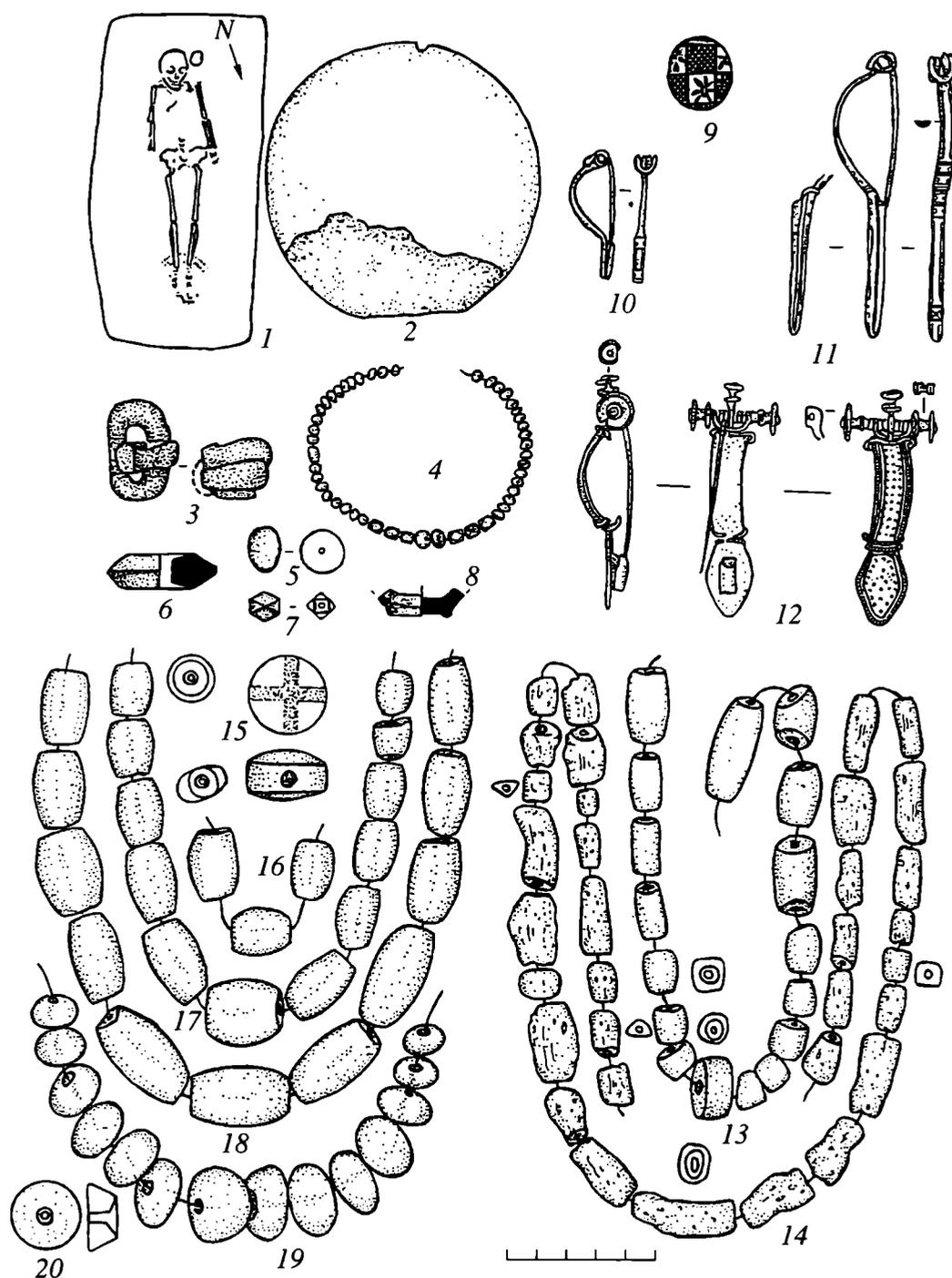

Рис. 2. Тиссавалк, погребение 4 (Garam, Vaday, 1990).

ясные пряжки из серебра, браслеты и серьги из золота (социальные уровни IB и IIА по Ф. Биербрауеру: Vierbrauer, 1989). В таком контексте халцедоновые бусы известны в “княжеских” германских могилах периода D2/D3 (430/440–470/480) в Лаа в Нижней Австрии в могиле 2 (рис. 3, 9, 10), где они составляют целое ожерелье (Tejral, 1973. Abb. 6, 18; 1988. Abb. 31, 3, 5) и в Смолине в Южной Моравии в погребении 32, где одна халцедоновая бусина входила в состав ожерелья (рис. 4, 24) (Tejral, 1973. Abb. 6, 18). Видимо, к тому же времени принадлежит и находка крупной халцедоновой бусины на укрепленном поселении в Оберлейсберг

в Нижней Австрии (любезное сообщение А. Ступнера). Три бусины из халцедона известны в “княжеской” могиле Тиссалека, периода D3 (450–480/490) (Kovrig, 1951. Pl. XLII, 7), где они входят в состав престижного костюма с парой крупных двупластинчатых фибул из серебра, поясной позолоченной пряжкой и парой золотых серег с многогранником, инкрустированным стеклянными вставками (Kovrig, 1951. Pl. XLIII). В этом погребении халцедоновые бусы были найдены у левой ноги погребенной.

Позднее подобные бусы известны, в частности, у гепидов в Восточной Венгрии в погребении

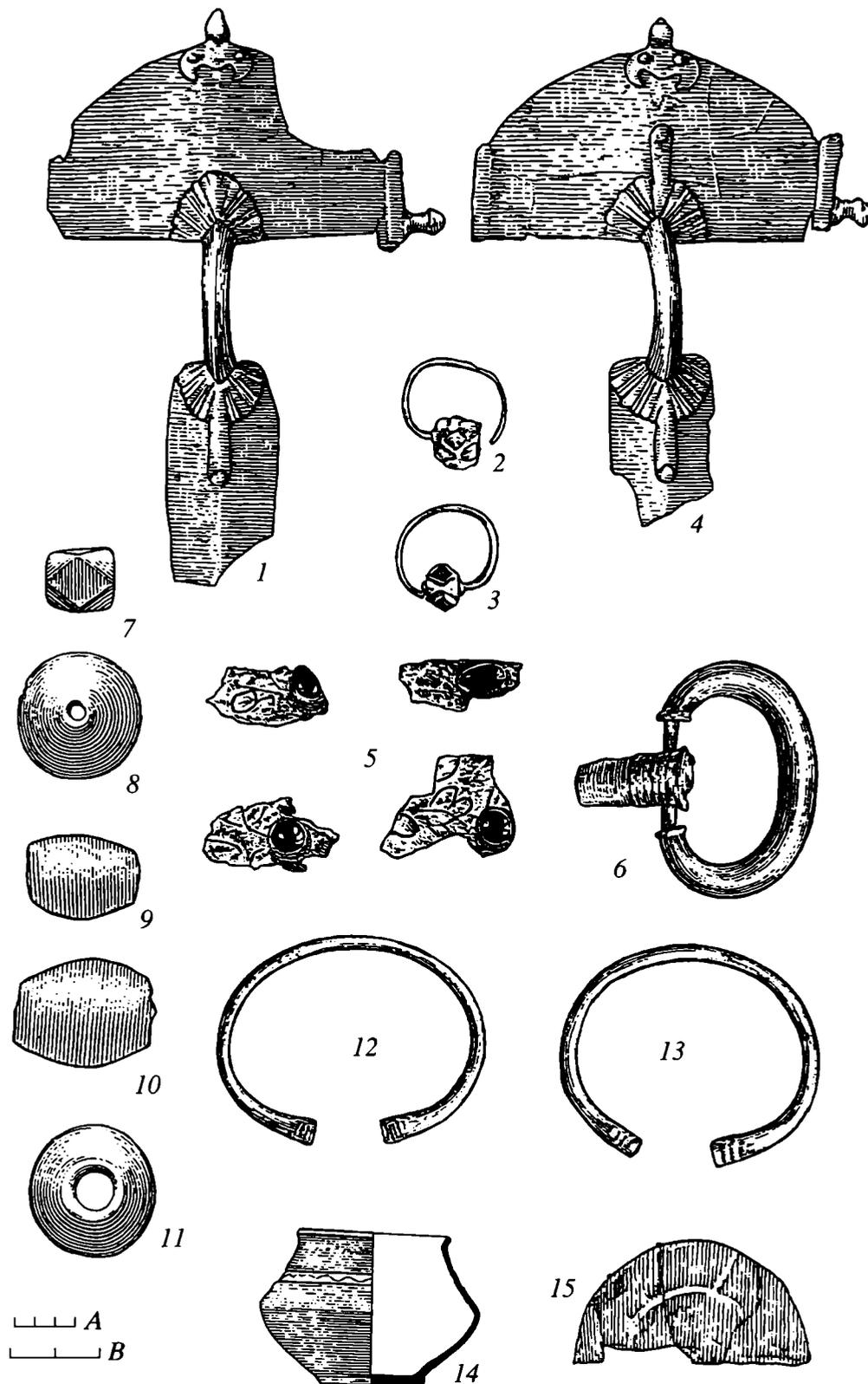

Рис. 3. Лаа, могила 2 (Tejral, 1988). Масштаб: А – 14; В – 1–13, 15.

Дюла, относящемуся к периоду D3/E (470–500/510) (Csallány, 1961. S. 114, 115. Abb. CCV, 4). Две другие находки также принадлежат дунайским германцам второй половины V в. Одна бусина происходит из некрополя Новый Шалдорф в Южной Моравии (Werner, 1962. Taf. 57, 11). К сожалению, контекст закрытых комплексов этого некрополя не восстанавливается, опубликован-

ные вещи датируются периодом от второй трети до конца V в. (Tejral, 1988. S. 286). Вторая бусина из халцедона, найденная в погребении Вена-I-Сальваторгассе, вероятней всего, была использована в качестве подвески на плече (Werner, 1962. Taf. 27, 6; Martin, 1995a. S. 27. Abb. 8) (рис. 5, 23–28, 25). Это погребение содержало две дунайские пальчатые фибулы типа Мистрин конца V в. (рис. 5, 23, 24).

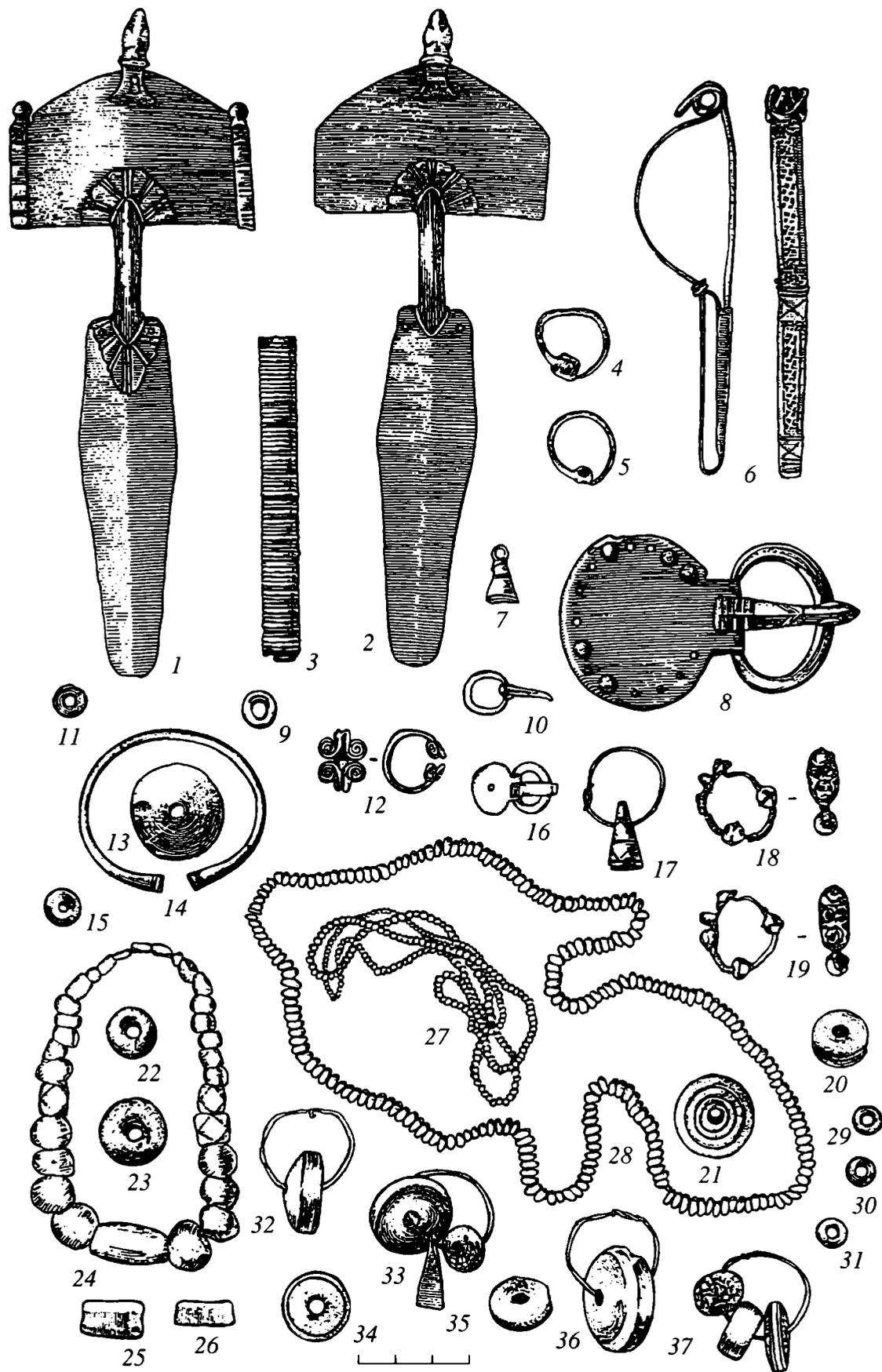

Рис. 4. Смолин, погребение 32 (Tejral, 1973).

По мнению М. Мартина, в этой могиле была захоронена женщина гепидского происхождения (Martin, 1995a. S. 24).

Крупная халцедоновая бусина была найдена в богатой лангобардской женской могиле № 9 не-

крополя Фертёсентмиклош в Венгрии (Томка, 1980. S. 11–16. Abb. 9, 4). Могила, судя по пальчатым фибулам, датируется первой половиной VI в. Бусина находилась между бедренными костями погребенной, т.е. вероятно, служила подвеской к

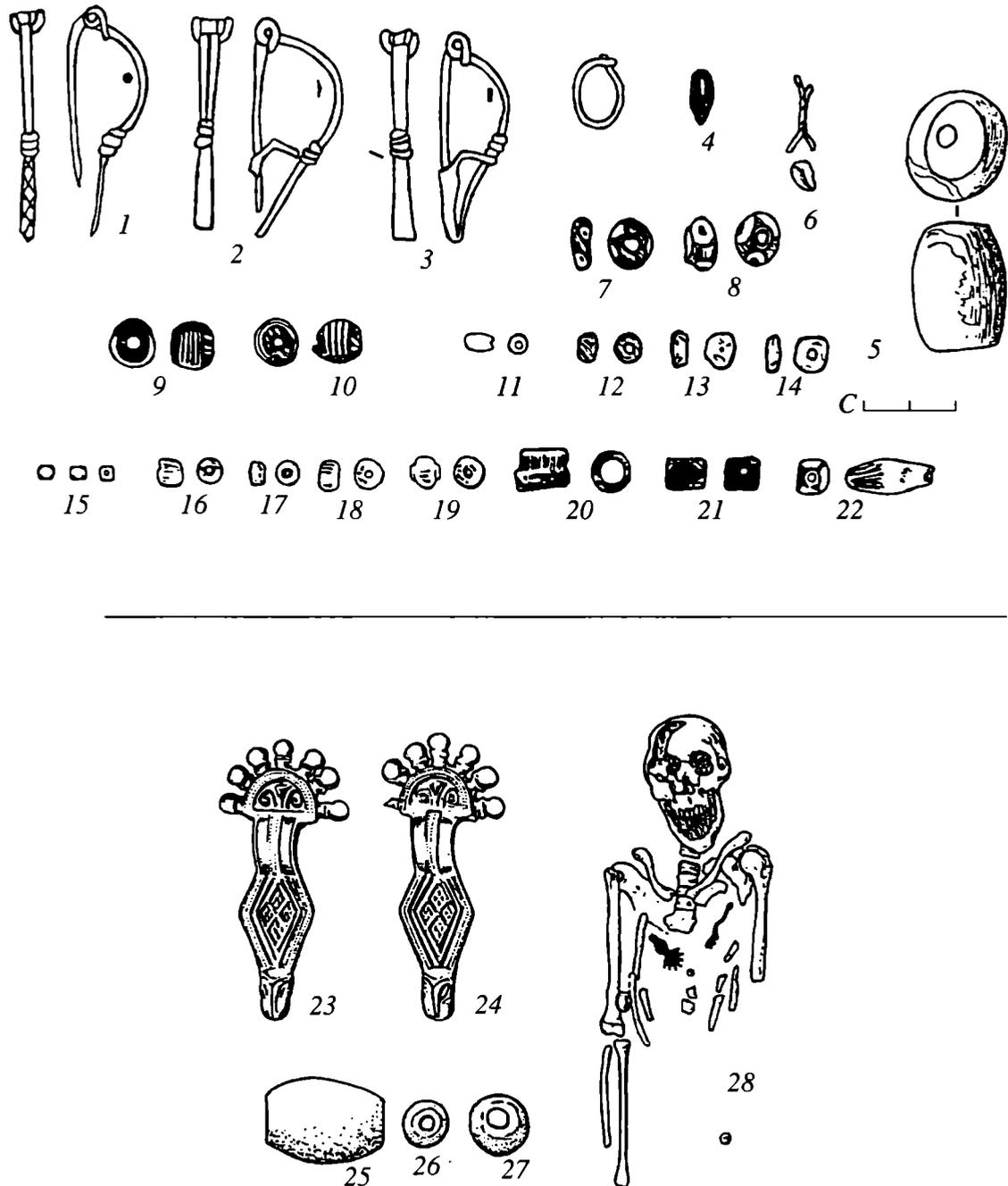

Рис. 5. Шапка-Абгыздзраху, могила 49 (1–22) (Трапш, 1971), Масштаб: С – 1–23; Вена-І-Сальваторгассе (23–28) (Martin, 1995a).

поясу. Германские могилы с пальчатыми фибулами на Дунае, как правило, принадлежат зажиточным слоям свободного населения.

За пределами Среднедунайского региона в Центральной Европе можно указать на находку халцедоновой бусины из богатой могилы Мехолупы в Чехии (Svoboda, 1965. Abb. 30, 6). Эта могила датируется периодом D2/D3 (430/440–470/480). Она содержала богатый инвентарь: золотую монету 407–411 г., поясную гарнитуру из серебра, две серебряные позолоченные фибулы и т.д.

Таким образом, можно констатировать, что в Центральной Европе крупные бусы из халцедона эллипсоидной формы широко распространяются с конца римского времени и до середины VI в.

Они входят в состав престижного костюма зажиточного населения, как социальный маркер, а в отдельных случаях, во второй трети V в. найдены даже в “аристократических” комплексах (Лаа, Смолин, Мехолупы, Тиссалек). Эти бусы, сначала будучи характерными для сарматской культуры Дунайского римского времени, затем, с начала эпохи Великого переселения народов, широко распространяются и у германцев.

За пределами Центральной Европы крупные халцедоновые бусы эллипсоидной формы встречаются сравнительно редко. Наиболее восточной точкой их распространения на сегодняшний день является Абхазия. Здесь халцедоновые бусы представлены на памятниках цебельдинской культуры,

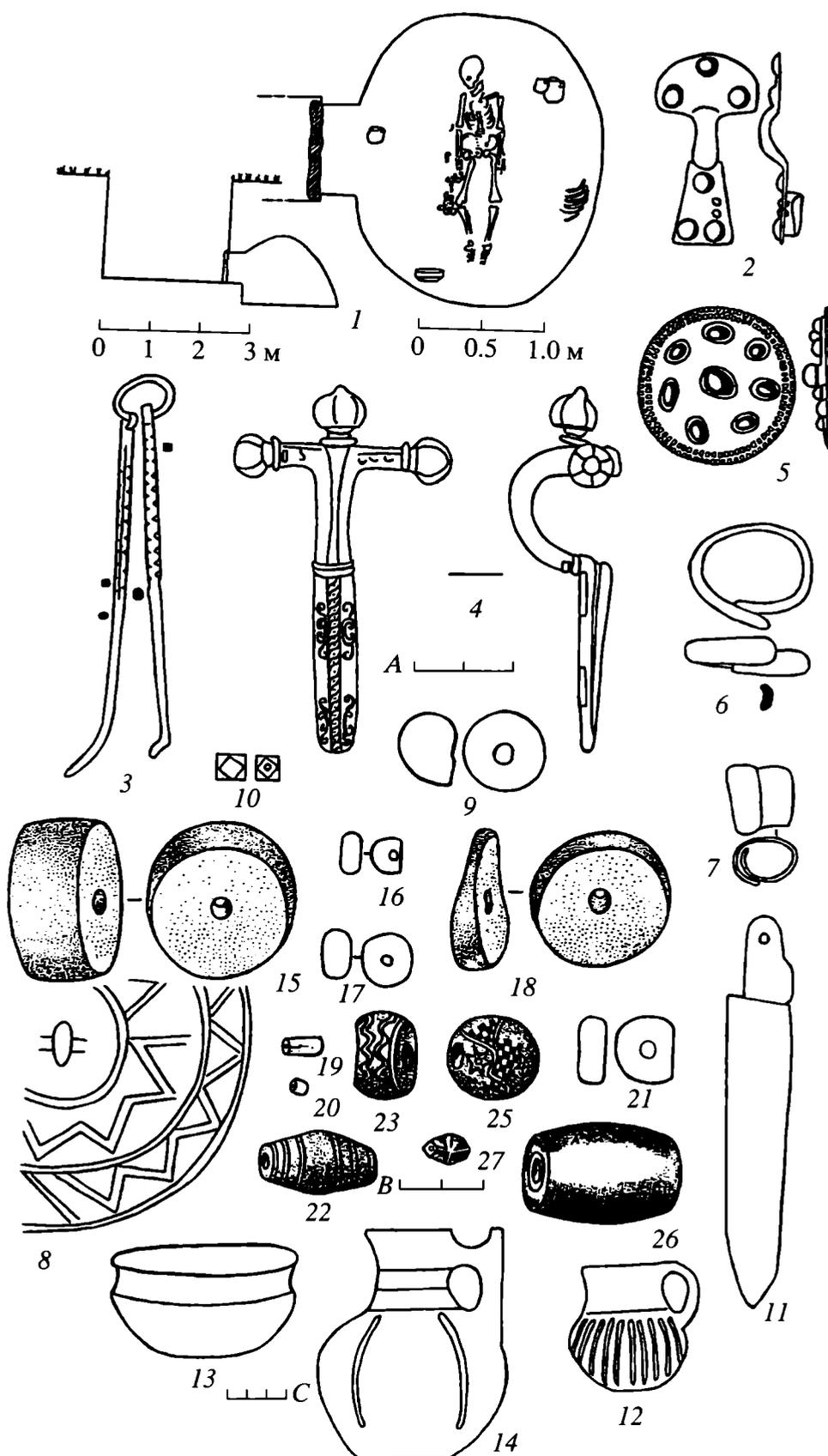

Рис. 6. Байтал-Чапкан, могила 24 (Минаева, 1956). Масштаб: А – 2–11, 16, 17, 19–21, 24; В – 15, 18, 22, 23, 25, 26; С – 12–14.

принадлежавшей апсилам-федератам Византии. Такая бусина была найдена в могиле 49 некрополя Шапка-Абгызраху (рис. 5, 1–22, 5), где она входила в состав ожерелья (Трапш, 1971. С. 77. Табл. 27, 7). Эта могила содержала также местные лучковые фибулы IV – самого начала V в. (рис. 5, 1–3).

Бусы из халцедона эллипсоидной формы известны и на Северном Кавказе. Они встречены в могиле 24 некрополя Байтал-Чапкан в Черкессии (рис. 6, 26) (Минаева, 1956). Эта катакомба аланского типа может быть датирована периодом D1–D2 (360/370–400/450), поскольку погребальный ин-

Рис. 7. 1 – реконструкция женского аламманского костюма из могилы 126 некрополя Базель-Кляйнхюнинген, вторая половина V в. (Martin, 1995a); 2 – реконструкция женского аламманского костюма из могилы 15 некрополя Альдингген, вторая половина V в. (Schach-Döriges, 1987); 3, 4 – реконструкция женского аламманского костюма из могилы 18 и костюма девочки из могилы 16 некрополя Эшборн, середина V в. (Ament, 1992); 5 – реконструкция женского гепидского костюма из могилы 84 некрополя Сентеш-Надьхедь, середина VI в. (Bóna, 1976); 6 – Равенна, церковь Св. Виталия, деталь мозаики (Martin, 1995b).

вентарь содержал фибулу черняховской традиции (рис. 6, 2) (черняховская культура исчезает в начале периода D2, см.: Tejral, 1997), римскую крестообразную фибулу типа Келлер 3–4 (рис. 6, 4), дати-

рованную 330–420 гг. (о них подробно: Pröttel, 1988), и, наконец, полихромную позолоченную круглую бляху, инкрустированную сердоликами, типичную для гуннского времени (рис. 6, 5). Судя

по богатству инвентаря, могила принадлежит представительнице зажиточных слоев населения. Несколько халцедоновых бусин лежали под правым коленом погребенной, здесь же находились металлическое зеркало в кожаном чехле и полихромные стеклянные бусы, среди которых была крупная стеклянная шаровидная бусина с мозаичным комбинированным декором (рис. 6, 25), которая встречается, как уже говорилось выше, в богатых погребениях (Минаева, 1953. С. 10. Рис. 7; Mastukova, 1998). Т.М. Минаева, в свое время, обратила внимание, что бусы в погребальном инвентаре могильника Байтал-Чапкан, как правило, находились возле шейных позвонков и на груди, но также весьма часто встречались с правой стороны скелета по линии таза или возле колена. На Северном Кавказе, помимо могильника Байтал-Чапкан, такая позиция бус отмечена и в богатой могиле 5 некрополя Гиляч в Верховьях Кубани (Минаева, 1965. С. 8. Рис. 20, 1). Если в первом случае по положению бус можно было судить, что они служили ожерельем, то в тех случаях, когда бусы находились возле колена, “кучкой и в беспорядке”, Т.М. Минаева рассматривала их, как дар умершей (Минаева, 1956. С. 244). Не исключено, что именно в этом случае бусы служили подвесками к поясу, как в женском костюме, например, меровингского и аламаннского Запада (рис. 7, 1–4) (Martin, 1995b. Abb. 29, 1, 3; 34, 2) или у лангобардов и гепидов Среднего Дуная (рис. 7, 5) (Bóna, 1976. P. 40, 41. Fig. 7; 8). Известно, что шарфы и ленты с различными подвесками, которые прикреплялись к поясу, существовали и в средиземноморском костюме начала средневековья (рис. 7, 6) (Bóna, 1976. P. 41; Martin, 1995b. S. 660. Abb. 35). Можно предполагать, что использование бусин-подвесок в женском костюме отражает, как на Западе и на Среднем Дунае, так и на Кавказе, общее влияние средиземноморской (византийской) моды.

Одна такая находка известна в районе Пятигорья. Халцедоновая бусина эллипсоидной формы обнаружена в богатой женской могиле с золотыми серьгами, браслетом и с позолоченной гривной середины – второй половины V в. на могильнике Клинь-Яр около Кисловодска (Кузнецов, 2000. P. 177–180. Fig. 20, 8).

Еще одна халцедоновая бусина найдена в могиле 516 некрополя Дюрсо под Новороссийском (рис. 8, 26) (Дмитриев, 1982. С. 92. Рис. 9, 40). Погребение относится к древней части некрополя, которую можно датировать второй половиной V – первой половиной VI в. Этот некрополь в своей ранней части принадлежит готам-тетракситам, пришедшим на Северный Кавказ из Крыма в середине V в. Женское погребение 516 сопоставимо с дунайскими могилами социального уровня IB по Ф. Биербрауеру (Bierbrauer, 1989), оно содержало такие престижные вещи, как пара больших двухпластинчатых фибул из серебра, восходящих к

дунайской традиции (рис. 8, 11), серебряную гривну (рис. 8, 25), редкую бусину из горного хрусталя средиземноморского происхождения (рис. 8, 18). Костюм из погребения 516, несомненно, имитирует дунайский “княжеский” убор V в. (ср. рис. 3 и 4). Бусина из халцедона (рис. 8, 26) входила в состав ожерелья. По инвентарю могила может быть датирована периодом D3/E (470–500/510) (Казанский, 2001. С. 41–58).

Крупная бусина из халцедона эллипсоидной формы имеется в собрании Государственного Исторического музея (инв. № 15542, оп. № 978). Она, вместе с другими случайными находками, была найдена при разработке земли под виноградник на хуторе Пенчула, Мысхако, близ Новороссийска (бывшая Черноморская губерния). Вся коллекция случайных находок была передана в дар музею самим хозяином хутора – М.Ф. Пенчулой. Среди этих случайных находок имеется крупная (дл. сохранившейся части 7.1 см, шир. 4.7 см) двухпластинчатая фибула (инв. № 15575, оп. № 978), которую можно датировать V в. Судя по этим находкам, вполне возможно на территории хутора мог находиться могильник.

Наконец, необходимо упомянуть находку двух халцедоновых бусин в тайнике погребения 5. 1949 г. Пашковского могильника № 1 на Кубани у Краснодара (личный фонд К.Ф. Смирнова, архив ИА РАН, б/н). Данная могила, скорее всего, датируется второй половиной V – ранним VI в. Она содержала крупную граненую бусину из горного хрусталя (Казанский, Мастыкова, 1988. С. 126) и металлическую коробочку-буллу, типичные для V–VI вв., а также фибулу, имитирующую крупные двухпластинчатые экземпляры из серебра постгуннского времени (Амброз, 1989. Рис. 21, 1–13; Vida, 1996. Abb. 5). Таким образом, на Северном Кавказе, как и в Дунайском регионе, крупные халцедоновые бусы типичны от конца IV до середины VI в. Здесь они, так же как и на Среднем Дунае, распространяются среди зажиточного населения и в ряде случаев присутствуют в инвентаре привилегированных могил, таких, как погребение 516 некрополя Дюрсо и могила с позолоченной гривной из Клинь-Яра.

На Балканах известно несколько находок. В частности, в восточногерманской могиле в Горне Печине в Боснии халцедоновая бусина встречена с остроготскими фибулами типа Удине-Планис и двумя серьгами с полиэдрической бусиной, датированной Ф. Биербрауером временем около 500 г. (Bierbrauer, 1975. Taf. 48, 5). Три находки происходят из германского некрополя Крань в Словении. Одна из этих бусин найдена в могиле 256 вместе с фибулой-брошью раннего меровингского времени с двумя птичьими головками, вторая происходит из могилы 266 с итало-лангобардской монетой последней трети VI в., и, наконец, третья бусина из

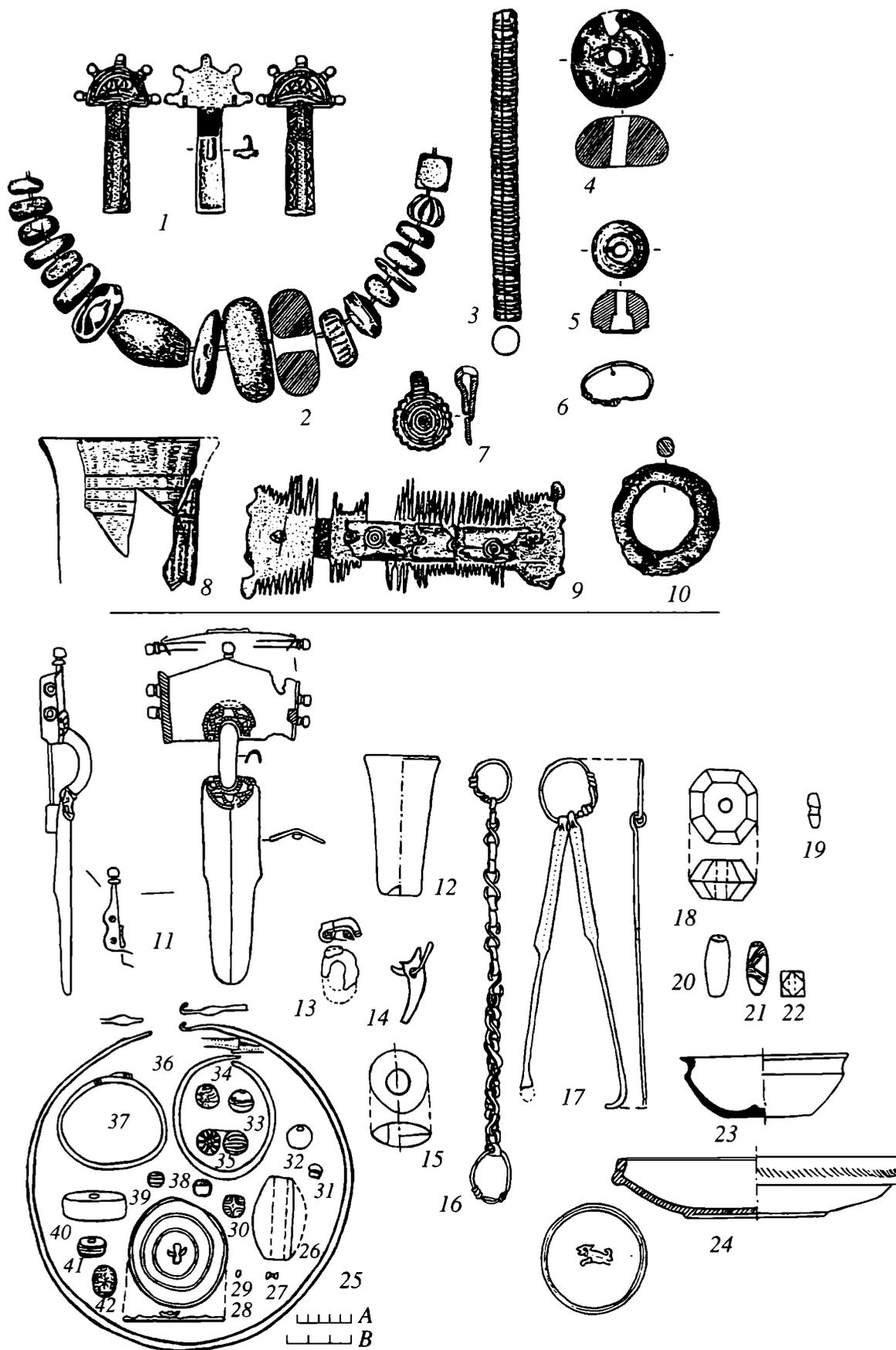

Рис. 8. Кохертюрн (1–10) (Roegen, 1962); Дюрсо, могила 516 (11–42) (Дмитриев, 1982). Масштаб: А – 36, 37, В – 24–35, 38–58.

халцедона найдена в могиле 292 с S-видной фибулой VI в. (Stare, 1980. Taf. 78, 256, 10; 80, 266, 6; 88, 292, 9). И. Вернер также указывает одну находку халцедоновой бусины из некрополя Книн (Werner, 1962. S. 80. Prim. 4), однако в публикации памятника

сведения об этой бусине отсутствуют (Vinski, 1989; Simoni, 1989).

В Западной Европе известно несколько находок халцедоновых бус эллипсоидной формы раннемеровингского времени. Одна из них была встре-

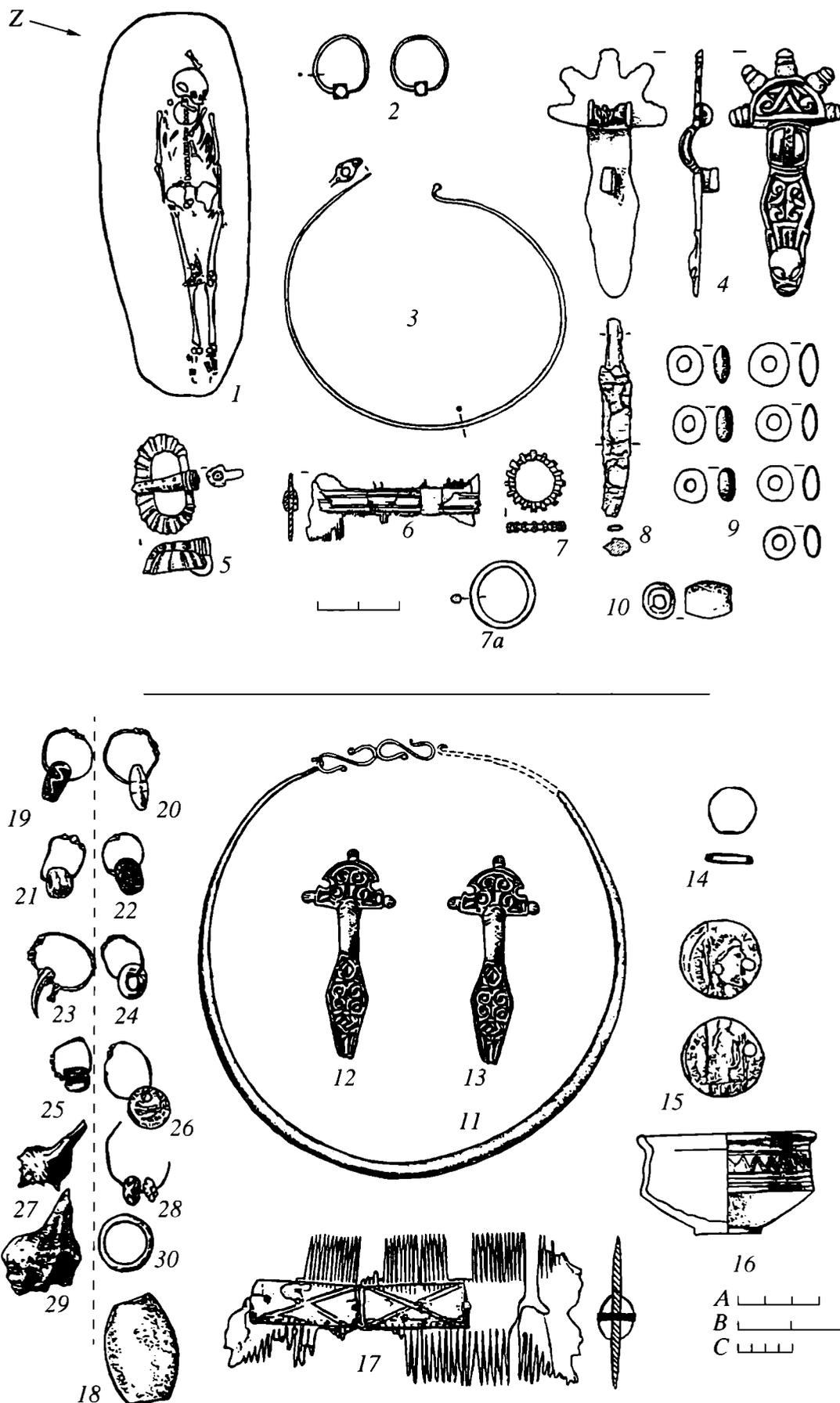

Рис. 9. Базель-Кляйнхюнинген, могила 101 (1-10) (Giesler-Müller, 1992); Базель-Готтербармверг, могила 6 (11-30) (Moosbrugger-Leu, 1971; 1982). Масштаб: А - 11-14, 17-30; В - 15; С - 16.

чена в погребении Кохертюрн на Рейне (рис. 8, 2) в комплексе второй половины V в. (Roegen, 1962. Abb. 3, 3). Другая была обнаружена во Франкфурте на Майне (Museum für Vor- und Frühgeschichte

der Stadt Frankfurt am Main. Ar. 7/7/17; Wamers, 1986. S. 22) в женской могиле вместе с пальчатыми и с S-видными фибулами первой половины VI в. Крупная халцедоновая бусина эллипсоидной формы

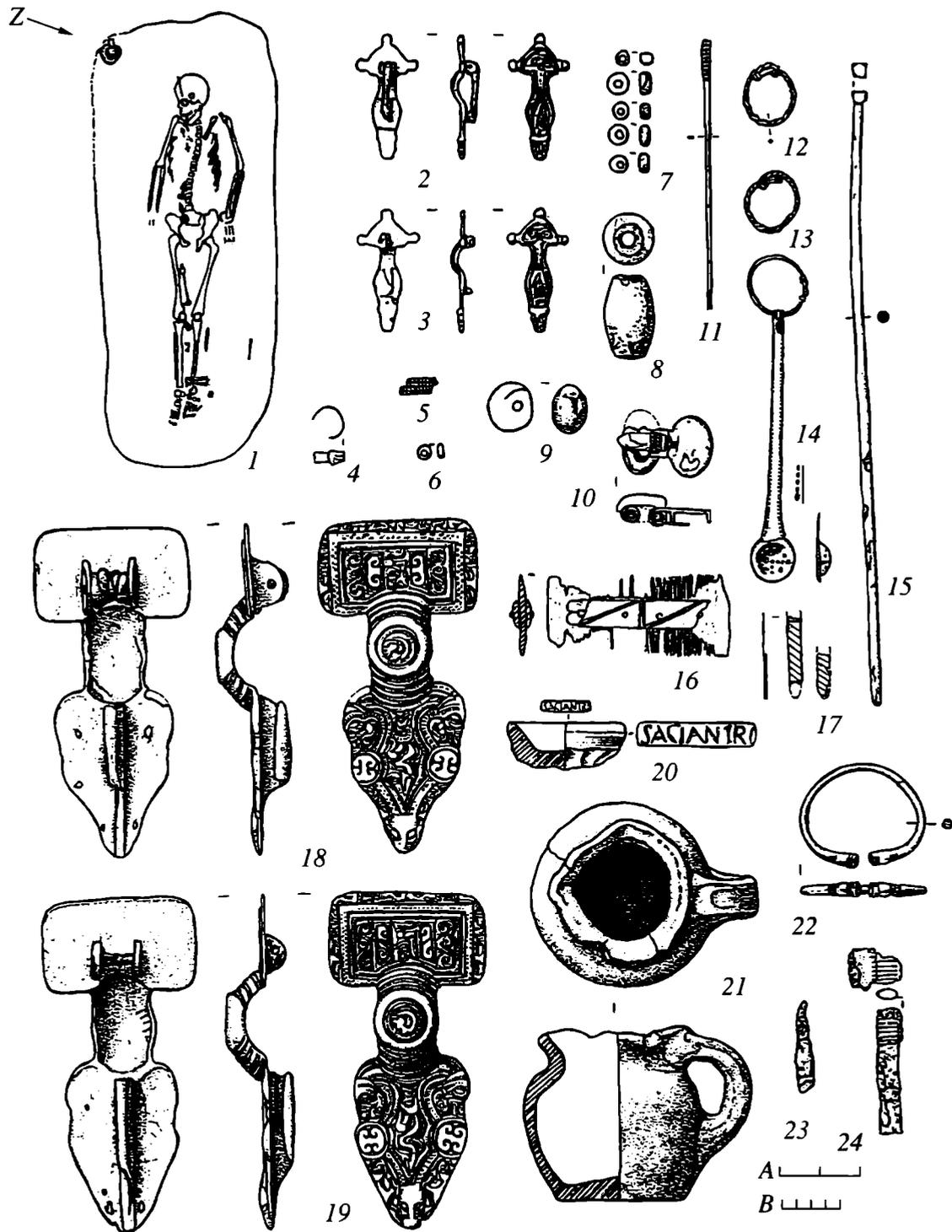

Рис. 10. Базель-Кляйнхюнинген, могила 74 (Giesler-Müller, 1992). Масштаб: А – 2–19, 22–24; В – 20, 21.

была найдена в одной из могил меровингского некрополя Вислох в районе Неккара (Kurpfälzisches Museum der Stadt Heidelberg. RN-Wie-1991/4003.2), а также подобная бусина из халцедона известна в могиле 129 аламманского некрополя Бопфинген (Knaut, 1993. S. 97. Abb. 50, 13). Халцедоновая бусина в погребении 49 аламманского некрополя Нересхайм была обнаружена у ног погребенной. Могила содержала пряжку с почковидной пластиной, две пальчатые фибулы и две птицевидные фибулы и была датирована началом VI в. (Knaut, 1993. S. 263. Taf. 10, 1–4; 11, A, 10). В музее г. Висбадена находятся две крупные халцедоновые буси-

ны эллипсоидной формы, происходящие из некрополя Мюльхайм-Керлих и датированные VI в. (Museum Wiesbaden, Mähleim-Kärlich). В меровингском некрополе Вейльбах в Гессене в могиле "А" также встречена крупная бусина из халцедона (Roth, Wamers, 1984. S. 96). Агатовая бусина входила в состав ожерелья в могиле 152 некрополя Фридинген. Эта могила содержала две пальчатые фибулы типа Шамлье и две малые птицевидные фибулы, и, таким образом, может быть датирована второй четвертью или второй третью VI в. (Von Schnurbein, 1987. S. 137. Taf. 34, B, 1).

Одна халцедоновая бусина эллипсоидной формы происходит из могилы 146 баварского некрополя Альтенердинг, где она была найдена у правого колена погребенной и, вероятно, служила подвеской к поясу (Sage, 1984. S. 57, 58. Taf. 14, 146, 8). Эта могила содержала пальчатую остроготскую фибулу и птицевидную фибулу-брошь и может быть датирована временем около 500 г. На баварском некрополе Страубинг-Баюваренштрассе изучаемые бусы встречены в двух могилах. Первая бусина, видимо, изготовленная из халцедона, была встречена в могиле 432 с вещами второй трети VI в. Бусина была обнаружена между бедренными костями покойной и, очевидно, была использована как подвеска к поясу (Geisler, 1998. S. 146, 147. Taf. 141, 432, 10). Вторая бусина (миндалевидно-эллипсоидной формы) из этого некрополя была найдена в могиле 258 в районе грудной клетки погребенной с левой стороны и могла быть или подвеской, которая прикреплялась к плечу, или входила в состав ожерелья. Эта могила содержала также позднюю S-видную фибулу, видимо, второй половины VI в. (Geisler, 1998. S. 73–75. Taf. 69, 258, 3).

На территории Швейцарии изучаемые бусы известны из аламаннских некрополей. Халцедоновая бусина эллипсоидной формы была найдена в могиле 6 некрополя Базель-Готтербармвег (рис. 9, 18), датированной серединой V в. В ней была найдена монета 411–413 гг. (рис. 9, 15, 26) (Moosbrugger-Leu, 1971. Abb. 25, 3; 1982. Abb. 11, 4, e). Следует отметить, что это погребение содержало пару пальчатых дунайских фибул-дереватов типа Сокольнице (рис. 9, 12, 13) (сравнить Tejral, 1998. Fig. 10, 7, 8). Две ракушки-подвески, найденные здесь же (рис. 9, 27, 29), также, видимо, являются восточными по происхождению (о них см.: Schulze-Dörlamm, 1986). В этой могиле халцедоновая бусина служила подвеской к поясу (рис. 9, 18).

Подобные бусы из халцедона найдены на аламаннском некрополе Базель-Кляйнхюнинген, а также в Швейцарии. Одна из них была обнаружена в могиле 101 (рис. 9, 10) (Giesler-Müller, 1992. Taf. 20, 101, 9), где она встречена с аламаннской подвеской VI в. (рис. 9, 7) и пальчатой фибулой дунайской традиции (рис. 9, 4 – сравнить Tejral, 1998. Fig. 10, 7, 8), датированной временем около 500 г. Вторая бусина происходит из погребения 74 этого же некрополя (рис. 10, 8) (Giesler-Müller, 1992. Taf. 12, 74, 18) вместе с двумя фибулами и пряжкой, датированными также временем около 500 г. (рис. 10, 10, 18, 19) и двумя фибулами дунайской традиции (рис. 10, 2, 3 сравнить: Tejral, 1998. Fig. 10, 3, 4). В этих двух могилах бусы представляли собой подвески к поясу, они были найдены у коленных костей погребенных. Интересно отметить, что обе названные могилы некрополя Базель-Кляйнхюнинген, по мнению М. Мартина, принадлежат группе пришлого населения дунай-

ского происхождения, вероятно, свевам (доклад М. Мартина на коллоквиуме в Кравско в Чехии в ноябре 1998 г.). Итак, представляется, что в Швейцарии находки халцедоновых бус эллипсоидной формы свидетельствуют о дунайском влиянии и, возможно даже, что могилы с бусами из халцедона эллипсоидной формы принадлежат выходцам из Центральной Европы.

В Галлии на настоящий момент известна только одна находка на некрополе Сен-Эфрон в Бургундии. На этом некрополе были найдены вещи от второй половины – конца V в. до первой половины VII в. (Bruzard, 1876; Vallet, Kazanski, 1995. Fig. 3, A, 12). Наконец, как показывает находка на лангобардском некрополе Чивидале в Италии, крупные халцедоновые бусы эллипсоидной формы существовали в Западной Европе до конца VI в. (I Longobardi, 1990. Tab. X, 64, 65).

Итак, подведем итоги. Можно заметить, что в начале средневековья практически везде крупные бусы из халцедона эллипсоидной формы входят в состав костюма зажиточного населения, а во второй трети V в. они представлены даже в “аристократическом” дунайском костюме. Часто халцедоновые бусы входят в состав ожерелий, наиболее ярким примером является находка в “княжеской” могиле в Лаа. Здесь в составе ожерелья найдено сразу несколько халцедоновых бусин, тогда как обычно они встречаются в ожерельях по одному экземпляру (например, Смолин, Шапка-Абгыздраху, Дюрсо, Клинь-Яр, Фридинген, Кохертюрн; возможно, Страубинг-Баюваренштрассе, мог. 258). По всей видимости, бусы из халцедона могли использоваться как подвески к плечу (например, Вена-I-Сальваторгассе; возможно, Страубинг-Баюваренштрассе, мог. 258), как это показано на реконструкциях женского и детского (девочки) костюмов из могил 18 и 16 некрополя Эшборн (Ament, 1992. S. 12. Abb. 8) (рис. 7, 3, 4). В других могилах эти бусы находились возле ног погребенных и, скорее всего, использовались в качестве подвесок к поясу (например, Тиссалек, Байтал-Чапкан, Базель-Готтербармвег, Базель-Кляйнхюнинген, Фертёсентмиклош, Нересхайм, Алтенердинг, Страубинг-Баюваренштрассен мог. 432). Бусы, вероятно, были подвешены к концу или по всей длине шарфа (ленты) или шнура, прикрепленного уже к поясу (рис. 7). Не исключено, что в некоторых случаях халцедоновые бусы служили обшивкой края подола одежды (например, Тиссавалк). Видимо, обычай ношения крупных бус-подвесок распространяется на широкой территории от Кавказа до Рейна под влиянием престижной средиземноморско-византийской моды.

Из Карпатского бассейна крупные халцедоновые бусы эллипсоидной формы, некогда элемент сарматской дунайской культуры, распространяются в Европе в эпоху Великого переселения наро-

дов. Напомним, что в эту эпоху другие культурные элементы сармато-аланского происхождения проникают и становятся составной частью европейской цивилизации (например, обычай искусственной деформации черепа, металлические зеркала, украшение одежды золотыми накладными бляшками-апликациями, мечи так называемого “азиатского” типа с железной гардой) (Кишш, 1995; Kazanski, 1996). Наконец, следует отметить, что в германской среде ареал этих бус соответствует зоне от Верхнего Рейна до Карпат, которая в V в., по мнению Я. Тейрала, выступает как некое культурное единство (Tejral, 1998).

Работа была выполнена при поддержке международного фонда The Research Support Scheme (RSS) of the Open Society Institute/Higher Education Support Programme (OSI/HESP), грант RSS 650/1997.

Приношу свою благодарность М.Г. Мошковой за возможность ознакомиться с архивными материалами о раскопках Пашковского могильника № 1, И.Р. Ахмедову и Е.Ю. Новиковой за любезную информацию о находке на Мысхако, Р. Людвиг, которая познакомила меня с неопубликованной коллекцией меровингских бус музея г. Хайдельберга, А. Ступнеру за предоставленную информацию о неопубликованных материалах поселения Оберлейсберг, и, наконец, В. Кульчар и М. Мартину за любезные консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1–12.
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.
- Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
- Казанский М.М.* Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир; М., 2001.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир; М., 1998.
- Кишш А.* Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура (Alanica III). Владикавказ, 1995.
- Минаева Т.М.* Отчет о раскопках в Черкесской автономной области в 1953 году могильника Байтал-Чапкан в Хабезском районе // Архив ИА РАН. 1953. Р-1. № 794.
- Минаева Т.М.* Могильник Байтал-Чапкан в Черкессии // СА. 1956. Вып. XXVI.
- Минаева Т.М.* Отчет о раскопках городища Гиляч в 1965 году // Архив ИА РАН. 1965. Р-1. № 3149.
- Никитин Ю.В.* Подделочные камни и их обработка. Л., 1979.
- Смирнов К.Ф.* Пашковский могильник № 1 (раскопки 1947, 1948, 1949 гг.) // Личный фонд К.Ф. Смирнова. Архив ИА РАН, б/н.
- Транш М.М.* Культура цебельдинских некрополей // Труды. Т. 3. Тбилиси, 1971.
- Ament H.* Das alamannische Gräberfeld von Eschborn (Main – Taunus – Kreis). Wiesbaden, 1992.
- Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab – und Schatzfunde in Italien // Biblioteca degli “Studi medievali”. 1975. 7. Spoleto.
- Bierbrauer V.* Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Archeologia Baltica. Peregrinatio Gothica. T. VIII. Lodz, 1989.
- Bóna I.* A l’aube du Moyen Age. Gépidés et Lombards dans le bassin des Carpates. Budapest, 1976.
- Bruzard A.* Emplacement d’un château mérovingien et sépultures a Saint-Euphrone // Bulletin de la Société des Sciences historiques et naturelles de Semur (Côte-d’Or). 1876. 13.
- Csallány D.* Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mittdonaubecken (454–568 u.Z.) // Arhaeologia Hungarica. 1961. 38.
- Dinnyés I.* A hévizgyörki szarmata sirok // Studia Comitaten-sia. 1991. 22.
- Garam E., Vaday A.H.* Sarmatische Siedlung und Begräbnisstätte in Tiszavalk // Communicationes Archaeologicae Hungariae. Budapest, 1990.
- Geisler H.* Das frühbairische Gräberfeld Straubing-Bajuwarenstrasse I. Rahden/Westf, 1998.
- Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.
- Giesler-Müller U.* Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Basel-Kleinhüningen. Solothurn, 1992.
- Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban. Stuttgart, 1989.
- I Longobardi. Milano, 1990.
- Kazanski M.* Les tombes “princières” de l’horizon Untersiebenbrunn, le problème de l’identification ethnique // L’indentité des populations archéologiques. Sophia Antipolis, 1996.
- Knaut M.* Die alamannischen Gräberfelder von Neresheim und Kössingen, Ostalbkreis. Stuttgart, 1993.
- Kovrig I.* A Tiszalöki és a Mádi lelet // Archaeologiai Ertesítő. 1951. 78. 2.
- Kuznecov V.* Deux tombes alaines des Ve–VIe s. à Hasaut et à Klin–Yar (Caucase du Nord) // Les sites archéologiques en Crimél et au Caucase durant l’Antiquité tardive et le haut Moyen-Age (Colloquia Pontica 5). Leiden, 2000.
- Lovász E.* A népvándorlás kora // Mit ránkhagytak a századok... Miskolc, 1994.
- Martin M.* Die Gräberfelder von Straubing-Bajuwarenstrasse und Strasskirchen // Frühe Baiern im Straubinger Land. Straubing, 1995a.
- Martin M.* Tradition und Wandel der fibelgeschmückten frühmittelalterlichen Frauenkleidung // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1995b. 38.
- Mastykova A.* Glass Beads as an Archaeological Source // Craft Specialization: Operational Sequences and Beyond. V. IV. BAR. 1998. 720.

- Moosbrugger-Leu R.* Die Schweiz zur Merowingerzeit // Die archäologische Hinterlassenschaft der Romanen, Burgunder und Alamannen. Band. A–D. Bern, 1971.
- Moosbrugger-Leu R.* Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Basel. Basel, 1982.
- Párducz M., Korek J.* Les éléments germaniques dans la civilisation sarmatique récent de la région limitée par les fleuves Maros, Tisza et Koros // Archaeologiai Ertesítő. Budapest, 1946/1948.
- Pröttel P.M.* Zur Chronologie des Zwiebelknopffibeln // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1988. 35/1.
- Roeren R.* 1962. Ein münzdatierte Grabfund der frühen Merowingerzeit aus Heilbronn-Böckingen // Findberichte aus Schwaben. 1962. 16.
- Roth H., Wamers E.* Hessen im Frühmittelalter // Archäologie und Kunst. Sigmaringen, 1984.
- Sage W.* Das Reihengräberfeld von Altenerding in Oberbayern. Berlin, 1984.
- Schach-Döriges H.* Römische und alamannische Spuren im Raum Remseck am Neckar // Heimatkundliche Schriftenreihe der Gemeinde Remseck am Neckar. 1987. 7.
- Schulze-Dörrlamm M.* Gotische Amulette des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1986. 16.
- Simoni K.* Knin-Greblje – kataloški opis grobova i nalaza // Starohrvatska prosvjeta. 1989. III/19.
- Stare V.* Kranj nekropola iz časa preseljevanja ljudstev. Ljubljana, 1980.
- Svoboda B.* Čechy v době stěhování národů. Praha, 1965.
- Tejral J.* Mähren im 5. Jahrhundert. Studie Archeologicky Ústavu v Brně. 1/3. Praha, 1973.
- Tejral J.* Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // Achaologia Austriaca. 1988. Band 72.
- Tejral J.* Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum. Brno, 1997.
- Tejral J.* Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen a la lumière des données archéologiques // Antiquites Nationales. 1998. 29. Saint-Germain-en-Laye.
- Tempelmann-Maczyńska M.* Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Band 43. Mainz, 1985.
- Tomka P.* Das germanische Gräberfeld aus dem 6. Jahrhundert in Fertőszentmiklós // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1980. 32.
- Vaday A.H.* Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Budapest, 1989.
- Vallet F., Kazanski M.* Eléments étrangers en Burondie dans la deuxième moitié du V siècle // Les Burgondes. Apports de l'archéologie. Dijon, 1995.
- Vida T.* Frühmittelalterliche scheiben- und kugelförmige Amulettkapseln zwischen Kaukasus, Kastilien und Picardie // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Band 76. 1995. Mainz, 1996.
- Vinski Z.* Razmatranja o iskopovanjima u Kninu na nalazištu Greblje // Starohrvatska prosvjeta. 1989. III/19.
- Von Schnurbein A.* Der alamannische Friedhof bei Fridingen an der Donau (Kreis Tuttlingen). Stuttgart, 1987.
- Wamers E.* Archäologische Reihe Schmuck des frühen Mittelalters im Frankfurter Museum für Vor- und Frühgeschichte. 7. Frankfurt am Main, 1986.
- Werner J.* Die Langobarden in Pannonien. München, 1962.

Chalcedony Elliptical Beads of the Early Middle Ages: their Spread, Chronology, Social Attribution

A. V. Mastykova

Summary

The article discusses the territorial spread, chronology, and social attribution of the large chalcedony beads of elliptical shape dated from the early Middle Ages. The beads in question are known within the wide geographical zone from East Pontic area to Burgundia, the latter marking northern periphery of post-Roman Mediterranean world. The earliest species originate from late Roman sites attributed to the Danubian Sarmatians. During the Great migration period the discussed beads became a detail of the Danubian Germans' costume. Generally, large chalcedony elliptical beads were typical of rich social strata costume, and in the second third of the 5th century A.D. they were represented even in the costume of east German aristocracy. Chalcedony beads were included in necklaces, and also worn as pendants of various types. Evidently, the custom of wearing large bead-pendants was popular within the wide territory from the Caucasus up to the Rhein under the influence of prestigious Mediterranean fashion. Among the Germans the beads in question are concentrated mainly from the Upper Rhein to the Carpathians, this territory representing in the 5th century certain cultural entity.

МИФ О ХАЗАРО-ИУДЕЙСКОМ ОСНОВАНИИ КИЕВА

© 2001 г. П. П. Толочко

Институт археологии НАН Украины, Киев

Непосредственным поводом для написания этой статьи послужила информация В.С. Флерова о коллоквиуме “Хазары” (Иерусалим, 1999) и “Краткой еврейской энциклопедии” о хазарах, опубликованная в “Российской археологии” № 3 за 2000 г. (Флёров, 2000. С. 229–234). В ней автор с недоумением приводит утверждение М. Гольдельмана, содержащееся в его обширной энциклопедической статье “хазары”, о том, что, согласно “распространенному в исторической науке мнению, Киев был основан около 830 г. как хазарский торговый центр”.

Такое впечатление, что М. Гольдельману повезло обнаружить закладной камень столицы Руси. Если бы он потрудился уточнить степень распространенности такого мнения в наше время, то ему пришлось бы ограничиться фактически двумя авторами, написавшими одну работу. Речь идет о Н. Голбе и О. Прицаке, которые издали монографию “Хазаро-еврейские документы X в.”¹. Она и послужила источником патристического вдохновения М. Гольдельмана, хотя и не подвигла его на собственные археологические или исторические розыскания.

Ознакомившись в свое время с книгой названных авторов, я обратил внимание на ряд ее экстравагантных выводов, далеко выходящих за пределы источниковедческих возможностей так называемого киевского еврейского письма. Очевидная несостоятельность многих утверждений, казалось, избавляла научную общественность от серьезного и развернутого критического их анализа². Теперь же, когда выводы Н. Голба и О. Прицака неожиданно обрели “хрестоматийную” непреложность, нельзя больше относиться к ним, как к некоей филологической шалости.

Прежде всего о самом письме. Даже если согласиться с его подлинностью (в чем нет полной уверенности) и с тем, что написано оно в Киеве в

первые десятилетия X в., то максимум, на что уполномочивает оно добросовестного исследователя, это на утверждение о наличии в Киеве в это время иудейской хазарской общины, вероятно, торговой колонии. Ничего нового, а тем более сенсационного в письме не содержится. О том, что в раннем Киеве была хазарская колония, известно из “Повести временных лет”. В ней упоминается урочище “Козары”. Подтверждает хазарское присутствие в Киеве и археологический материал, правда, очень незначительный (Каргер, 1958. С. 92–104; Толочко, 1983. С. 18–33). Но ведь и киевское письмо не указывает на большую хазаро-иудейскую общину Киева. Она оказалась неспособной собрать 40 монет среди киевских соплеменников, чтобы выволить из долговой зависимости от неверного (очевидно, славянина) своего товарища и вынуждена была обращаться за финансовой помощью за пределы Руси.

В.Я. Петрухин в одном из примечаний к книге Н. Голба и О. Прицака резонно замечает, что в самом письме не содержится каких-либо свидетельств о хазарском господстве: скорее, зависимость членов еврейской общины от иноверцев свидетельствует, напротив, о господстве в Киеве русских князей³.

Прозаическое объяснение присутствия в славянском Киеве начала X в. хазарских иудеев показалось не интересным Н. Голбу и О. Прицаку и они изобретают сложную конструкцию хазарского приоритета в его основании и ранней истории.

Приведем несколько наиболее характерных утверждений названных авторов. Н. Голб: “В соответствии с широко распространенным взглядом, Киев был основан хазарами в VIII веке” (Голб, Прицак, 1997. С. 36.). В справочной ссылке приведена “Jewish Encyclopaedia”, vol. 7 (New York, 1904), а также работа Г. Вернадского “Ancient Russia” (New Haven, 1943). Вряд ли очень убедительное подтверждение широкой распространенности взглядов о хазарском Киеве.

О. Прицак: “Общеизвестно, что Киев управлялся хазарами до того, как был завоеван Русью” (Голб, Прицак, 1997. С. 64). “Общеизвестность” исторического факта, как казалось О. Прицаку,

¹ Впервые книга увидела свет в 1982 г. на английском языке. В 1997 г. она была переиздана в России на русском языке в еврейском издательстве “Гешарим”. Норман Голб и Омелян Прицак. Хазаро-еврейские документы X в. Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. Москва; Иерусалим, 1997.

² Небольшой комментарий отдельных высказываний О. Прицака был помещен мной в статье: П.П. Толочко “Спорные вопросы ранней истории Руси” в сборнике “Славяне и Русь (в зарубежной историографии)”. Киев, 1990. С. 104–108.

³ См. комментарии в моей статье (Толочко, 1990. Прим. к с. 96, 217).

вообще избавляла его от какого-либо обоснования своего утверждения и ссылок на предшественников.

Утверждая с особым энтузиазмом хазаро-иудейское основание Киева, названные выше авторы несколько расходятся в определении его времени. По Н. Голбу – это конец VIII в. О. Прицак дает две даты: сначала уверяет, что Киев был построен не ранее первой половины IX в., затем относит это событие к VIII в. М. Гольдельману почему-то приглянулась точная дата – 830 г., неизвестно откуда почерпнутая. В письменных источниках ее нет.

Содержание книги Н. Голба и О. Прицака убеждает, что идеологом хазаро-иудейского основания Киева является О. Прицак, выступавший и прежде со статьями на эту тему. Более того, он немало потрудился и над тем, чтобы доказать хазарское происхождение летописных полян. Логика его рассуждений предельно проста. Название “поляне” показывает, что оно понималось в Руси как связанное с апеллятивом “поле”. А поскольку в районе Киева, как кажется О. Прицаку, полей нет, только одни горы и леса, то можно предположить, что поляне до прихода на берега Днепра жили в степях к востоку от него (Голб, Прицак, 1997. С. 68, 69). Почему к востоку, а не к Западу? Ведь там тоже имеются поля, в том числе и знаменитое Перепетово поле, которое начиналось в сорока километрах южнее Киева. Да потому, что Хазария-то находилась к востоку от Днепра.

Других письменных источников для решения вопроса, кто такие поляне и откуда они пришли, кроме как “Повести временных лет”, нет. И не случайно, именно ее свидетельства привлекаются О. Прицаком для обоснования своего вывода. При этом выборочно, а те, которые не вписываются в схему, объясняются позднейшими вымыслами редактора летописи.

О. Прицаку импонирует, что в двух случаях поляне названы в одной группе с северянами и вятичами, из чего он делает вывод, что они были левобережными южными соседями северян и вятичей, т.е. хазарами. Строить столь ответственное историческое заключение на основании лишь летописного соседства полян с другими восточно/славянскими племенами, конечно, нельзя. К тому же поляне значительно чаще выступают соседями древлян и северян, а вовсе не вятичей. В ряде мест летописец совершенно определенно объединяет полян и древлян в одну группу, противопоставляя ее другой, которую составляли радимичи и вятичи. “Поляномъ же живущим особъ, яко же рекохомъ, сущимъ от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а древляне от словѣнь же и нарекошася древляне: радимичи об и вятичи от ляховъ” (ПВЛ, 1950. С. 14).

Нет необходимости приводить все свидетельства летописи о непосредственном соседстве полян с древлянами и северянами. Их много и все

они совершенно определенно указывают на славянство полян. “Аще и поляне звахуся, но словенская рѣчьбѣ. Полянами же прозвани быша, зане в поле сѣдяху, а язык славенски есть” (ПВЛ, 1950. С. 23).

О. Прицак не стал объявлять и это утверждение летописца вымыслом, но, следуя своему предубеждению о хазарстве полян, неожиданно пришел к выводу, что кроме полян, говоривших на славянском языке, были и такие поляне, которые не говорили по-славянски. На чем основано это предположение, неизвестно. Летописец не дает для него никаких данных. Наоборот, он рассматривает полян в ряду тех славян, которые сидели на Дунае, а затем расселились на иные земли. “Бѣ единъ языкъ славѣнскъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, их же приаша угри, и морава, и чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь” (ПВЛ, 1950. С. 21).

Еще более решительно разделался О. Прицак с хазарской данью полян. Действительно, если поляне являлись хазарами, то как-то нелогично, чтобы они платили дань хазарам же. А коль так, то дани этой и вовсе не было: все это позднейшее сочинение редактора “Повести временных лет”. Вот только не объяснил О. Прицак, зачем славянину, потомку древних полян, понадобилось возводить на хазар такую напраслину, а заодно и выставлять не в очень привлекательном свете своих далеких предков.

О хазарской дани полян в летописи говорится трижды: в недатированной части и в статьях 859 и 862 гг. Проанализируем эти сообщения и посмотрим, дают ли они основания для обвинения летописца или редактора ПВЛ в намеренном вымысле.

Текст из недатированной части: “По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братѣ сея (Кия, Щека и Хорива – П.Т.) быша обидимы древлянами и инѣми околными. И наидоша я хазарѣ, сѣдѣющая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша козари: “Платите намъ дань.” Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари князю своему и къ старѣйшимъ своимъ” (ПВЛ, 1950. С. 16).

Что же смутило О. Прицака в этой статье? Оказывается, мечи, которые поляне преподнесли в качестве дани хазарам. Согласно ему, это не полянская, но русская традиция. Меч, судя по данным арабским географов, играл важную роль среди русов. Совершенно верно: среди русов и среди славян, но не среди хазар, оружием которых была сабля. Если бы поляне киевские являлись хазарами, они должны были дать в качестве символической дани саблю, а не меч.

Статья 858 г. “Въ лѣто в 337. Имаху дань варязи изъ заморья на чуди и на словѣнахъ, на мери, и на всѣхъ, кривичѣчъ. А козари имаху на полянѣхъ,

и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма” (ПВЛ, 1950. С. 18).

Здесь О. Прицаку кажется подозрительным упоминание в качестве дани беличьих шкур. Почему? Да потому, что беличьи шкурки собирались в качестве дани не хазарами на юге Восточной Европы (где это животное не водится), а варягами в Северной Европе (Голб, Прицак, 1997. С. 68). В действительности и белки водились повсеместно в лесах Восточной Европы, и беличьи шкурки были традиционным платежным средством у славян, что засвидетельствовано арабским путешественником XII в. Абу Хамидом ал-Гарнати. Однако еще убедительнее отводит обвинение редактора “Повести временных лет” в вымысле тот факт, что аналогичный рассказ о хазарской дани содержится и в Новгородской летописи, что позволяет датировать его временем начального свода.

Статья 862 г. “Они же рѣша: “Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ родъ ихъ, платяче дань козаромъ” (ПВЛ, 1950. С. 18). Так ответили киевляне на вопрос приплывших к Киеву Аскольда и Дира: “Чий се градокъ”? Из контекста ответа совершенно ясно, что киевляне 60-х годов IX в. осознавали себя наследниками рода Кия, попавшими в данническую зависимость от хазар.

О. Прицак считает версию, содержащуюся в Ипатьевской летописи, недостоверной и противопоставляет ей статью Лаврентьевской летописи: “И мы сѣдимъ, платяче дань родомъ их, Козаромъ.” (Лаврентьевская летопись, 1962. Стб. 21). Единственный аргумент в пользу большей достоверности известия Лаврентьевской летописи – ее более ранняя редакция. Если бы речь шла о редакциях древнерусского периода, такое утверждение имело бы смысл. Но и Лаврентьевский, и Ипатьевский летописные своды составлены в позднесредневековое время и нет гарантии, что сводчик XIV в. располагал более древним и достоверным протографом, чем сводчик XV в.

Статья Лаврентьевской летописи внутренне противоречива. Буквальное ее прочтение свидетельствует, что киевляне IX в. по отношению к Киеву и его роду совершенно чуждое население. Это туземцы, платящие дань хазарам. Согласовать показания этой статьи нет возможности, да, собственно, и большой необходимости. Исследователи летописей уже давно пришли к выводу, что правильное ее чтение находится в Ипатьевской летописи. А.А. Шахматов предложил следующую уточненную редакцию этой статьи: “А мы сидим, род их (Кия и братьев – П.Т.), и платим дань козарам”.

Подводя итог сюжету о хазарской дани полян, приходится признать, что сведения “Повести временных лет” в целом верно отражают исторические реалии. К Киеву и полянам хазары не имели

другого отношения, кроме того, что на определенном этапе истории, по-видимому, во второй половине VIII в. они распространили на них данническую зависимость.

Теперь обратимся к аргументам О. Прицака о строительстве города Киева хазарами не ранее первой половины IX в. Теоретически такой вариант вполне возможен. Завоевав славянский населенный пункт, хазары могли превратить его в крепость и даже город. Другое дело, есть ли убедительные данные для этого.

Свое путаное повествование о раннем Киеве как хазарском гарнизонном центре О. Прицак строит на двух основных посылах. Во-первых, на археологической. Цитируя В.П. Петрова, он утверждает, что Киев как город был основан на Днепре не ранее первой половины IX в. и этот факт якобы засвидетельствован археологическими раскопками. Во-вторых, на политико-географической. К этому времени, как кажется О. Прицаку, хазарская граница на западе проходила по Днепру и, следовательно, Хазария с неизбежной необходимостью должна была строить здесь пограничные гарнизонные и торговые городки.

Что касается археологического аргумента, то он на проверку оказывается совершенно несостоятельным. Прежде всего своей некорректностью. В.П. Петров в статье, на которую ссылается О. Прицак, проводит мысль о непрерывном существовании Киева с рубежа старой и новой эр. На этапе VI–IX вв. он представлял собой племенной славянский центр, а затем, уже в X в., превратился в столичный город Древнерусского государства (Петров, 1962. С. 14–21). Об основании Киева в первой половине IX в., к тому же подтвержденной археологическими раскопками, В.П. Петров просто не писал.

Еще менее убедителен “пограничный” аргумент. Разумеется, у О. Прицака нет данных о том, что западная граница Хазарии проходила по Днепру. Но даже если бы они и были, это ничего не подтверждает. Киев ведь возник не на “хазарском”, а на славянском берегу и, таким образом, является скорее порубежной крепостью славян. Собственно, именно такой и была его роль по отношению к кочевникам степей на протяжении всей его средневековой истории (Толочко, 1999).

Известия о строительстве крепости Саркел на Дону в 833 г. византийскими инженерами натолкнули О. Прицака на мысль, что наверное в это же время или немного позднее был укреплен и Киев (Голб, Прицак, 1997. С. 70). Подтверждается это якобы тем, что реальное киевское укрепление (около Берестова) названо “Угорским”. Это наименование, очевидно, происходит от оногурского гарнизона (Голб, Прицак, 1997. С. 71).

Приведенное утверждение вызывает по меньшей мере недоумение. Автор не обнаруживает

здесь знаний не только киевской археологии, но также и исторической топографии. Урочище Угорское отстоит от центральной части древнего Киева почти на 3 км и было его дальней околицей даже в период расцвета города. К тому же никаких “реальных” укреплений там никто и никогда не обнаруживал. И если “Угорское” – это Киев в IX в., то как тогда именовалась крепость на Старокиевской горе, которая действительно существовала? Археологические материалы, которые давали бы хоть малейшую возможность предположить наличие в IX в. в означенном урочище хазарского гарнизона, также не обнаружены.

Обосновывая собственную идею построения Киева хазарами, О. Прицак утверждает, что он имеет типичную центральноазиатскую модель: (1) Цитадель, Гора; (2) внутренний город, Копырев конец и (3) пригород, Подол. Археологические данные свидетельствуют, что Киевская цитадель существовала с VIII по XI в., внутренний город появился к началу X в., а пригород Подол начинает существовать по крайней мере в начале X в. (Голб, Прицак, 1997. С. 77, 78).

Здесь, что ни утверждение, то откровение, обусловленное незнанием исторической топографии и археологической хронологии. Копырев конец никак не может претендовать на внутренний город, поскольку находился на расстоянии одного километра от киевского детинца, а между ними еще располагался кромный град, вошедший в литературу под названием “Город Ярослава”. Не был пригородом и Подол, в действительности игравший роль киевского торгово-ремесленного посада и, по существу, примыкавший к детинцу.

Построение Киева хазарами по центральноазиатской модели предполагало бы практическую одновременность его структурных частей, однако сам же О. Прицак выстраивает последовательное их появление. Правда, при этом не особенно заботясь о точности хронологических справок и даже не сообразуясь с собственными утверждениями. Заявив в начале исследования, что Киев не мог быть построен ранее первой половины IX в., он затем пришел к выводу о существовании киевской цитадели уже с VIII в. Копырев конец как городской район сложился не в начале X в., а скорее в конце его, а может быть, и в начале XI в. Что касается Подола, то новые археологические раскопки позволяют предполагать его практическую одновременность с поселением на Старокиевской горе. В IX – начале X в. Подол имел уже регулярную срубную застройку, что подтверждается дендродатированием ряда построек: 887 г., 900 г., 901 г., 903 г. (Сагайдак, 1981. С. 449, 450).

Конечно, никакой центральноазиатской модели в построении Киева не было. Он возник и развивался как типичный славянский центр – спер-

ва административно-политический, а затем и торгово-ремесленный.

Еще одним важным аргументом в пользу хазарского Киева, как считает О. Прицак, есть название “Копырев конец”. Произошло оно якобы от общеизвестных в хазарском государстве этнонимов *Säbär* (Савар) и *Kabar* (Кавар) и является убедительным свидетельством того факта, что внутренний город Киева (шахристан) первоначально был заселен хазарскими каварами (капырами) (Голб, Прицак, 1997. С. 78, 79). Упоминание в летописи в XII в. “жидов” позволило О. Прицаку придти к еще целому ряду ответственных выводов. Оказывается, киевские кавары (копыри) исповедовали иудаизм, а Киев, таким образом, через них также имел связь с этой религией (Голб, Прицак, 1997. С. 79).

Трудно судить, сколь убедительны этимологические разыскания О. Прицака, однако историку они представляются крайне недостаточными для вывода о заселенности Копытева конца хазарскими иудеями копырами. Нужны археологические материалы, которые бы их подтвердили. Это понимал и О. Прицак, полагавший, что серьезные археологические исследования могут привести к нахождению здесь остатков еврейских религиозных сооружений.

В последние десятилетия Копырев конец неоднократно подвергался стационарным раскопкам, но они так и не оправдали надежд О. Прицака. Здесь найдены археологические слои VI–VII вв. с типичной славянской керамикой, а также древнерусские – конца X–XIII вв. Аналогичные материалы обнаруживаются и во время охранных работ при прокладке различных подземных коммуникаций. И нигде на всей сорока-гектарной площади древнего Копырева конца не выявлено ни одного объекта или предмета салтовского культурного облика. Стоит ли говорить, что без этого разговоры о хазаро-иудейском Копыревом конце древнего Киева ничего не стоят.

Наиболее убедительным доводом “хазарскости” Киева, как полагает О. Прицак, является его название. Появилось он незадолго до конца IX в. и происходит от собственного имени хазарского визиря Куйа (Голб, Прицак, 1997. С. 75). Источники ничего не говорят об этом визире, а тем более о строительстве им Киева, но О. Прицак восполняет этот недочет собственными умозаключениями. В 30–40-е годы X в., когда ал-Масуди составлял свой труд, хазарским визирем был Ахмед бен Куйа. Поскольку в кочевых империях должности министров были наследственными, то можно предположить, что Куйа был предшественником Ахмада. На основании этого предположения строится следующее: “Именно Куйа укрепил крепость в Берестове и разместил там оногурский гарнизон”.

Дальше еще круче: “Ничего не мешает нам полагать, что хорезмиец Куйа, послуживший прототипом Кия летописей, и был основателем (или строителем) Киевской крепости” (Голб, Прицак, 1997. С. 77). Таким образом, О. Прицак предлагает уже третью дату основания Киева – конец IX в.

Пользуясь стилем О. Прицака, можно заметить, что если ему “ничто не мешает полагать”, то такое же “ничто” не позволяет и фантазировать. Источники зафиксировали строительство Саркела в 833 г., от чего же тогда они ни одним словом не обмолвились о строительстве Киева? Крепости на Берестове, где будто бы Куйа разместил оногурский гарнизон, не существовало в природе. Наверное, будь Киев построен хазарами, а тем более хорезмийцами, в конце IX в., это событие не осталось бы не замеченным восточными авторами. Они же все согласно говорят о Киеве IX–X вв. как о городе славян и Руси, но не хазар.

Можно было бы продолжить обсуждение эпатажных построений О. Прицака о хазаро-иудейском Киеве, если бы не было киевской археологии. Она делает такое обсуждение излишним. Добытые почти 200-летними раскопками материалы

убедительно демонстрируют принадлежность киевских древностей VI–X вв. к кругу славяно-русских. Можно дискутировать, когда Киев обретает статус городского средоточия, однако спор об его культурно-исторической принадлежности просто бессмыслен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. / Научная редакция, послесловие и комментарии Петрухина В.Я. Иерусалим, 1997.
- Кергер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
- Лаврентьевская летопись // ПСРП. 1962. Т. 1.
- Петров В.П. Про першопечатки Києва (До 1100-річчя першої літописної згадки про Київ) // Український історичний журнал. 1962. № 3.
- ПВЛ: Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л. 1950.
- Сагайдак М.А. Дендрохронология древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983.
- Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.
- Флёров В.С. Коллоквиум “Хазары” (Иерусалим, 1999) и “Краткая еврейская энциклопедия о хазарах”. М., 2000.

The Myth on the Judaic Khazars as the Founders of Kiev

P. P. Tolochko

Summary

In the article the idea concerning the foundation of Kiev by the Judaic Khazars in the late 8th – first half of the 9th cc. is criticized. The hypothesis was formulated almost a century ago, but practically was never taken seriously. Wide-scale archaeological investigations in Kiev having been performed, the above mentioned idea has lost its interest even from the point of view of historiography. This “original” idea was revived by N. Golb and O. Pritsak in their publication on the Judaic Khazarian documents of the 10th century. Quite unexpectedly it was presented by these scholars as “widely spread” one. Then M. Goldelmann following them defined it similarly in his entry on the Khazars in “Brief Judaic Encyclopedia”. The authors mentioned have no new documents in their disposal confirming the outdated supposition on Khazarian foundation of Kiev. The Hebrew letter from Kiev, even taken as a genuine one, may only evidence the existence in 10th-century Kiev of Judaic Khazars’ community, but in no way makes it clear when and by whom the town was founded. The philological considerations on the Khazarian vezir named Kuia, believed to have been the founder of Kiev, as well as on the Khazarian tribe of the Kavars (Kopyrs), who are thought to have inhabited one of the Kiev’s districts are of purely abstract nature and by no means correspond to the archaeology and historical topography of Kiev. Thus, in the book by N. Gold and O. Pritsak the reader practically deals with the myth on the foundation of Kiev by the Judaic Khazars, that has nothing in common with the historical reality.

ГДЕ ЖЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ХАЗАРСКОГО ГОСУДАРСТВА?

© 2001 г. Г. Е. Афанасьев

Институт археологии РАН, Москва

Роль археологии в решении хазарских проблем очевидна. О культурном хазарском наследии в Восточной Европе мы сможем говорить только тогда, когда в нашем распоряжении будут бесспорные хазарские археологические материалы. Но в поисках этих материалов иногда приходится встречаться с курьезными случаями, далекими от науки. Приходится иметь дело и с научными догадками в форме деклараций. Наглядным примером курьезного случая является открытая в Интернете страница Хазарского центра. Здесь в качестве доказательства существования в прошлом на юге России хазарского иудейского государства приводится изображение типичного металлического сармато-аланского зеркала с изображением традиционного для этих племен солярного знака – шестиконечной звезды, которая трактуется Хазарским центром как звезда Давида. С культурным хазарским наследием были перегибы и в нашей советской науке, особенно в последние три с половиной десятилетия. Не секрет, что проблема хазарского культурного наследия нередко выходила за рамки собственно науки и использовалась в спекулятивных политических целях (Шнирельман, 1998. С. 202–209). При этом известны случаи, когда один и тот же исследователь на протяжении своей научной деятельности в зависимости от политической ситуации в обществе бросался в крайности. В одно время хазары описывались как паразитическое население Восточной Европы, не имеющее своей собственной культуры и поэтому вынужденное использовать культурные достижения болгаро-аланских племен. В другое время хазары выступали у того же автора как народ-объединитель восточноевропейских племен, создатель оригинальной кочевнической хазарской (читай – салтово-маяцкой. – Г.А.) культуры. Вероятно, истина проходит где-то посередине.

Понятие “салтовская археологическая культура” было наиболее четко сформулировано, аргументировано и введено в научный оборот Ю.В. Готье в 1927 г. (иногда он называл ее донецкая культура). В то время круг древностей этого типа охватывал Верхнесалтовский могильник и городище, Маяцкий могильник и городище, Зливкинский могильник и Воробьевское погребение. Уже тогда автор со всей убедительностью показал полную

несостоятельность попыток Д.Я. Самоквасова, Д.И. Багалея и последовавшего за ними В.А. Бабенко приписать эту культуру хазарам (Готье, 1927). То есть уже тогда коренным образом была отвергнута та хазарская гипотеза, которую начиная с 1960-х годов в том или ином виде вновь пытаются реанимировать некоторые исследователи. Ю.В. Готье доказал, что салтовская культура генетически и этнически была тесно связана с аланской культурой Северного Кавказа (северокавказской культурой, в терминологии Ю.В. Готье). Эту же мысль постоянно подчеркивал в своих работах и М.И. Артамонов. В отношении ее связи с хазарами он писал: “Одно время хазарам приписывались памятники так называемой Салтовской культуры, распространенные в виде могильников и городищ в бывших Воронежской и Харьковской губерниях, т.е. вдали от центра Хазарии. Принадлежность этих памятников хазарской эпохе несомненна, но какое отношение они имеют к хазарам и хазарской культуре – остается неопределенным” (Артамонов, 1937. С. IV). Что же касается памятников Нижнего Дона, то, по мнению М.И. Артамонова, они отличались от салтовских. Первоначально М.И. Артамонов даже предлагал назвать их памятниками нижне-донской археологической культуры. Значительно позже в связи с интерпретацией саркельских материалов, где были найдены отдельные предметы, характерные и для салтовской, и для аланской культур, он очень осторожно пишет о гипотетическом нижне-донском варианте салтовской культуры. Однако свою новую позицию этот выдающийся исследователь, к сожалению, не аргументировал (Артамонов, 1962. С. 313–316). Но здесь важно подчеркнуть другое. Следует обратить внимание на тот факт, что М.И. Артамонов специально оговорил особое условие существования своего тезиса: предположение о выделении нижне-донского варианта салтовской культуры является только рабочей гипотезой, которую нужно перепроверить после открытия собственно хазарской культуры на Нижней Волге и в центре Хазарии. Научные наследники М.И. Артамонова и его коллеги по хазарской проблематике этого не сделали. Наоборот, осторожное предположение исследователя ими, без какой-либо системы доказательств, было фактически объявлено аксиомой.

Нижнедонской вариант, по М.И. Артамонову, был переименован в один из болгарских вариантов салтовской культуры, т.е. получил уже этнокультурную окраску (Ляпушкин, 1958. С. 146–148; МСЭ. С. 141). И это произошло несмотря на то что М.И. Артамонов особо подчеркивал (Артамонов, 1962. С. 313), что в данном регионе болгары в хазарское время **письменными источниками не зафиксированы**. Позже на Северском Донце, на Дону, на Кубани, на Нижней Волге – в центре исторической Хазарии – были открыты многочисленные и ранее неизвестные типы археологических памятников хазарского времени (погребения с трупосожжениями, подкурганые погребения с ровиками и так далее). Но не было сделано даже попыток исследования этих памятников с задачей объективной оценки величины их степени сходства и различия с собственно салтовскими (катакомбными) памятниками лесостепной зоны, о которых писал Ю.В. Готье. Вместо строгого научного анализа вновь открытым памятникам автоматически приклеивался ярлык принадлежности к салтовской культуре. С этого момента и начался процесс трансформации научного понятия “салтовская культура”, начались попытки возведения этого понятия в ранг общей государственной культуры всего населения Хазарского каганата. И, как следствие, стали предприниматься попытки бездоказательно приписать создание салтовской культуры не аланам, а всему населению Хазарского каганата и, в частности, болгаро-хазарам. Против последнего тезиса активно и аргументированно выступал И.И. Ляпушкин еще при жизни М.И. Артамонова (Ляпушкин, 1958. С. 85–148).

Не будет преувеличением сказать, что в отношении археологии хазар в 1970–1980-х годах в нашей науке официальной научной позицией была точка зрения С.А. Плетневой (1975. С. 516), по которой в Хазарском каганате якобы существовала единая государственная культура. Археологически она была представлена салтовской культурой, в которой выделялось пять локальных вариантов (Плетнева, 1967. Рис. 50). Согласно этим представлениям, государственная культура Хазарского каганата должна была охватывать громадную территорию Восточной Европы от Балканского полуострова до Среднего Поволжья. По существу данная позиция не была научной гипотезой. Это была догадка, так как исследовательница не представила практически никакой аналитической работы по доказательству принадлежности археологических памятников той или иной территории к группе памятников, которую ранее А.А. Спицин и Ю.В. Готье включали в понятие “салтовская культура”.

Почему праболгаро-славянские памятники, появившиеся на территории современной Болгарии в VII в., называются вариантом салтовской культуры, возникшей только во второй половине

VIII в.? Почему культура приморских городов Таманского полуострова, выросших на позднеантичных и ранневизантийских городских традициях и находившаяся какое-то время под политическим протекторатом хазар, называется вариантом салтовской культуры? Почему аланская культура Северного Кавказа, сформировавшаяся на 750 лет раньше, чем салтовская культура и на 250 лет пережившая последнюю, называется ее вариантом? Почему болгарские памятники Поволжья, появившиеся там раньше, чем салтовская культура на Среднем Дону, являются вариантом последней? Почему в среднем течении Кумы выделяется хазарский вариант салтовской культуры, какие памятники с ним связаны? Как можно научно оправдать попытку объявить принадлежность к салтовской культуре памятников, которые вообще еще не изучены и даже не открыты? Ни на один из этих вопросов не было дано ответа. А таких вопросов можно задать еще очень много.

В итоге почти незаметно в советской археологии (а за ней и в некоторой зарубежной археологической литературе) произошла как бы коренная смысловая трансформация этого научного термина. Создалась ситуация, при которой в строгое научное понятие “салтовская археологическая культура” были бездоказательно включены раннесредневековые памятники населения черноморского побережья Болгарии и Румынии, Крыма, Северного Кавказа и Поволжья. Раннесредневековые памятники коренных народов Северного Кавказа – адыгских, вайнахских и дагестанских племен – без какого-либо научного анализа объявлялись болгарскими или болгаро-хазарскими. И все это происходило потому, что четкая научная дефиниция “салтовская археологическая культура” была заменена субъективными представлениями о сфере культурного и политического влияния Хазарского каганата на соседние народы. Исходя из этого, любая материальная культура народов, входивших в зону политических или экономических интересов Хазарского каганата, объявлялась салтовской археологической культурой. При этом не анализировалась и не проверялась объективными критериями степень сходства и отличия этих памятников от классических Верхнесалтовского и Маяцкого археологических комплексов.

Следующий этап смысловой трансформации понятия “салтовская культура” приходится на 1981 г., когда в одном из выпусков “Археологии СССР” под названием “Степи Евразии в эпоху средневековья” С.А. Плетнева опубликовала статью с изложением своего нового видения сущности этой культуры. В ней автор попыталась интерпретировать археологические материалы, накопленные нашей наукой за прошедшие 15 лет. Здесь читателю предлагалось уже совершенно иное представление о салтовской культуре, значительно отличающееся от того, какое было ею выска-

зано в 1967 г. Так балкано-дунайская культура перестала считаться вариантом салтовской. Исчез непонятный дагестанский вариант салтовской культуры. Но вместо него появилась разорванная на два не связанных между собой участка территория с нижневолжскими памятниками салтовской культуры. Аланская культура Северного Кавказа уже перестала называться вариантом салтовской (Плетнева, 1981. Рис. 38). Напрасно читатель будет искать в этой работе изложение процесса исследования новых материалов, или какие-либо другие аргументы коренного изменения научной позиции автора, их там нет.

Дальнейшая трансформация понятия “салтовская культура” и ее локальных вариантов ярко прослеживается в изданной в 1989 г. монографии Ч. Балинта “Археология степи” (Balint, 1989. S. 45. Karte II). В этом исследовании автором со ссылкой на публикацию С.А. Плетневой (вероятно, имеется в виду ее монография 1967 г.) дагестанский вариант салтовской культуры почему-то намечается в районе центрального течения р. Кума в Ставропольском крае, т.е. там, где С.А. Плетнева в 1967 г. помещала хазарский вариант. Но остается совершенно непонятно, какие именно археологические памятники исследователь относит к этому варианту. Аланский вариант салтовской культуры, который Ч. Балинт переименовывает в северокавказский, без какой-либо аргументации очерчивается им исключительно в Верхнем Прикубанье. При этом создается ситуация, когда яркие и многочисленные аланские памятники VIII–X вв. в Краснодарском крае, в Осетии, Ингушетии и Чечне неясным образом выпадают из зоны салтовской культуры, по С.А. Плетневой. Наконец, совершенно неясно, на базе каких памятников Ч. Балинт намечает восточную границу салтовской культуры, которая, в его представлениях, проходит строго с севера на юг от Цимлянского водохранилища к Манычу, фактически разрезая на две части Предкавказье и территорию распространения там подкурганых погребений с квадратными ровиками, относящихся к хазарскому времени и, возможно, связанных именно с хазарскими племенными группами. В результате такого вольного исследовательского подхода к археологическим источникам, игнорирования известных в настоящее время методических процедур и самого аналитического процесса по выделению археологических культур и их вариантов, идея о существовании собственно культурного хазарского наследия в Восточной Европе в какой-то степени даже дискредитировалась, поскольку культурное наследие целого ряда автохтонных племенных образований приписывалось хазарам.

Когда археологи оперируют термином “археологическая культура”, то они имеют в виду требования к этому понятию, четко сформулированные еще в 1930-х годах Г. Чайлдом и значительно

конкретизированные теоретиками археологии в наше время (Клейн, 1991. С. 125–208). При этом количество памятников, объединенных в понятие той или иной археологической культуры, не имеет значения. Гораздо важнее густота связей между признаками внутри группы памятников, а также их отличия от соседних групп археологических памятников. Если исходить из современных требований, предъявляемых к выделению археологической культуры и ее локальных вариантов (Генинг и др., 1990. С. 120–135), и рассмотреть в этом аспекте 19 археологических признаков, предложенных в 1998 г. С.А. Плетневой и последовавшим за ней А.З. Винниковым для характеристики салтовской культуры и ее локальных вариантов, то становится очевидным, что эти признаки вообще не могут быть использованы для выделения какой-либо культурно-территориально-хронологической группы археологических памятников.

Действительно, можно ли говорить о том, что каменные или сырцовые крепостные стены характерны только для салтовских памятников? Нет. Можно ли говорить о том, что долговременные поселения характерны только для салтовских памятников? Нет. Можно ли говорить о том, что полуземлянки или жилища на каменных цоколях характерны только для салтовской культуры? Нет. Можно ли говорить о том, что долихокrania или брахикrania антропологически характеризует только носителей салтовской культуры? Нет. Почему трупосожжения салтовского времени С.А. Плетнева отмечает только в лесостепи Среднего Дона, забывая о Прикубанье, куда, по ее мнению, также распространялся болгарский вариант салтовской культуры? И если мы шаг за шагом рассмотрим географию и хронологический размах каждого из 19 признаков, которыми С.А. Плетнева и последовавший за ней А.З. Винников характеризуют салтовскую культуру, то увидим, что они встречаются на протяжении нескольких тысячелетий по всей Евразии от Испании до Китая. Они есть и в Африке, они есть и в Центральной Америке. Разумеется, мы не можем говорить о том, что вся эта территория была охвачена салтовской культурой или политической орбитой Хазарского каганата. Иными словами, процедура, которую сейчас используют эти исследователи для выделения салтовской археологической культуры и ее локальных вариантов, не выдерживает критики.

Завершился процесс смысловой трансформации данного научного термина априорной формулой: салтовская культура = археологической культуре хазар, что фактически вытекает из контекста последних работ С.А. Плетневой (Винников, Плетнева, 1998; Плетнева, 1999). В результате такого вольного исследовательского подхода к археологическим источникам, игнорирования известных в настоящее время методических процедур и самого аналитического процесса по выделению

археологических культур и их вариантов идея о существовании собственно культурного хазарского наследия в Восточной Европе в какой-то степени даже дискредитировалась, поскольку культурное наследие целого ряда автохтонных племенных образований приписывалось хазарам. Исходя из этого традиционного понимания сущности и генезиса салтовской культуры, можно говорить о том, что ее носителями было аланское население Восточной Европы в VIII–X вв., генетически связанное с Северным Кавказом и сохранившееся на Среднем Дону, как показывают последние археологические открытия, вплоть до XI–XIII вв. И хотя политически во второй половине VIII – первой половине X в. оно безусловно входило в состав Хазарского каганата, но это не мешало аланам сохранять и развивать все те элементы своей этнической культуры, которые отличают ее от других этносов. Последние работы антропологов показывают, что даже в достоверно хазарской крепости Саркел, на памятнике, который С.А. Плетнева связывает с болгарским вариантом салтовской культуры, а М.И. Артамонов с ниже-донским, городское население по пропорциям основных краниометрических признаков было сходно с северокавказским раннесредневековым населением (Ефимова, Кондукторова, 1993. С. 76), а не с псевдоболгарами или какими-то другими тюрками.

Что же касается характера археологических культур (комплексов, типов), которые в той или иной степени могут маркировать другие племенные образования, входившие в состав Хазарского каганата, то, вероятно, это должно быть темой специальных аналитических разработок археологов в ближайшем будущем. Но уже сейчас антропологи указывают на то, что так называемое болгарское население (данный вольный термин был заимствован ими из археологических работ и, как уже отмечалось, не имеет строгого научного обоснования) не было доминирующим в Азово-Каспийском междуморье и окружающих регионах, как представлялось раньше археологам. Выясняется, что эти псевдоболгары, которым, в частности, приписывались ранние погребения Зливкинского могильника, совершенно не связаны в антропологическом отношении с тюркскими группами Зауралья. Убедительно установлено, что они близки населению эпохи железа (Ефимова, Кондукторова, 1993. С. 77, 78). Более того, происходит критическое переосмысление и археологических признаков, которыми ранее маркировались протоболгары. Это относится прежде всего к котлам с внутренними ручками, которые ранее считались специфической посудой именно протоболгар и на основании географии их распространения строились карты территорий обитания протоболгарских племен. Исследования последних лет показали, что наиболее архаичные формы этих сосудов появляются у аланского населения

Центрального Предкавказья еще в V–VI вв. (Афанасьев, Лопан, 1996), а на Балканах, как и в Приазовье, они появляются значительно позже. Следовательно, маркировать протоболгарские группы населения они не могут.

Означает ли все это, что на предполагаемой территории хазарского каганата отсутствуют бесспорные данные о пребывании в волго-донском междуречье иудейских хазар? Нет. Прежде всего следует вспомнить тот факт, что на крепостной стене Маяцкого городища была обнаружена надпись, сделанная, по мнению Г.Ф. Турчанинова, на еврейском языке. Ранее тюркологи видели в ней не надпись, а тамгу. Оставшуюся часть надписи Г.Ф. Турчанинов читает как Бен-Атыф. Где слово бен – семитическое “сын”, а слово атыф – семитическое “милостивый” (Турчанинов, 1990. С. 89, 90). В катакомбе 38 Дмитриевского могильника был найден типичный для салтовской культуры бронзовый перстень с плоским щитком. На его щитке было необычное изображение – рисунок семисвечника, который автор раскопок оставила без интерпретации (Плетнева, 1989. Рис. 61). И здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что этот перстень был местного производства. Тот факт, что иудейская символика была нанесена на местный предмет, изготовленный для местного пользователя, свидетельствует о начавшемся процессе внедрения иудейской религиозной символики в местную культуру. Далее. Еще в 1901 г. Н.И. Веселовский обнаружил в могильнике Мошечая Балка фрагменты стеклянного сосуда с какими-то знаками. Но только недавно, после того как сотрудники Эрмитажа реставрировали сосуд, стало ясно, что эти знаки составляют крупную надпись иудейским квадратным письмом, которая располагалась на сосуде вертикально в направлении от дна к венчику. Надпись состоит из слова “Израэль”, повторявшегося четыре раза (Jerusalimskaia, 1996. Abb. 162; Иерусалимская, 1992. С. 30, 31). Есть информация о том, что на стенках одного из саркельских сосудов читается надпись, написанная иудейским письмом. Однако она пока не документирована.

Все эти данные свидетельствуют о том, что элементы иудейской культуры проникали в среду местного аланского населения Юго-восточной Европы, а, следовательно, здесь должен был быть какой-то центр этих импульсов. Центр, о котором мы знаем по письменным источникам: зона обитания иудейских хазар. Но прежде чем археологически доказуемо ответить на вопрос о культурном наследии этнических хазар, мы должны, во-первых, выяснить и очертить границы хазарского государства. Во-вторых, на выделенной территории мы должны исключить из рассмотрения те археологические памятники, этническая принадлежность которых хазарам в настоящее время единодушно отрицается всеми исследователями.

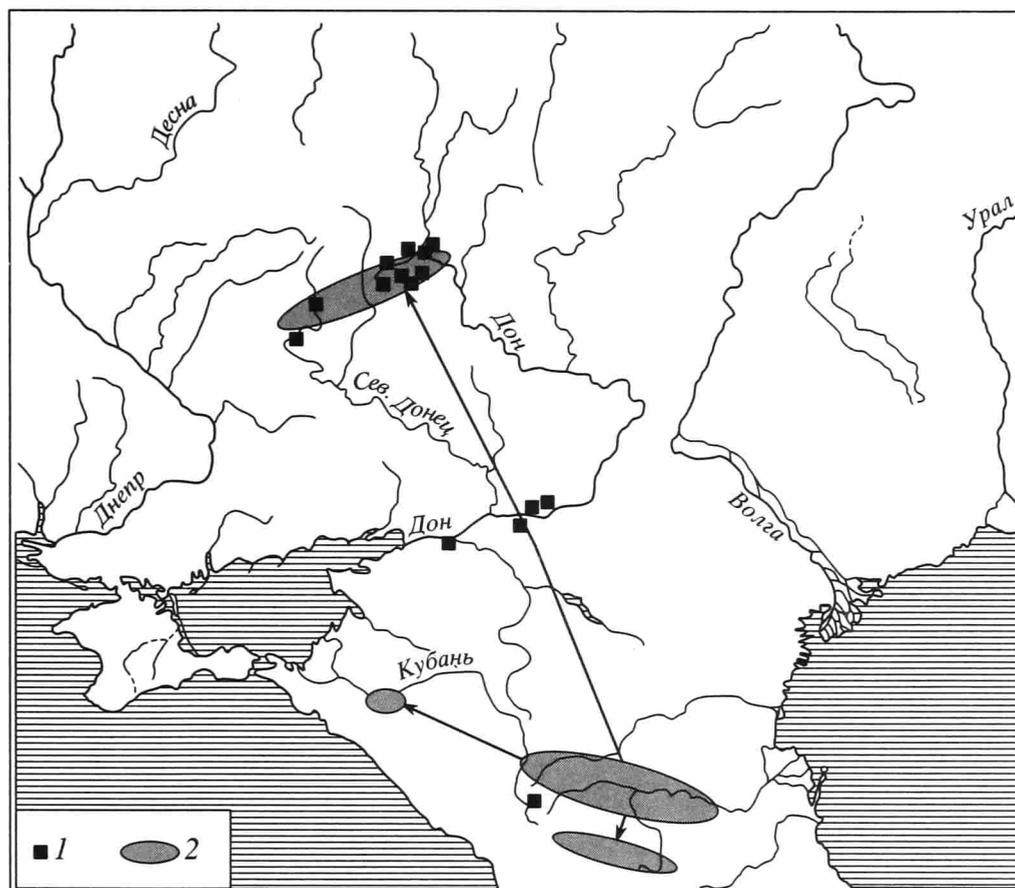

Рис. 1. Карта крепостей VIII–X вв. византийского типа в Юго-Восточной Европе и регионов миграции аланских племен. 1 – крепости византийского типа; 2 – регионы миграции аланских племен.

Если исходить из предположения, что политическое руководство Хазарского каганата, являвшегося достойным противником то Арабского халифата, то Византии, то древнерусского государства, четко осознавало государственные границы своей страны, то у нас есть все основания допускать, что хазарская государственная власть осуществляла какие-то мероприятия по укреплению и маркировке своих границ. Это нормальный и естественный процесс, который фиксируется практически у всех раннесредневековых государственных образований. Достаточно вспомнить широкое строительство крепостей в Византии во время Юстиниана, когда таким образом маркировались границы в Северной Африке, на Балканах, в Северном Причерноморье и так далее. Следовательно, исследователи, интересующиеся хазарскими проблемами в археологии, стоят перед вопросом: какие археологические признаки могут маркировать границы хазарского домена в Восточной Европе? При ответе на этот вопрос нам необходимо прежде всего иметь в виду рассказ Константина Багрянородного о строительстве, по просьбе хазар, византийскими мастерами крепости Саркел. Второе обстоятельство, определяющее направление поиска ответа на поставленный вопрос, вытекает из выводов крупнейшего британского специалиста в области истории Византии Д.Д. Оболенского. Анализируя полити-

ческую ситуацию, приведшую к строительству Саркела, Д.Д. Оболенский пришел к выводу о том, что за скупым упоминанием в византийских источниках такого события, как строительство Саркела, скрываются широкомасштабные совместные действия Византии и Хазарии по строительству византийцами для хазар целой цепи укреплений вдоль по Дону. Полевые археологические исследования, проведенные автором настоящей работы в Донецко-Донском междуречье в последние 25 лет, позволяют сейчас говорить о том, что выводы Д.Д. Оболенского находят полное археологическое подтверждение. Если рассмотреть географию размещения крепостей византийского типа на юге России (рис. 1), то вырисовывается любопытная картина (Афанасьев, 1987. С. 114–142; 1993. С. 123–150; Afanas'ev, 1996).

В нижнем течении Дона располагались три крепости – это Семикаракорское городище, Саркел и Правобережное городище. Первым из них вверх по Дону было **Семикаракорское городище**. Эта крепость имела размеры 200 × 215 м. Ее толстые стены сложены из сырцового кирпича. Северную стену фланкируют две выносные башни. Внутри крепости выделяется огражденный участок размерами 70 × 70 м. Далее, выше по Дону, на расстоянии 50 км располагалась крепость **Саркел**. Прямоугольная в плане она имела размеры 186 × 126 м. Ее стены сложены из обожженного

Рис. 2. Аэрофотоснимок Маяцкого археологического комплекса.

кирпича. По углам находились массивные четырехугольные башни. На противоположной стороне Дона, в 15 км от Саркела располагалось **Правобережное городище**. Оно имело форму равнобедренного треугольника с размерами сторон около 200 м. Стены были сложены из каменных блоков и фланкированы башнями. В 3 км от него находилось **Камышино городище** (Саркел-3 по Ларенок, Семенов, 1999). В плане она имела вид равнобедренного треугольника с размерами сторон $350 \times 350 \times 180$ м, а стены были сложены из обработанных меловых блоков (Ларенок, Семенов, 1999. С. 25–33). Эти четыре упомянутые крепости намечают нам западный рубеж хазарского домена, защищающий проход в Хазарию со стороны Черного и Азовского морей. Обратимся теперь к северным рубежам. Примерно в 400 км вверх по Дону от Саркела расположено **Маяцкое городище** (рис. 2). Эта крепость площадью около 1 га имеет трапециевидную в плане форму. Ее стены были сложены из каменных блоков и дополнительно защищены рвом (рис. 3, 4). Некоторые данные позволяют говорить о том, что первоначально углы крепости были укреплены башнями. На расстоянии 40 км к юго-западу от

Маяцкого располагалось **Верхнеольшанское городище**. Как и предыдущее, оно имело форму трапеции площадью около 1 га. Стены были сложены из каменных блоков и дополнительно защищены рвом. Далее по долине р. Тихая Сосна, на расстоянии 13 км находилось **Колтуновское городище** (рис. 5). Эта крепость была прямоугольной в плане, площадью 2,3 га. Стены ее сложены из сырцового кирпича и облицованы с наружной стороны каменными блоками. Далее на расстоянии 7 км располагалось **Мухоудеровское городище**. Прямоугольная в плане крепость площадью около 2 га была построена из сырцового кирпича. На расстоянии 18 км от нее находилась еще одна крепость – **Алексеевское городище** (рис. 6). Она имела в плане прямоугольную форму и была выстроена из сырцового кирпича и пахсовых блоков. Далее на запад на расстоянии 50 км находилась еще одна крепость – **Красное городище** (рис. 7). Она расположена на правом берегу Тихой Сосны, почти в самых ее истоках и возвышается над поймой реки на 30 м. Крепость имела трапециевидную в плане форму, а ее стены были построены из сырцового и жженого кирпича. На северо-западных рубежах Хазарского каганата к настоя-

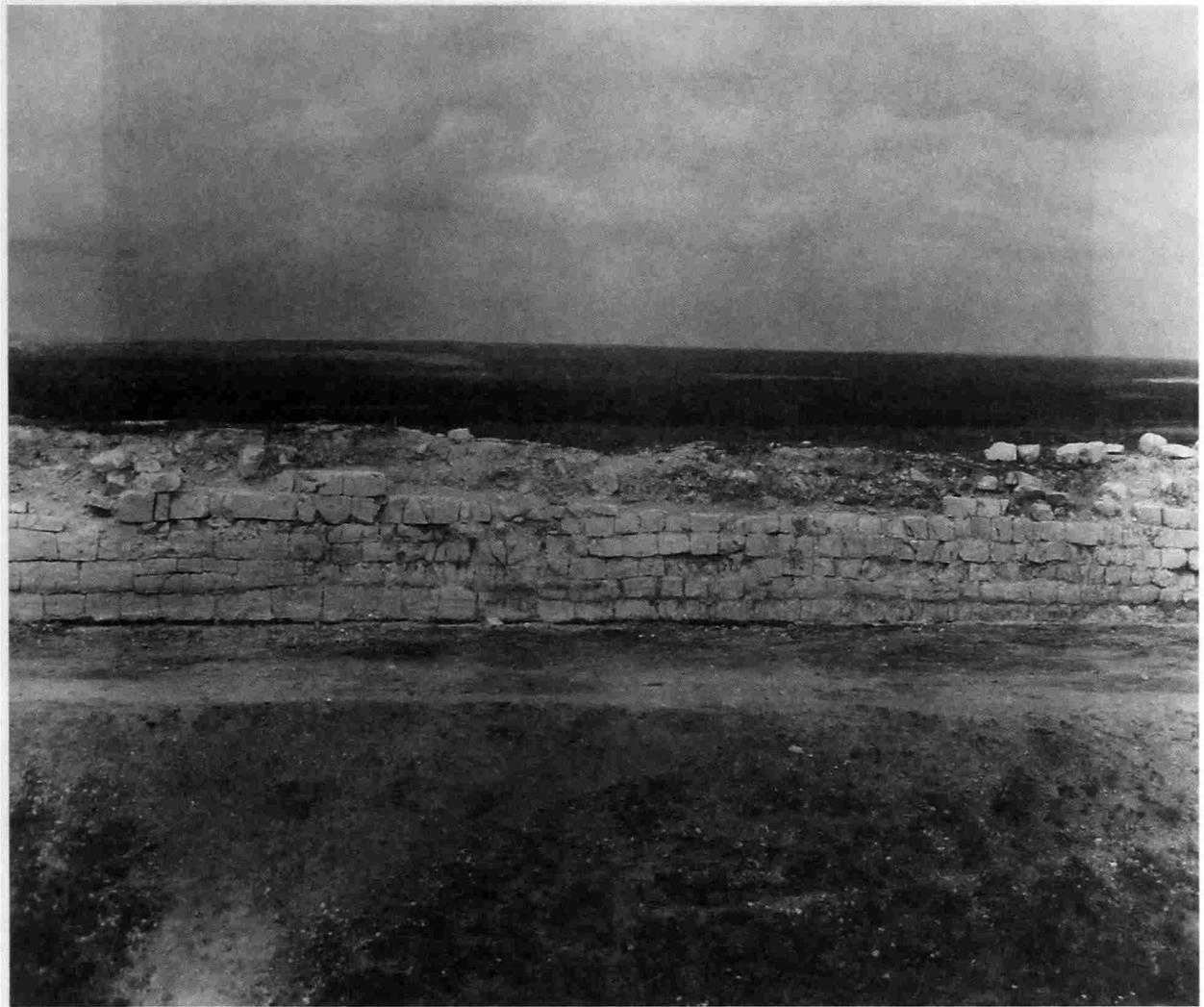

Рис. 3. Фас юго-восточной стены Маяцкой крепости.

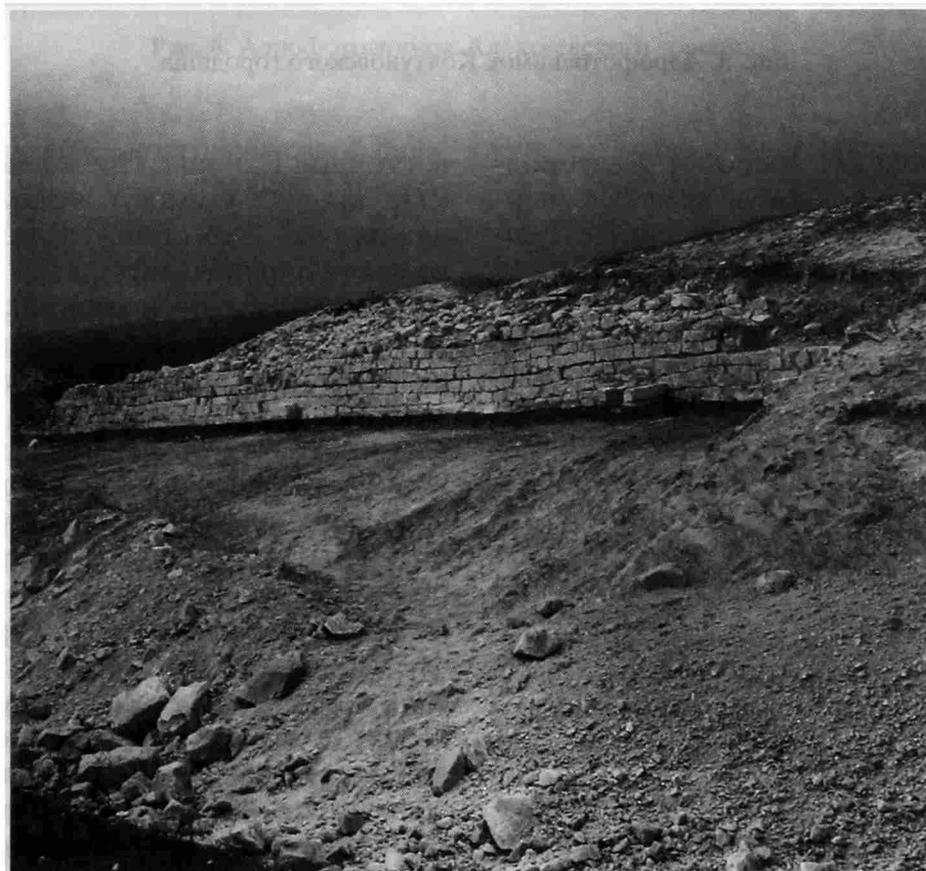

Рис. 4. Фас юго-западной стены Маяцкой крепости.

Рис. 5. Аэрофотоснимок Колтуновского городища.

Щему времени известны две крепости. **Белгородское городище**, расположенное на берегу Северского Донца, на территории современного г. Белгорода, имело форму почти правильного квадрата размерами 290×262 м. Его внутренняя площадь составляла около 5,3 га. Ров шириной около 5 м фланкировал половину периметра крепостных стен. Крепостные стены были укреплены четырьмя угловыми и четырьмя внутрисканскими башнями. Стены построены из жженных кирпичей и сырцовых блоков, облицовывающих деревянную каркасную конструкцию (Дьяченко, 1995. С. 17–20). Крепость **Верхнесалтовского городища** построена на правом берегу Северского Донца и возвышалась на 35 м над поймой. Она была прямоугольной в плане, размером 140×100 м. Дополнительный вал и ров защищали подход к крепости с напольной стороны. Крепостные стены были построены из камня в технике панцирной кладки с забутовкой.

Все перечисленные городища имеют ряд общих черт, отличающих их от фортификационных сооружений местного населения этой части Юго-

восточной Европы. Прежде всего, рассматриваемые крепости имеют четкую геометрическую планировку, а их стены сложены из обработанного строительного материала – каменных блоков или кирпича, в то время как местное население при устройстве своих более примитивных оборонительных сооружений использовало землю или ломаный камень. Во-вторых, при устройстве данных крепостей был использован принципиально иной метод обороны. Строились такие крепостные стены, которые были способны нести самостоятельные, не зависящие от рельефа местности оборонительные функции. Главная нагрузка здесь падала на стены и рвы, в то время как природные факторы были лишь дополнением к ним. Иными словами, с позиции архитектурных, конструктивных и строительных особенностей все перечисленные городища объединяются в одну группу тем обстоятельством, что они не имеют традиций в культуре местного славянского, аланского, тюркского или угорского населения Восточной Европы. Здесь воплощены не только многовековые тради-

Рис. 6. Аэрофотоснимок Алексеевского городища.

ции строительства полевой и долговременной фортификации, но и многовековые традиции фундаментального зодчества, уходящие корнями в позднеантичные и ранневизантийские традиции.

Таким образом, имеющиеся данные о географии крепостей византийского облика в Хазарии отражают представления хазарского политического руководства о границах хазарского домена, защиту которого было необходимо организовать с помощью государственной власти и византийских архитекторов. Мне представляется, что граница Хазарского государства достаточно четко с севера и запада фиксируется каменными или кирпичными крепостями, построенными при содействии византийских мастеров в позднеантичных или ранневизантийских традициях устройства военного лагеря. Нет никакого сомнения в том, что эти крепости строились по заказу политического руководства Хазарского каганата. Реальный противник, против которого возводилась эта система обороны, представлен носителями волынцевской и роменско-боршевской археологических куль-

тур, т.е. славянским населением. Вероятно, эта оборонительная линия возводилась для защиты Хазарии от крупного племенного образования славян, расселившихся в междуречье Днепра и Дона к 30-м годам IX в. (Седов, 1999а. С. 21–27; 1999б. С. 69–73). Типологически близкая крепость хазарского времени известна и на Северном Кавказе – **Хумаринское городище**. Исследования А.В. Гадло и Х.Х. Биджиева показали, что конструктивно оно характерно для фортификационных памятников византийского круга (Биджиев, 1983). Эта крепость, построенная в VIII–IX вв., т.е. есть во времена хазарского господства над северокавказскими аланами, намечает южную границу Хазарского каганата, призванную в данном месте осуществлять контроль за перевалами Клухор и Нахар в Абхазию.

Второй признак в маркировке границ Хазарского каганата археологически прослеживается в тех передвижениях аланских племен и их конечной локализации, которые произошли в Восточ-

Рис. 7. Аэрофотоснимок Красного городища.

ной Европе в середине VIII в. на северо-западных, западных и южных границах каганата (рис. 1).

Во-первых, именно в это время в лесостепной зоне бассейна Среднего Дона, на славяно-хазарском пограничье появляется значительный массив алано-ассо-буртасского населения, переселившийся из предгорий Центрального Предкавказья и принесший с собой аланскую культуру, названную Ю.В. Готье для этого региона салтовской. Информация об этом историческом событии еще до недавнего времени сохранялась в местных преданиях и в грузинской хронике, известных Ю. Клапроту (Кузнецов, 1984. С. 110), но затем забытых и не дошедших до наших дней. Причины, по которым произошла эта миграция населения, окончательно не установлены и продолжают дебатироваться в науке. Одни исследователи считают, что она явилась следствием кровопролитных арабо-хазарских войн в Закавказье, в которые были втянуты и северокавказские аланы (Плетнева, 1967). Другие находят объяснение в предполагаемом продвижении в район Кисло-

водской котловины болгарских групп, вытеснивших оттуда алан (Кузнецов, 1964. С. 34–39; Ковалевская, 1984. С. 168–174). Третьи видят в уходе алан на север попытку спастись от эпидемии чумы (Рунич, 1974. С. 44–46). Четвертые усматривают в этой миграции результат внутреннего социально-экономического развития алано-ассо-буртасского общества (Афанасьев, 1981). Но как бы ни решался этот вопрос, необходимо признать, что такая крупномасштабная политическая акция была невозможна без содействия со стороны хазар (Афанасьев, 1981. С. 63; Михеев, 1986. С. 3), чья сфера влияния в это время распространялась на всю территорию Азово-Каспийского моря, или вопреки их политическим интересам.

Во-вторых, в это же время в низовьях Кубани появляется новая волна аланского населения, оставившая катакомбный могильник близ Краснодара. Есть все основания полагать, что переселившиеся сюда аланские племена были призваны контролировать и защищать низовья Кубани и западные границы каганата от неприятеля со сто-

роны Черного и Азовского морей. В-третьих, аланское население появляется в горных проходах на юг от Предкавказья, где оно, вероятно, было призвано контролировать перевалы в Закавказье. Все эти северокавказские передвижения аланских племен второй половины VIII–IX в. были недавно наглядно продемонстрированы в диссертационной работе Д.С. Коробова (1999. С. 13). В совокупности упомянутые три зоны нового размещения аланских племен маркируют северо-западную, западную и южную границы Хазарского каганата второй половины VIII в.

Имея в своем распоряжении перечисленные археологические данные о территории Хазарского государства, мы можем теперь перейти к рассмотрению третьего признака в маркировке границ Хазарского каганата, к поиску собственно хазарских памятников и собственно хазарской культуры на очерченной территории. Рекомендации М.И. Артамонова искать хазарскую культуру, отличную от салтовской культуры, приносят в настоящее время свои положительные результаты. О хазарском погребальном обряде стали говорить лишь после того, как в 1972 г. экспедиция Л.С. Клейна исследовала в районе Новочеркасска подбойное подкурганное погребение VIII–IX вв. К сожалению, оно было ограблено, но даже те остатки, которые удалось исследовать археологам, привели к выводу о том, что здесь мы встречаемся с не известным ранее науке погребальным обрядом. Это было первоначально богатое погребение воина с конем. Среди вещей сохранилась золотая монета, определяющая дату погребения серединой VIII в. Попытки обобщения и исторической интерпретации подобных материалов ранее уже предпринимались А.И. Семеновым, Е.В. Кругловым (Круглов, 1990. С. 159–171), но этого было явно не достаточно. Наиболее полно анализ этих материалов был сделан в диссертационной работе А.А. Иванова, собравшего информацию о 122 курганах с квадратными ровиками в Волго-Донском междуречье (Иванов, 2000. С. 4). Разработанная в отделе охранных раскопок ИА РАН компьютерная база данных “Хазар” показывает, что в настоящее время археологически документировано уже около двух сотен подобных погребений, география которых связана с несколько большей, чем Волго-Донское междуречье – территорией современного Ставропольского и Краснодарского краев, с Ростовской, Волгоградской, Астраханской областями и с Калмыкией¹. Они неплохо датируются монетами, из которых наиболее ранние относятся ко времени правления Ираклия (610–641 гг.), а поздние – ко времени ал-Махди (777/778 гг.). Что же в общих чертах отличает их от других одновременных по-

гребальных памятников на этой или соседней территории? Мы знаем, что аланское население на очерченной крепостями территории практиковало катакомбный обряд захоронения и этот обряд имеет здесь длительную традицию. Мы знаем, что славянское население в лесостепной зоне практиковало обряд трупосожжения, и этот обряд имеет длительную традицию. Мы знаем, что адыго-абхазское население Прикубанского региона практиковало трупосожжение, и этот обряд имеет длительную традицию. Мы знаем, что какая-то незначительная часть аланского населения практиковала погребения в прямоугольных ямах и этот обряд имеет длительную традицию. Существует точка зрения, что та часть протоболгарского населения, которая осталась в этом регионе после распада Великой Болгарии и во времена Хазарского каганата была представлена оногуро-булгарскими племенами, также практиковала захоронения в прямоугольных ямах. Что же касается подкурганых погребений с подбоем и квадратными ровиками, то прежде всего это та форма погребального сооружения, которая не имеет в этом регионе предшествующей традиции (в данном случае из рассмотрения исключаются памятники сарматского времени). Она появляется и существует именно в то время, когда письменные источники локализуют здесь хазар, а затем вместе с закатом Хазарского каганата исчезает и этот погребальный обряд. Таким образом, и хронологические рамки существования подкурганых подбойных погребений с квадратными ровиками, и география их распространения на юге России дают нам основания связывать эти памятники именно с хазарскими племенными группами.

О хазарских памятниках VII в. говорить значительно труднее, но и в этом направлении намечается некоторый прогресс. В 1970-х – 1980-х годах на Северном Кавказе, в частности в Краснодарском и Ставропольском краях, в Ростовской области, проводились большие работы по строительству оросительных систем и перепланировке полей под орошаемые культуры. Эти работы потребовали активного участия археологов по спасению памятников, попадающих в зоны строительных работ. В итоге были раскопаны многие десятки курганов, в которых обнаружены сотни захоронений самых различных эпох от периода ранней бронзы и вплоть до XIX в. Для нашей темы особый интерес представляет уже рассмотренная с достаточной полнотой А.Г. Атавиным группа погребений, датируемых VII – первой половиной VIII в. Во-первых, всех их объединяет то обстоятельство, что они были сделаны в прямоугольных могильных ямах и впущены в насыпь более древних курганов. Во-вторых, географически они были оторваны от зоны распространения аланских или адыгских памятников, имеющих в этом регионе многовековую историю развития и

¹ Этому вопросу будет посвящена специальная подготавливаемая к печати совместная статья Г.Е. Афанасьева и А.Г. Атавина.

эволюции культуры. Отсутствие здесь стационарных, долговременных поселений VII – первой половины VIII в. и стационарных, долговременных могильников говорит о том, что мы имеем дело с кочевым или полукочевым населением. Такими кочевниками в данном регионе в VII – первой половине VIII в. могли быть только оногуро-булгаро-хазары. Особый интерес представляет погребение, раскопанное в 1988 г. в кургане близ станицы Старонижестеблиевской. Оно было сделано в насыпи более древнего кургана и содержало погребение юноши с чучелом коня. Причем захоронение сопровождалось очень богатым погребальным инвентарем. Здесь были найдены золотые браслеты и золотая шейная гривна. Но наибольший интерес вызывают золотые украшения поясного набора, среди которых выделяется золотая бляшка с изображением человеческого лица (Атавин, 1996. С. 208–264).

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что хазарские древности на юге России действительно существуют, но это не салтовская культура в ее строгом классическом понимании. И безусловно прав А.А. Иванов, когда он фактически отделяет культуру курганов с квадратными ровиками от салтовской культуры (Иванов, 2000. С. 23). Территория хазарского домена может уже сейчас археологически маркироваться путем наложения друг на друга, совместного анализа и исторической интерпретации трех категорий археологических источников второй половины VIII – первой половины X в.: 1 – географией распространения в этом регионе крепостей византийского типа, защищающих границы Хазарии; 2 – трех направлений миграции носителей катакомбного обряда погребения – аланских племен, расселившихся там для охраны рубежей Хазарии; 3 – географией распространения культуры носителей обряда подкурганных погребений с квадратными ровиками – собственно хазарских племен.

Специфика хазарской культуры VIII–IX вв. фиксируется пока что отчетливо только в погребальном обряде. Здесь, именно в погребальной обрядности мы имеем дело с элементами (если так можно выразиться) **этнической культуры хазар**, т.е. с тем комплексом культурных признаков погребального обряда, которые характеризуют только хазарские племенные группы. Что же касается погребального инвентаря, сопровождающего эти хазарские погребения, то, пожалуй, за исключением луков, он не носит той степени специфики, которая позволила бы в настоящее время отличить его от алано-ассо-буртасских, адыгских, вайнахских или дагестанских древностей VIII–IX вв. Разумеется, это также элементы культуры хазар, но они не являются определяющими для специфики хазарской культуры, так как имеют как бы интернациональный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. М.; Л. 1937.
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
- Афанасьев Г.Е. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. 1987. Вып. 2.
- Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М., 1993.
- Афанасьев Г.Е., Лопан О.В. Об одном исследовательском парадоксе в поисках этномаркирующих признаков протоболгар // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: М., 1996.
- Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Воронеж, 1998.
- Генинг В.Ф., Буянтян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии. Киев, 1990.
- Готье Ю.В. Кто были обитатели Верхнего Салтова? // Известия ГАИМК. 1927. Вып. V.
- Дьяченко А.Г. К историко-археологической оценке I и II Белгородских городищ на Меловой горе // Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. Елец, 1995.
- Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Болгарский компонент в антропологическом составе населения салтово-маяцкой культуры Подонья // ВА. 1993. Вып. 87.
- Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000.
- Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. СПб., 1992.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.
- Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
- Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа (IV–IX вв. н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Круглов Е.В. О подкурганных захоронениях калмыцко-астраханских степей хазарского времени // Вопросы археологии Юго-Восточной Европы. Элиста, 1990.
- Кузнецов В.А. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. 1964. Вып. 99.
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Ларенок П.А., Семенов А.И. Саркел, Саркел, еще Саркел... // Донская археология. 1999. № 3–4.
- Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон // МИА. 1958. № 62.
- Михеев В.К. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья–При-

- азовья (середина VIII – середина X вв.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1986.
- МСЭ: Малая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1960.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
- Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // БСЭ. Т. 22. 1975.
- Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
- Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
- Рунич А.П. Новые данные по раннему средневековью Северного Кавказа // Тез. Докл. IV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1974.
- Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999а.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999б.
- Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.
- Шнирельман В. Подарок судьбы или божье наказание (о двух подходах к хазарской проблеме в русской историографии) // Еврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи. Київ, 1998.
- Afanas'ev G.E. The Khazaro-Russian Frontier and the political transformation of the southern steppes in the 8–10 centuries A.D. // The Colloquia of the XIII International Congress of Prehistoric and protohistoric Sciences. V. 16. Forli, 1996.
- Balint C. Die Archäologie der Steppe. Wien; Köln, 1989.
- Ierusalimskaja A.A. Die Graber der Moscevaja Balka. München, 1996.

Where are the Archaeological Evidences of the Existence of the Khazarian State?

G. E. Afanas'ev

Summary

The role of archaeology in solving Khazarian problems is evident. Still we shall be able to discuss the Khazarian cultural heritage in Eastern Europe only having at our disposal the archaeological material of reliably established Khazarian cultural attribution. While searching such material one sometimes may be faced with curious cases being far beyond from science, as well as scientific guesswork presented in shape of declarations. Such free approach to the archaeological sources, ignoring known methodical procedures and even analytical process aimed at outlining Saltovo archaeological culture and its variants resulted in certain discrediting of the idea on the existence of Khazarian cultural heritage in Eastern Europe, since the cultures of certain autochthonous tribal entities were ascribed to the Khazars. Khazarian antiquities do exist in South Russia, but they are not represented by Saltovo culture in strict classical meaning of the term. The territory of Khazarian domain may be archaeologically marked by imposing, analysis, and historical interpretation of three categories of archaeological sources dated from the second half of the 8th – first half of the 10th cc., namely: 1) spatial distribution of fortresses of Byzantine type that guarded the Khazarian borders; 2) three directions of migrations of catacomb burial rite bearers – the Alanian tribes settled along the Khazarian frontier for its protection; 3) geographical spread of burial sites displaying kurgan burials encircled with square-shaped ditches – the monuments left by the Khazarian tribes proper.

“СЕМИКАРАКОРЫ” – КРЕПОСТЬ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА НА НИЖНЕМ ДОНУ

© 2001 г. В. С. Флёров

Институт археологии РАН, Москва

Одним из интересных памятников фортификации Хазарского каганата безусловно является крепость около станицы Семикаракорской на Нижнем Дону (теперь г. Семикаракорск, Ростовская обл.), известная в науке как Семикаракорское городище. Оно находится на левом берегу р. Сал, в нескольких километрах от впадения ее в р. Дон. Важно указать, что городище лежит на левобережье самого Дона, как и расположенное в 120 км выше по его течению Саркел–Левобережное Цимлянское городище (рис. 1).

При всей уникальности крепость до последнего времени оставалась неизученной, хотя еще в XIX в. ее упоминания можно встретить в ряде публикаций и в архивных материалах местных донских исследователей и краеведов. В одном из донских изданий начала XX в. наряду с Семикаракорским упомянуты и еще два городища, совершенно неизвестные современным археологам, у слободы Мартыновка на р. Сал и у станицы Старо-Золотовской на правом берегу Дона севернее Семикаракорского городища. Предстоит еще выяснить, относятся ли два этих памятника также к эпохе Хазарского каганата, что очень вероятно, так как городища иных эпох в данном районе не известны.

Первым профессиональным археологом, посетившим Семикаракорское городище в 1883 г., был В.И. Сизов (1889). Правда, целью его поездки на Дон был Саркел, как, впрочем, и другие городища, “претендовавшие” на идентификацию с ним, в том числе Семикаракорское.

В 1926 г. Семикаракорское городище, наряду с другими донскими, обследовала Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК, возглавлявшаяся известным специалистом по археологии Дона А.А. Миллером, который затем публикует его краткое описание и план (Миллер, 1929. С. 104). К сожалению, на плане, на шкале масштаба ошибка – 100 м вместо 200 м. Соответственно и в тексте неправильно указана его площадь (11000 м² – уменьшена в 4 раза от реальной).

В составе Северо-Кавказской экспедиции городище обследовал тогда еще молодой археолог М.И. Артамонов, который в своей книге воспроизвел тот же план с некоторыми отличиями в деталях (рис. 2, 1), но с правильным указанием мас-

штаба (Артамонов, 1935. С. 115, 116). План Миллера-Артамонова интересен и по настоящее время, так как облик городища за истекшие годы несколько изменился. Сам М.И. Артамонов раскопок на городище не производил и использовал данные из раскопок В.И. Сизова. Позднее М.И. Артамонов упоминает Семикаракорское городище в своей “Истории хазар” (Артамонов, 1962. С. 320). Как и М.А. Артамонов, не производила раскопки на городище С.А. Плетнева, но, полагаясь на рассказы местных жителей, едва не обрекла памятник на забвение, написав в 1967 г., что “...раскопки на нем вряд ли добавят что-либо новое, поскольку холм городища распахан под виноградники плантажным плугом на глубину 0.7 м. Распашка фактически уничтожила не только культурный слой, но и укрепления” (Плетнева, 1967. С. 47). Мои раскопки 1971–1974 гг., которым и посвящена настоящая публикация, не подтвердили это заключение: городище на указанную глубину никогда не распахивалось и не могло распахиваться, так как в его слое, особенно в цитадели, масса обожженных кирпичей. Его культурный слой, как и укрепления, прекрасно сохранились! Городище не только добавит принципиально новые сведения о салтово-маяцкой культуре и истории Хазарского каганата, но без них просто невозможно будет обходиться.

Тем не менее С.А. Плетнева повторила 30 лет спустя: “Семикаракорская крепость полностью стерта с лица земли...” (Плетнева, 1999. С. 113). На самом деле крепостные стены и башни крепости, в отличие от Саркела, сохранились по всему периметру на высоту 10–20 слоев кладки кирпича-сырца. Крепость хорошо просматривается и по настоящее время. Для раскопок это один из самых перспективных памятников Хазарского каганата именно благодаря своей отличной сохранности. От разрушения крепости казаками (что произошло с Саркелом) спасло преимущественное использование необожженного (сырцового) кирпича. Впрочем, и здесь какая-то добыча обожженного кирпича происходила. Что касается распашки, то она действительно имела место в 1920-е годы (Миллер, 1929. С. 103), но не тракторным, а конным плугом. Такой плуг распахиwał лишь почвенный слой на глубину не более 20 см и не затрагивал культурный слой, который полностью

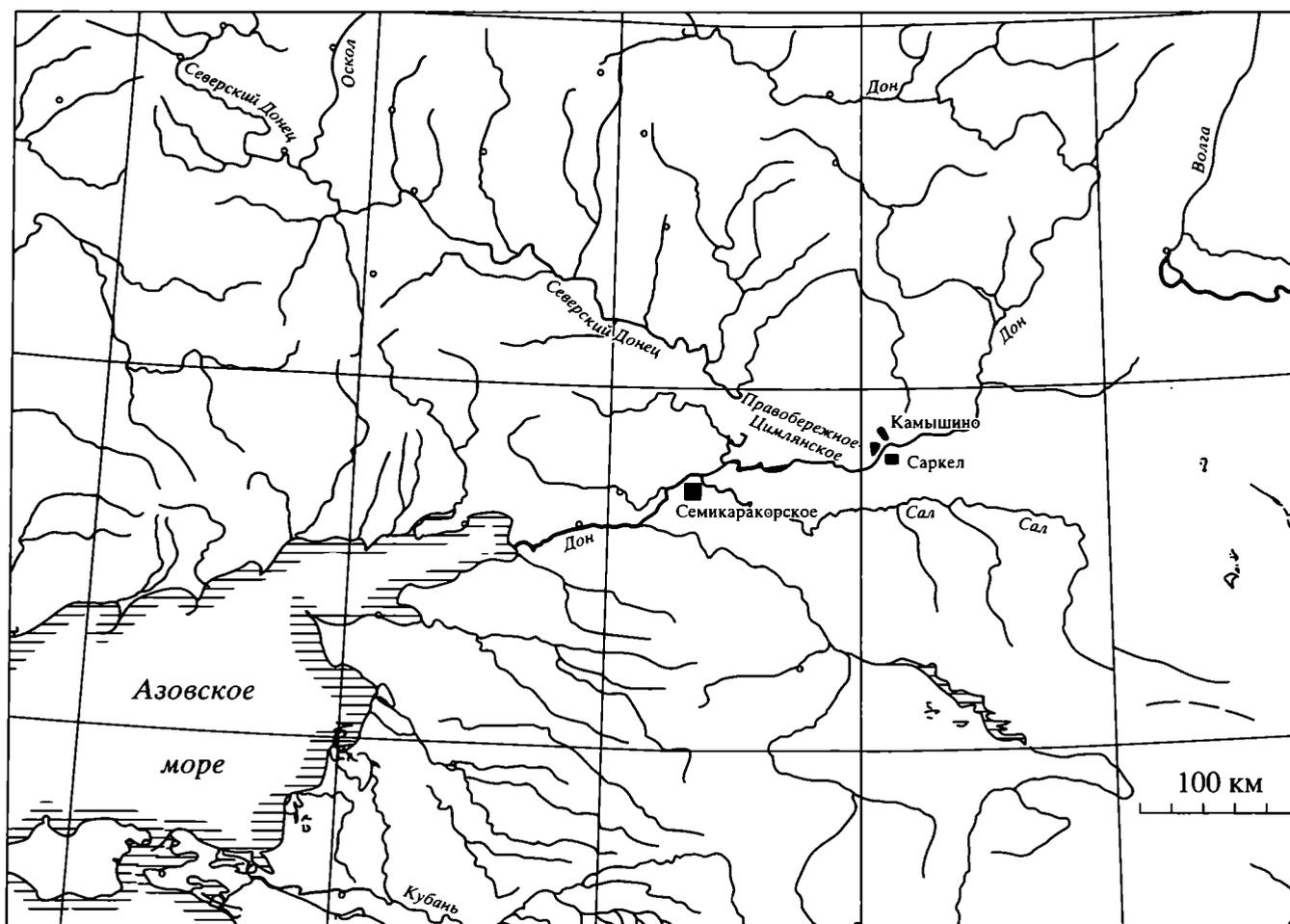

Рис. 1. Крепости Хазарского каганата на Нижнем Дону: Семикаракорская, Правобережная Цимлянская, Саркел, Камышино.

сохранил свою первоначальную структуру и стратегическую структуру.

Описания С.А. Плетнёвой содержат ряд погрешностей, касающихся размеров крепости, а также информации о “древнем кургане”, встроенном в восточную стену крепости (Плетнева, 1999. С. 114). Как установлено еще в 1974 г., это не древний курган, а остатки громадного строения, возможно, донжона. Ошибочны и некоторые сведения, данные С.А. Плетневой в “Археологии СССР”. Так, овальные сооружения, примыкающие к северной стене крепости, названы курганами, хотя их назначение не выяснено и по настоящее время (Степи Евразии..., 1981. С. 63). На перечисленных досадных ошибках можно было бы и не останавливаться, но они принадлежат перу одного из известных хазароведов и могут быть повторены другими исследователями. Что касается повторения ошибок, то это уже имело место в связи с этимологией слова “Семикаракоры” (см. далее).

С.А. Плетнёва опубликовала и выполненный при помощи рулетки и компаса план городища (рис. 2, 2). Он заметно отличается существенными деталями от плана Миллера–Артамонова. На две из них обратим внимание. Первая – это прямоугольный объект в юго-западном углу крепос-

ти, отсутствующий на плане 1920-х годов. Позволю предположить, что это остатки какой-то наземной постройки 1930–1950 годов. Так, в частности, местные жители сообщили мне об использовании городища под загон для скота. С этой целью, где-то в 1940–1950 годы была насыпана южная стена крепости. Грунт брали с ее внешней стороны, из-за чего вдоль нее образовалась длинная траншея. Возможно с этим же загонем связана и отмеченная Плетневой постройка. Вторая связана с двумя выделенными на плане исследовательницы помещениями около северо-восточного угла, о чем будет сказано ниже.

Следующим этапом в исследовании Семикаракорского городища стали наши раскопки 1971–1974 гг., проводившиеся музеем Таганрога.

Настоящая статья является первой относительно большой, но далеко не полной публикацией их результатов. Впервые публикуются и все прилагаемые чертежи и рисунки. До этого наши раскопки освещались в небольших информационных, не потерявших, однако, своего значения, так как писались по свежим впечатлениям (Флёров, 1972; 1973а,б; 1974; 1975).

Семикаракорская крепость выстроена на возвышающемся над левобережной поймой Дона

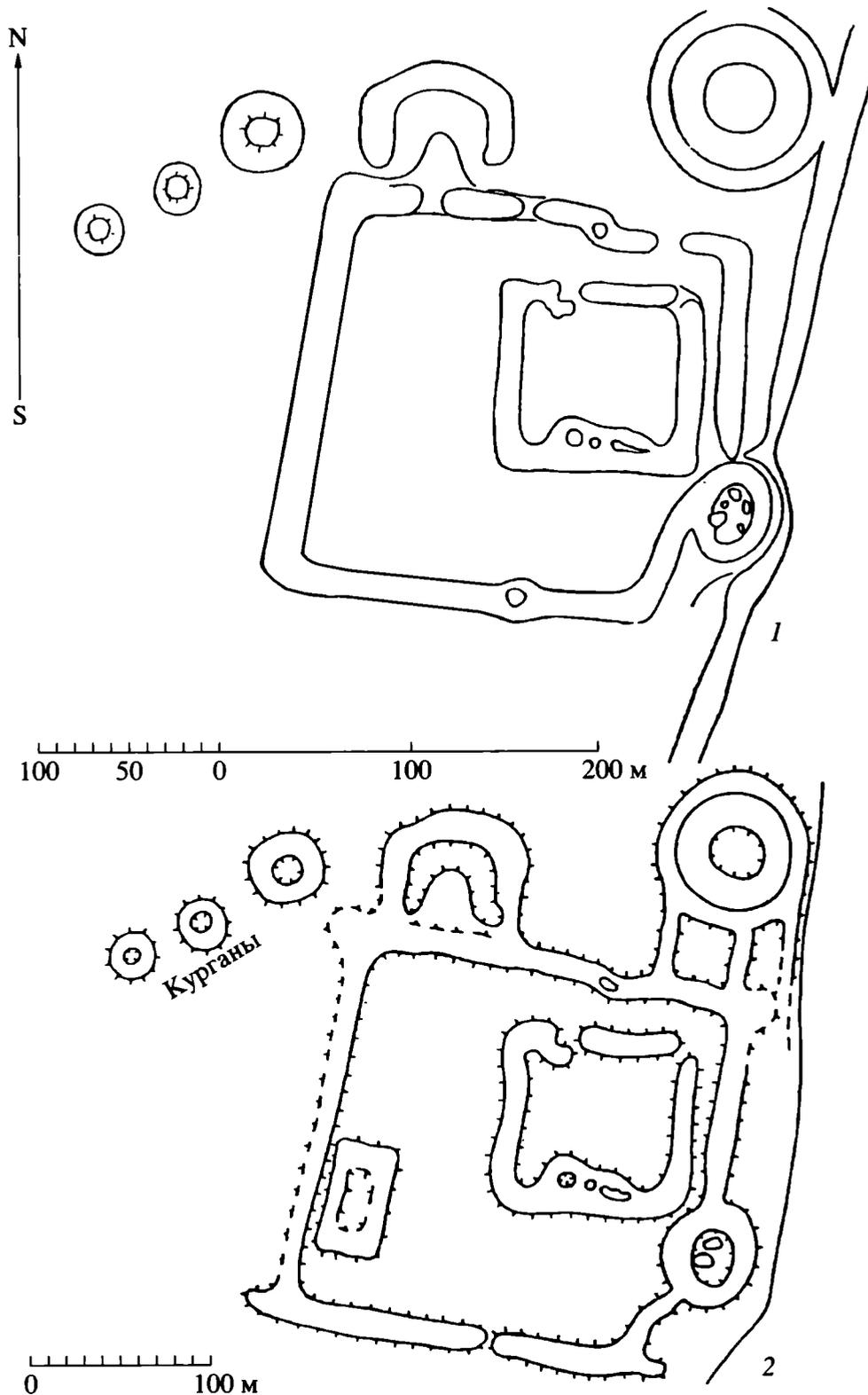

Рис. 2. Семикаракорское городище. 1 – план М.И. Артамонова; 2 – план С.А. Плетнёвой.

холме с плоской вершиной размером примерно 500×500 м. Высота холма около 5 м. С востока, где расположено городище, холм круто опускается к небольшой протоке (речка Сусат или Салок), впадающей в р. Сал. По рассказам местных жителей, во время половодий городище превращалось в остров.

Крепость относится к типу двухчастных: внешние стены, собственно крепостные, и цитадель (рис. 3, 4). Очертания крепости – неправильный че-

тырехугольник, близкий к квадрату. Своими размерами – 200×215 м – она превосходит как Правобережную Цимлянскую крепость ($135 \times 130 \times 110$ м), так и Саркел (178.6×117.8 м внутри). Уточнить размеры можно будет только после вскрытия всех четырех углов крепости, из которых пока раскопан лишь один, северо-восточный. Башни на этом углу не оказалось, что дает некоторые основания подозревать, что их не будет и на остальных трех.

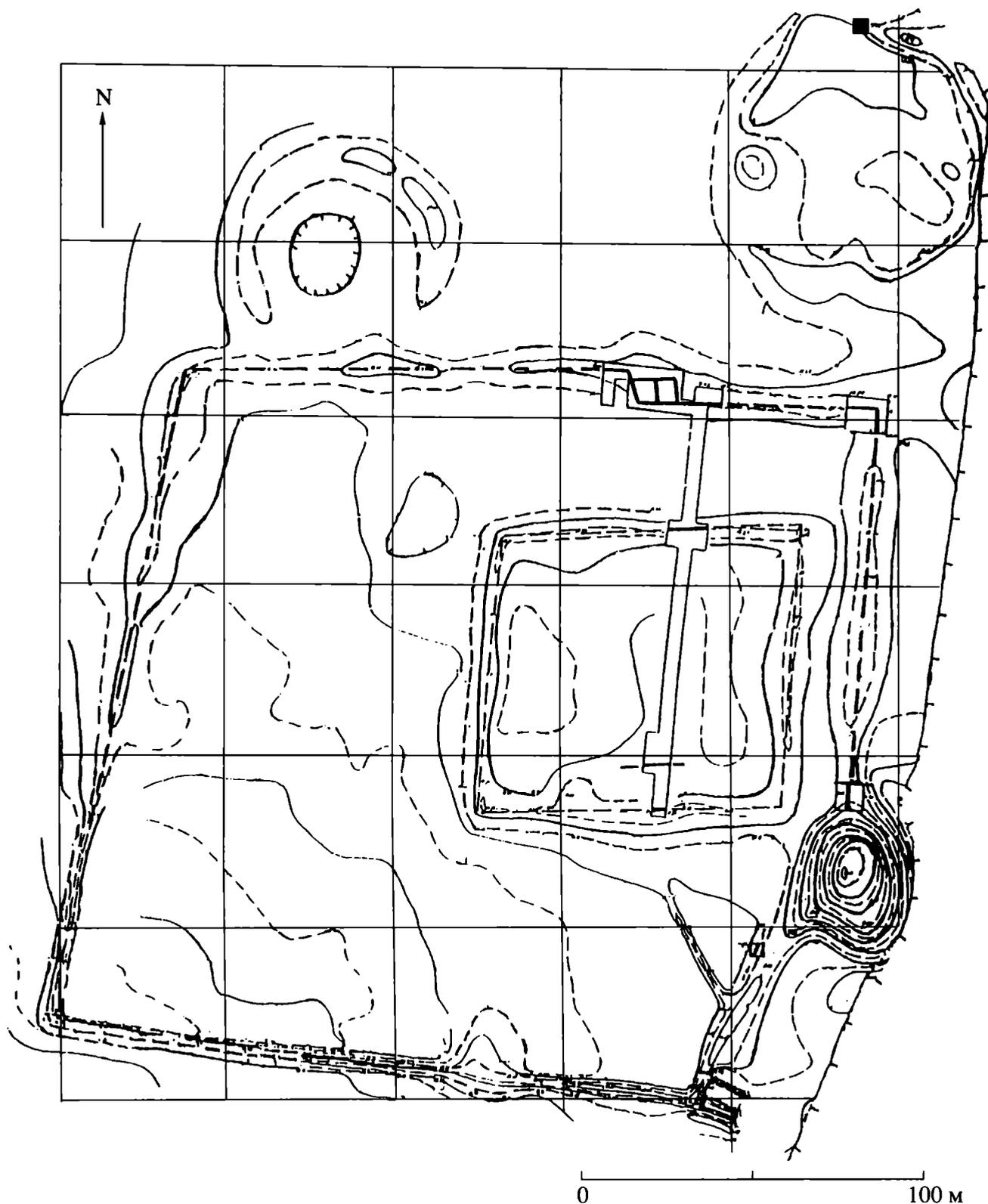

Рис. 3. Семикаракорское городище. План В.С. Флёрова.

Очень вероятно, что угловых башен не имела и цитадель.

На северной стене крепости в 1973 г. открыта большая четырехугольная башня (рис. 4, 5), делящая эту стену на два отрезка – восточный и западный.

Восточная стена крепости обращена к протоке и также состоит из двух участков, из которых южный отклонился от направления северного в связи с изгибом берегового обрыва. Между ними

и находится упоминавшийся “курган”. На самом деле это развалины огромного строения, башни или донжона, с которого полностью просматривалась вся крепость и вся окружающая местность до горизонта. На восток – не менее чем на 20 км. На западе был виден на расстоянии 10 км правый высокий берег Дона. То, что “курган” скрывает какое-то сооружение, было установлено в 1974 г.

Южная и западная крепостные стены, вероятно, были прямыми. Судя по плану Миллера–Ар-

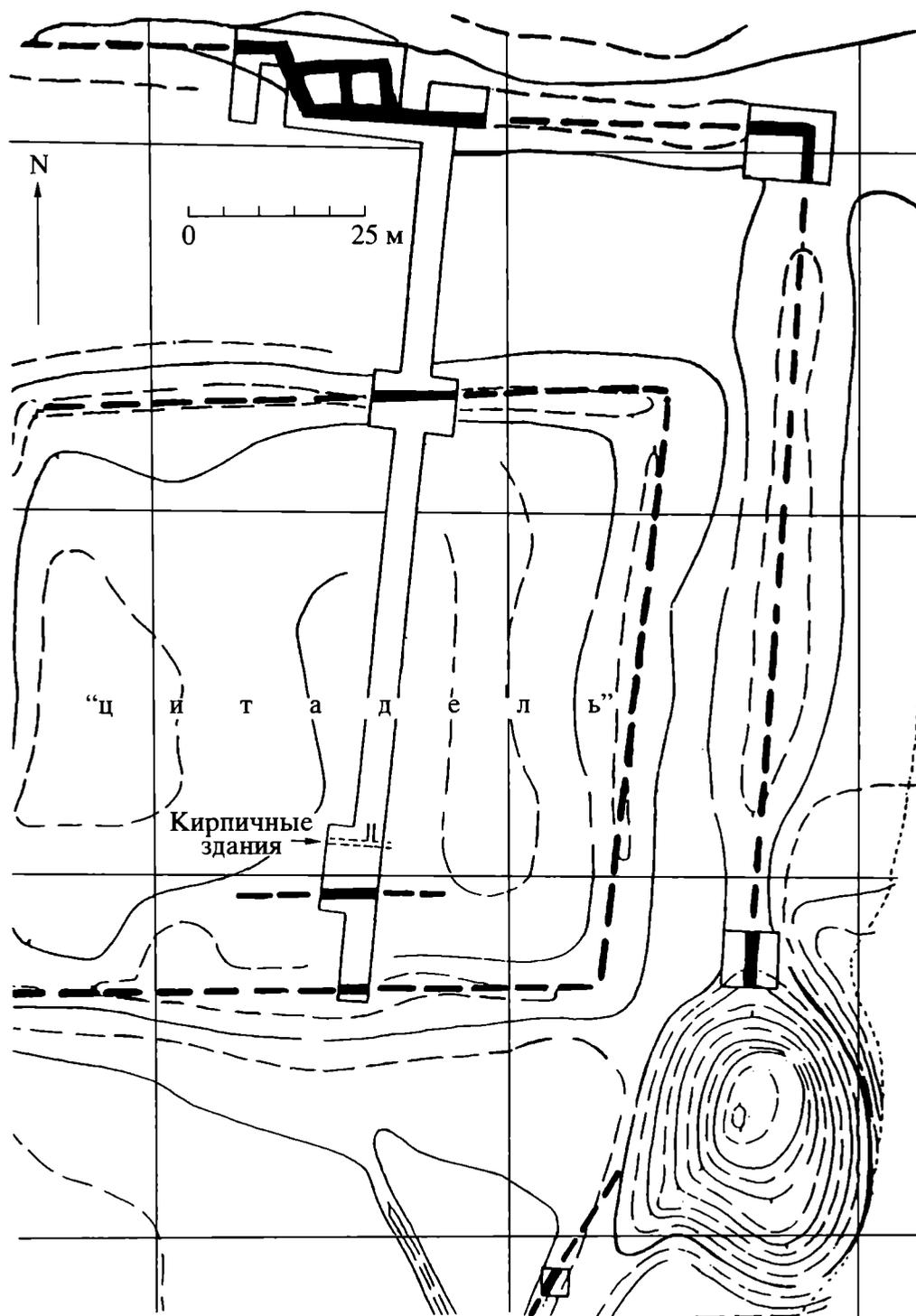

Рис. 4. Семикаракорское городище. Северо-восточный сектор с раскопами 1971–1974 гг.

тамонова и нашему, выполненному профессиональными топографами в 1972 г., на южной стене крепости, метрах в 50 от юго-восточного угла могла располагаться башня, но и это требует проверки раскопками.

Цитадель расположена в восточной половине крепости (рис. 3, 4). Ее очертания близки к прямоугольнику, 80×85 м. От восточной крепостной стены цитадель отстоит всего на 25 м, а от северной примерно на 36 м.

Особенностью Семикаракорской крепости среди немногих известных крепостей Хазарского ка-

ганата являются два овальных сооружения (рис. 3) около северной крепостной стены. В настоящее время внешне они выглядят как расплывшиеся кольцеобразные всхолмления высотой не более 50 см. Восточный «овал» отстоит от крепостной стены примерно на 35 м. Его диаметр около 75 м. Заложенный на его северной вершине раскоп (4×4 м) определенных результатов не дал.

С.А. Плетнева реконструировала на опубликованном плане (рис. 2) на пространстве между этим сооружением и северо-восточным углом крепости два каких-то помещения, но наши раскопки

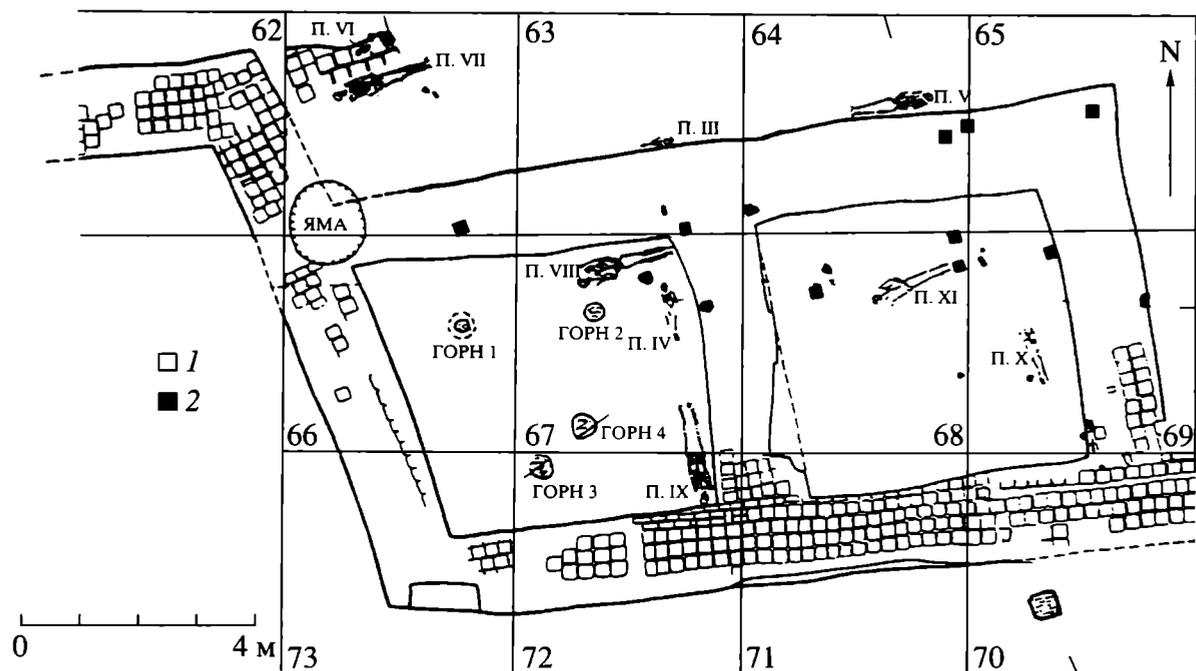

Рис. 5. Башня на северной стене крепости. 1 – сырцовые кирпичи; 2 – обожженные кирпичи.

показали, что к углу крепости с внешней стороны никакие строения не примыкают. Нет их и на плане Миллера–Артамонова.

Западное овальное сооружение у северо-западного угла крепости (диаметр около 70 м), в отличие от восточного, непосредственно примыкает к северной стене крепости, но соединялись ли они, покажут только раскопки. В центре сооружения – овальное углубление 20–23 м в диаметре. Делать какие-либо предположения о назначении этих овальных сооружений – занятие малоперспективное.

С запада к северо-западному углу крепости примыкает группа из трех курганов (рис. 2). В 1974 г. один из них, самый удаленный, был частично раскопан. В нем обнаружено 18 погребений срубной культуры позднебронзового века. Тем самым установлено, что данный курган, как, вероятно, и второй, никакого отношения к городищу не имеет. Только самый большой курган, по предварительным данным, может быть синхронен крепости. В этой связи вынужден опять обратиться внимание на публикацию С.А. Плетнёвой 1999 г. (С. 114), в которой она посчитала их, а вместе с ними и овальные сооружения у северной стены крепости, “курганами-башнями”, сравнивая с совершенно неизученными сооружениями городища Среднего в округе Саркела и совершенно иными по конструкции округлыми башнями городища Чир-Юрт в Дагестане.

В 1972 г. при обследовании прилегающей к крепости территории было обнаружено скопление фрагментов амфор и отдельные фрагменты лощеной посуды салтово-маяцкого облика около юго-западного угла, а около южной крепостной

стены скопление фрагментов горшков из грубой глины и хорошо известных крымских красноглиняных кувшинчиков типа ойнохой. Данные местонахождения предварительно определены как поселение у стен крепости, но границы его еще следует уточнить. Это открытие существенно меняет представления о Семикаракорском археологическом комплексе, открывая новые перспективы в его изучении.

Для полноты картины упомяну о находках непосредственно на берегу р. Сусат (Салок) у подножия восточной стены крепости отдельных фрагментов керамики VIII–IX вв, в том числе толстостенного красноглиняного пифоса. Подобные пифосы хорошо известны в Крыму, в частности, в Херсонесе.

Всего в 1971–1974 гг.¹ вскрыто немногим более 1500 м² из общей площади памятника (без кольцеобразных сооружений) в 43000 м². Получены существенные данные о фортификации, исследован культурный слой. В цитадели открыт участок, некогда застроенный кирпичными сооружениями. Таковы только основные итоги.

Строительный материал. Семикаракорская крепость возведена в основном из сырцового, необожженного кирпича, но эпизодически в массив стен без всякой системы включали и обожженные кирпичи. Размеры сырцовых достаточно стандартны, в среднем 25 × 25 × 4–5 см. Размеры обожженного кирпича преимущественно 26 × 26 × 6 см. И сыр-

¹ Раскопки проводила экспедиция краеведческого музея Таганрога под руководством автора. В музее хранится и коллекция находок, в том числе большая серия кирпичей со знаками из стен крепости.

цовые и обожженные кирпичи представлены и полуформатными экземплярами. И все же обожженные кирпичи дают большее разнообразие в размерах. Так из раскопа с северной стороны башни-донжона на восточной стене крепости происходят кирпичи следующих размеров (в см): $22.5 \times 23.5 \times 4.5$; $23.5 \times 23.5 \times 5.5$; $23.5 \times 23.5 \times 4.5$; $24.0 \times 24.0 \times 5$; $24.5 \times 24.5 \times 5$; $25.0 \times 25.0 \times 4$.

Там же есть и полуформатные кирпичи: $23 \times 11 \times 5$ см. Часть кирпичей имеет нестандартные размеры: $27.5 \times 27.5 \times 7.5$ см; $28.0 \times 28.0 \times 6.5$; $25.0 \times 14.5 \times 7$; $28.0 \times 13.0 \times 7$ см. Один кирпич с оббитыми краями: 45×45 см (толщина не установлена).

Наиболее интересен один экземпляр трапециевидной формы: $29.5 \times 13.8 \times 24.0$ при толщине 6 см. Форма данного кирпича свидетельствует, что строители крепости могли сооружать круглые элементы в строительных конструкциях, возможно, и арки.

На многих обожженных кирпичах встречены разнообразные прочерченные до обжига знаки, анализ распространения которых на городище произвела В.Е. Флёрова (Нахапетян) (Флёрова, 1997. С. 43–54. Табл. VII).

Использовался ли обожженный кирпич для облицовки крепостных стен? Около донжона, а также вдоль внутренней стороны северной стены цитадели обнаружены большие развалы обломков и целых обожженных кирпичей. Я не исключаю, что они составляли панцири стен или цоколи, но для окончательного решения этой проблемы данных еще недостаточно.

Конструкция стен. Все раскопанные участки стен крепости возведены по единому принципу. Кладка велась продольными рядами. В одном слое кладки, как правило, шесть рядов. Первоначально выкладывались боковые, затем между ними внутренние, но уже менее аккуратно. Строители не придерживались регулярной перевязки швов между кирпичами-сырцами одного слоя, но каждый вышележащий кирпич должен был перекрывать поперечные и продольные швы между нижележащими, хотя и это правило могло нарушаться. В кладке использовали и полуформатные сырцовые кирпичи.

Связующим материалом служила глина, а зачастую и просто грязь. Сами сырцовые кирпичи также различались по составу. Среди них есть выделанные из более чистой глины и более темные из глины с примесью чернозема. На глиняном растворе клали и обожженные кирпичи, но в слое около стен встречаются и остатки известкового раствора, на котором могли возводить панцири или цоколи.

Все кирпичи укладывались лицевой стороной вниз. Лицевая сторона при сушке становилась вогнутой и укладка этой стороной вниз содействовала сцеплению кирпича со связующим раствором.

Нельзя исключать, что стены после строительства, а также периодически, покрывали известковым раствором (белили), но это предположение, построенное на находках извести в слое, также требует новых наблюдений.

Стены и башни крепости возводились без фундамента. Они ставились непосредственно на выровненную дневную поверхность, причем не всегда горизонтально. Напомню, что и все исследованные каменные крепости Хазарского каганата (Правобережная Цимлянская, Маяцкая, Верхне-Ольшанская), а также Саркел возведены без фундаментов. Массивы хазарских стен, каменных и кирпичных, не были столь тяжелы, чтобы появилась необходимость в фундаменте.

Ширина крепостных стен при среднем размере сырцовых кирпичей в 25×25 см и ширине продольных швов в среднем в 3 см при кладке в шесть рядов достигала 1.65 м. Если допустить двустороннюю облицовку обожженными кирпичами, то и 2.20 м. О высоте стен судить можно только предположительно. При соотношении ширины к высоте как 1 : 3 их высота могла достигать 5–6 м.

На постройку всех оборонительных сооружений крепости потребовалось не менее 2000000 кирпичей. Эта цифра заставляет задуматься о всей трудоемкости этого предприятия. Ясно, что возведение крепости было заранее спланированным, хорошо продуманным и хорошо организованным. И, естественно, дорогостоящим во всех отношениях. Полагаю, строительство Семикаракорской крепости было под силу только государственной власти Хазарского каганата с привлечением всех бывших в его распоряжении людских резервов, материальных и финансовых средств. Но, с другой стороны, не следует и особо преувеличивать сложности и объема этого строительства, грандиозного только по масштабам Хазарского каганата.

Самой трудоемкой и долговременной операцией было заготовление глины и песка для кирпичей и замес этого сырья. Для замеса, судя по этнографическим данным, должны были использоваться быки и лошади.

Башня на северной стене крепости. На сегодня это самый интересный и значительный объект из открытых на городище (рис. 4, 5). Башня имела форму четырехугольника, у которого только один угол, северо-восточный, был прямым, приблизительно равным 90° . Северная стена – 13.8 м, южная – 14.2 м, а западная – 8.8 м, восточная – 6.9 м. Самое необычное для башни – это ее соединение с крепостной стеной. По сути дела она встроена в ее зигзагообразный изгиб с внешней стороны. Чем вызвано такое необычное и нерациональное расположение башни, покажут будущие раскопки, но случайным оно быть не могло. Вероятно, какое-то изменение первоначального

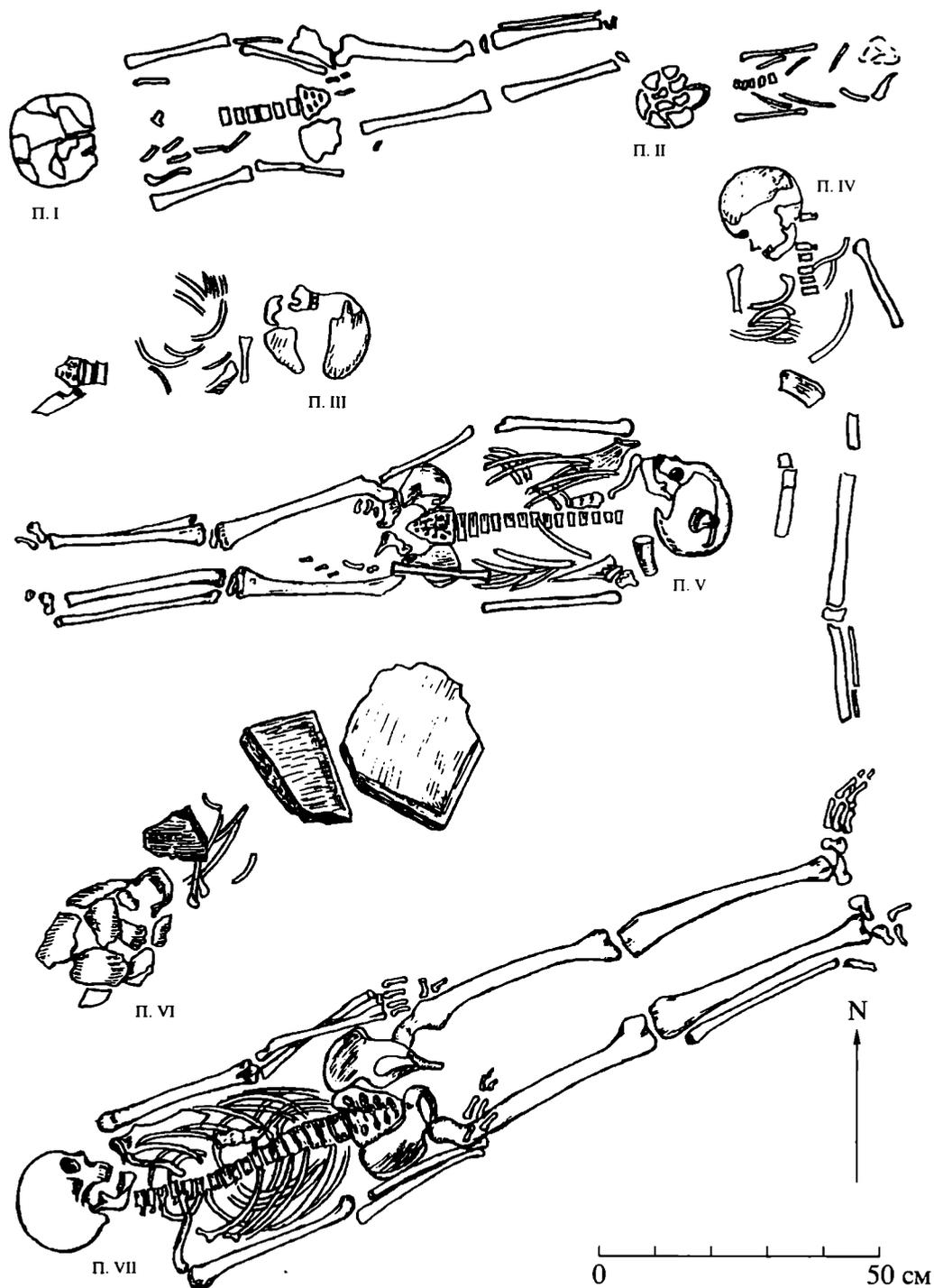

Рис. 6. Захоронения у северной стены цитадели (I, II) и в башне и рядом с ней на северной стене крепости (III–VII).

проекта заставило сместить восточный отрезок северной стены на 9.5 м к югу. Можно осторожно предположить, что это как-то связано с овальным сооружением у северо-восточного угла крепости.

Внутри башня разделена поперечной стеной на два почти равных помещения. Если они и соединялись между собой, то проход должен был располагаться на высоте не менее 1 м. Нельзя исключить и наличие в башне второго этажа. Башня сохранилась на высоту 8–10 слоев кладки. Такова в среднем сохранность всех оборонительных сооружений крепости. Толщина стен достигала 1.60 м.

Использованные сырцовые кирпичи: 25 × 27; 24 × 26; 26 × 25 см при толщине 5 см в среднем.

Применялись полуформатные сырцы – 24 × 12; 26 × 12 см. В кладке встречаются и единичные обожженные кирпичи, иногда по одному, иногда по несколько в одном ряду. Их размеры: 24 × 24 × 5; 24.5 × 24.5 × 5 см. В западном помещении толщина одного обломка кирпича составляла 8.5 см.

В западном помещении располагалась железо-плавильная мастерская, там обнаружены остатки четырех горнов. На полу собрано несколько килограммов железистых шлаков (проведены анализы их состава). Сам пол покрыт древесными золой и углями. В какое-то время мастерская прекратила свое существование и возник второй уровень пола.

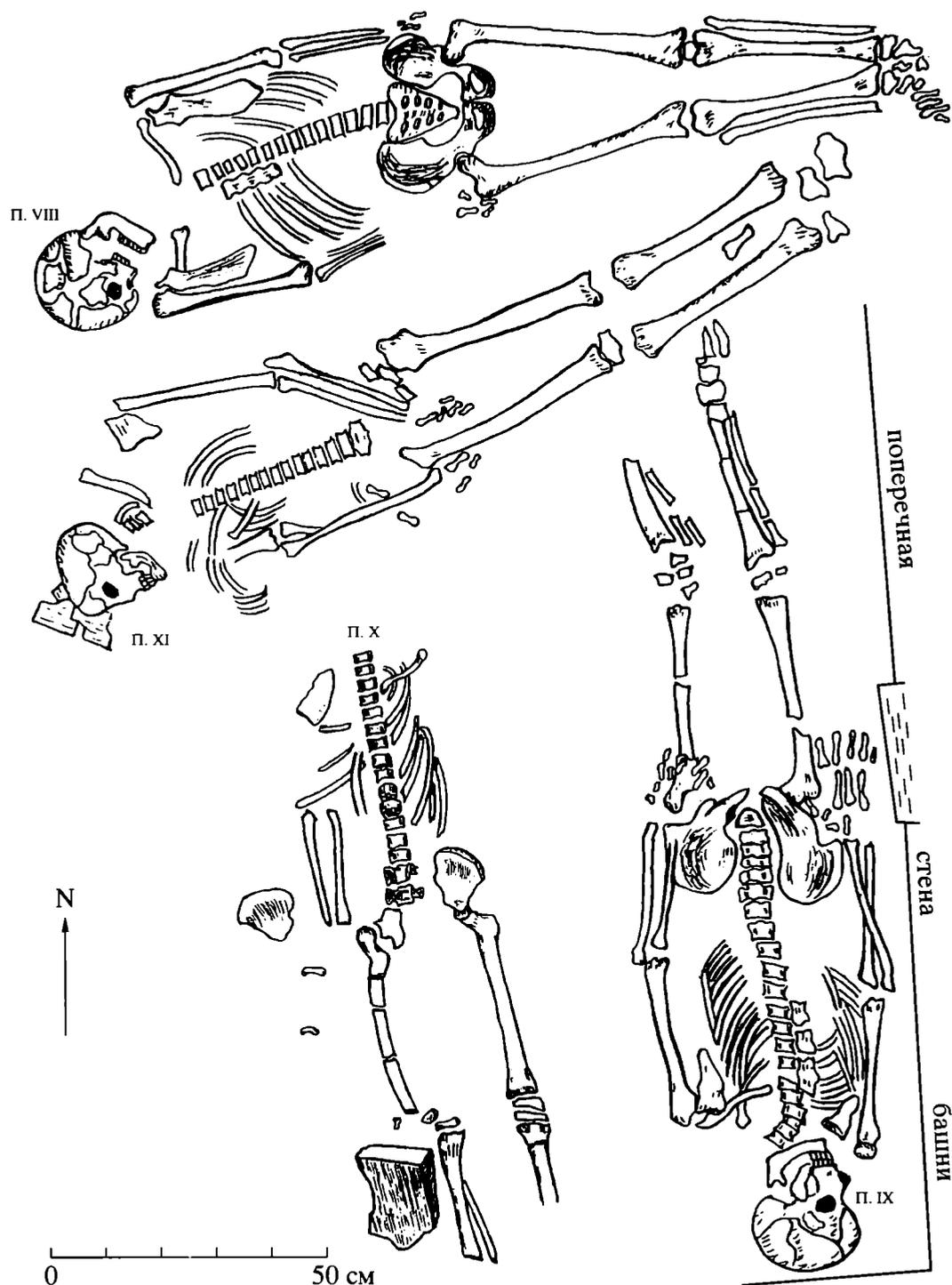

Рис. 7. Захоронения (VIII–XI) в башне на северной стене крепости.

Менее интенсивная прослойка золы отмечена и в восточном помещении, но окончательно определить его назначение не удалось. Возможно, это был склад готовых изделий или сырья. Не исключено, что здесь находилась кузница. Так или иначе, оно также было связано с каким-то производством. Чрезвычайно интересно, что также в двухкамерном строении, пристроенном изнутри к южной стене Правобережного Цимлянского городища, обнаружены аналогичные остатки горнов и также в одном помещении. Второе помещение представляло собой “склад” с подпольной ямой. Оба помещения соединял “дверной” проем (Флёров, 1994. С. 451–453).

Очень важным для выяснения обстоятельств последних дней жизни Семикаракорской крепости стало открытие девяти погребений, совершенных на верхнем уровне сохранившихся стен башни. После того как башня оказалась полностью или частично разрушенной, а ее помещения заполнились упавшими сырцами до уровня десятого слоя кладки, тела умерших (погибших?) были уложены вдоль стен внутри обоих помещений и снаружи со стороны северной стены. Всего оказалось девять скелетов, в том числе четыре детских. Позы погребенных одинаковы: вытянуто на спине (рис. 6, 7). Руки вытянуты или же кисть од-

ной лежит в области таза. Говорить о выборе определенной ориентировки трудно, так как захоронения совершались в необычном месте при экстраординарных обстоятельствах. Пятеро погребены головой на запад, два на север, по одному – на юг и восток. Все тела были засыпаны теми же обломками стены, т.е. сырцовыми кирпичами, превратившимися к моменту раскопок в сплошную глинистую массу.

Еще два детских захоронения совершены с внутренней стороны северной стены цитадели (погр. I и II). В итоге из 11 обнаруженных захоронений 6 оказались детскими. Данное обстоятельство показывает, что эти останки явно принадлежали жителям крепости.

Никаких предметов при скелетах не оказалось. Наверняка у оставшихся в живых не было ни времени, ни сил совершить захоронения трупов по всем правилам, т.е. в подготовленных на могильнике ямах в соответствии с принятыми обрядами и помещением в могилы соответствующего инвентаря. И последнее, у одного из погребенных мужчин (погр. X) голова отделена от тела (отрублена?). Она была приставлена к телу, но при закапывании откатилась к центру западного помещения. Можно быть уверенным, что подобные захоронения будут обнаруживаться и при последующих раскопках. Но уже сейчас ясно, что жизнь в крепости была прервана неблагоприятными для ее населения обстоятельствами. Какими, ответить сегодня нельзя. Любые предположения будут безосновательны.

Северо-восточный угол крепости. Раскопки этого объекта имеют принципиальное значение для понимания строения Семикаракорской крепости. Выяснено, что данный угол не имел башни (рис. 8), и это дает основание предполагать, что прочие углы самой крепости и ее цитадели также не имели башен.

Северо-восточный угол образован простым соединением северной и западной стен без тщательно выполненных перевязок швов. Мало того, угол возведен из обычного для крепости сырца. В развалах сырцов около угла встречаются лишь очень малочисленные обломки обожженного кирпича. Количество их явно недостаточно для придания углу особой прочности.

Угол не был прямым, он равен 86° . Как и стены крепости, он возведен без фундамента и даже без заметного углубления основания в подстилающий грунт. В то же время стоит обратить внимание, что основание самого угла лежит на 15 см выше, чем близлежащие участки стен. Трудно, однако, сказать, сделано это преднамеренно, чтобы предотвратить вываливание угла “наружу”, или же просто строители не потрудились достигнуть горизонтальности северной и западной стен при подходе их к месту стыка. Во всяком случае

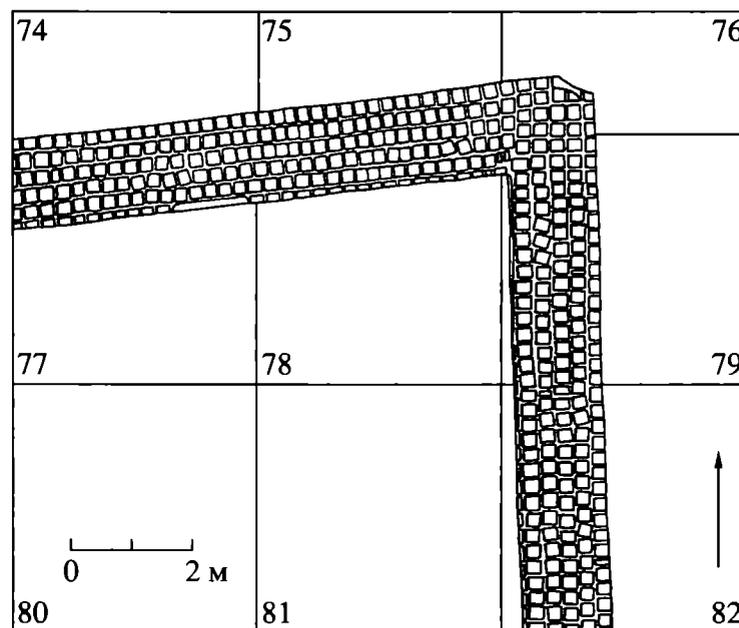

Рис. 8. Северо-восточный угол крепости.

повышение основания стен в направлении к углу должно было способствовать его устойчивости.

При исследовании конструкции кладки угла произведена послойная разборка кладки в надежде выявить скрытые особенности, отличавшие кладку столь ответственного узла обороны от кладки куртин. Таких не оказалось. При последующих раскопках я уже не рекомендую разбирать углы. Их следует сохранять для будущих исследователей и для возможной музеефикации. Что касается описанной башни на северной стене, то она была сохранена и вновь засыпана грунтом.

Восточная стена крепости. Как указывалось, на восточной стене крепости отмечено курганообразное возвышение. Его размеры 35×45 м при высоте около 3 м. С целью выяснить его характер, с северной стороны был заложен раскоп (8×8 м) и вскрыт участок восточной крепостной стены. Выяснилось, что стена не поднимается на это возвышение, но уходит в его толщу, сохраняя горизонтальность своего основания. Сама стена в пределах раскопа сохранилась на высоту до 21 слоя кладки, что составляет примерно 1.42 м (рис. 9). До начала раскопок я и не предполагал открыть столь хорошо сохранившуюся стену. Можно ожидать, что само скрывающееся в насыпи сооружение (предполагаемый донжон) сохранилось на высоту до 2 м и более. Установлено, что насыпь состоит из сплошного массива распавшихся сырцовых кирпичей.

В кладке открытого участка стены использовались и обожженные кирпичи. Рядом собрано более 3000 обломков. Здесь же обнаружен и упоминавшийся кирпич трапециевидной формы.

Отмечу одну особенность данного участка стены: применение в ней сырцовых кирпичей чрезвы-

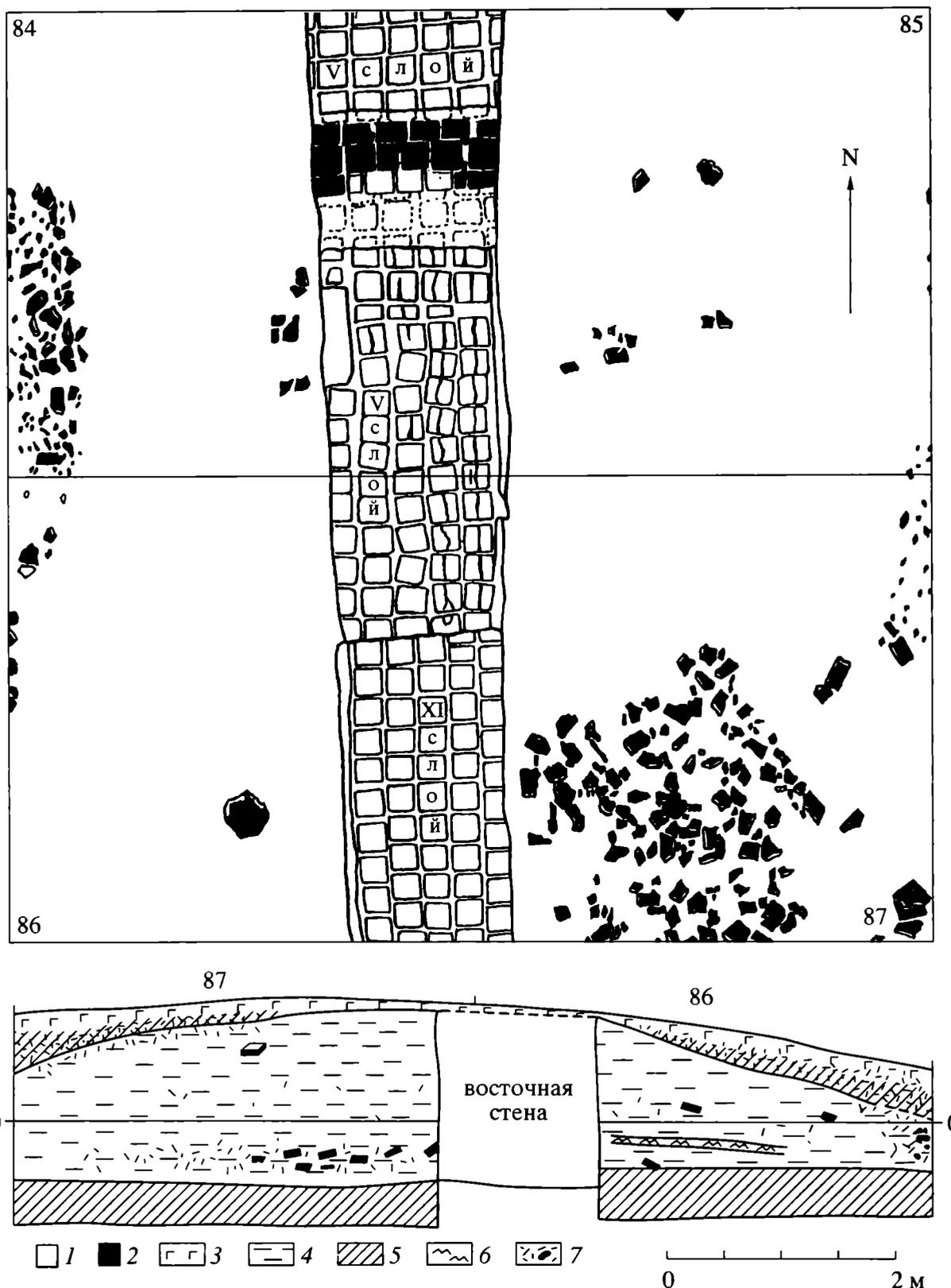

Рис. 9. Участок восточной стены крепости (у основания “донжона”). 1 – сырцовые кирпичи; 2 – кирпичи обожженные; 3 – почва; 4 – развал сырцовых кирпичей; 5 – стерильный слой; 6 – зола; 7 – обломки обожженных кирпичей.

чайно низкого качества, которые не идут ни в какое сравнение с сырцами северо-восточного угла крепости. Из-за этого в стене образовались продольные трещины, причиной чему было и отсутствие должной перевязки швов в кладке. Пока трудно решить, что стояло за использованием сырцов заведомо низкого качества. Возможно, качеству не прида-

вали значения. Нельзя исключить использование непригодного сырья или сокращение срока сушки заготовленных сырцовых кирпичей.

Объем настоящей статьи не позволяет мне описать открытые нами участки оборонительных стен цитадели. Принципиальных отличий от прочих сооружений они не имели ни по примененным

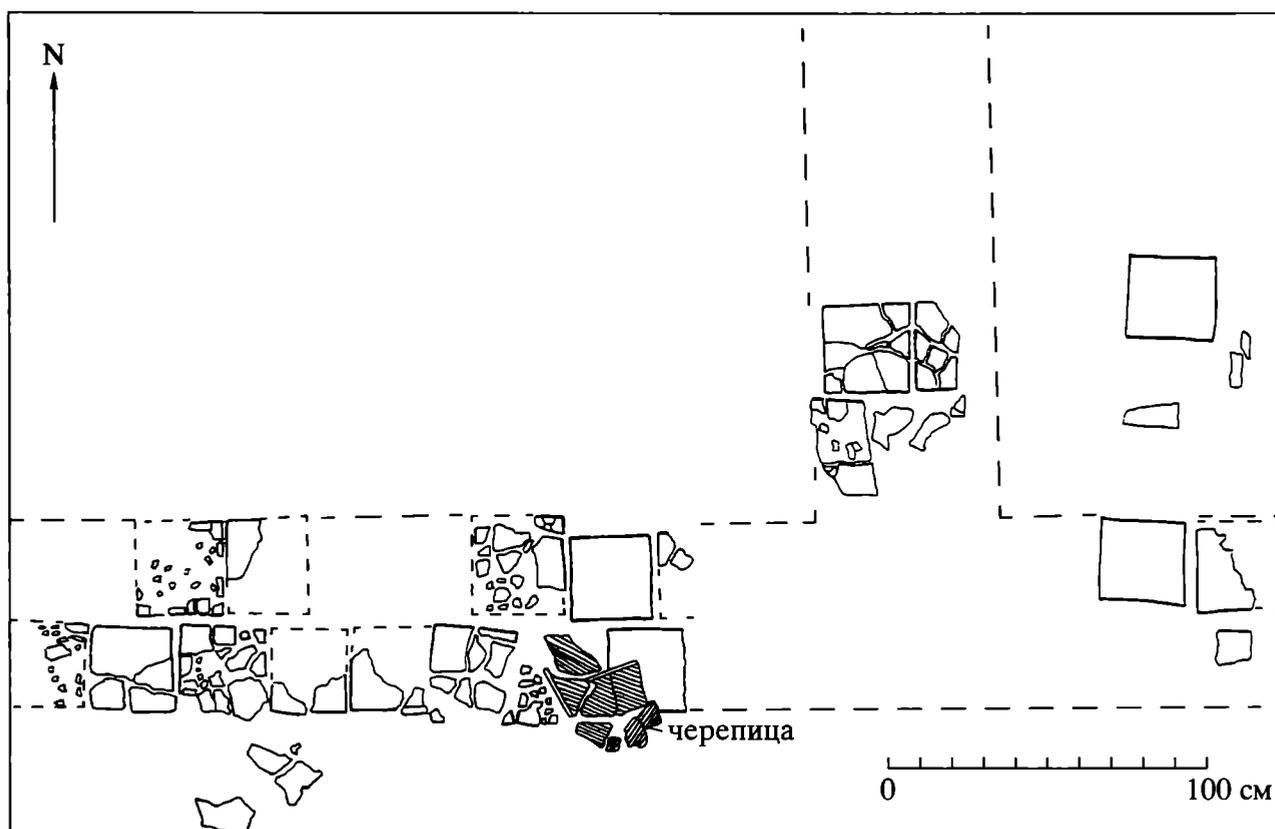

Рис. 10. Остатки кирпичного строения в цитадели.

материалам, ни по системе кладки и перевязке швов. В них также эпизодически использовались и обожженные кирпичи. Перейдем, однако, к участку цитадели, на котором кирпич обожженный был основным материалом.

Кирпичные строения в цитадели. Раскоп-траншея 1971 г. прорезал сплошной развал обожженных кирпичей в южной части цитадели. Это остатки почти не сохранившихся кирпичных зданий, но для нас в данном случае неизмеримо важнее не сохранность, а само открытие в сырцово-красной крепости сооружений исключительно из обожженного кирпича. Протяженность застроенного ими пространства около 40 м с севера на юг. Местами обломки кирпичей залегали сплошной массой.

Удалось обнаружить и остатки одного из зданий (рис. 10): две состыкованные под прямым углом стены из двух рядов кирпичей размерами 27 × 27 × 6–7 см. В качестве связующего материала использована известь.

Вокруг этих остатков сплошные развалы фрагментированной черепицы – овальной (каллиптеры) и плоской (керамиды) с бортиками. Размеры керамид: длина 49 см, ширина в основании 34 см, толщина до 2.5 см.

Небезынтересно отметить, что в Саркеле черепица почти не применялась. Отдельные обломки черепицы семикаракорского типа есть на Правобережном Цимлянском городище, где, впрочем, не

было кирпичных зданий. Источником их поступления могло быть Семикаракорское городище, о чем задумывался еще М.И. Артамонов (1962. С. 320), но это предположение требует тщательного сравнения образцов черепицы из обеих крепостей. В любом случае открывается возможность хронологических сопоставлений Семикаракорской и Правобережной Цимлянской крепостей.

Главный итог раскопок в цитадели – это установление факта первостепенной важности: центральную часть крепости занимал большой комплекс кирпичных зданий с черепичными крышами.

Основные находки на городище – фрагменты керамики. Именно они позволяют безоговорочно отнести Семикаракорское городище к салтовомаяцкой археологической культуре. На данном этапе исследованности городища следует подчеркнуть отсутствие среди находок, в первую очередь среди керамики, вещей, которые могли бы датироваться позднее середины IX в.

Читатель, возможно, ожидает от меня какого-либо обобщения результатов четырехлетних раскопок Семикаракорского городища с последующими историческими выводами. Скажу сразу: они более чем преждевременны. Данная статья имеет вполне определенную цель – ознакомить в первую очередь с основными фактическими данными об этом неординарном памятнике Хазарского каганата. При этом основное внимание было уделено фортификации и ее особенностям в данной крепости. Совершенно не освещены стра-

тиграфия, культурный слой, распределение в нем керамики и т.д.

Выскажусь лишь по некоторым вопросам. Первый из них – хронология. Определенно должен быть отброшен X в. и даже вторая половина IX в., если судить по полному отсутствию в наших раскопках образцов импортной керамики этого времени. Сложнее обстоит дело с датой основания крепости. В принципе я согласен с М.И. Артамоновым, писавшим: “Несомненно, техника кирпичного строительства была известна на Дону задолго до сооружения Саркела, хотя и не получила широкого распространения; как показывают материалы Правобережного замка и Семикаракорского городища, в досаркельское время в ходу были кладки из сырцовых, а не из обожженных кирпичей” (Артамонов, 1959. С. 7). Теперь, после раскопок Семикаракорского городища, можно уточнить, что и обожженные кирпичи применялись очень широко, формат их был разнообразен. Разнообразны на них и знаки-тамги.

В связи с мнением М.И. Артамонова впервые выскажу следующее: не Петрона Каматир со спутниками обучали население каганата изготовлению кирпичей, в том числе обожженных! Это распространенное мнение, исходящее из сообщения Константина Багрянородного и не учитывающее археологических данных, следует решительно отбросить. Роль Петроны сводилась к одному – создание проекта Саркела, перенесение его на местность и наблюдение за строительством. Причем трудно установить, дождался ли он окончания строительства. Что касается идеи построить крепость полностью из кирпича, то она могла принадлежать как Петроне, так и кагану или действовавшим от его лица. При этом и Петрона и хазарские власти опирались на уже имевшийся в каганате опыт изготовления и сырцового, и обожженного кирпича. Как показали раскопки в цитадели Семикаракорской крепости, в Хазарии было известно и изготовление извести для кирпичной кладки. В итоге о Петроне можно говорить лишь как о создателе проекта и топографе.

Итак, исторический эпизод с Саркелом позволяет в какой-то степени подойти к относительной хронологии: речь должна идти о времени ДО строительства Саркела. Что касается абсолютной даты, то лишь по находкам черепицы на Правобережном Цимлянском городище, датированном мною досаркельским временем (Флёров, 1994. С. 485–487), я очень предположительно могу поставить вопрос и о возникновении Семикаракорской крепости, уже на основе археологических данных, не позднее первой трети IX в. Сужать предложенную дату пока нет ни малейших оснований!

Проблема вторая – о назначении крепости. В этом вопросе необходимо в первую очередь иметь в виду, что сами наши раскопки еще не дали материала, который позволил бы немедленно взяться за эту проблему. Только дальнейшие раскопки могут дать новые материалы. Необходимо прежде всего выяснить назначение комплекса кирпичных зданий цитадели. Не следует забывать, что мы еще ничего не знаем, чем была занята западная половина крепости. При таком состоянии изученности памятника не только решать, но и ставить вопрос о назначении крепости – значит пренебрегать элементарными нормами археологического и исторического исследования.

Ни в коей мере нет оснований для непереносимой связи Семикаракорской крепости исключительно с внешней угрозой каганату. Крепости не в меньшей мере служили для поддержания стабильности внутри каганата, были опорой центральной власти, о чем почему-то постоянно забывают. Если же говорить о внешней опасности, то крепость могла быть построена против любой. Слишком велик был объем затрат, чтобы строить одну из самых больших крепостей каганата по какому-то конкретному случаю. Полагаю, что это касается всех южных крепостей Хазарии вплоть до Хумаринской. Преждевременно, однако, до установления даты основания связывать крепость и с конкретными событиями внутри Хазарии. Весьма опрометчиво поступил ростовский археолог А.А. Иванов, лишь на основе моей предельно краткой публикации (Флёров, 1973б) построив целую “гипотезу” о строительстве крепости силами “оппозиции”, выступившей против центральной власти в ходе так называемой гражданской войны. Автор обосновывает это тем, что крепость построена из необожженного кирпича, а строить из обожженного кирпича “по хазарским обычаям мог только каган”. Зададим вопрос, а что мешало оппозиции строить из обожженного кирпича в знак непризнания власти кагана? А с другой стороны, почему центральная власть не могла использовать сырцовый кирпич? Над этими простыми вопросами А.А. Иванов, вероятно, не задумывался. Это пример того, когда в увлечении “идеями” забываются археологические реалии: в Семикаракорской крепости широко использовался и обожженный кирпич, что разрушает базовый тезис “гипотезы” (Иванов, 1994. С. 92, 93).

Неприемлем и тезис А.А. Иванова о параллели между “черными” и “белыми” хазарами, с одной стороны, Саркелом–Белой крепостью и Семикаракорами–Крепкой черной крепостью – с другой. Автор некритически подошел к высказыванию С.А. Плетнёвой, в котором она название казачьей станицы Семикаракорской, основанной в XVI в., перенесла на хазарскую крепость IX в. (Плетнёва, 1976. С. 50). Это же утверждение по-

вторено и в другом издании (Плетнёва, 1986. С. 52). Думаю, не надо пояснять, что топоним “Семикаракоры” относится к истории донского казачества, но не к истории Хазарии (Флёров, 1994. С. 443).

Проблема третья непосредственно связана со второй. Я хочу предостеречь прежде всего историков от поспешного использования данной предварительной и неполной публикации Семикаракорской крепости в каких-либо реконструкциях истории Хазарского каганата. Полная обработка данных раскопок 1971–1974 гг., дальнейшие раскопки и изучение всего процесса крепостного строительства на Нижнем Дону преподнесут немало сюрпризов и непременно опровергнут любые тенденциозные построения. Особая осторожность необходима при очень вероятных попытках связать строительство или разрушение крепости с “венгерским фактором”. Такой неудачный пример мы уже имеем с Правобережным Цимлянским городищем, археологические данные по которому, взятые из работ С.А. Плетнёвой и В.С. Флёрова, историк К. Цукерман “исправляет” в соответствии с собственными представлениями о хазаро-венгерских отношениях: “...перипетии Правобережного Цимлянского городища точно (! – В.Ф.) отражают основные стадии венгеро-хазарских отношений”. К счастью, автор сам признается в предвзятом отношении к данной проблеме (Цукерман, 1998. С. 683). О каком “точном отражении” может идти речь, если многие вопросы изучения Правобережной Цимлянской крепости остаются предметом дискуссии (Флёров, 1996)? Остается надеяться, что Семикаракорская крепость не станет аргументом в аналогичных построениях.

В связи с изучением нижнедонских крепостей каганата обращаю внимание читателей на открытие еще одной рядом с Правобережным Цимлянским городищем и также из белокаменных блоков (Ларенок, Семенов, 1999). Авторы, не описывая первых “скромных по объему раскопок”, сразу “знакомят... только с проблемами, поставленными неожиданным открытием”. Одна из них – возможность перенесения названия “Саркел” и на Правобережную Цимлянскую и на вновь открытую. К сожалению, авторы не ограничились только сообщением о своих взглядах, но предприняли и практический шаг: открытому памятнику присвоено название “Саркел-3”. Если исходить из многоточия в заголовке публикации, то открывается перспектива распространить это историческое название и на крепости, которые еще могут быть открыты на берегах Цимлянского водохранилища.

Перенесение топонима “Саркел” на другие крепости я считаю недопустимым по многим причинам. Саркел давно вошел в науку как конкретный и хорошо известный памятник. Распростра-

нять это название на весь комплекс цимлянских крепостей – лишь давняя гипотеза. Вспомним аналогичную проблему с Беленджером в Дагестане. Столь же гипотетично называть Саркелом и Правобережную Цимлянскую крепость. Вся историческая практика свидетельствует, что любая крепость или укрепление, башня имели собственные имена.

Перенесение зафиксированного письменными источниками названия “Саркел” на археологический объект – Левобережное Цимлянское городище – уникальный случай в археологии Хазарии и произошло оно лишь после столетних обсуждений и широкомасштабных (!) раскопок. Последние имели решающее значение. Что касается П.А. Ларенка и А.И. Семенова (автор идеи “Саркела-3”), то они имеют полное право возродить старую гипотезу, но не более того.

На мой взгляд, прежде чем вообще обсуждать место нового городища в системе цимлянских памятников (не только городищ), необходимо: 1) провести многолетнее и тщательное изучение городища на разных участках; 2) установить типы жилищ; 3) выявить систему фортификации; 4) изучить керамический набор и прочие находки и сравнить керамику трех памятников. И уже на основе этого и еще многого не упомянутого попытаться определить хотя бы приблизительно хронологию. Все это – рутинная работа, но без нее не обойтись. Напомню, что Правобережная крепость исследовалась шесть сезонов (1939 г. – И.И. Ляпушкин; 1958, 1959 гг. – С.А. Плетнёва; 1987, 1988, 1990 гг. – В.С. Флёров и В.Е. Нахапетян) и тем не менее памятник во многом неясен, его оценки противоречивы (разногласия С.А. Плетнёвой и В.С. Флёрова). Мое мнение по поводу “саркелов” разделяет и коллега Г.Е. Афанасьев², но особо отмечу, что нам, как и другим археологам, надо знать итоги хотя бы первого сезона раскопок нового памятника, т.е. археологические аргументы авторов теории Саркела-3. И наконец, насколько последовательность в нумерации должна будет соответствовать исторической?

Но какое наименование может быть присвоено вновь открытой крепости? Есть десятилетиями проверенный путь – по ближайшему стационарному объекту с исторически или географически зафиксированным топонимом. Таким может быть балка Камышина, на борту которой она и расположена, тем более, что городище с созвучным названием среди известных в археологии Хазарии нет. Пока же есть опасение, что “условное название”, как пишут авторы, может стать постоянным.

² См. статью Г.Е. Афанасьева в данном номере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 131.
- Артамонов М.И.* Предисловие // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА. 1959. № 75.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Иванов А.А.* Военно-политическая ситуация на Нижнем Дону в середине VIII – начале IX вв. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VII конф. Ростов-на-Дону, 1994.
- Ларенок П.А., Семенов А.И.* Саркел, Саркел, еще Саркел... // Донская археология. 1999. № 3–4. Ростов-на-Дону.
- Миллер А.А.* Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции в 1926–1927 гг. // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. II.
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам. М., 1967.
- Плетнёва С.А.* Хазары. М., 1976.
- Плетнёва С.А.* Хазары. М., 1986.
- Плетнёва С.А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
- Сизов В.И.* Раскопки въ двухъ городищахъ близъ Цимлянской станицы на Дону // Труды VI АС. 1889. Т. IV. Одесса.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Флёров В.С.* Раскопки Семикаракорского городища // АО–1971. 1972.
- Флёров В.С.* Раскопки Семикаракорского городища // АО–1972. 1973а.
- Флёров В.С.* Раскопки Семикаракорского городища // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973б.
- Флёров В.С.* Крепостная башня на Семикаракорском городище // АО–1973. 1974.
- Флёров В.С.* Работы на Семикаракорском городище // АО–1974. 1975.
- Флёров В.С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994.
- Флёров В.С.* Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. 1996. № 1.
- Флёрова В.Е.* (Нахапетян). Граффити Хазарии. М., 1997.
- Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Semikarakory – the Fortress of Khazar Kaganate on the Lower Don**V. S. Flyorov**

Summary

The results of excavations conducted in 1971–1974 are published for the first time. The fortress is built according the pattern called “rectangular within rectangular”, mainly of mudbrick, in several cases roasted bricks were used. From the north two earthen constructions of unclear function and circular plan were attached to the fortress (Fig. 3). The tower consisting of two rooms was discovered at the northern wall of the fortress (Fig. 5). Four iron-smelting furnaces were cleared up in one room. Only north-eastern corner of the fortress was investigated (Fig. 8). The burials of children and adults discovered within and near the tower and the citadel are dated back to the fortress’ downfall (Figs. 6, 7). The citadel comprised an assemblage of buildings constructed of brick (Fig. 10). Their roofs were covered with tiles of Chersones type. The fortress may be preliminarily dated from the first third of the 9th century; it predates Sarkel and is coeval with Pravoberezhnoe Tsimlyanskoe fortress. The author follows M.I. Artamonov’s point of view that brick masonry was known in Khazar kaganate long before Petrona Kamatira’s mission. Generally, the construction of the fortress in question can hardly be associated with definite political events in Khazaria.

ХАЗАРСКИЕ КУРГАНЫ С РОВИКАМИ: ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ИЛИ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА?

© 2001 г. В. Е. Флёрова

Институт археологии РАН, Москва

Центральноазиатские элементы в культуре раннесредневековых кочевников восточноевропейских степей одним из первых начал исследовать А.И. Семенов (1978)¹. На эти поиски его натолкнуло предположение о принадлежности курганов с золотыми византийскими монетами (Романовская, Столбище, Большая Орловка, Соколовская балка) социальным верхам Хазарии: собственно хазарам или тюркютам. Следующим шагом было заключение, что курганы с монетами и курганы с ровиками объединяются общими признаками: ориентировка погребенных головой преимущественно на запад, наличие костей лошади и барана (Семенов, 1983. С. 101, 102). Возможно, это положение стало отправным пунктом для тенденции интерпретировать наличие ровиков в качестве признака социального ранга уже другими авторами более поздних работ (Багаутдинов и др., 1998. С. 80; Круглов, 1992. С. 181).

Немалое влияние на формирование гипотезы оказала статья А.К. Амброза о Вознесенском комплексе на Днепре (Амброз, 1982. С. 204–222), в которой он сопоставляет сооружения из Перещепино, Глодос и Вознесенки с поминальниками восточных тюрков, состоящими из прямоугольных оградок и ям с костями животных и вещами. Наиболее четко построения А.И. Семёнова о центральноазиатских элементах сформулированы в его тезисах 1982 года и статье 1988 года (Семенов, 1982. С. 77–79; 1988. С. 97–111). К ним отнесены следующие признаки курганов хазарского времени европейских степей (рис. 1).

1. Квадратные ровики, сопоставляемые автором с древнетюркскими каменными оградками и поминально-погребальными сооружениями древнетюркской знати. Особое значение придается присутствию курганов-кенотафов, ограниченных квадратными ровиками, но не содержащих погребений, что еще более сближает их с поминальниками тюрков.

2. Рвы, выходящие за пределы насыпей с подчеркиванием чтимой у тюрков восточной стороны.

3. Жертвенники в западной части курганов, аналогичные находимым в храмах-поминальниках на р. Орхон или Сарыг-Булун в Туве.

¹ Справедливости ради напомним, что проблема центральноазиатских корней культуры праболгар давно и постоянно обсуждается в исследованиях болгарских археологов.

4. П-образные выступы в контурах рвов, сравнимые с аналогичными пристройками к древнетюркским оградкам.

5. Каменные вымостки и каменные оградки на курганных могильниках.

6. Антропоморфная и зооморфная скульптура.

7. Захоронение лошадей на ступеньке.

8. Золотая насечка и инкрустация цветным металлом по черному, при сходной с центральноазиатской системой орнаментации.

9. Центральноазиатский тип лука.

10. Рунические знаки и надписи.

Р.С. Богачев, А.В. Багаутдинов и С.Э. Зубов перечисляют несколько иной набор центральноазиатских элементов в погребальной обрядности курганов новинковского и уреньского типов в Среднем Поволжье.

1. Каменные наброски на курганах.

2. Каменные оградки с захоронениями внутри (отмечу: в Подонье этого обряда нет).

3. Погребения с конем и курганы с конскими черепами и конечностями под насыпью, т.е. вне погребений.

4. Инвентарь: S-видные псалии, костяные путовые пряжки, “типично” тюркские пряжки и поясной набор (могильник Брусяны II 34/2), железные мотыжки, комплекс стрелкового вооружения (Багаутдинов и др., 1998. С. 170).

5. Ровики также признаются элементами поминально-погребальной обрядности Восточно-тюркского каганата (храмы и оградки) (рис. 2).

По мнению этих же исследователей, следующие факты должны указывать на то, что поволжские курганы, помимо погребальной, выполняли и поминальную функцию: остатки горения и кости животных во рвах; два строительных горизонта в насыпях; далеко выходящая за пределы насыпи и окруженная рвом площадка кургана I могильника Брусяны III (Багаутдинов и др., 1998. С. 83).

Проблема центральноазиатских элементов в подкурганных захоронениях Восточной Европы – важная составляющая проблемы формирования салтово-маяцкой культуры и, шире, – взаимодействия иранского и тюркского этносов в ее южных районах.

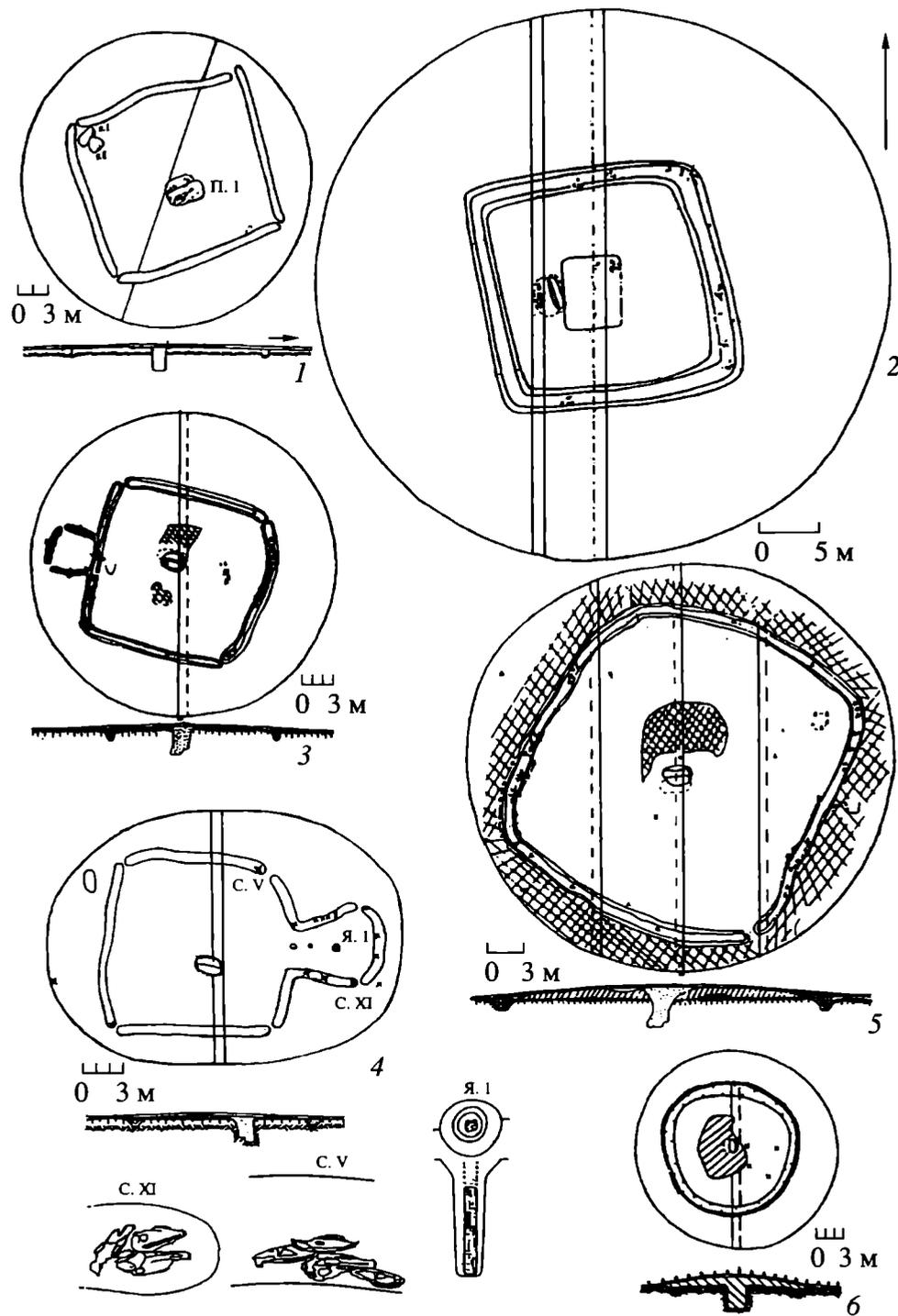

Рис. 1. Ровики курганов Волго-Донских степей хазарского времени: 1 – Дружба, курган 3; 2 – Кривая Лука XXVI, курган 5; 3 – Новосадковский могильник, курган 24; 4 – Кутейников П., курган 2; 5 – Новосадковский могильник, курган 12; 6 – Барановка I, курган 13 (Власкин, Ильюков, 1990; Круглов, 1992. Рис. 4; Парусимов, 1998. Рис. 15, 54; Федоров-Давыдов, 1984. Рис. 1).

Попробуем разобрать указанные выше построения и сопровождающие их признаки, ограничившись в данном случае надмогильными сооружениями.

Прежде всего отмечу, что вряд ли стоит касаться таких “азиатских” черт, как наличие каменных вымосток и каменных оградок, которые гипотетически могут свидетельствовать о существовании “усов” у курганов. Сами курганы с “усами” имеют широкую датировку и их сложно связывать с каким-либо определенным этносом (Любчанский,

1998), да и те остатки каменных сооружений на могильниках Новогригорьевский и “Три брата”, которые А.И. Семенов склонен относить к хазарскому времени, никак не датируются.

Идея о центральноазиатских связях архитектурных конструкций, относящихся к погребально-поминальной обрядности в Хазарском каганате, высказанная А.К. Амброзом и А.И. Семеновым, привлекла наибольшее внимание исследователей. Квадратные очертания ровиков и наличие в них перемычек оказа-

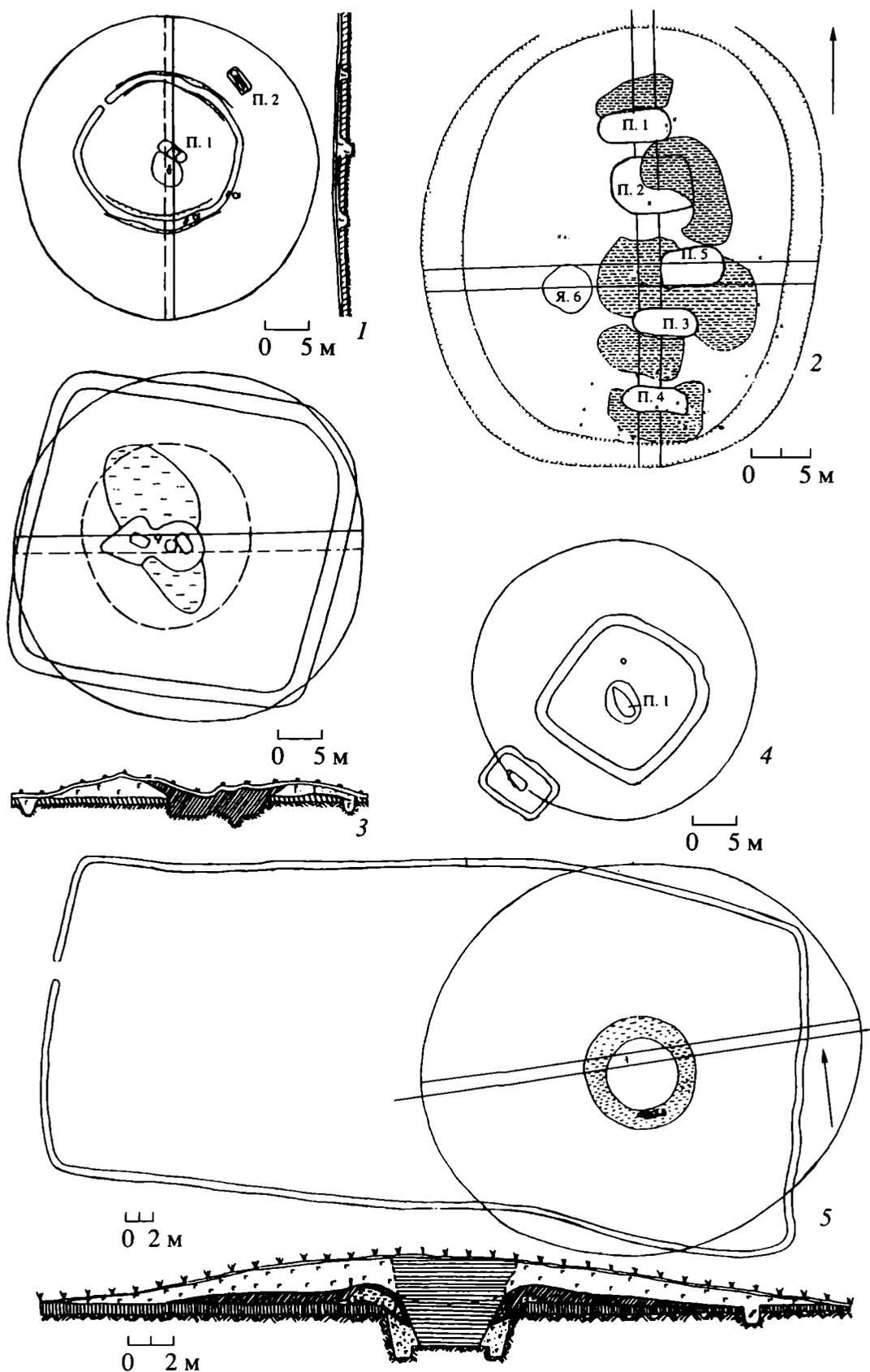

Рис. 2. Раннесредневековые курганы с ровиками в Среднем Поволжье: 1 – Урень II, курган 2; 2 – Новинковский II могильник, курган 13; 3 – Урень II, курган 3; 4 – Старомайский I могильник, курган 1; 5 – Брюсяны III, курган 1 (Багаудинов и др., 1998. Табл. I, XV; Матвеева, 1997. Рис. 57).

лись хорошими диагностирующими признаками курганов VIII в. в Подонье. Это так. Но при этом явно возникло стремление считать наличие ровика самостоятельным признаком для неопременного отнесения кургана к хазарской традиции и хазарскому времени, а квадратную или прямоугольную фигуру рас-

считывать как свидетельство исключительно хазарской или тюркской принадлежности.

В Подонье курганные ровики сооружали с эпохи бронзы и до позднего средневековья. Известны ровики с перемычками и остатками тризн (Головко-

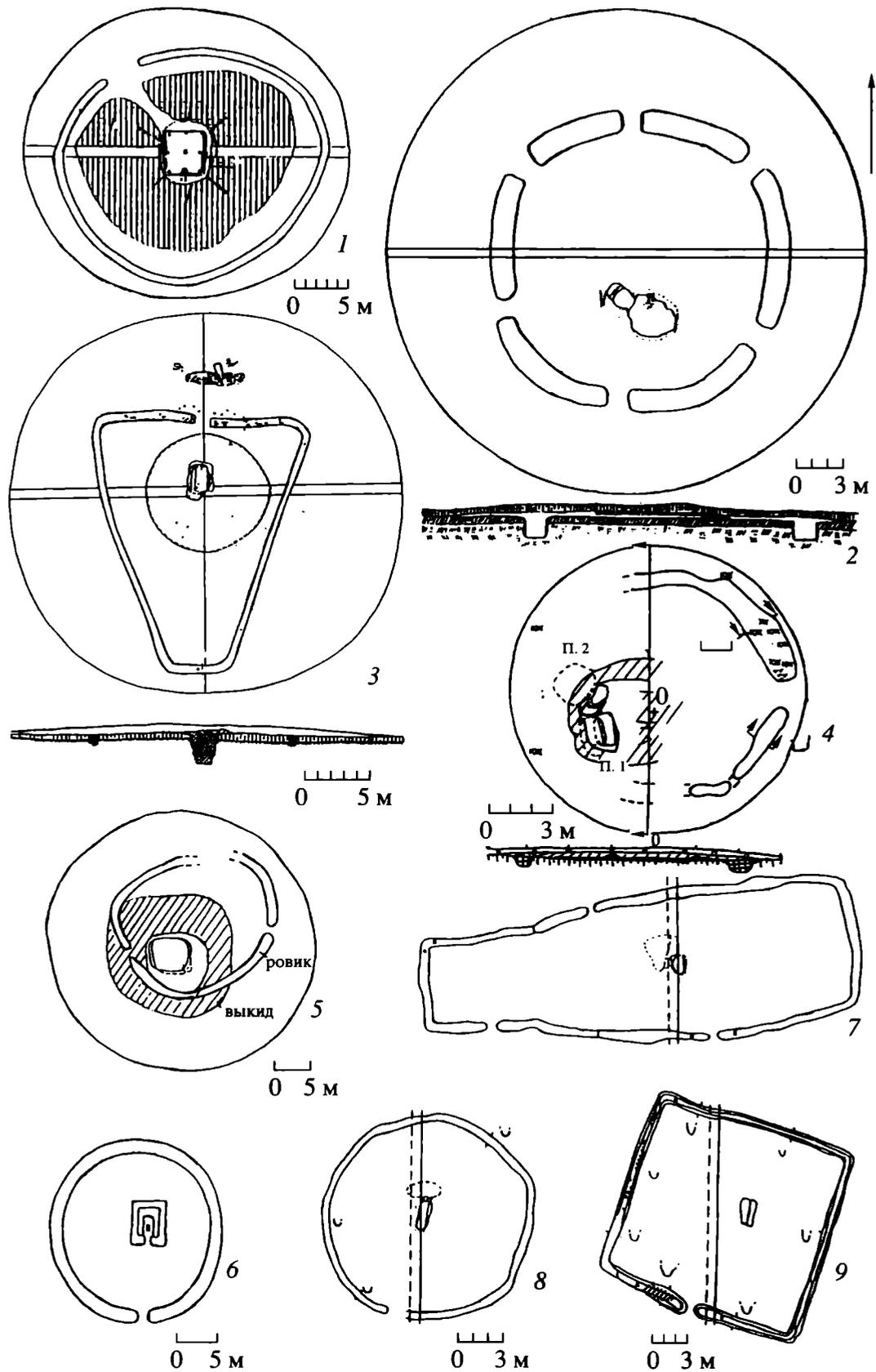

Рис. 3. Ровики с перемычками скифо-сарматской эпохи: 1 – Терновое I, могильник IV в. до н.э. на Среднем Дону (Гуляев, Савченко, 1998. Рис. 2); 2 – Ново-Александровка, Нижний Дон, курган 5, конец IV – начало III в. до н.э. (Головкова, Лукьяшко, 1980. Рис. 4); 3 – сарматский курган II в. н.э. у с. Корпач, Молдова (Гросу, 1979. Рис. 2); 4 – Московский I могильник, курган 2, Нижний Дон, вторая половина III–IV в. (Власкин, Ильюков, 1999. Рис. 1); 5 – Криволиманский могильник на Нижнем Дону, курган I в. н.э. (Максименко, 1998. Рис. 15); 6 – Джетыясарские склепы, Нижняя Сыр-Дарья, III–IV вв. н.э. (Левина, 1993); 7–9 – могильник Журавка, Нижний Дон, курганы 3, 6, 16, III–IV вв. н.э. (Безуглов, Захаров, 1988. Рис. 1).

ва, Лукьяшко, 1980; Ларенок, 1998; Прохорова, 1997), (рис. 3, 1, 2).

Сарматская эпоха также отличается пристрастием к курганам с ровиками, причем последние становятся особенно многообразными по конструкции: круглые, прямоугольные, квадратные сосуществуют даже в одном могильнике (Безуглов, Захаров, 1988. Рис. 1; Вадаи, 1996. С. 46–53). Специалисты, занимавшиеся вопросом о курганных ровиках сарматского времени в Северном Причерноморье, отмечают существование двух очагов: западного – Причерноморье между Днестром и Дунаем, восточного – Нижний Дон. Общим для них является распространение квадратных ровиков с перемычкой в южной стороне (или без перемычки) и широтно ориентированные рвы, охватывающие большую площадь. Но при этом в западном очаге отсутствуют круглые рвы с перемычкой, широко распространенные в Подонье (Безуглов, Захаров, 1988; Гудкова, Фокеев, 1984. Рис. 24, 5, 7–9). Данные наблюдения о локальных различиях для нас особенно интересны, так как и в средние века мы видим намечающиеся локальные различия очертаний ровиков в близких по времени или синхронных курганах: кольцевые у курганов “сивашевского” типа в Северном Причерноморье и Приазовье; квадратные в Волго-Донских курганах “соколовского” типа; кольцевые у почти синхронных последним курганов “новинковского” типа на Самарской Луке Средней Волги.

Следующий аспект, после территориального, – хронологический. Подкурганные ровики, часто встречающиеся на Дону в среднесарматскую эпоху, исчезают во II в. н.э. (Максименко, 1998. С. 149), а уже в позднесарматское время на Нижнем Дону снова появляются ровики как квадратных очертаний, так и кольцевые с перемычками (Власкин, Ильюков, 1999. С. 50, 51. Рис. 1; Ильюков, 1984. С. 120; Парусимов, 1998. Рис. 36, 1). По-прежнему в ровиках встречаются кости животных, в том числе фаланги и зубы лошади, фрагменты керамики, древесные угли.

Отмечены скопления остатков тризн у перемычек, но в целом в сарматское время ритуальные действия археологически менее выражены, чем в скифское или в раннее средневековье (Безуглов, Захаров, 1988).

В Молдавии, на р. Прут известен курган, датированный II в. н.э., с очень интересным ровиком – трапециевидной формы с перемычкой (Гросу, 1979. С. 252. Рис. 2) (рис. 3, 3).

В позднесарматское время ровики фиксируются при раскопках от Карпато-Дунайского региона до Средней Азии включительно (Вадаи, 1996; Гудкова, Фокеев, 1984; Гущина, Засецкая, 1992. С. 45; Левина, 1993. С. 35) (рис. 3, 3, 6–9).

На Нижнем Дону и Дунае известны случаи сооружения ровиков вокруг курганов, не содержав-

ших погребений (Безуглов, Захаров, 1988. С. 15; Вадаи, 1996. С. 52, 53) – обычай широко распространенный позднее в хазарское время (Иванов, 1997. С. 53, 54).

Преобладание квадратных и прямоугольных конструкций вряд ли возможно расценивать как исключительно следствие центральноазиатского влияния, восходящего к древнетюркским каменным оградкам-поминальникам и сооружениям типа Сарыг-Булун, о чем говорит А.И. Семенов (1988. Рис. 3, 1), или храма Кюль-Тегина, о чем писал А.К. Амброз (1982). Действительно, курганы хазарского времени в Подонье ознаменовали очередной всплеск устройства погребально-поминальных сооружений квадратного плана. Есть основания предполагать, что не только ровики, но и насыпи над погребениями имели четырехугольную форму (Копылов, 1980. С. 112, 113; Узанов, 1976). Но это не значит, что в предшествующее время квадратные формы не играли существенной роли в архитектуре надмогильных сооружений. В.Е. Максименко отметил закономерную связь рвов среднесарматской эпохи с квадратными или широкими прямоугольными ямами (Максименко, 1988. С. 149). Прямоугольные или квадратные гробницы, окруженные кольцевым ровиком, существовали у скифов Среднего Дона (Гуляев, Савченко, 1998). Упомянутые ровики кольцевых очертаний джетыясарской культуры Средней Азии III–IV вв. заключали в себе прямоугольные кирпичные склепы. Именно сочетание круга и квадрата дает описание устройства мира, вселенной, у многих народов, включая скифов, китайцев, тюрков (рис. 3, 1, 5, 6).

Не исключено, что переход к квадратным формам рвов и насыпей мог быть “спровоцирован” отказом от широких прямоугольных и квадратных типов погребальных камер. В могильнике Брюсяны III, курган 1 (рис. 2, 5) можно наблюдать обратное: сооружение круглой гробницы внутри прямоугольного ровика (Багаутдинов и др., 1998. Табл. XV).

Вокруг курганов с раннеаланскими катакомбами на р. Сунжа также сооружались валы и рвы квадратных очертаний, огораживавшие участки вокруг насыпи (Абрамова, 1997. С. 10).

В связи с двумя последними случаями остановимся на часто теперь встречающемся в литературе соотношении подкурганных рвов с оградками, не являвшимися принадлежностью курганной насыпи, но игравшими роль поминальников, аналогичных тюркским каменным оградкам (Безуглов, Захаров, 1988. С. 13). Насколько большое влияние имели древнетюркские оградки на формирование архитектуры курганов хазарского времени? Знали ли об их существовании обитатели волго-донских степей? Само сравнение курганных ровиков с оградками, призванными нести

охранительные функции, вполне обосновано, правда, речь в данном случае должна идти не о замствованиях, а о явлениях одного порядка. Так, еще в IV–III вв. до н.э. в некрополе Беглицкая коса, к примеру, часть курганов имела ровики с тризнами, а часть была окружена каменными крепидами (Прохорова, 1997. С. 19). Много позднее, в Новинковских курганах с несколькими захоронениями кольцевые ровики играли, вероятно, роль кладбищенской ограды, по сути охранительную (Матвеева, 1997. Рис. 57) (рис. 2, 2). Сходную же ситуацию мы находим в могильнике IV–III вв. до н.э. Кирилловка III на Алтае (Могильников, Телегин, 1992. Рис. 1).

Оградка могла не только окружать могильную насыпь, но охватывать часть прилегающей сакральной территории около кургана, как в III Бруснянском могильнике (курган 1), в аланском могильнике Алхан-Юрт на р. Сунжа, сарматских могильниках Нагорное (Гудкова, Фокеев, 1984. Рис. 12, 8) и могильнике Журавка (курган 3) (Безуглов, Захаров, 1988) или же раннесредневековых курганах Нижнего Дона – Саловский курган 1 (Копылов, 1983. С. 120) и Романовский (Семенов, 1988. Рис. 7). Примеры можно продолжать.

С увеличением сакральной площади связаны и петлеобразные выступы или “пристройки” ко рвам у курганов хазарского времени Нижнего Дона (рис. 1, 3, 4). А.А. Иванов отметил пять случаев находок ровиков с выступами и пристройками (Иванов, 1999. Табл. 1). Такие выступы есть в кургане 2 могильника Кутейников II (Парусимов, 1998. Рис. 15, 1), Терновском могильнике II (Науменко, 1985. С. 127), Новосадковском, курган 24 (Власкин, Ильюков, 1990. Рис. 4, 3), кургане 11 Соколовской балки (Семенов, 1988. Рис. 3, II), VII Центральном (Копылов, Житников, 1979. С. 130).

В какой мере можно отделять эти П-образные пристройки от собственно погребального ритуала и связывать их с последующим поминовением, для чего предназначались древнетюркские оградки? До сих пор опубликованные данные не давали оснований считать, что пристройки функционировали дольше, чем основная площадка вокруг погребения, которая и ограничивалась ровом. Возможно, они несли особую функцию в погребальном обряде, о чем может свидетельствовать находка основания деревянного столба в центре такой пристройки к ровику в кургане 2 Кутейниковского II могильника. Но соединенность П-образной пристройки в этом кургане с основной площадкой и равномерность распределения грунта оплывшей насыпи над обеими частями не подкрепляют возможное предположение о том, что основной ров ограничивал насыпь, а пристройка выходила за насыпь и служила для поминальных обрядов в течение какого-то времени.

Другая, встречающаяся в литературе, тенденция сравнивать конструкцию оградок не с поми-

нальными сооружениями и храмами Центральной Азии, а с традициями домостроительства на территориально и хронологически близких поселениях салтово-маяцкой культуры представляется не более перспективной. Е.В. Круглов предложил рассматривать ровики, огораживающие погребальные площадки, “последнее пристанище умершего на земле”, как имитацию разных типов жилищ: ровики округлых очертаний – летних юрт, квадратные и прямоугольные – стационарных зимних построек (Круглов, 1989. С. 165). Исходя из этой гипотезы, можно, казалось бы, предполагать разброс географии курганов с обоими видами ровиков в соответствии с летниками и зимниками, более или менее равномерное распределение численности тех и других, а с учетом процесса оседания кочевников, нарастание со временем численности вторых. Пока же не прослеживается ни одна из таких градаций. Нет и корреляции ориентации квадратных ровиков и сезонных отклонений в положении погребенных. При наличии коней, обращенных головами в ту же сторону, что и погребенные всадники (на запад) должно было прослеживаться стабильное отклонение на северо-запад, но отклонения погребений внутри ровиков квадратного плана дают как зимнюю, так и летнюю ориентацию (Власкин, Ильюков, 1990; Парусимов, 1998. С. 41, 42).

М.В. Власкин и Л.С. Ильюков сравнили подкурганные ровики с фундаментами жилищ, положение в ров жертвенных животных – с закладной жертвой в фундамент. Как и прочие, эта реконструкция должна приниматься во внимание, но отметим следующее. В салтовском домостроительстве фундаменты как таковые неизвестны, а домостроительство в зоне концентрации курганов с квадратными ровиками вообще мало изучено. В данном случае можно констатировать, что авторы не учитывают реальную источниковедческую базу нижнедонского домостроительства эпохи Хазарского каганата.

Далее авторы, развивая свои построения, предлагают считать перемишки по углам аналогами расположения входа в салтовские жилища с угла. Данная реконструкция также плохо выдерживает критику, поскольку, во-первых, входы в салтовские жилища располагались и на линиях стен, а во-вторых, как объяснять наличие в квадратном ровике перемишки не в одном углу, а сразу в четырех?

Принципиальный вопрос – оставался ли ровик незасыпанным или же его засыпали одновременно с сооружением насыпи, которая, как прослеживают М.В. Власкин и Л.С. Ильюков, могла возводиться в два или несколько приемов с последующими поэтапными обрядовыми действиями, от которых оставались следы площадок, настилов, жертвоприношений. Если ров оставался откры-

тым, оконтуривая курган, как предполагают авторы, и к нему могли пристраиваться дополнительные отсеки, напоминающие пристройки древнетюркских оградок, то тогда сближение с последними более обосновано, чем с фундаментами жилищ, а поминальная нагрузка ровика будет реконструироваться как более значимая.

Г.А. Фёдоров-Давыдов проследил, что ровик кургана 5 могильника Кривая Лука XXVII засыпан в три приема и до сооружения насыпи. Верхняя часть рва засыпалась отдельно от более узкой нижней в два этапа с утрамбовкой. После этого все сооружение было погребено под насыпью (Федоров-Давыдов, 1984. С. 89–91). Таким образом, функционирование рва прекратилось еще до возведения насыпи и в последующих поминальных обрядах он уже не использовался. Судя по опубликованным данным, рвы нижнедонских курганов также засыпались до окончания погребального обряда, поскольку стратиграфия и общая ситуация находок в заполнении свидетельствует о кратковременном состоянии ровиков незаполненными (Власкин, Ильюков, 1990. С. 142).

На донских материалах вопрос о том, перекрывала ли насыпь ровик или ровики оконтуривали насыпь и служили своеобразной оградой кургана, решить затруднительно из-за сильной распаханности насыпей. Но все же есть данные, если не свидетельствующие об абсолютном преобладании первого варианта (насыпь перекрывала ровик), то по крайней мере не позволяющие исключать его как вероятный. Тем не менее М.В. Власкин и Л.С. Ильюков при публикации курганов Новосадковского и Кировского V могильников указывают на плотный “затечный” характер заполнения рвов и только в одном случае – его засыпанность. Но возникает вопрос: если насыпи не перекрывали рвы в течение длительного времени, то как могли сохраниться выкиды из рвов двух курганов, сложенные в виде вала по их внешнему периметру (Власкин, Ильюков, 1990. С. 138)? В Саловском IV могильнике выкид из ровика (курган 2) прослежен как с внутренней стороны, так и за внешней границей южного рва. В Кутейниковском II могильнике между насыпью кургана 2 и погребенной почвой расчищена прослойка мощностью в 15 см (рис. 1, 4, 5), образовавшаяся из истлевшей, по определению раскопщиков, травы (?). Прослойка покрывала площадку, выходящую за ров (Парусимов, 1998. Рис. 15, 1; 18, 2).

Нужны дополнительные сведения о стратиграфии курганов, указывающие с необходимой точностью, когда и в результате чего ровики оказывались заполненными грунтом. Путь логических рассуждений и использование весьма противоречивых наблюдений может привести к неверным заключениям. Кроме того, необходимо постоянно иметь в виду, что многие курганы с ровиками раскапывались форсированными темпами в ходе

спасательных работ на новостройках, что не позволяло тщательно проследить стратиграфию и планиграфию (часто раскопки вели малоопытные, начинающие археологи, любители и просто случайные лица). Необходимы новые наблюдения в ходе тщательных и неспешных полевых исследований целенаправленного характера.

Несколько надумана точка зрения о сакрализации восточной стороны курганов с квадратными ровиками. Наиболее распространенный тип – это квадратный ровик с перемычками по углам, ориентированным по сторонам света. Ориентация же единичных перемычек неустойчива. Расположение остатков жертвоприношений также не указывает на предпочтение одной из сторон света (Власкин, Ильюков, 1990. Табл. 2). Преобладание некоторых особенностей, например сооружение дополнительных площадок и пристроек в западной или восточной стороне насыпи, может быть связано с широтной, преимущественно западной ориентацией погребенных и тут же лежащих коней. Теоретически это может обозначать западное направление движения усопшего в потусторонний мир. Но для однозначной реконструкции сакральной значимости сторон света, опирающейся на крайне неустойчивую ориентацию архитектурных деталей курганов, оснований нет. В археологической практике известны группы погребальных сооружений со строго регламентированным расположением входа (Левина, 1993); с явным предпочтением одной из сторон света (Андрух, Чернов, 1990. С. 152; Гудкова, Фокеев, 1984); с различной ориентацией перемычек, зависевшей от расположения могил (Гуляев, Савченко, 1998). Ситуация с квадратными ровиками хазарской эпохи ближе к последнему варианту, но более неустойчива.

Много неясного остается и в вопросе о курганах-кенотафах. Они составляют около 20% всех комплексов. Форма рвов и характер находок в них ничем существенно не отличаются от таковых в курганах с захоронениями. А.А. Иванов, сравнивая обычай сооружения курганов-кенотафов хазарского времени с кенотафами позднесарматскими в Северо-Западном Причерноморье, Средней Азии и на Нижнем Дону, объясняет его появление существованием в кочевом мире сходной в своей основе культовой идеи. При этом автор отметил, что отличительной чертой нижнедонских памятников является более высокий процент курганов-кенотафов именно в “хазарское” время. Насыпи их в большинстве случаев сооружались в один прием (Иванов, 1997. С. 53, 54).

В одном из таких курганов (у г. Звереве), который раскапывался вручную, прослежена последовательность его сооружения: первоначально в один прием возведена сама насыпь, затем ее обложили мощным, в 3–5 слоев панцирем из крупных

обломков песчаника. “После возведения панциря насыпь была окружена подквадратным в плане ровиком с четырьмя перемычками. Во рву встречены кости лошади. Зафиксированы следы “ограбления” (?) кургана с последующей реконструкцией насыпи и панциря” (Беспалый, 1997. С. 29). К сожалению, мы имеем только краткую информацию об этом уникальном комплексе. Наблюдения, касающиеся сооружения ровика на заключительной стадии, пока не подтверждены документально. В то же время нельзя исключать, что последовательность сооружения самой насыпи и ровика не была строго регламентирована вообще. Так, в сарматское время при преобладании ровиков под насыпью известны случаи, когда ровик сооружался после совершения захоронения, т.е. в заключение погребального обряда (Максименко, 1998. Рис. 15). Использование камня – редкое явление для курганов Волго-Донья, но отмечен прием укрепления насыпей при помощи глины (Узянов, 1976. С. 146, 147).

Еще одной особенностью, связываемой “традиционно” опять же с теми же центральноазиатскими поминальными сооружениями, являются ямы в курганах, как “пустые”, так и с костями животных, фрагментами керамики и следами прокала. Они встречаются как в курганах с погребениями, так и в курганах-кенотафах (Иванов, 1997; Парусимов, 1998. С. 40, 41; Савченко, 1972. С. 126, 127). Зафиксированы и ямы, впущенные в курганы предшествующего времени, как сопутствующие впускным раннесредневековым погребениям, так и не связанные с ними (Копылов, 1988. С. 129; Кузьмин, 1990. С. 95).

В сооружении указанных ям в курганах хазарской эпохи вряд ли можно усмотреть “центральноазиатские элементы”. Ямы этого времени, в том числе содержавшие золу, кости животных и фрагменты керамики, не являются на Нижнем Дону раннесредневековой инновацией. Отдельные ямы встречены в курганах бронзового века. С IV в. до н.э. и до конца сарматской эпохи это уже довольно распространенное явление. М.П. Чернопицкий предлагает называть “зольные ямы”, а также встречающиеся в скифских и сарматских курганах кострища, зольные линзы и площадки обожженного грунта “непогребальными комплексами”. Располагались они чаще всего у подножия курганов и могут свидетельствовать о существовании “курганых ритуалов незаупокойного характера”, связанного с полифункциональностью курганов (Чернопицкий, 1983. С. 83–89). Безусловно, термин “непогребальный комплекс” можно принять как условный (служебный), но от этого назначение перечисленных автором объектов, как и содержание “ритуалов незаупокойного характера” не становятся более понятными. Вновь приходится ставить вопрос о необходимости более тщательных стратиграфических увязок между всеми объектами,

встречающимися в насыпях как “хазарских”, так и более ранних курганов.

Квадратные ровики Волго-Донских степей, с одной стороны, и древнетюркские поминальные оградки – с другой, – яркие и своеобразные проявления двух культур. Они разделены огромным расстоянием (западнее Чуйской долины оградки не встречены), но синхронны: рядовые оградки датируются V – серединой X в. (Войтов, 1996. С. 23). Самое главное, они не имели непосредственного отношения к погребальному ритуалу. Во время, предшествующее и синхронное “культуре квадратных ровиков” Подонья центральноазиатские оградки и каменные курганы, содержащие погребения с конями, которые исследователи связывают с алтайскими тюрками, никогда не составляли единый комплекс. Функции погребальных и поминальных сооружений тюрков были четко разграничены. Сооружение донских курганов началось, вероятнее всего, именно с канавки и использование ее в поминальных целях после возведения насыпи более чем проблематично. Для предположения о том, что трансформация архитектуры и функций тюркских поминальников могла произойти за время от начала завоеваний в Прикаспии и Причерноморье с 70-х годов VI в. и до конца VII в., – нет абсолютно никаких данных. Расселившись на обширных завоеванных территориях, тюрки-тюгю сохранили ясно прослеживаемые традиции погребального и поминального культа: каменные курганы и оградки (Кызласов, 1969. С. 23–33; Могильников, 1981. С. 34).

Конструкции же насыпей донских курганов, за редким исключением, не содержат камня. Не характерны для них рудименты традиций в виде кромлехов или каменных выкладок над погребениями. В отношении использования камня курганы новинковского типа резко отличаются от донских, вопреки утверждению Г.И. Матвеевой (Матвеева, 1997. С. 95), поддержанному затем В.С. Флёровым в рецензии на ее книгу (Флёров, 1999. С. 233). Перечисленные Г.И. Матвеевой донские комплексы никак нельзя признать типичными для курганов “соколовского” типа. О Зверевском кургане с панцирем упоминалось выше. Он не имеет никаких датирующих материалов и единственным основанием для его предположительного отнесения к хазарскому времени служит квадратный ровик с четырьмя перемычками. Нет датирующих вещей и в упоминаемом наряду со Зверевским Кащеевском кургане 9, насыпь которого насыщена не камнем, а щебнем. Курган окружен квадратным в плане ровиком с тремя перемычками, с костями лошадей в самих канавках ровика. В центре кургана две ямы: одна “пустая”, перекрытая каменным закладом, во второй несколько костей овцы (Максименко и др., 1985. С. 123; Безуглов, Захаров, 1983. С. 7). Сами авторы раскопок склонны расценивать свою находку как святилище конца I – нача-

ла II тыс. и наиболее вероятной датой предполагают XII–XIII вв., в то время как А.И. Семенов этот же комплекс сравнивал с Вознесенским (Семенов, 1988. С. 103). Оба мнения приходится признать в равной степени недостаточно обоснованными. Необходимо дождаться раскопок аналогичных курганных насыпей с хорошо датируемыми находками.

Упомяну в связи с рассматриваемым вопросом и исследованный в Ростовской области курган, относящийся к сарматскому времени, с основным погребением внутри площадки, окруженной ровиком “прямоугольно-округлой”, по описанию автора, формы с одной перемычкой. Его насыпь была выложена каменным панцирем (Яценко, 1999. С. 194). Данная находка лишней раз показывает, что к датированию курганов с такими признаками (ровик с перемычками, панцирь) следует подходить крайне осторожно. Не все они могут относиться к хазарской эпохе.

Наконец, напомним заключение Г.А. Федорова-Давыдова о появлении камня в насыпях восточноевропейских курганов только в половецкий период вместе с кипчаками, которым, по его мнению, как и алтайским тюркам VI–VIII и последующих веков, свойственен культ камня (Федоров-Давыдов, 1966. С. 122, 123).

Нельзя исключать того, что панцири на донских раннесредневековых курганах имели несколько большее распространение, чем это представляется по данным современных раскопок, так как панцири на курганах сохраняются плохо. Так, на поверхности некоторых курганов, содержащих материалы VIII–IX вв., находят отдельные камни и даже значительное количество необработанного камня (Комар, Пиоро, 1999. С. 150, 154, 155). Известно, что еще в начале XX в. выкладки из камня на курганах Волго-Донья активно разбирались на хозяйственные нужды. Речь идет о курганах, которые были “покрыты как бы броней из камня” (Баллод, 1923. С. 45–47).

И все же. Комплексы, сохранившие такие элементы, как засыпка ямы камнями (Нижне-Кундрюченская), камни сверху ямы (Усть-Белокалитвенская) или цепочка камней над погребением (Верхне-Погромное), хотя и близки по времени и территории, но не относятся к курганам с квадратными ровиками.

Столь же проблематичны данные о поминальных памятниках центральноазиатского облика в европейских степях. Так, В.Е. Войтов упоминает западную границу распространения каменных оградок в Луганской области Республики Украины, т.е. в бассейне р. Северский Донец (!) (Войтов, 1996. С. 23). О каких же оградках идет речь? Привожу описание дословно по публикации в “Археологических открытиях”, явившейся для В.Е. Войтова (как теперь для нас) единственным источником инфор-

мации. “Впервые на территории Донбасса в Провальской степи обнаружены каменные оградки. Одна из них исследована. Она представляла собой кольцевую наброску камней подовальной в плане формы, вытянутую по линии север–юг. В юго-западной части оградки найдены кольчатые удила с перегибом” (Гладких и др., 1975). Это же сообщение содержит и информацию о каменном кургане и о протянувшейся с запада на восток цепочке вкопанных в землю каменных блоков с антропоморфной стелой. Более детальное описание упомянутых памятников, кажется, до сих пор не издано, а удила с перегибом скорее всего свидетельствуют о кольцевых набросках половецкого времени.

Совершенно необычный комплекс открыт Л.С. Ильюковым в кургане 35 могильника Левенцовский VII (западный пригород Ростова-на-Дону). Автор раскопок датирует его по найденным вещам VI–VII вв. Под насыпью на древнем горизонте находилась каменная площадка размером 22 × 10 м, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. “Под камнями в юго-восточной части обнаружена небольшая яма с коническим углублением в углу, перекрытая плитой. В яме найдены кость овцы и фрагмент бронзовой накладки на ремень. На камнях площадки были разбросаны различные вещи, некоторые из них, по-видимому, побывали в огне” (далее перечень находок: вооружение, детали поясного набора, керамические и бронзовые сосуды, кости животных) (Ильюков, 1997. С. 26). Левенцовский курган выпадает из ряда как поминальных памятников центральноазиатских типов, так и донских курганов интересующего нас круга. Форма, размеры и широтная ориентировка могут вызывать некоторые ассоциации с поминальниками тюркской знати, но поскольку сами поминальные храмы-барки известны только со второй половины VI в. и, как предполагают, появились в Первом Тюркском каганате под влиянием китайской архитектуры, то не исключено, что совпадению их прямоугольной формы и ориентации мы опять же обязаны некоей “общей идее”. Даже более близкий по формальным данным комплекс у с. Вознесенки не имеет прямых аналогов в Центральной Азии (Войтов, 1996. С. 23, 125. Рис. 7–23).

С переселением тюрков после смуты 774 г. и развалом Второго Тюркского каната связывают появление курганов с каменными оградками на Средней Волге во II Бруснянском могильнике (Багаутдинов и др., 1998. С. 171). Они, как правило, сопровождали погребения с северной ориентировкой и датируются второй половиной VIII в. Эти оградки также не имеют ничего общего с древнетюркскими поминальниками. Собственно прямоугольная выкладка представлена лишь около одного погребения (Брусняны II, курган 13, погребение 1). Погребение полностью разрушено, а кости собраны в одну груду. Каменные обломки,

выложенные в конфигурации довольно неправильных очертаний в двух других курганах, тракуются как оградки или отсеки для остальных пяти захоронений (Брусяны II, курган 12, погр. 1–4; курган 17, погр. 2). Они могли образоваться в результате снятия каменной наброски над погребениями, что можно отметить и на других курганах могильника. Не исключено, что отсутствие камней над погребениями, создающее иллюзию ограждений или отсеков, связано с практиковавшимся на могильниках Самарской Луки обрядом обезвреживания погребенных (Багаутдинов и др., 1998. С. 50. Табл. XXV, XXVI, XXX; Матвеева, 1997. С. 52, 53; Флёров, 1999. С. 229, 230).

Обычай сооружения классических курганов “с квадратными ровиками” оформляется в Волго-Донских степях в первой половине VIII в. Его генезис нам не известен, впрочем, как и происхождение хазар, с которыми эти курганы связывают. Попытки объяснить его возникновение как инновацию, связанную с миграцией тюркютов и родственных им племен из Центральной Азии или влиянием культуры Тюркских каганатов, не отвечают критериям сходства археологических источников. Аналогии в раннетюркской традиции либо сводятся к общей идее (квадрат, ограничение сакральной территории, тризна), либо являются натяжками, вырванными из культурного контекста.

Между тем основной набор признаков курганных сооружений хазарского времени традиционен для Восточно-Европейских степей раннего железного века и во многом совпадает с позднесарматским. Это небольшие по диаметру насыпи, курганы-кенотафы, ровики разных конфигураций с перемычками и тризнами, ямы и кострища. Совпадает и набор форм могильных ям и наличие “всаднических” погребений. Общим является и такой признак, как сочетание западных и восточных, в том числе центральноазиатских, инноваций в позднесарматской и раннесредневековой культуре южнорусских степей (Скрипкин, 1999. С. 128).

Даже придерживающаяся мнения о тюркской доминанте в сложении культуры памятников новинковского типа Г.И. Матвеева вынуждена констатировать, что “...нельзя не заметить особенности погребального обряда, унаследованные от ираноязычных сарматов и их потомков – алан: наличие подбоев в могилах, следы огня и куски мела... Многие типы вещей из могильников новинковского типа имеют прототипы в позднесарматских памятниках” (Матвеева, 1998. С. 122).

Хронологическая лакуна между позднесарматскими и раннесредневековыми подкурганскими захоронениями Подонья хотя и затягивается постепенно с обеих сторон, тем не менее составляет около 250 лет. В заключительной фазе позд-

несарматской культуры еще много неясного. Исчезновение ее вскоре после гуннского нашествия предположительно связано не столько с истреблением населения, сколько с очередной миграцией в Карпато-Дунайский бассейн, где сарматские памятники продолжают существовать и в гуннскую эпоху (Безуглов, 1990. С. 87). Одним из признаков притока в этот регион сармат из Подонья и Северного Причерноморья, кстати, считают именно погребения с кольцевыми и квадратными ровиками (Кульчар, 2000. С. 70).

В истории сарматских племен бывали случаи, и их можно проследить археологическими методами, когда ушедшие в связи с какими-либо событиями группы населения спустя двести лет возвращались на родные кочевья (Скрипкин, 1984. С. 93–95). Нельзя исключать возможность возвратных миграций и для VII–VIII вв., в том числе и на территорию Подонья.

Вопрос о сарматском наследии в раннем средневековье стоит сейчас намного острее, чем полвека назад (Максимов, 1956; Мерперт, 1951), и заслуживает внимания при оценке факторов сложения подкурганного обряда погребения на территории Хазарского каганата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997.
- Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре: вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
- Андрух С.И., Чернов С.И.* Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья // СА. 1990. № 2.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.
- Баллод Ф.В.* Приволжские “Помпеи”: Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратово-Царицынской полосы. М.; Л., 1923.
- Безуглов С.И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азов и на Нижнем Дону в 1989 году. 1990. Вып. 9. Азов.
- Безуглов С.И., Захаров А.В.* Исследования курганных могильников Кащеевка и Надежовка I в 1983 г. // Исследования Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1983 г. Азов, 1983.
- Безуглов С., Захаров А.* Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережье Дона // Известия Ростовского областного музея краеведения. 1988. Вып. 5.
- Беспальный Е.И.* Раскопки в Ливенцовке и Звереве в 1994 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 году. Азов, 1997.
- Вадаи А.* Погребальный обряд у сарматов Карпатского бассейна // Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.

- Власкин М.В., Ильюков Л.С.* Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маньгча // СА. 1990. № 1.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С.* Погребение литейщика позднесарматской культуры // Донская археология. 1999. № 1. Ростов-на-Дону.
- Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.
- Гладких М.И., Писларий И.А., Кротова А.А., Гераськова Л.С.* Исследования на Ворошиловградщине // АО–1974. 1975.
- Головкова Н.Н., Лукьяшко С.И.* Новые данные о херсонесском импорте на Нижнем Дону // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. Ростов-на-Дону, 1980.
- Гросу В.И.* Сарматские курганы у села Корпач // СА. 1979. № 2.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев, 1984.
- Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Новые могильники скифского времени на Среднем Дону // РА. 1998. № 4.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* К вопросу о хронологии и происхождении “Золотого кладбища” в Прикубанье // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992.
- Иванов А.А.* О поминальных курганах хазарского времени на Нижнем Дону // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1997.
- Иванов А.А.* Подкурганные конструкции в погребальном обряде кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.
- Ильюков Л.С.* Сальские курганы // АО–1982. 1984.
- Ильюков Л.С.* Исследования курганов на западной окраине г. Ростов-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 году. Азов, 1997.
- Комар О.В., Піоро В.І.* Курганы хозарского часу на Луганщині // Vita Antiqua. 1999. № 2.
- Копылов В.П.* Раскопки курганов на территории Донской оросительной системы // АО–1979. 1980.
- Копылов В.П.* Работы в Ростовской области // АО–1981. 1983.
- Копылов В.П.* Раскопки курганов в Ростовской области // АО–1986. 1988.
- Копылов В.П., Житников В.Г.* Работы в зоне строительства Донской оросительной системы // АО–1978. 1979.
- Круглов Е.В.* К вопросу об этнокультурной характеристике подкурганных погребений салтово-маяцкой культуры: по материалам восточной группы памятников // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989.
- Круглов Е.В.* Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // РА. 1992. № 4.
- Кузьмин В.Н.* Погребения салтово-маяцкой культуры из могильника Отрадний II // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 году. Азов, 1990.
- Кульчар В.* Новые аспекты этнического определения сарматских погребений из Хевиздёрка // Донская археология. 2000. № 1.
- Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Ларенок В.А.* Археологические памятники Нижнего Дона золотоордынского времени // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. VII Донской археологич. конф. Ростов-на-Дону, 1998.
- Левина Л.М.* Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2: Джетыясарская культура. Ч. 1. Склепы. М., 1993.
- Любчанский И.Э.* Хронологические аспекты комплексов “курганов с усами” евразийской степи // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: Вопросы хронологии. Самара, 1998.
- Максименко В.Е.* Сарматы на Дону: археология и проблемы этнической истории // Донские древности. 1998. Вып. 6. Азов.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И., Захаров А.В.* Раскопки курганных могильников на р. Быстрая // АО–1983. 1985.
- Максимов Е.К.* Позднейшие сармато-аланские погребения на территории Нижнего Поволжья // Археологический сборник. Тр. Саратовского областного музея краеведения. 1956. Вып. 1.
- Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Матвеева Г.И.* Экспедиции в прошлое: записки археолога. Самара, 1998.
- Мерперт Н.Я.* О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 36.
- Могильников В.А.* Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Могильников В.А., Телегин А.Н.* Кирилловка III – могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992.
- Науменко С.А.* Работы в зоне строительства Донской оросительной системы // АО–1983. 1985.
- Парусимов И.Н.* Раскопки курганов в Зимовниковском районе // Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. 1998. Вып. 3. Новочеркасск.
- Прохорова Т.А.* Некрополь на Беглицкой косе // Таганрог. Сборник статей. Таганрог, 1997.
- Савченко Е.И.* Курганы у станицы Богоявленской // АО–1971. 1972.
- Семенов А.И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. 1978. Вып. 2. Л.
- Семенов А.И.* Центрально-азиатские параллели погребальному обряду населения Хазарского каганата // XII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. М., 1982.
- Семенов А.И.* Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Семенов А.И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. 1988. Вып. 29.

- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
- Скрипкин А.С.* Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.
- Узянов А.А.* Нижнесальские курганы // АО–1975. 1976.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.* Погребения хазарского времени из кургана “Кривая Лука” в Нижнем Поволжье // Проблемы хронологии степей Евразии. Кемерово, 1984.
- Флёров В.С.* Ред.: Г.И. Матвеева. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997 // РА. 1999. № 3.
- Чернопицкий М.П.* Непогребальные комплексы в курганах Нижнего Дона // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Яценко В.В.* Работы на могильниках Юдинский III и Орловский I в Ростовской области // АО–1997. 1999.

Khazarian Barrow-mounds with Ditches: Central Asia or Eastern Europe?

V. E. Flyorova

Summary

The architectural features typical of the barrow-mounds located in the Volga and Don steppes and dated back to Khazarian epoch are discussed in the article. Some scholars consider these features as Central Asiatic innovations. The author of the article thinks that stone enclosures and bark-type temples of Central Asia, on the one hand, and Khazarian square-shaped barrow-ditches, on the other, are too different phenomena to be compared. On the contrary, kurgan burials with circular and square-shaped ditches accompanied by traces of funeral feasts, pits, and fires, as well as cenotaphs had their long-lasting tradition in East European steppes. Unlike ancient Turks, the builders of the Lower Don barrow-mounds did not use stone for their construction. The existence of stone enclosures in the Don and Middle Volga basins, referred to in some publications and attested to ancient Turks, has not been evidenced by the detailed analysis of archaeological records. The author considers it necessary to take into account Sarmatian component in the course of studies of kurgan burial rite origin in Khazarian territory.

ПАЛЕОСОЦИОЛОГИЯ АЛАНСКОЙ РЕЛИГИИ VII–IX ВВ. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона)

© 2001 г. З. Х. Албегова

Институт археологии РАН, Москва

Верования населения Хазарского каганата всегда вызывали живейший интерес не только у исследователей, занимающихся проблемами раннесредневековой истории Юго-Восточной Европы и религиоведов, но также и у широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей и древними религиями. Не будет преувеличением сказать, что пока число вопросов, касающихся этой темы, во много раз превышает число ответов. Из религий народов, входивших в состав каганата, на сегодняшний день наиболее изученной является религия алан-ассов, составлявших значительную часть населения Хазарии.

Тема языческой религии алан не раз затрагивалась учеными различных отраслей исторического и филологического знания. Отсутствие полноценных письменных свидетельств об аланских культах заставляет исследователей обращаться к другим источникам: данным археологии, этнографии, фольклора, эпоса и лингвистики прямых потомков алан – осетин, проживающих сегодня на Центральном Кавказе. На сегодняшний день накоплен обширный материал о религии и эпосе осетин, сделаны попытки вычленения основных культов алан методом ретроспективного сравнения этого материала со свидетельствами древних авторов о верованиях скифов, сарматов и алан (Абаев, 1990. С. 102–114; Гатиев, 1876; Гуриев, 1991; Дюмезиль, 1976; 1990; Калоев, 1971; 1993. С. 202–215; 1999. С. 48–53; Магомедов А.Х., 1968; Миллер В.Ф., 1882а,б; 1893; Студенецкая, 1984; Уарзиати, 1990; 1995; Чибиров, 1976; 1984; Чочиев, 1985). Первым исследователем, непосредственно обратившимся к проблеме аланского язычества, стал выдающийся лингвист В.И. Абаев. В статье, вышедшей в 1949 г., он попытался дать общую характеристику верований алан до официального принятия ими христианства в X в. Среди самых почитаемых божеств, с наибольшей степенью вероятности входивших в аланский пантеон, В.И. Абаев назвал Огонь, богиню домашнего очага, бога войны, грозовика, патрона скота, патрона волков, повелителя водной стихии. Возможно, в пантеон входили Ветер и Вулкан (Курдалагон осетинского эпоса) (Абаев, 1990. С. 102–114). Выводы В.И. Абаева сыграли важную роль

в дальнейшем изучении аланского и осетинского язычества этнографами и археологами.

Анализ и интерпретация археологического материала (в частности, амулетов и святилищ) с привлечением данных этнографии, фольклора и эпоса осетин предпринимались рядом специалистов-археологов (Афанасьев, 1976а; Кузнецов, 1992. С. 283–305). Вопросы верований алан, типологии и интерпретации амулетов и некоторых особенностей погребального обряда затрагивались также в трудах В.Б. Ковалевской, С.А. Плетневой, В.С. Флерова (Ковалевская, 1978; 1983; 1995; Плетнева, 1967; 1989; Флеров, 1993; 2000). Большой интерес представляют результаты исследований А.А. Иерусалимской культовых предметов из органики, хорошо сохранившихся в погребениях Мощевой балки (VIII–IX вв.) (Иерусалимская, 1983а, б).

Упомянутые исследователи касались и вопросов социологии религии, обращали внимание на влияние общественных отношений на религиозные взгляды алан. Было отмечено, что амулеты, как правило, являлись атрибутом женских погребений и несли печать самого первого социального разделения – разделения по полу и возрасту; обереги могли олицетворять тотем рода и таким образом отражать принадлежность носителя амулета к тому или иному роду (Ковалевская, 1995); появление в VIII–IX вв. амулетов в виде всадников связано с выделением дружинной знати (Афанасьев, 1973).

Предлагаемая работа направлена на создание еще одного источника для дальнейшего исследования данного вопроса. Она представляет собой анализ массового археологического материала – аланских амулетов из катакомбных погребений (которые, несмотря на ведущиеся дискуссии, признаются большинством ученых основным критерием выявления аланского этноса) хазарского времени с помощью компьютерных математических и социологических методов и преследует цель проследить динамику и этапы развития религии на фоне исторических событий в цифрах и процентах. Подобный (палеосоциологический) подход имеет несколько плюсов: во-первых, ком-

пьютерная обработка обеспечивает возможность оперировать большими объемами данных, во-вторых, что немаловажно, получать выводы, максимально свободные от субъективных оценок автора. Таким образом, сочетание традиционных (историко-сравнительных) и современных (социологических и компьютерно-статистических) методов позволяет интенсивнее использовать источниковедческую базу и глубже изучить процесс эволюции язычества алан.

Если рассматривать амулеты, найденные в катакомбах, как маркеры определенных религиозных верований, обрядов и культов, то можно предположить, что изучение ареалов единообразных наборов амулетов, изменений, происходивших с ними в различные хронологические периоды, исследование распределения различных амулетов по половозрастным группам позволят выявить: крупные общности с едиными религиозными воззрениями; локальные группы в рамках крупных общностей, различающиеся по деталям амулетных наборов; роль различных половозрастных групп в религиозной обрядности; а также зафиксировать изменения, происходившие в мировоззрении аланского общества с течением времени и под влиянием исторических событий.

Для того чтобы сделать информацию о наборах амулетов доступной для компьютерной обработки, она была оформлена в виде трех баз данных (БД): 1) набор амулетов VII–VIII вв., 2) набор амулетов VIII–IX вв., 3) амулеты салтово-маяцкой культуры (СМК) (VIII–IX вв.)¹. Исследование опиралось на материалы отчетов о 241 катакомбе VII–IX вв. Северного Кавказа и 101 катакомбе Среднего Дона. Так как анализ материалов из погребений донских алан опубликован отдельной статьей (Албегова, 1995), в данной работе мы ограничимся кратким описанием полученных в ней результатов. С целью повышения объективности результатов исследования при формировании баз данных отбирались катакомбы, не потревоженные грабителями, строительными работами и пр. Исключены были и плохо описанные катакомбы, а также захоронения с невыразительным и не поддающимся датировке инвентарем. В базы данных вводилась информация о номере катакомбы и названии могильника, поле и возрасте погребенного и наборе амулетов.

Наборы амулетов северокавказских алан анализировались с применением наиболее простого, но вместе с тем показательного метода дескриптивной (описательной) статистики, а материалы СМК, помимо него, с помощью факторного, кла-

стерного и дискриминантного анализа. Для проведения статистической обработки БД использовались пакеты программ “Datascopé”, “SAS”, “Statgraphics”, предоставленные Г.Е. Афанасьевым.

Основной набор амулетов и, очевидно, основная мировоззренческая схема, господствовавшая у алан до середины IX в., когда эти амулеты вышли из употребления, сложился в VI–VII вв. Этот набор включал украшения (бусы, браслеты, серьги, кольца), часто игравшие, согласно этнографическим источникам, роль оберегов, и такие обереги, как орнаментированные с тыльной стороны бронзовые зеркала, коробочки, смоловидное вещество, раковины-каури, аммониты, бронзовые антропоморфные фигурки, фибулы-птицы, кольца с наплывами, колесовидные амулеты, фигурки быков, оленей, колокольчики, миниатюрные зеркала. Эти амулеты отражают наличие охотничьих, скотоводческих, земледельческих, воинских, астральных культов, культа плодородия, предков, тотемизма и проч. Мы не будем подробно останавливаться на семантике амулетов, так как она частично рассматривалась вышеупомянутыми исследователями.

Ареал этих амулетов совпадал с территорией распространения катакомбного обряда погребения. Сложение основного набора амулетов, возможно, связано с благоприятной внешнеполитической обстановкой, возникновением в середине VI в. северного отрезка Великого Шелкового пути и укреплением в связи с этим контактов с Востоком и Западом. Таким образом, к тому времени, когда в середине VII в. гегемония в степи перешла к Хазарскому каганату, северокавказские аланы имели некое общее мировоззрение. Нам необходимо обратить на это особое внимание потому, что на рубеже VII–VIII вв. часть алан переселилась на Средний Дон, унеся с собой погребальный обряд и традиционные формы амулетов. Причины их переселения – отдельный дискуссионный вопрос, на котором мы не будем останавливаться (Плетнева, 1967. С. 91; Афанасьев, 1981; 1988. С. 92; Кузнецов, 1992. С. 76). Считается, что зависимость от каганата в период с VII по X в. сыграла положительную роль для становления Алании. В южнорусских степях ослабевает движение кочевников, что дает возможность благополучного развития оседлых народов Предкавказья, к числу которых, как установлено И.А. Аржанцевой и Г.Е. Афанасьевым, относились и аланы. Кроме того, успешное противостояние арабскому халифту способствовало интеграции алан в рамках хазарской “лоскутной империи” (Гадло, 1979. С. 211; Минаева, 1971. С. 205).

Период VII–VIII вв. изучался на основании материалов из 108 катакомб, содержащих 168 погребений. Исследуемые катакомбы относились к могильникам: Бавтугай, катакомба 3 (раскопки

¹ Пользуясь случаем, автор выражает глубокую признательность Г.Е. Афанасьеву за любезно предоставленную возможность использовать созданную им базу данных по погребальному обряду и инвентарю из катакомб салтово-маяцкой культуры “Burtas”.

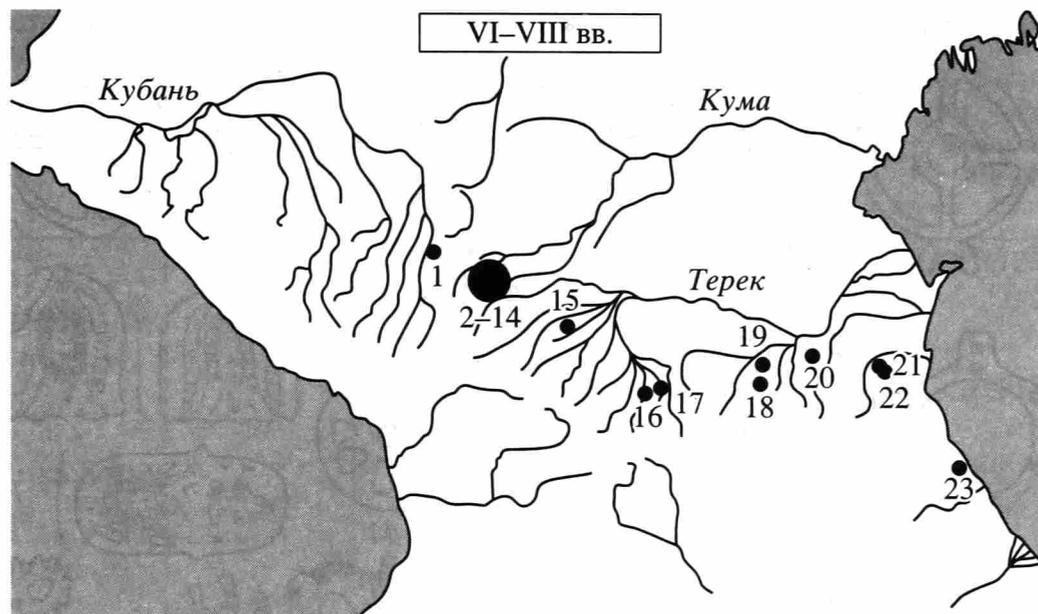

Рис. 1. 1 – Хумара; 2–14 – Мокрая Балка 1 и 2, Лермонтовская скала 1, Клин-Яр 3, Аланская Крепость, Кисловодское озеро-1, Горное Эхо, Замковый, Кугуль 1, Маркинкош, Бермамыт, Мирный 2; 14 – Байтал-Чапкан; 15 – Песчанка; 16 – Даргавс; 17 – Чми; 18 – Мартан-Чу 2; 19 – Урус-Мартан 2; 20 – Исти-су; 21 – Верхний Чир-Юрт 1, 2; 22 – Бавтугай; 23 – Таргу.

М.И. Пикуль), Верхний Чир-юрт-2, катакомбы 1–5, 1/1, 1/2, 1/5, 1/6, 1/8–1/12, 2/2–2/5, 2/7–2/18, 2/20–2/25 (раскопки М.Г. Магомедова), Горное Эхо, катакомба 3, (раскопки А.П. Рунича), Даргавс, катакомба 7/1 (раскопки Р.Г. Дзаттиаты), Кисловодское озеро 1, катакомбы 20, 24 (раскопки А.П. Рунича), Клин-Яр 3, катакомбы 5, 20, 23 (раскопки А.П. Рунича, В.С. Флерова), Лермонтовская скала-2, катакомбы 2, 12, 18 (раскопки А.П. Рунича), Мартан-Чу 2, катакомба 1 (раскопки В.Б. Виноградова), Мирный-2, катакомбы 3, 4 (раскопки А.П. Рунича), Мокрая Балка-1, катакомбы 1, 9, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 29, 33, 38, 45, 47, 49, 50, 52, 59, 68, 73, 74, 78, 92, 99, 103, 104, 113, 114, 118, 120, 124, 5-аф, 15-к, 20-к, 21-к (раскопки А.П. Рунича, Г.Е. Афанасьева, В.Б. Ковалевской), Мокрая Балка-2, катакомбы 1, 2 (раскопки Г.Е. Афанасьева), Песчанка, катакомбы 1–15 (ОАК, 1901. С. 124–135), Таргу, катакомбы 1–4, 6 (раскопки В.М. Котович) и Чми, катакомбы 4, 7, 11, 12, 17 (Самоковасов, 1908. С. 178–182) (рис. 1).

Набор амулетов и украшений из этих катакомб представлял собой описанное выше разнообразие культовых предметов, но к нему добавились кольца с птичьими головками, фигурки баранов, коней, всадников, клыки животных (рис. 2). С VIII в. распространилась пришедшая из степи мода на ношение бубенчиков. В.А. Кузнецов предположил, что они выполняли функции оберегов (Кузнецов, 1992. С. 300). Анализ материалов из катакомб VII–VIII вв., проведенный В.Б. Ковалевской, показал, что в этот период появляются антропоморфные фаллические амулеты, вписанные в кольцо с напльвами, что подчеркивает небесный характер божества. “Возможно, – пишет В.Б. Ковалевская, –

культ божества плодородия слился с культом героя-вождя” (Ковалевская, 1981. С. 89).

Принадлежность инвентаря конкретному костяку определена в 158 случаях. В число 158 погребенных входят 23 мужчины, 33 женщины, 4 подростка, детей – 40, неопределенных взрослых – 57. Останки одного человека не поддавались определению.

Амулетами и украшениями сопровождалось 88 костяков, или 56% от общего числа погребенных. Среди индивидов с инвентарем 11 мужчин (45.8% всех мужчин), 31 женщина (94% всех женщин), 2 подростка, 10 детей (28.6% всех детей), 33 неопределенных взрослых (60%), пол и возраст 1 погребенного не поддались определению. Всего амулетами и украшениями сопровождалось 75 взрослых (66% всех взрослых), 14 детей и подростков (32% всех детей и подростков).

Если учитывать, что в V в. обереги сопровождали 18% мужчин, 67% женщин, 47% детей и подростков, в VI–VII в. 26% мужчин, 81% женщин, 47% детей и подростков (Албегова, 2000. С. 55, 66), то выясняется, что процент мужчин и женщин, сопровождающихся амулетами и украшениями, неуклонно возрастает, а процент детей и подростков сокращается. Это явление трудно объяснить. Возможно, оно связано со стабилизацией хозяйственной и демографической ситуации, с уменьшением смертности детей. Возможно также, что такое положение связано с хозяйственным подъемом, произошедшим в VIII–IX вв. Он проявился в возникновении значительного числа аланских городищ, которые являлись центрами ремесла и торговли (Алексеева, 1992. С. 185). Этот подъем

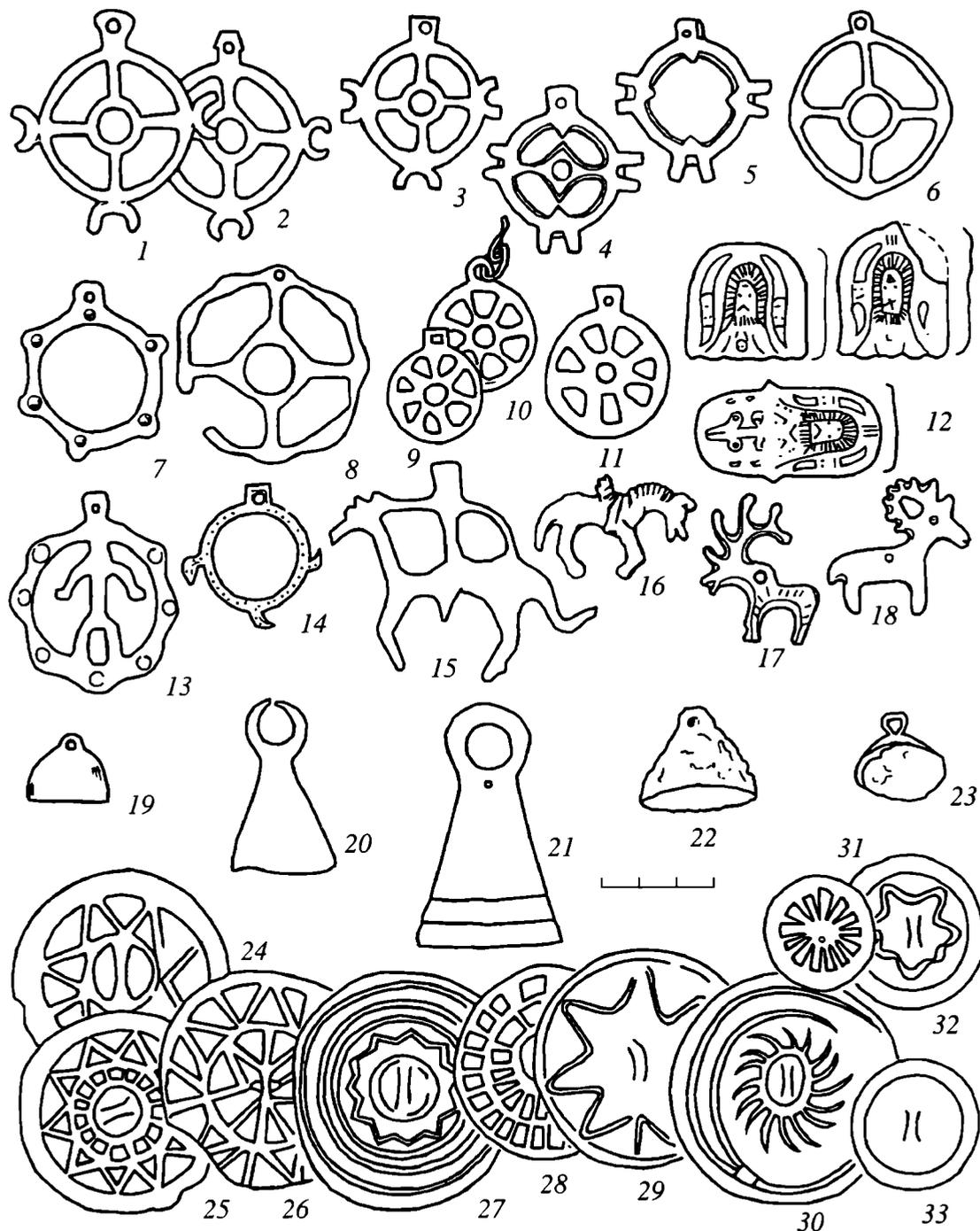

Рис. 2. Амулеты и зеркала VII–VIII вв. 1, 2, 22, 23, 24 – Мокрая Балка 1, катакомба 15; 3 – Мокрая Балка 1, катакомба 47; 4, 5, 7 – Мокрая Балка 2, катакомба 1; 6, 15 – Песчанка, катакомба 5; 8 – Мокрая Балка 1, катакомба 49а; 9 – Песчанка, катакомба 2; 10, 29 – Мокрая Балка 1, катакомба 21; 11 – Мокрая Балка 1, катакомба 68; 12, 13, 21, 26 – Мокрая Балка 1, катакомба 113; 14 – Чми, катакомба 7; 16 – Таргу, катакомба 6; 17 – Мокрая Балка 2, катакомба 1; 18 – Мокрая Балка 2, катакомба 2; 19 – Мокрая Балка 1, катакомба 47; 20 – Мокрая Балка 1, катакомба 52; 25 – Мокрая Балка 1, катакомба 124; 27 – Клин-Яр, катакомба 5; 28, 31 – Лермонтовская скала 2, катакомба 12; 30 – Мокрая Балка 1, катакомба 78; 32 – Лермонтовская скала 2, катакомба 18; 33 – Мокрая Балка 1, катакомба 50.

требовал больших трудозатрат и был подготовлен поколениями VII–VIII в. Об этом говорит инвентарь погребений. С VIII в. в аланских катакомбах начинают встречаться тесла и мотыжки, которые могли использоваться как для обработки дерева и кож, так и в земледелии (Алексеева, 1971. С. 110). Потребность общества в большом количестве рабочих рук и воинов (в частности для противостояния арабам) была связана с потребностью в большом количестве сильных зрелых

людей. Не исключено, что это стало причиной увеличения числа взрослых и уменьшения числа детских погребений, сопровождавшихся амулетами.

Разнообразнее, чем в VI–VII вв., стали наборы амулетов при мужчинах. С ними встречено большее количество колокольчиков, чем с другими половозрастными группами (таблица 1). Смоловидное вещество (по разным версиям это было либо мумие, либо опий-сырец) в VII–VIII вв. стало

Таблица 1. Количество амулетов и украшений, приходившееся на одного погребенного в VII–VIII вв. (по половозрастным группам)

Амулеты и украшения	Мужчины 23	Женщины 33	Подростки 4	Дети 40	Взрослые неопреде- ленные 57	Всего 158 погребенных
Зеркало	0.130	0.364	–	0.050	0.123	1.000
Коробочка	–	0.030	–	–	–	0.006
Смола	0.044	0.030	–	–	–	0.013
Аммонит	–	–	–	–	0.018	0.006
Птица	–	0.030	–	–	–	0.006
Кольца с птичьими головками	–	0.030	–	0.025	0.018	0.019
Кольца с наплывами	–	0.061	–	–	0.053	0.032
Колесовидные	–	0.212	–	–	0.070	0.070
Антропоморфные	0.044	0.030	–	–	–	0.013
Баран	–	0.030	–	–	–	0.006
Кони	0.044	–	–	–	–	0.006
Всадник	–	–	–	–	0.018	0.006
Олень	–	0.061	–	–	0.035	0.012
Колокольчики	0.087	0.030	–	–	0.035	0.032
Зеркальце миниатюрное	0.044	0.152	0.250	0.025	0.018	0.057
Альчик	–	–	–	–	0.088	0.032
Клыки животных	–	–	–	–	–	0.006
Бубенчики	–	–	–	0.025	0.053	0.019
Бусины	1.000	26.424	23.000	7.350	8.211	11.070
Браслет	0.304	1.515	1.500	0.250	0.930	0.798
Серьги	0.348	0.939	–	0.200	0.509	0.481
Перстень/кольцо	0.044	0.212	–	–	0.140	0.101
Раковина/перламутр	–	0.485	–	–	–	0.101

чаще, чем в предыдущий период встречаться при женских погребениях (Афанасьев, 1976б. С. 128, 129; Фоменко, 1989. С. 20; Илюшин, Фоменко, 1994. С. 45). Возможно, эти женщины были гадалками либо знахарками, использовавшими его как лечебное средство. Характерно, что вещество никогда не фиксировалось с детьми и подростками.

По сравнению с V–VI вв. возрастает и максимальное число категорий амулетов при погребенных. С мужчинами встречается до 6 категорий (у восьмерых по 1, у троих – 2, 3, 6), с женщинами – до 9 (в основном 1–5), с детьми – до 5. Некоторые различия наблюдаются при сопоставлении инвентаря при костях в одиночных и коллективных погребениях. Фигурки птиц, баранов, коней, всадников, а также альчики встречены только в парных захоронениях. Бус больше в катакомбах с тремя и четырьмя погребенными. Однако в целом из коллективных захоронений наиболее насыщены амулетами парные.

Одним из оберегов, впервые появившимся в VII–VIII вв., стала фигурка всадника. Амулет в виде

всадника был обнаружен в катакомбе 5 Песчанки. Вместе с ним при погребенном найдены кольцо с наплывами, колесовидный амулет, серьги, два браслета и несколько бусин. По набору амулетов это погребение, скорее всего, было женским. Интересно, что на восточной стене камеры был прочерчен крест. Кресты были прочерчены также на восточных стенах катакомб 2 и 8 Песчанки. В катакомбе 13 крест находился над входом. Погребенные лежали на спине со сложенными (перекрещенными) на груди руками.

Археологически христианство фиксируется на территории Северо-Западного Прикаспия в VI–VII вв. (Магомедов М.Г., 1983. С. 158–173). Очевидно, что в VII–VIII вв. христианство исповедовала и часть алан, населявших Северо-Западный Кавказ (История народов..., 1988. С. 124; Кузнецов, 1992. С. 309, 310). Но языческий погребальный обряд и использование амулетов, как мы видим на примере Песчанки, оставались для алан неизменной традицией, лишь дополненной элементами христианской символики.

Таблица 2. Количество амулетов и украшений, приходившееся на одного погребенного в VII–VIII вв. (по различным регионам)

Амулеты и украшения	Кисловодская котловина 83 погребенных	Дагестан 43 погребенных	Песчанка 22 погребенных	Даргавс, Чми 8 погребенных
Зеркало	0.205	0.223	0.227	0.250
Коробочка	0.012	–	–	–
Смола	0.024	–	–	–
Раковина-каури	0.062	–	–	–
Аммонит	0.012	–	–	–
Птица	0.012	–	–	–
Кольца с птичьими головками	0.012	–	0.046	0.125
Кольца с напльвами	0.036	–	0.091	–
Колесовидные	0.072	–	0.227	–
Антропоморфные	0.024	–	–	–
Баран	0.012	–	–	–
Кони	–	0.023	–	–
Всадник	–	–	0.045	–
Олень	0.024	–	–	–
Колокольчики	0.060	–	–	–
Зеркальце миниатюрное	0.108	–	–	–
Альчик	0.060	–	–	–
Клыки животных	0.012	–	–	–
Бубенчики	–	–	0.046	0.250
Бусины	15.494	0.233	0.455	54.125
Браслет	1.000	0.140	1.136	0.500
Серьги	0.602	0.116	0.727	0.375
Перстень/кольцо	0.036	0.116	0.227	0.375
Раковина/перламутр	0.193	–	–	–

При сравнении инвентаря из катакомб двух крупных регионов Северо-западного Кавказа и Прикаспия оказывается, что в первом наборы амулетов богаче и разнообразнее (табл. 2). Так, наборы Кисловодской котловины включают до девяти предметов, Песчанки – до шести, Чми и Даргавса – до пяти, Дагестана – до четырех. Относительная малочисленность оберегов и украшений в катакомбах Дагестана отчасти объясняется тем, что большая часть погребенных – почти безынвентарные дети и подростки.

Единственным богатым погребением было парное захоронение мужчины и женщины из катакомбы 6, могильника Таргу. Рядом с мужчиной был найден амулет – бронзовая фигурка коня и два ножа по сторонам черепа. Женщина сопровождалась 6 бусинами, зеркалом, 3 браслетами и двумя серьгами. Для сравнения – с четырьмя остальными женскими захоронениями из катакомб Дагестана (Верхнего Чир-Юрта 2, катакомбы 2,

1/1, 1/11, 2/10) были обнаружены в общей сложности только две серьги и пять колец.

VIII–IX вв. стали отправной точкой усиления аланских племен, приведшего к образованию раннего государства в X–XI вв., и расцвета их языческой религии (и, очевидно, связанного с этим этнического самосознания и противопоставления себя другим племенам Хазарского каганата). Свидетельством кульминации развития язычества является повышение до максимума разнообразия амулетов, в частности, металлических. Еще больше, чем в предыдущий период, распространяются колесовидные амулеты, амулеты в виде коня и всадника. Наряду с вышеописанными типами возникают амулеты в виде всадника, вписанного в кольцо или в кольцо с напльвами. Начинают активно использоваться традиционные для Северного Кавказа с эпохи бронзы амулеты в виде головок и фигурок козлов, баранов.

VIII–IX вв. изучались на основании материалов из 133 катакомб, из которых 1 была кенота-

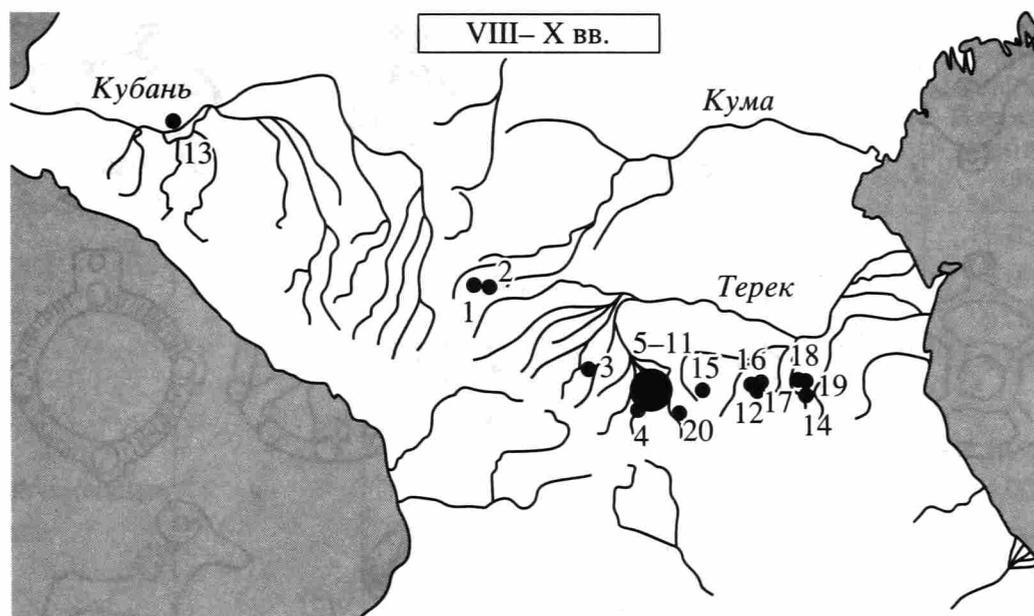

Рис. 3. 1 – Лермонтовская скала 2; 2 – Мокрая Балка 1; 3 – Хазнидон; 4 – Даргавс; 5 – Балта; 6 – Бейни; 7 – Орджоникидзе (Владикавказ); 8 – Гоуст; 9 – Октябрьское/Тарское; 10 – Харх; 11 – Чми; 12 – МТФ-3 им. Ленина, ст. Старокорсунская; 13 – Мартан-Чу 1 и 2; 14 – Ахкинчу-Барзой 1; 15 – Верхний Алкун; 16 – Дуба-Юрт-1; 17 – Комсомольское 1; 18 – Майртуп-А; 19 – Майртуп-Б, 20 – Фуртоуг.

фом. Катакомбы содержали 223 погребенных и происходили из могильников: Ахкинчу-Барзой 1, катакомбы 1, 7, 8, 3/1, 5/3, 6/4 (раскопки В.А. Петренко и Х.М. Мамаева); Балта, катакомбы 1–8 (ОАК, 1900. С. 146–149); Бейни, катакомба 1 (раскопки В.Б. Виноградова); Верхний Алкун, катакомба 1 (раскопки Л.П. Семенова); Гоуст, катакомбы 1/1, 1/2, 2/1–2/3, 3, 5–12 (ОАК, 1893. С. 87–95); Даргавс, катакомбы 1, 6, 6/1, 6/2, 7/2, 9–10, 12–14 (раскопки Р.Г. Дзаттиаты); Дуба-Юрт 1, катакомбы 1, 3 (раскопки А.П. Круглова); Комсомольское 1, катакомбы 1, 1 (раскопки М.Х. Багаева и Х.М. Мамаева); Лермонтовская скала-2, катакомба 6 (раскопки А.П. Рунича); Майртуп-А, катакомба 1 (раскопки М.Х. Багаева); Майртуп-Б, катакомба 2 (раскопки М.Х. Багаева); Мартан-Чу 1, катакомбы 1, 2, 3, 5, 7, 19; Мартан-Чу 2, катакомба 8 (раскопки В.Б. Виноградова); Мокрая Балка 1, катакомбы 110, 112, 16-к, 19-к (раскопки А.П. Рунича и В.Б. Ковалевской); МТФ-3, катакомбы 32, 50, 55 (раскопки В.Н. Каминского); Орджоникидзе (Владикавказ), катакомбы 1, 3 (раскопки В.А. Кузнецова); Октябрьское, катакомбы 2–10 (раскопки Н.И. Гиджрати); Тарское, катакомбы 3–6, 8–10, 12–18, 20–27, 29 (раскопки Э. Кантемирова); Тарский, катакомба 6 (Кореняко, 1976. С. 155); Фуртоуг, катакомба 1 (раскопки М.Х. Багаева); Хазнидон, катакомбы 5, 7, 8 (раскопки Н.И. Гиджрати); Харх, катакомбы 1, 2 (раскопки Д.Я. Самоквасова); Чми, катакомбы 1–2, 5–9, 10/2, 14–16, 18/1, 18/2, 19–27, 45–46, 3-аб, 4-аб; Чми I – катакомба 4; Чми V – катакомба 2 (раскопки Д.Я. Самоквасова, А.А. Бобринского и М.П. Абрамовой) (рис. 3).

К числу новых амулетов, пополнивших уже имевшийся набор, можно отнести: мелкие раковины, перламутровые пластины, складни, кресты, фигурки медведей, вепрей, “самоварчики” (рис. 4).

Для проведения анализа различий наборов амулетов, найденных при представителях различных половозрастных групп, было отобрано 207 погребенных, чей пол и возраст были определимы. Из них 17 определены как мужчины, 29 – как женщины, 3 – как подростки, 22 – как дети; пол 136 взрослых определен не был. Из 207 погребенных 146 (71% от общего числа) сопровождалось культовым инвентарем: 130 взрослых (71% всех взрослых), 2 подростка и 16 детей (73% всех детей). Среди взрослых 12 мужчин (71% всех мужчин), 28 женщин (97% всех женщин), 88 взрослых неопределенных (65% всех взрослых неопределенных). В кенотафе (Мартан-Чу 1, катакомба 7) интересующего нас инвентаря нет. Таким образом, процент людей, носивших амулеты в этот период, максимален по сравнению с предыдущими.

Очень богатым становится женский костюм (табл. 3). В этот период с женщинами встречаются наборы, содержащие до девяти категорий оберегов и украшений, с мужчинами до пяти, с детьми до семи. Интересно, что максимально повышается процент детей с амулетами, возрастает и количество амулетов при детях.

Особым, не до конца решенным, является вопрос, каким половозрастным группам принадлежали амулеты в виде всадников. В литературе существует предположение, что это атрибут мужского облачения, знаки отличия воинов (Афанасьев, 1973. С. 38; Ковалевская, 1978. С. 118;

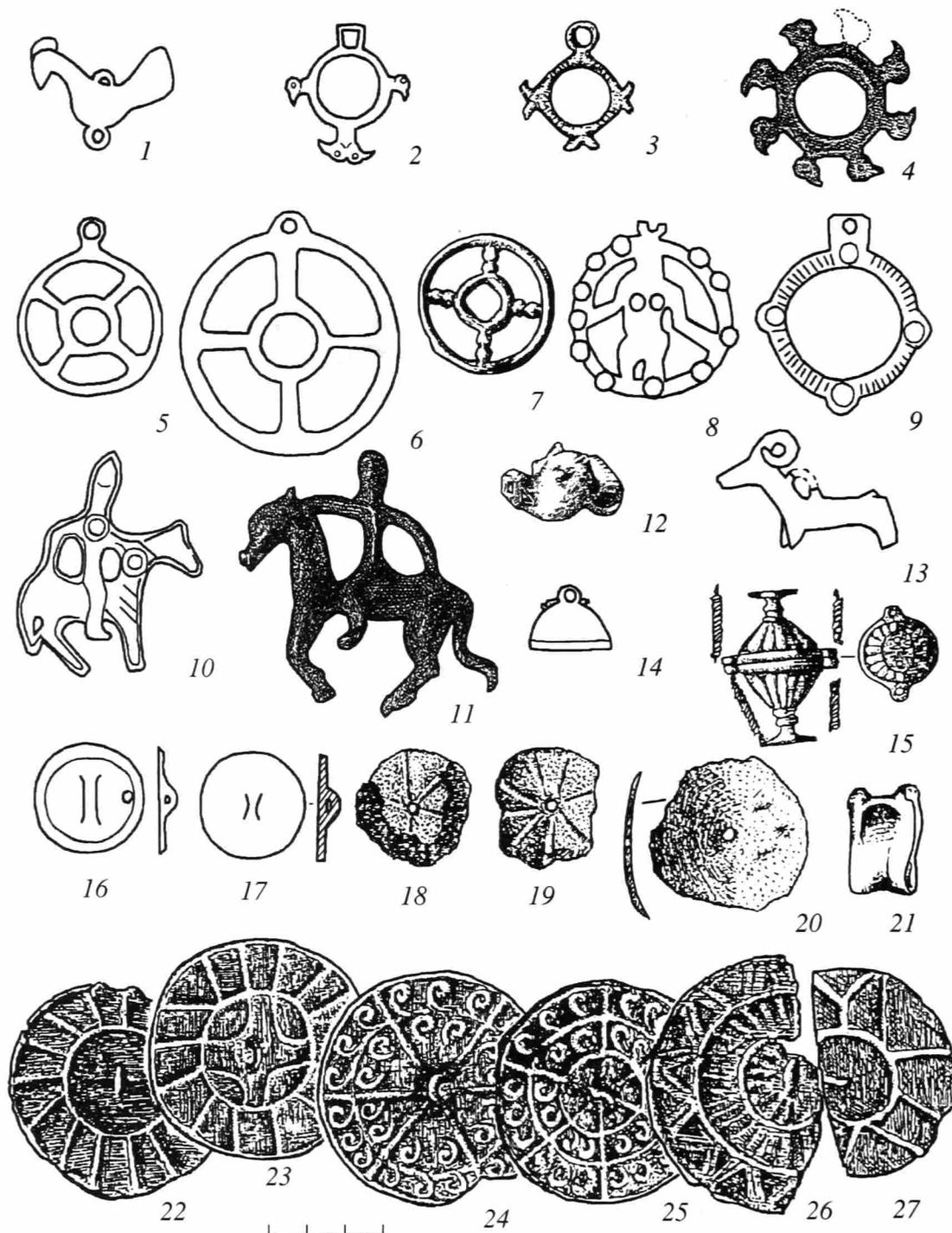

Рис. 4. Амулеты и зеркала VIII–IX вв. 1 – Чми-Суаргом, катакомба 27; 2, 5 – Ахкинчу-Барзой, катакомба 1; 3, 24 – Тарское, катакомба 24; 4, 11, 12 – Гоуст, катакомба 10; 6, 10, 17 – Лермонтовская скала 2, катакомба 6; 7, 15, 18–20, 27 – Тарское, катакомба 18; 8 – Чми-Суаргом, катакомба XIX; 9 – Гоуст, катакомба 12; 13 – Чми-Суаргом, катакомба V; 14, 16 – МТФ-3, близ ст. Старокорсунской, катакомба 55; 21, 26 – Тарское, катакомба 19; 22 – Тарское, катакомба 17; 23 – Тарское, катакомба 23; 25 – Тарское, катакомба 20.

Кузнецов, 1984. С. 185). Очевидно, это мнение возникло под влиянием предположений В.И. Долбежева, который раскопал несколько погребений с фигурками всадников на могильнике Гоуст. По имеющимся описаниям, два амулета означенного типа встречены с мужским погребением в катакомбе 10 и один с женским в катакомбе 9. Определения В.И. Долбежева носят характер предположения, при этом он не пишет, на какие факты он опирался. На груди костяка из катакомбы 9 на-

ходились бусы, амулет-всадник и кольцо с птичьими головками. При предположительно мужском погребении катакомбы 10 помимо двух фигурок всадников находился полный туалетный набор (ложечка, копоушка, ногтечистка), зеркало, бусы, серьга, два браслета, бронзовый перстень, подвеска в виде головы быка и еще три неописанные подвески (ОАК, 1893. С. 92–94). Инвентарь, сопровождавший этого и нескольких других погребенных, свидетельствует о том, что костяки,

Таблица 3. Количество амулетов и украшений, приходившееся на одного погребенного в VIII–IX вв. (по половозрастным группам)

Амулеты и украшения	Мужчины 17	Женщины 29	Подростки 3	Дети 22	Взрослые неопр. 136	Всего 207 погребенных
Зеркало	0.118	0.621	0.333	0.136	0.250	0.280
Мелкие раковины	–	–	–	0.318	0.007	0.039
Раковина-каури	–	1.379	–	0.046	0.022	0.213
Складень	–	–	–	–	0.007	0.005
Крест	–	0.069	–	–	–	0.010
Птица	–	–	–	–	0.007	0.005
Кольца с птичьими головками	–	0.103	–	–	0.007	0.019
Кольца с напльвами	–	0.034	–	–	0.007	0.010
Колесовидные	–	0.138	–	–	0.059	0.058
Антропоморфные	–	0.069	–	–	–	0.010
Медведь	–	0.034	–	–	–	0.005
Вепрь	–	–	–	0.046	–	0.005
Бык	–	0.034	–	–	–	0.005
Баран	–	0.034	–	0.046	0.037	0.034
Всадник	–	0.104	–	0.091	0.007	0.029
Колокольчики	–	0.035	–	0.046	0.044	0.039
Зеркальце миниатюрное	0.059	0.138	0.333	0.136	0.052	0.077
Альчик	0.118	0.035	1.000	0.273	0.081	0.111
Лунница	–	0.069	–	–	0.029	0.029
Клыки/когти животных	–	–	–	0.046	0.007	0.010
“Самоварчик”	–	–	–	0.046	–	0.005
Бубенчики	0.941	1.345	2.000	1.046	1.404	1.329
Бусины	2.059	59.897	19.000	33.455	34.963	35.362
Браслет	0.353	1.552	–	0.456	0.654	0.725
Серьги	0.177	1.276	1.000	0.500	0.882	0.841
Перстень/кольцо	0.529	1.310	0.667	0.818	1.044	1.010
Раковина/перламутр	–	0.345	–	0.091	0.147	0.155

скорее всего, принадлежали женщинам. Сочетания амулета-всадника с женскими наборами амулетов характерны не только для Гоуста. При одиночном погребении взрослого человека в катакомбе 6 могильника Лермонтовская скала 2, амулет-всадник сочетался с колесовидным амулетом, маленьким бронзовым зеркальцем, бусами и серьгой (Рунич, 1973. С. 7, 8. Рис. 13). Случаи находки металлической фигурки всадника рядом с погребенной женщиной не редки. Аналогичная находка описана В.Н. Каминским близ станицы Старокорсунской на Кубани в 56 погребении могильника (Каминский, 1987. С. 200. Рис. 7, 55, 59). По набору погребального инвентаря к женским относятся погребения с амулетами-всадниками из катакомб хозяйства имени Луначарского, близ Кисловодска (Рунич, 1968). С женщиной были найдены и амулеты в виде символических всадни-

ков на “грифонах” (“верблюдах”) и лошадок в катакомбе 56 Дмитриевского могильника салтовомаяцкой культуры.

Принадлежность данного вида амулетов мужчинам либо женщинам пока не доказана окончательно из-за недостатка четких антропологических определений. Однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что женщины и дети использовали все или почти все типы амулетов, бытовавшие в обществе. Этот вывод подкрепляется данными этнографии кавказских горцев, чья культура формировалась в тесном взаимодействии с аланской (Чурсин, 1929).

Попытки объяснить семантику фигурки всадника привели В.А. Кузнецова к выводу о его связи с конным аланским божеством, получившим в христианскую эпоху имя – Уастырджи (иронский диалект), Уаскерги (дигорский диалект) – где

Таблица 4. Количество амулетов и украшений, приходившееся на одного погребенного в VIII–IX вв. (по различным регионам)

Амулеты и украшения	Кисловодская котловина 9 погребенных	Владикавказ и прилегающие окрестности 150 погребенных	Чечня 40 погребенных	МТФ 4 погребенных	Хазнидон 4 погребенных
Зеркало	0.083	0.347	0.050	0.500	0.500
Мелкие раковины	–	0.053	–	–	–
Раковина-каури	–	0.047	0.050	8.750	–
Складень	–	0.007	–	–	–
Крест	–	0.013	–	–	–
Птица	–	0.007	–	–	–
Кольца с птичьими головками	–	0.020	0.025	–	–
Кольца с напльвами	–	0.013	–	–	–
Колесовидные	0.111	0.067	0.025	–	–
Антропоморфные	–	0.013	–	–	–
Медведь	–	0.007	–	–	–
Вепрь	–	0.007	–	–	–
Бык	–	0.007	–	–	–
Баран	–	0.047	–	–	–
Всадник	0.111	0.033	–	–	–
Колокольчики	0.444	0.020	–	0.250	–
Зеркальце миниатюрное	0.111	0.093	–	0.250	–
Альчик	–	0.060	0.350	–	–
Лунница	–	0.040	–	–	–
Клыки/когти животных	–	0.007	–	–	0.250
“Самоварчик”	–	0.007	–	–	–
Бубенчики	–	1.480	1.250	0.750	–
Бусины	9.333	41.020	6.875	144.000	58.000
Браслет	0.667	0.627	0.850	2.750	1.250
Серьги	0.889	0.873	0.550	1.750	1.500
Перстень/кольцо	0.222	1.240	0.250	2.750	–
Раковина/перламутр	–	0.120	0.175	–	1.750

“Уас” переводится как “святой”, а “Керги” особенность произношения имени “Георгий” (Кузнецов, 1992. С. 293, 294; Миллер В.Ф., 1882а. С. 185). По популярности у осетин, говорящих на разных диалектах, проживающих в разных ущельях и поклонявшихся различным местным покровителям, нет ему равных. В праздничных молитвах к нему обращались сразу после обращения к Богу Богов. Сопоставление изображений на амулетах с образом Уастырджи справедливо и оправданно не только в силу его необычайного авторитета, но еще и потому, что он единственный солнечный конный бог в осетинском пантеоне. Не исключено, что в описываемый период божество еще носило аланское, а не христианское имя. Если амулет в виде всадника все же был женским, можно предположить, что в VIII–IX вв. это божество еще не было

затабуированно для женщин, как это фиксируется у осетин по отношению к Уастырджи.

При сравнении локальных особенностей наборов амулетов третьего периода выясняется (табл. 4), что по количеству погребенных и по богатству культового инвентаря на первое место выходит регион, прилегающий к Дарьялу (Владикавказ и его окрестности). Такое перераспределение связано с исчезновением алан из Кисловодской котловины, начиная с VIII в. По этому поводу существует ряд предположений, одно из которых связывает исчезновение с переселением алан из этого региона на Средний Дон, где возник салтово-маяцкий вариант аланской культуры (Афанасьев, 1981; 1988. С. 92; Кузнецов, 1992. С. 76).

Рис. 5. Карта расположения могильников салтово-маяцкой культуры в бассейне Среднего Дона.

Расцвет моды на амулеты, таким образом, закономерно совпадает со временем расцвета салтово-маяцкой культуры (VIII–IX вв.). Относительно хорошая изученность антропологического материала из погребений четырех катакомбных могильников алан Среднего Дона (Дмитриевского, Маяцкого, Нижнелубянского и Ютановского) позволила провести более подробное исследование наборов амулетов по половозрастным группам, чем это было возможно на материалах Северного Кавказа (рис. 5, 6).

Изучение распределения амулетов по возрастным группам погребенных показало, что амулеты сопровождали 233 (85.7%) взрослых и 39 (14.3%) детей и подростков. Пол 79 взрослых погребенных определен не был. Среди 154 взрослых, чей пол был определен, 95.5% составляли женщины и 4.5% мужчины.

В ходе исследования было выдвинуто предположение, что распределение амулетов среди женщин и детей одного поселения зависит от социальной структуры местной общины. Социальная структура, в свою очередь, могла зависеть от функций поселения. Например, Ютановская агломерация являлась региональным центром долины р. Оскол. Данный регион находился во внутреннем районе салтово-маяцкой территории. Вероятность вторжения в него была минимальной. Острой необходимости содержать воинские кланы, очевидно, не было. Управление общиной могло строиться на чисто демократической основе. Поэтому среди ютановского населения амулеты распределялись по половозрастной иерархии. Так, обереги в виде колец с птичьими головками встречены в основном с женщинами 40–55 лет, вероятно, старшими женщинами большой семьи. Женщины старше указанного возраста амулетами в виде ко-

лец с птичьими головками не пользовались, что может говорить о незначительной роли стариков в жизни семьи и общины.

Иную картину мы наблюдаем у населения приграничного Верхнесалтовского городища, которое постоянно подвергалось риску нападения. Роль воинских кланов здесь была значительнее, чем в Ютановской общине. В погребениях Верхнесалтовского могильника не наблюдалось различий между инвентарем девочек и женщин, но фиксировались различия между привилегированным слоем населения и остальными общинниками. Амулеты чаще встречались в богатых женских погребениях. Ношение амулетов в основном представительницами воинских кланов могло быть следствием того, что эти кланы играли важную роль в жизни общины и подвергались риску уничтожения в большей степени, чем остальная часть населения. Данные выводы предварительны и требуют дополнительного исследования. Однако следует отметить, что существование общества, в рамках которого бытовали общности с различными социальными устройствами, явление не редкое. В частности, оно зафиксировано в Осетии в XVIII–XIX вв. и ранее (Бзаров, 1988).

Помимо половозрастных и социальных различий в ношении амулетов, были выявлены локальные особенности в наборах амулетов при погребениях отдельных общин. Дискриминантный и кластерный анализы выявили существование трех основных групп населения, вероятно, различавшихся по деталям религиозных культов: ютановскую, дмитриевско-нижнелубянскую и маяцкую, что соответствовало выявленным Г.Е. Афанасьевым трем погребальным традициям СМК (Афанасьев, 1993. С. 91). Для первой группы, яд-

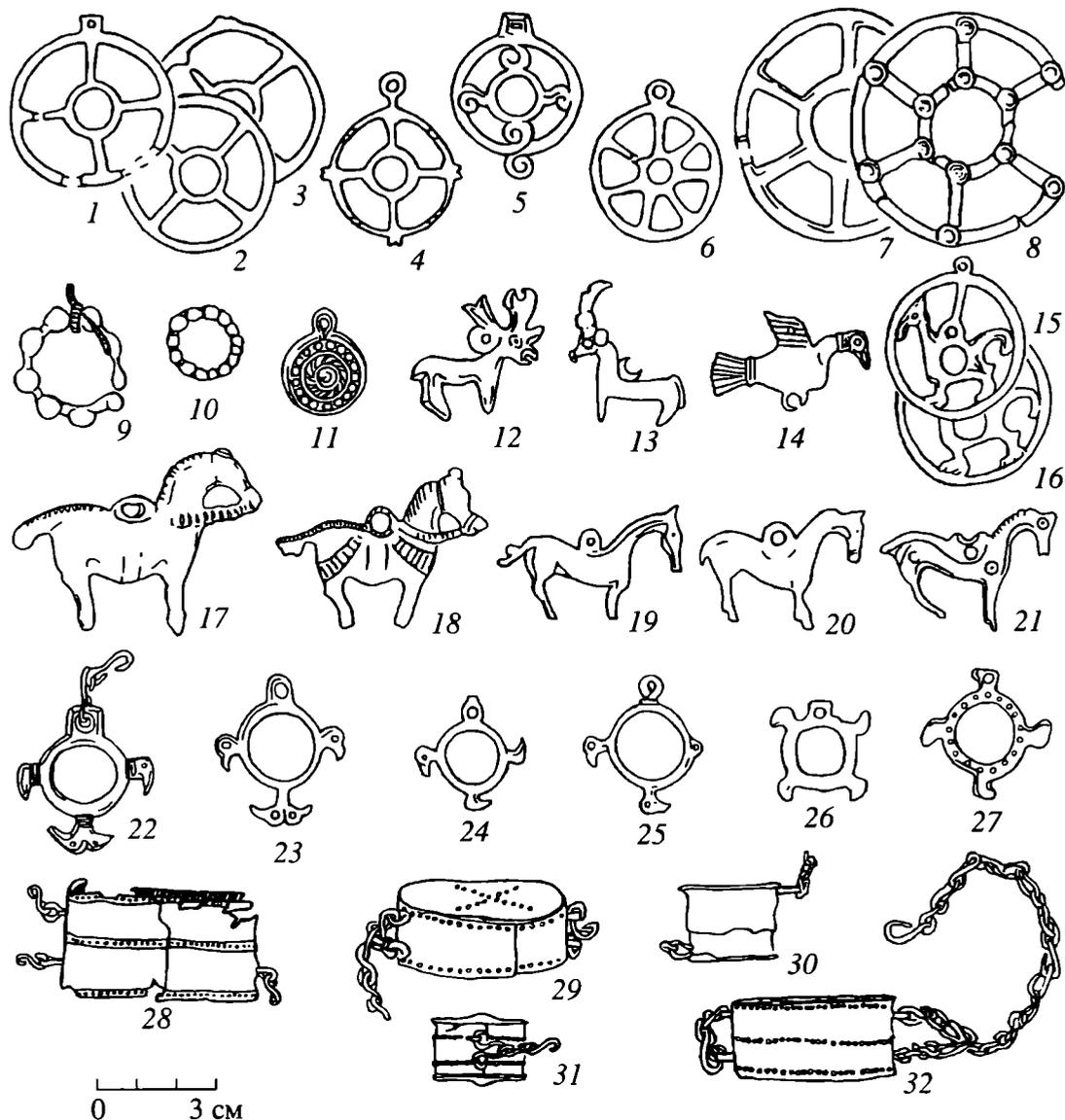

Рис. 6. Типы салтовских металлических амулетов: 1–3, 7–8, 9–13, 17, 22, 25–32 – Ютановский могильник; 4–6, 14–16, 19, 21, 23 – Дмитриевский могильник; 18, 20, 24 – Нижнелубянский могильник.

ро которой составили ютановские погребения, характерно преимущественное использование колесовидных амулетов, колец с птичьими головками, колец с наплывами, культовых коробочек, дисков, лунниц, фигурок лошадей, птиц. Для двух других традиций характерно преобладание амулетов естественного происхождения: клыки, когти, пястные косточки животных, раковины каури. Не исключено, что различия носят хронологический характер. Широкое распространение обереги в виде клыков, когтей и пястных косточек, по определению С.А. Плетневой, получают с середины IX в. (Плетнева, 1967. С. 176).

Верования всех групп имели общую основу. Судя по распространенности колесовидных (соллярных) и лунарных амулетов во всех общинах, астральные культы играли роль мировоззренческой базы, на которой происходил процесс консолидации верований отдельных аланских родов и общин.

Со второй половины IX в. разнообразие амулетов как на Среднем Дону, так и на Северном Кавказе резко сократилось (Ковалевская, 1981. С. 87; Плетнева, 1967. С. 176). Это время завершения формирования ранней государственности у алан Северного Кавказа. К этому периоду разрозненные родовые верования, очевидно, максимально унифицировались. Своего логического завершения этот процесс достиг в первом десятилетии X в., когда кавказская Алания, под влиянием Византии, официально приняла христианство. Исчезновение бронзовых фигурных амулетов не означало полного исчезновения связанных с ними верований. Изображения и предметы, схожие с древними оберегами, зафиксированы у осетин. Деревянный амулет конца XIX – начала XX в. в виде древнего бронзового фаллического оберега был найден А.А. Миллером во время экспедиции 1923 г. в Осетии в одном из святилищ Тагаурии. В настоящее время он хранится в Русском музее Санкт-Петербурга (инвентарный номер Ш-д, 4239-37в) (Миллер А.А.,

1962. С. 90. Рис. 6). Фаллические изображения зафиксированы В.Х. Тменовым на стенах осетинских склепов и башен (Тменов, 1982. С. 25. Рис. 2). Аналогичный пример повторения в этнографических культовых осетинских предметах форм древних амулетов мы наблюдаем и на примере фигурок всадников. В ходе той же экспедиции А.А. Миллера 1923 г. на детской могиле кладбища с. Дзинага была найдена тряпичная кукла, изображающая всадника. Всадник сидит, как и на аланском амулете, развернувшись вправо. Одна его рука лежит на холке лошади, а другая – на крупе (инвентарный номер III-д, 4239-63). Возможно также, что колесовидные амулеты алан каким-то образом связаны с образом небесного колеса – персонажа осетинского нартовского эпоса, выступавшего защитником небожительницы.

Подводя итоги исследованию, можно сказать, что “мода” на отдельные обереги со временем изменялась, причем изменения шли параллельно у всех групп алан, даже после переселения некоторых из них на Средний Дон. Такая синхронность говорит о единстве механизмов духовного развития всего массива аланских племен. Период расцвета различных форм металлических амулетов приходится на VIII–IX вв. Это время с полным основанием можно назвать кульминацией развития язычества в “чистом виде”.

Наблюдение за распределением амулетов и украшений по половозрастным группам показало, что обереги являлись неотъемлемой частью женского костюма. Женщины зачастую выполняли функции домашних жриц. Очевидно, женскими являлись и амулеты в виде всадников, которые прежде считались мужскими. Следующей по богатству наборов амулетов и украшений половозрастной группой были дети. Эта группа всегда находилась под протекторатом женщин. Обе указанные группы были в силу физической слабости их представителей очень уязвимыми. В то же время их многочисленность являлась показателем жизнеспособности и силы общности. Скорее всего амулеты и украшения, найденные при мужских погребениях, являлись женским заупокойным даром.

Результаты исследования еще раз продемонстрировали, что набор амулетов Северо-Западного Прикаспия отличается от набора амулетов Северо-Западного и Центрального Предкавказья, уступая ему в разнообразии. Локальные различия, очевидно, связаны с особенностями этнокультурного развития указанных регионов.

Исследование проведено при поддержке фонда Сороса, грант № 513/1998 (This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No.: 513/1998).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* Дохристианская религия алан // Абаев В.И. Избранные труды в 4-х томах. Религия, фольклор, литература. Т. 1. Владикавказ, 1990.
- Албегова З.Х.* К вопросу о религии алан (по материалам амулетов салтово-маяцкой культуры) // Базы данных в археологии. Компьютер в археологических исследованиях. М., 1995.
- Албегова З.Х.* Палеосоциологическое исследование религии алан V–XII вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.
- Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992.
- Афанасьев Г.Е.* Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа // СГЭ. 1973. Вып. XXXVI.
- Афанасьев Г.Е.* Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокрая Балка) // СЭ. 1976а. № 1.
- Афанасьев Г.Е.* Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа (По материалам могильника Мокрая Балка). Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. 1976б. Р-2. № 2213.
- Афанасьев Г.Е.* К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
- Афанасьев Г.Е.* Буртасы // Исчезнувшие народы. М., 1998.
- Афанасьев Г.Е.* Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.
- Бзаров Р.С.* Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе, 1988.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Гатиев Б.* Суеверия и предрассудки у осетин // ССКГ. 1876. Вып. 9.
- Гуриев Т.А.* Наследие скифов и алан. (Очерки о словах и именах). Владикавказ, 1991.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
- Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990.
- Иерусалимская А.А.* Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника “Мощевая балка”) // СЭ. 1983а. № 1.
- Иерусалимская А.А.* Погребальный культ и некоторые верования раннесредневековых племен Северного Кавказа (по материалам могильника Мощевая Балка, VIII–IX вв.) // *Extrait d'Iranica*. 1983б. V. XVIII.
- Илюшин А.М., Фоменко В.А.* Поселение Провальская балка (о влиянии азиатских традиций на культуру Пятигорья в сарматское время // XVIII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. (Тез. докл.). Кисловодск, 1994.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

- Калоев Б.А.* Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971.
- Калоев Б.А.* Скотоводство народов Северного Кавказа. М., 1993.
- Калоев Б.А.* Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.
- Каминский В.Н.* Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4.
- Ковалевская В.Б.* Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Ковалевская В.Б.* Антропоморфные амулеты IV–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 1983. № 176.
- Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995.
- Кореняко В.А.* Аланские могилы VIII–IX вв. в Северной Осетии // СА. 1976. № 2.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
- Магомедов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983.
- Миллер А.А.* Жертвенные предметы из осетинских дзуаров // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. I. Л., 1962.
- Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. II. М., 1882а.
- Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // Журнал Министерства народного просвещения. 1882б. Ч. ССХХII.
- Миллер В.Ф.* Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // МАК. 1893. III.
- Минаева Т.М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
- ОАК за 1890. СПб., 1893.
- ОАК за 1897. СПб., 1900.
- ОАК за 1898. СПб., 1901.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.
- Рунич А.П.* Отчет об археологической разведке в окрестностях Кисловодска // Архив ИА РАН. 1968. Р-1. № 3636.
- Рунич А.П.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 г. // Архив ИА РАН. 1973. Р-1. № 5009.
- Самоковасов Д.Я.* Могилы русской земли. М., 1908.
- Студенецкая Е.Н.* Материалы по религиозным верованиям народов Северного Кавказа // ОРФ СОИГСИ. 1984. Ф. 9. Оп. 1. Д. 10.
- Тменов В.Х.* Памятники средневекового графического искусства Северной Осетии // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 2. Орджоникидзе, 1982.
- Уарзиати В.С.* Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.
- Уарзиати В.* Праздничный мир осетин. М., 1995.
- Флеров В.С.* Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград, 1993.
- Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.
- Фоменко В.А.* О смоловидном веществе в погребениях I–VII вв. из района Пятигорья // Студенческие археологические открытия 1987–1988 гг. Грозный, 1989.
- Чибиров Л.А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976.
- Чибиров Л.А.* Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984.
- Чочиев А.Р.* Очерки истории социальной культуры осетин (Традиции оседлости и кочевничества в социальной культуре осетин). Цхинвали, 1985.
- Чурсин Г.Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Махач-Кала, 1929.

Palaeosociological Research of the Alanic Religion of the 7th–9th Centuries (on the Amulets From the North Caucasian and Middle Don Catacomb Tombs)

Z. Kh. Albegova

Summary

The Alans are the ancient people, whose beliefs and way of life are mirrored in the written sources extremely poor. Therefore scientists are compelled to search for alternative sources for reconstruction of different aspects of the Alanic history. In the article the author makes an attempt to use the potential of the archaeological data, in particular amulets, to study the Alanic pagan religion. The research has shown that the archaeological material analyzed with the help of the sociological methods is able to give a lot of new information on religious beliefs of the ancient population of Southeastern Europe. In the article the following problems were considered: the similarities and differences in amulet sets of two chronological periods (the 7th–8th and the 8th–9th centuries); the specific features of amulet sets used by different sex and age groups; the specific features of local amulet sets. The information obtained is compared with the historical context and the ethnological material. The stages of development of the Alanic pagan religion are defined.

КОЧЕВНИКИ В ТАМАТАРХЕ

© 2001 г. С. А. Плетнева

Институт археологии РАН, Москва

“В лето 1068 индикта 6 Глебъ князь мерилъ море по леду от Тмутороканя до Кърчева 14000 сажень”. Эта знаменитая надпись на тмутараканском камне, многократно изданная и интерпретированная, казалось бы, позволила уверенно локализовать Тмутаракань на Таманском городище, расположенном на берегу Таманского залива почти напротив Корчева (Керчи).

Однако сразу же после опубликования надписи А.И. Мусиным-Пушкиным в 1794 г. возникли сомнения в подлинности надписи, а следовательно, и в правомерности локализации Тмутаракани (см.: Монгайт, 1969; Медынцева, 1979. С. 5–13).

Разрешить споры могли только значительные археологические исследования самого памятника. В XIX в. организовать такие исследования не удалось. Правда, трудами дилетантов-кладоискателей и некоторых археологов (К.Р. Бегичева, В.Г. Тизенгаузена) было установлено, что культурный слой городища следует относить к двум основным хронологическим эпохам: античности и средневековью (Ляпушкин, 1941. С. 206 и сл.).

Первые серьезные и результативные исследования Таманского городища были произведены в 1930–1931 гг. экспедицией ГАИМК. Раскопы были заложены у самого края берегового обрыва, где культурные отложения достигали мощности 9–10 м и свидетельствовали о непрерывности существования поселения от античности до XIII в. включительно. Более поздние слои на выбранном для раскопок участке не сохранились. И.И. Ляпушкин, обработав стратиграфические данные и керамический комплекс, полученный при исследовании средневековых наслоений, убедительно выделил в них два слоя: ранний – IX – начала X в. и поздний – конец X – начало XIII в. (Ляпушкин, 1941. С. 208 и сл.).

Работы на городище были продолжены спустя почти четверть века экспедицией Б.А. Рыбакова (1952–1955 гг.)¹ (рис. 1). За четыре полевых сезона была вскрыта значительная площадь (около 6000 м²), но, к сожалению, на большинстве раскапываемых участков были вскрыты слои не ниже уровня X в. Только в исключительных случаях удавалось изучить слои и остатки комплексов более раннего времени. Так, оказалось, что на заложенных у восточно-

го обрыва городища раскопах весь слой с позднесредневековым материалом полностью уничтожен и срыт и под дерном открылся слой X в. Он, как и нижележащие наслоения VIII–IX вв., исследовались экспедицией в течение двух сезонов.

Основные усилия экспедиции были направлены на поиски развалин церкви Рождества Богородицы, построенной, согласно летописной записи, князем Мстиславом в 1023 г. Целенаправленность поисков была причиной широкого вскрытия площади в центральной части городища, где логически эта церковь должна была быть построена. Действительно, в 1955 г. остатки фундаментов церкви были здесь открыты и зафиксированы, а экспедиция Б.А. Рыбакова на этом закончила изучение Таманского городища. Сотрудники экспедиции (В.В. Кропоткин, Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Н.П. Сорокина) с согласия и разрешения Б.А. Рыбакова смогли подготовить только один сборник трудов экспедиции, посвященный основным датированным находкам: керамике, обломкам стеклянных изделий, единичным, но весьма существенным для установления хронологии слоев находкам византийских монет. Все остальные материалы, имеющие не меньшее значение, не изданы. В частности, материалы с 800 м², открытых центральными раскопами в непосредственной близости от церкви, как и остатки самой церкви, остаются неизвестными археологам и, естественно, обесцениваются в сознании современных ученых.

Думаю, что на пороге XXI века мы, бывшие участники экспедиции, обязаны, по возможности, обработать и опубликовать результаты работ этой одной из самых крупных экспедиций начала 1950-х годов прошедшего века.

В данной статье представлены в основном материалы слоя середины – второй половины X в. на центральном участке городища. Выбор темы и участка объясняется тем, что я была руководителем работ на нем и пыталась разбираться в хитросплетениях обнаруженных полуразобранных разновременных кладок цоколей жилых построек и в неожиданных перепадах культурного слоя на месте во время полевых исследований.

Следует сказать, что в поисках камня и других стройматериалов жители поздней Тмутаракани и затем станицы Таманской перманентно перекапывали слой, уничтожая все, что попадалось на

¹ Благодарю начальника экспедиции Б.А. Рыбакова за разрешение опубликовать представленные в данной статье материалы.

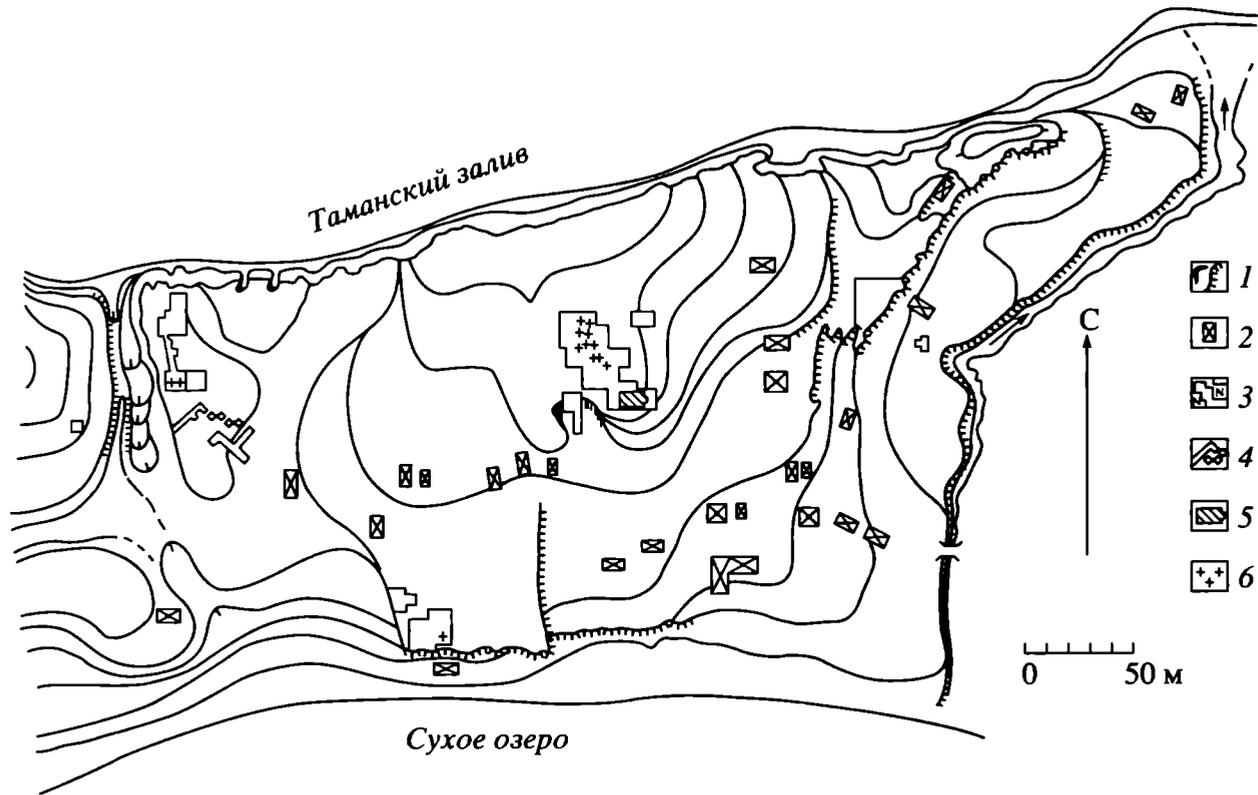

Рис. 1. План Таманского городища, выполненный в 1955 г., с нанесенными на него раскопами экспедиции Б.А. Рыбакова (1952–1955 гг.). 1 – крутые обрывы и перепады поверхности городища; 2 – современные домики; 3 – раскопы; 4 – траншеи и шурфы; 5 – церковь Рождества Богородицы; 6 – обломки кочевнических сосудов.

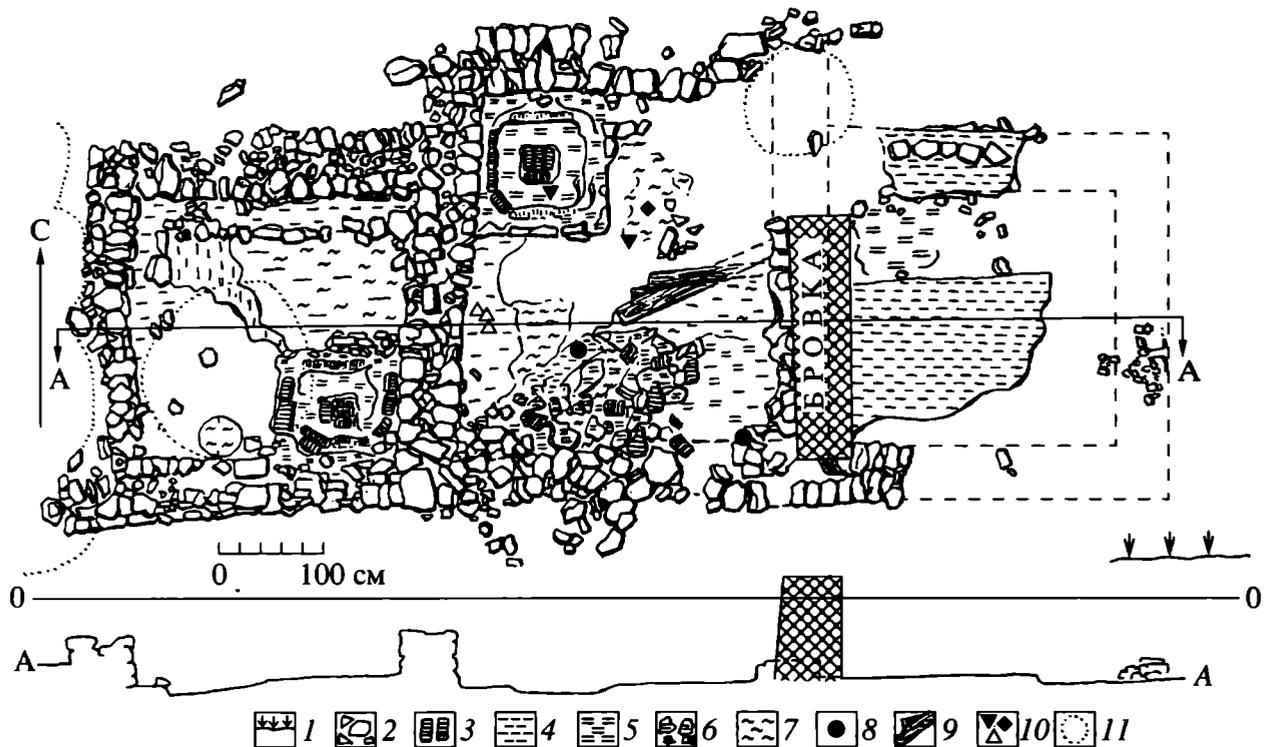

Рис. 2. Остатки комплекса из трех домов. 1 – современная поверхность; 2 – камни; 3 – сырцовые кирпичи; 4 – глина; 5 – обожженная глина; 6 – куски обожженной глины; 7 – зола; 8 – ямки от столбов; 9 – обгоревшие деревянные плахи; 10 – обломки сосудов: кочевнических, хазарского горшка, амфоры; 11 – контуры поздних ям.

пути их грабительских карьеров. Поэтому редко попадались остатки цоколей, по которым можно бы было судить о размерах и планировке здания. Обычно это только короткие “обрывки” кладок, не связанных друг с другом.

Единственным исключением является блок сгоревших и разрушенных жилых построек, верхние ряды цокольных кладок которых были выявлены на глубине 0.7–0.9 м от современной поверхности (рис. 2).

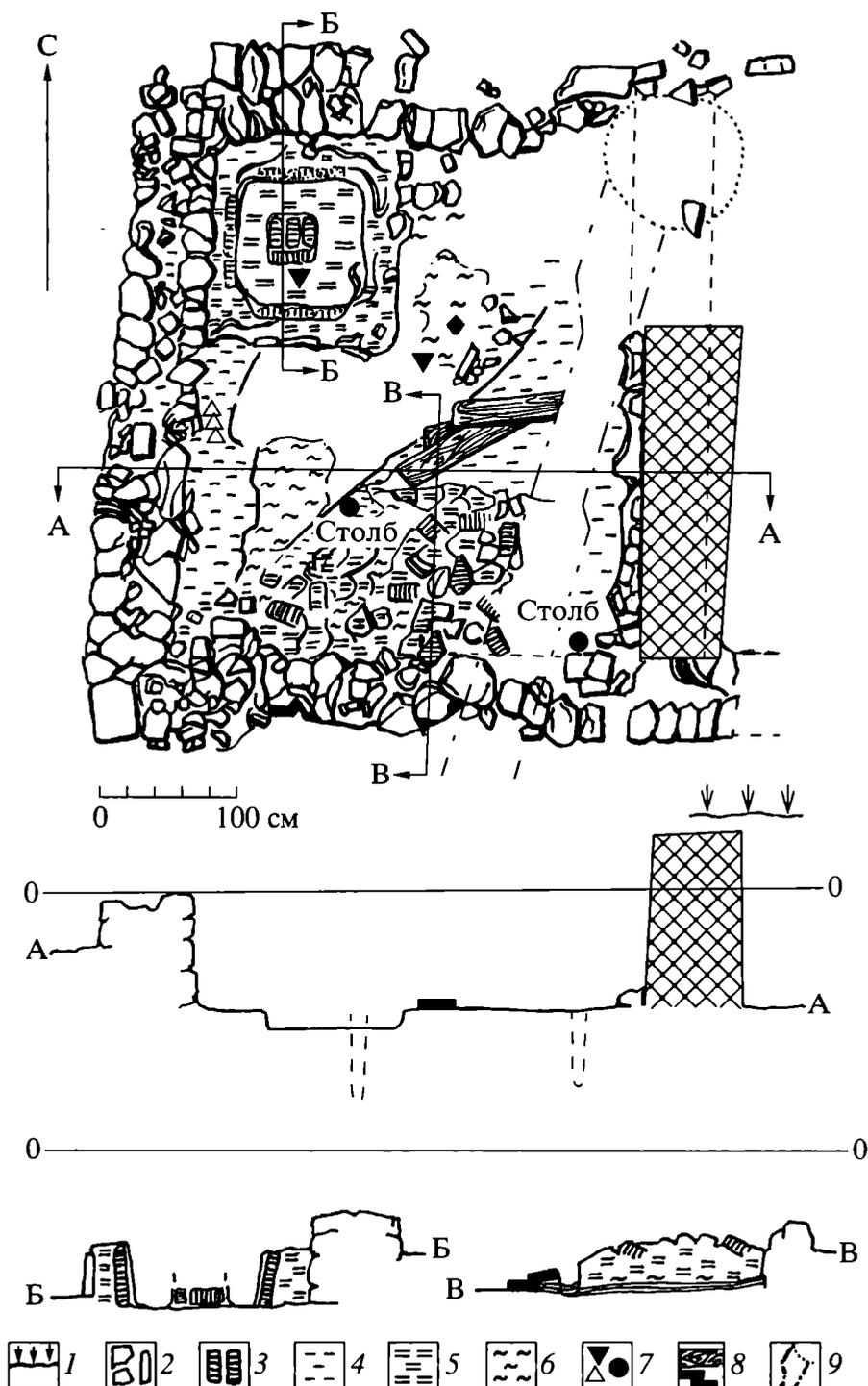

Рис. 3. Центральный (средний) дом: план и разрезы. 1 – современная поверхность; 2 – камни; 3 – сырцовые кирпичи; 4 – глина; 5 – обожженная глина; 6 – зола; 7 – обломки кочевнических сосудов, хазарского горшка, амфоры; 8 – обгоревшие деревянные плахи; 9 – разрушенный поздней кладкой участок дома.

Следует сказать, что сохранность цоколей, часть которых сложена из весьма массивных камней, в значительной степени способствовала возникшему в процессе раскопок убеждению о принадлежности их к какому-то крупному общественному зданию. Это, во-первых, цоколь, ориентированный по линии В–З, длина которого превышала 10 м и, во-вторых, перпендикулярный ему аналогичный цоколь (длиной 5 м), примыкавший к длинному цоколю примерно на трети его длины. О назначении этого “общественного здания” как бы свидетельствует сильно разрушенное полукружие, расположенное

вблизи от восточного конца длинного цоколя. Несмотря на иной характер кладки, сложенной из сравнительно мелких камней, это полукружие приняли за остатки апсиды, а следовательно здание должно было представлять собой очень сильно разрушенную небольшую церковку. Отходивший к северу цоколь был интерпретирован как цоколь притвора, а в целом план “церкви” считали остатками крестообразного храма, хотя никаких следов южного притвора обнаружено не было.

В настоящее время приходится пожалеть, что исследование выстроенного здесь весьма своеобраз-

разного жилого комплекса не всюду было проведено с необходимой тщательностью, поскольку все внимание было сосредоточено на выявлении каких-либо дополнительных доказательств “церковности” постройки.

Особенно “мешал” археологам сделать определенные заключения по этому вопросу жилой характер так называемого “притвора”.

На самом деле это был наиболее крупный, видимо, главный дом комплекса. Несмотря на некоторые упущения при его исследовании, он дал наибольшее количество материалов, позволяющих судить о конструктивных приемах домостроительства, о его датировке и даже этнической принадлежности обитателей (рис. 3).

Цоколи дома сохранились хорошо с западной и южной сторон, частично – с северной. Они сложены на глиняном растворе в два панциря, местами с забутовкой из мелких камней между панцирями. Камни в кладках не обработаны, все они местных пород и, по-видимому, были взяты здесь же на городище при разрушении более ранних построек. Углы цоколей обычно укреплялись массивными, хорошо обтесанными камнями. В данном доме сохранился только юго-западный угол, на котором были уложены крупные блоки из плотного ракушечника. В северо-западном углу, очевидно, такой же блок был вынут из кладки: гнездо, в котором лежал камень, сохранило форму правильного прямоугольника. Два других угла, как и вся восточная стена дома, были разрушены.

Следы небольшой обтески (сглаживания неровностей) были прослежены на внутренней стороне кладки западного цоколя и, что весьма существенно, на его верхней, ненарушенной перекопом поверхности. Сохранившийся полностью отрезок цоколя дает нам возможность установить первоначальную высоту (0.5 м, т.е. 3–4 ряда кладки) и предположить, что строители укладывали сырцовые стены на специально выровненную поверхность, по-видимому, отnivelированную по всему периметру.

Толщина цоколей всюду одинакова: 0.5–0.55 м. Не удалось проследить только восточный цоколь, почти полностью разобранный, хотя направление восточной стенки улавливается по развалам мелких камней, оставшихся от межпанцирного заполнения *in situ*.

Цоколи дома были поставлены не на древнюю дневную поверхность, а в специально вырытый в грунте котлован. Следует учитывать, что цоколь хотя бы на один ряд камней возвышался над поверхностью, так как целью его сооружения было предохранение нижних кирпичей сырцовых стен от весенне-осенних размывов. Глубина котлована равнялась примерно 0.35–0.4 м, поэтому считать дом полуземлянкой невозможно, тем более

что заглубленность его была еще меньше после подмазки пола слоем глины толщиной до 10 см.

Размеры котлована жилища 5.2 × 4.4 м, а размеры жилища 3.87 × 3 м. В северо-западном углу дома располагалась хорошо сохранившаяся печь. Она квадратная, большая (1.5 × 1.35 м), под у нее немного углублен в пол жилища (на 0.15 м), стенки сложены из крупных (40 × 20 × 10 см) сырцовых кирпичей, поставленных на узкое ребро (по три на каждой стороне), и плотной глинобитной обмазки. Две ее стенки примыкали к каменной обкладке котлована, которая крепко держала их, а две были снаружи обложены для устойчивости камнями. Внутренние размеры печи 0.85 × 0.85 м, под глинобитный, в центральной его части сохранились остатки поддерживавшего свод печи квадратного столба из сырцовых кирпичей. Стенки печи, под и столб были прокалены до оранжевого цвета. Свод обвалился внутрь печи. Он был сложен из целых и обломков сырцовых кирпичей и глинобита. Конструкцию его выяснить не удалось. Топка, шириной 0.5 м находилась в восточной стенке. Предпечной ямы у устья печи не было. В западной стенке рядом с печью в цоколе прослежены следы прохода в соседнее помещение, позднее заложенного мелкими камнями, заметно отличавшимися от камней цокольной кладки. Добавлю, что место действовавшего входа не обнаружено – возможно, он находился в разрушенной восточной стенке, в значительной степени перекрытой контрольной бровкой.

Глинобитная подмазка пола в этом доме подвлялась не менее двух раз. Весь юго-восточный участок пола был перекрыт развалом прокаленных оранжевых кусков глины и сырцовых кирпичей. Под ним выделялся немного возвышавшийся над уровнем пола обожженный слой подмазки, покрытый золой и мелкими угольками. Создавалось впечатление, что это остатки разрушенной (разбитой на куски) второй печи. Объяснение такому разрушению могло быть, как казалось, только одно: печь свалилась сверху, со второго этажа, и рассыпалась на нижнем полу.

Однако доказательств существования в этом строении второго этажа не обнаружено: на полу нет остатков рухнувшего междуэтажного перекрытия – ни сгоревшего слоя массивных плах, ни кусков таких плах, обмазанных глиной.

Кроме того, существенным представляется факт специально подмазанного и поднятого над уровнем пола пода, который при падении неизбежно должен был разбиться на куски, как и корпус “печи”. Очевидно, обнаруженный развал не был печью. Располагался он не в углу, а просто у южной стенки, остальные его грани не были обложены камнем. Судя по небольшому количеству последних вокруг развала, камни только “обрамляли” нижнюю часть (основание) этого сооруже-

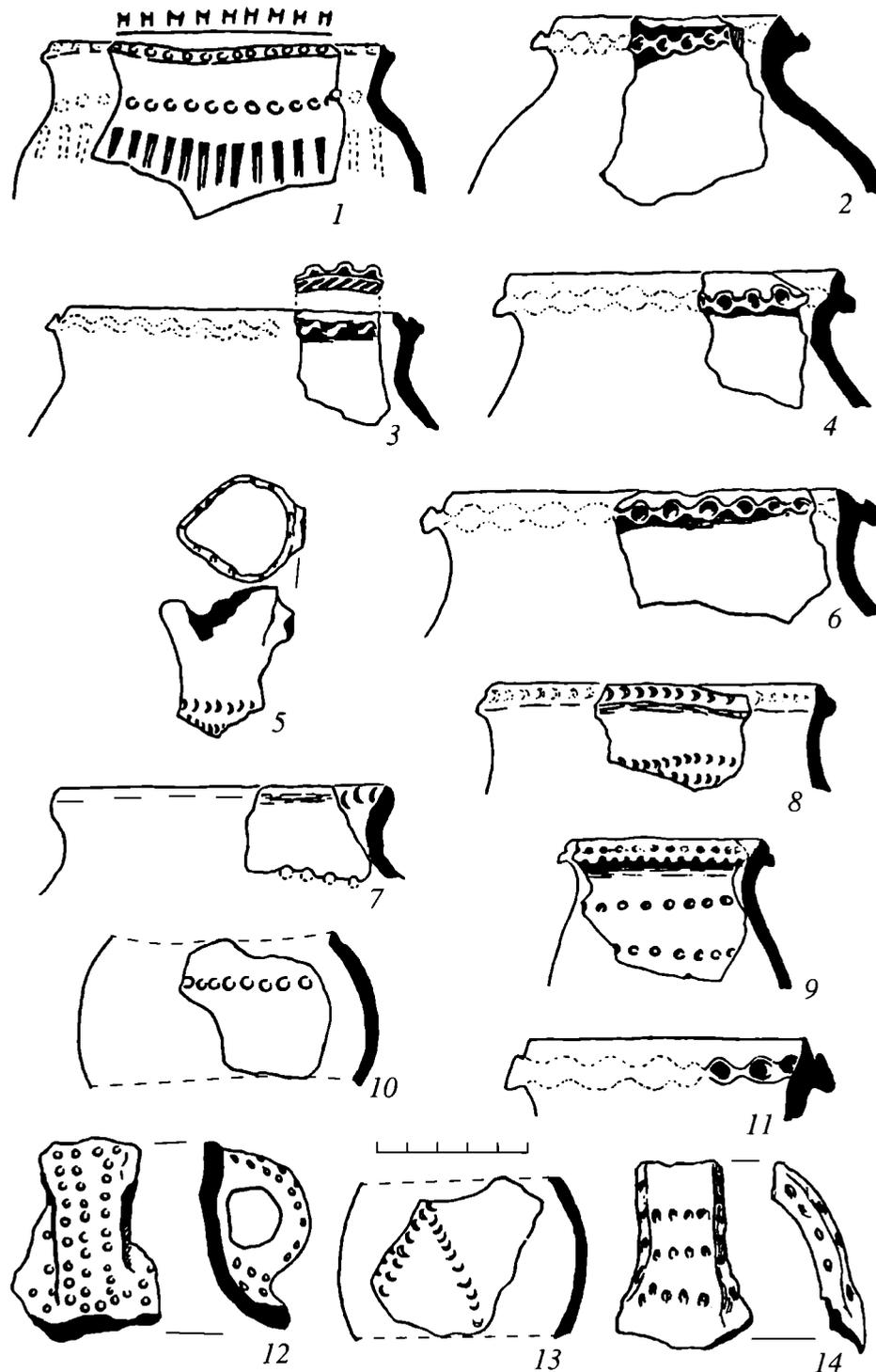

Рис. 4. Обломки кочевнической керамики Таманского городища: 1 – раскоп 23, печь центрального дома; 2 – пол центрального дома, 3, 5 – снаружи цоколя центрального дома; 4, 7, 10 – раскоп 19; 6, 12, 13 – раскоп 29; 8 – раскоп 25; 9, 11 – раскоп 17; 14 – раскоп 13.

ния. Представляется весьма вероятным, что это был тандыр, стенки которого были выше и тоньше печных, сооружались из глинобита, изредка укреплялись сырцом и камнем, а потому были более “хрупкими” сравнительно с печами. Аналогичные неопределенные остатки развала обожженной глины, правда с немного углубленным, а не приподнятым над полом пóдом, были обнаружены в Саркеле в постройке первой половины X в. (Плетнева, 1996. С. 101. Рис. 36).

При пожаре тандыр, как и свод основной печи, был раздавлен упавшей кровлей, балки, доски и

обмазанная глиной камышовая крыша были достаточно тяжелыми. Обломки трех массивных (толщина 7–8 см, ширина 0.2 м) обугленных досок сохранились на полу. Очевидно, можно связать с конструкцией кровли и две глубокие (0.55 м) ямки от врытых в полу бревен толщиной 0.15 м. Эти крепко закрепленные в полу бревна, вероятно, служили поддержкой кровли. Не исключено, что они были установлены не при первоначальном строительстве, а позднее – при ремонте дома, когда заложен был вход в западной стенке, произведена новая подмазка пола и пр. Никаких иных ос-

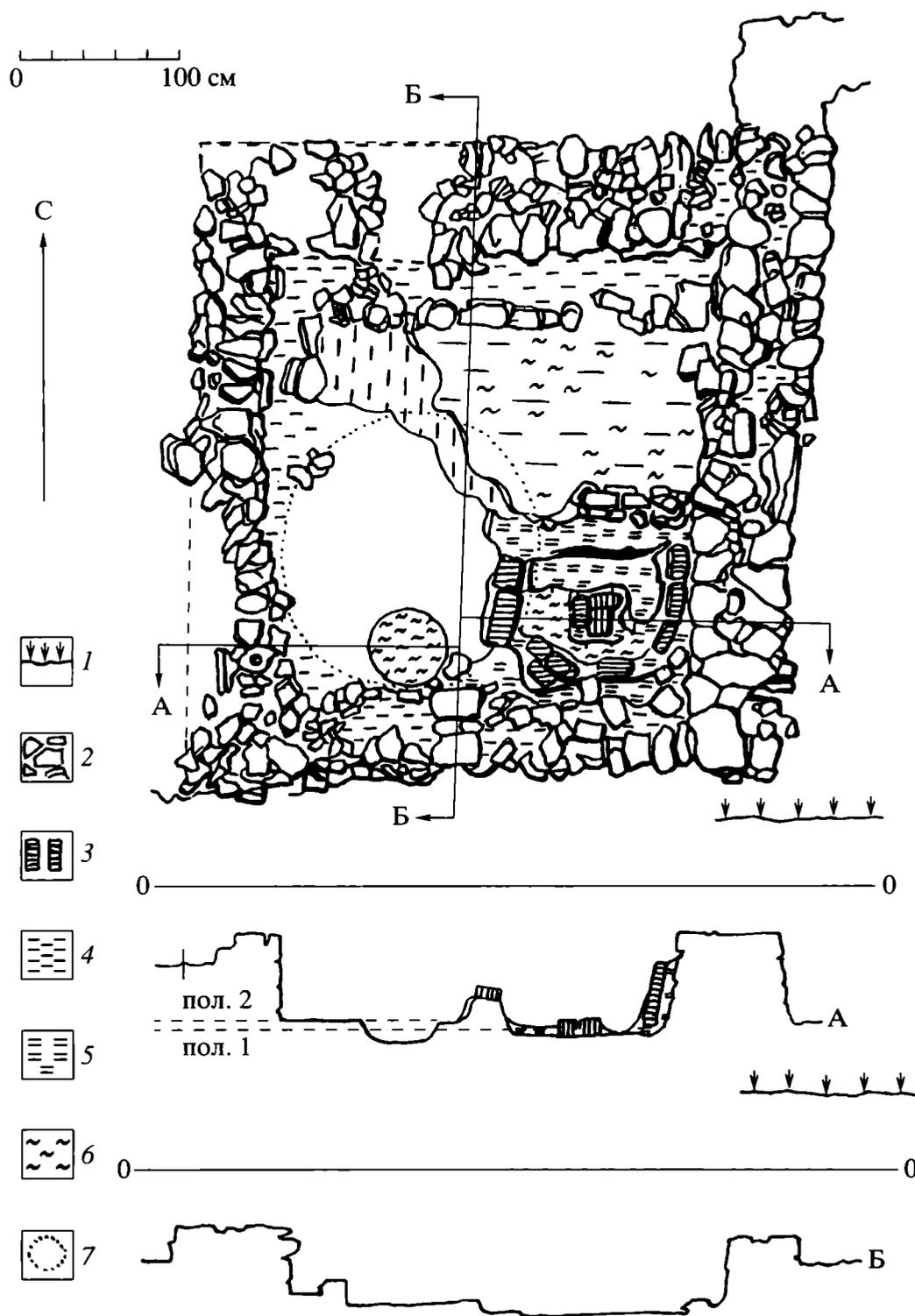

Рис. 5. Западный домик, пристроенный к центральному. 1 – современная поверхность; 2 – камни; 3 – сырцовые кирпичи; 4 – глина; 5 – обожженная глина; 6 – зола; 7 – очертания поздней ямы.

татков крыши не сохранилось, не сохранились и сырцовые стены, оставшиеся стоять после пожара.

По-видимому, сгоревший и полуразрушенный дом был просто “срезан” с этого участка при подготовке его к новой застройке. Заполнение котлована дома осталось примерно на уровне верхних камней его цоколей, а иногда и ниже, причем нередко оно перемешано со слоем следующего строительного периода. Находок в таком заполнении обычно немного – это в основном мелкие обломки амфор и красноглиняных кувшинов.

Тем большую важность приобретают немногочисленные обломки сосудов на полу и в печи комплекса. На полу поблизости от печи найдены два обломка кухонного гончарного “хазарского” горшка IX – первой половины X в. с линейным орнаментом (Плетнева, 1963. С. 20–23, 25) и один обломок лепного оранжевого обжига горшка, сделанного из глины с примесью травы и украшенного характерным “пышным” орнаментом из сочетания кружочков и вдавлений (рис. 4, 1). Второй обломок горшка, относящегося к той же

группе лепных сосудов, тоже оранжевого обжига, но изготовленного из глины явно местного замеса (с примесью морского песка) и орнаментированного только глубокими круглыми вдавлениями по выпуклому краю венчика (рис. 4, 2), был обнаружен при расчистке печи. Время широкого распространения таких сосудов в степях Восточной Европы середина X – начало XI в. Помимо этих находок у западной стенки были обнаружены обломки амфоры X в.

Второй дом, пристроенный с западной стороны к вышеописанному, был типологически весьма близок ему (рис. 2 и 5). Цоколи трех стен этого дома (северный, западный и южный) сложены той же кладкой, что и цоколи первого дома: два панциря из крупных камней и забутовки из мелких, залитых и скрепленных раствором глины. Толщина цоколей 0.6–0.8 м. Восточная стена дома – общая с первым. Как уже говорилось, в ней четко прослеживался проход, соединявший два дома, который позже был забит мелкими камнями.

Не исключено, что обе постройки представляли единый комплекс. Об этом свидетельствуют одинаковая их заглубленность в грунт, а также небольшие размеры второго домика (2.7 × 2.85 м). Это как бы дополнительная “пристройка” к первому зданию.

Вдоль северной ее станы была сооружена глинобитная “скамья” (ложе), облицованная камнем. Ширина ее всего 0.5 м. Судя по нескольким камням и остаткам глины вдоль цоколя западной стенки, такая же скамья была сложена и там. В юго-восточном углу расположена большая, как в первом доме, квадратная печь (1.25 × 1.25 м). Сохранилась она хуже, чем печь первого дома, но можно уверенно говорить об их полном типологическом сходстве. Она также сложена из больших сырцовых кирпичей на глиняном растворе, обмазана глиной и облицована камнем. Размеры немного углубленной внутренней части печи 0.8 × 0.8 м. Пбд у нее также обмазан глиной и в центре был поставлен квадратный столб из сырцовых кирпичей. Все глиняные части печи прокалены и даже кое-где ошлакованы. Устье находилось в западной стороне. Пол жилища с двухслойной подмазкой, т.е. подновлялся он один раз. Поверхность верхней подмазки немного обожжена (в пожаре?) и покрыта налетом золы.

Осталось неясным, где же находился вход в этот домик? Поскольку проход в смежной с первым домом стене был заложен, а вдоль северной и западной стен располагались скамьи, вход мог находиться только с юга. Примерно на середине южного цоколя в кладке выделяются два хорошо обработанных плоских камня, которые вполне могли быть порогом в двери этого домика. Однако почти под самым порогом, чуть западнее, на расстоянии не более 0.25 м от печи в полу была выры-

та круглая чашевидная ямка (диам. 0.5 м). Глубина ее от уровня первой подмазки около 10 см. Ямка была до краев заполнена золой, но почти не обожжена, следовательно, она не функционировала в качестве открытого очага, характерного для жилищ кочевых и полукочевых народов (Плетнева, 1967. С. 51–65). Скорее всего это была предпечная яма, поскольку находилась поблизости от устья печи. Не исключено и то, что ямка представляла собой нижнюю часть поставленного возле печи слегка углубленного в пол тандыра (Красильников, 1986). Но это еще менее доказательно, чем наличие здесь предпечья.

Как бы там ни было, но существование этой ямки исключает наличие входа на этом участке стены.

А это позволяет предположить, что домик подвергся не только косметическому ремонту, но и более серьезной перепланировке. Поскольку вход в это жилище из большого дома был заложен, хозяевам пришлось соорудить новый на южной стороне. Для этого необходимо было убрать тандыр или во всяком случае засыпать ямку и перекрыть ее глиняной подмазкой нового пола. Много позднее, уже после гибели домика, громадная врезавшаяся в него яма уничтожила значительный участок пола в юго-западной половине жилища, в том числе и глиняную подмазку пола над ямкой. Соотнесение глубин уровней обеих подмазок пола с уровнем верхнего края ямки дает нам возможность сделать высказанные выше стратиграфические предположения.

Все конструкции дома выше цоколей, как и в первой постройке, после пожара не были разровнены, а просто счищены при нивелировке участка, т.е. полностью уничтожены. Находок в этом маленьком домике еще меньше, чем в первом доме. Они были встречены только на полу – это мелкие обломки амфор, относящихся, видимо, к X в.

К большому дому с восточной стороны, по-видимому, примыкала еще одна “пристройка” (рис. 2). Сохранность ее очень плохая. Западный цоколь, общий с большим домом, был полностью разрушен и перекрыт контрольной бровкой. Существование восточного цоколя можно только предполагать по куче камней, явно скрепленных глиняным раствором. От южной стены остался короткий кусок кладки, позволяющий определить ее ориентировку и конструктивные особенности цокольной кладки. Такой же небольшой кусок сохранился и от северного цоколя, интересный тем, что на его кладке прослежен слой глины, нивелирующий верхнюю грань для укладки на нее сырцовых кирпичей стены.

Ограниченная этими остатками цоколей площадка была в центральной части покрыта глинобитным полом, уровень которого тот же, что и в двух предыдущих домах. У остатков северного цоколя находилась печь, от которой остался только участок обожженного пбда и небольшое

количество разбросанных прокаленных кусков глины от ее стенок и свода.

Этот уничтоженный перекопами домик, следы которого удается как-то связать друг с другом, по конструкции и размерам был, видимо, аналогичен западному домику-пристройке.

Все вместе эти три дома представляли собой весьма внушительный единый архитектурный ансамбль, состоявший из центрального наиболее крупного здания (площадью более 12 м²) и примыкавших к нему с двух сторон меньших домиков (площадью около 8 м²). Их типологическая общность, общность строительных приемов, общий южный, вероятно, фасадный цоколь свидетельствуют очевидно об одновременности их сооружения и существования, а следы пожара – об одновременной гибели.

Как уже говорилось, пожарище вместе с остатками обожженных сырцовых стен было счищено, т.е. слой разрушения был убран с площадки новой застройки. От него остались незначительные прослойки. Наряду с редкими раздробленными обломками амфор и кувшинов в этих прослойках изредка попадались находки, позволявшие получить дополнительные сведения о дате сгоревших построек. Так, в заполнении центрального дома были обнаружены две византийские монеты: Василия I (867–886 гг.) и Константина VII (944–959 гг.), обе – херсонесского чекана. Рядом с южным цоколем этого же дома, с наружной стороны, была найдена монета Романа II (959–963 гг.) тоже херсонесского чекана (Кропоткин, 1963. С. 180–183) и два обломка кочевнических лепных сосудов: венчик горшка с рельефным краем и горлышко небольшого кувшинчика с орнаментом кружочками по обрезу венчика и двумя рядами серповидных мелких вмятин вокруг горлышка (рис. 4, 3, 5).

Таким образом, материалы, полученные при исследовании данного комплекса, дают основание утверждать, во-первых, что домики были выстроены примерно в середине IX в., а сгорели и были уничтожены где-то в третьей четверти X в. Во-вторых, они были построены согласно устоявшимся традициям городского местного населения: прекрасно сложенные цоколи, углубленность построек в грунт, обширные и благоустроенные печи – все свидетельствует о прочной оседлости владельцев комплекса. Однако наряду с печами они, видимо, использовали для приготовления пищи (выпечки хлеба) широко распространенные на степных оседлых и полuosедлых поселениях сложенные из глинобита тандыры. Существенно также, что и керамика, которой пользовались жители домиков, нередко изготавливалась в соответствии со вкусами степняков-кочевников, захвативших южно-русскую степь в самом конце IX – начале X в. Этими кочевниками были печенеги и отчасти гузы, вторгшиеся из За-

волжья в европейские степи на территорию Хазарского каганата (Артамонов, 1962. С. 350). Надо сказать, что нуждаясь в новых пастбищах, они уничтожали все попадавшиеся на пути их завоеваний поселения каганата (Плетнева, 1990. С. 10, 14). Но городские и торговые центры, как правило, оставались целыми. Таковы были, в частности, Саркел на Дону (Плетнева, 1996) и Таматарха на Таманском полуострове. Некоторые кочевники предпочитали даже жить в городе. Солидно выстроенный блок домиков принадлежал, по-видимому, богатой печенежской (или гузской?) семье.

Построен он был, вероятно, до печенежского вселения – прежние хозяева по какой-то причине бросили свое жилище. Новые жильцы, отремонтировав и перепланировав домики, оставили след своего пребывания, пользуясь наряду с местной гончарной посудой лепными, сделанными печенеженками сосудами. Можно, конечно, предложить и другое объяснение находкам кочевнической керамики в одном из домов центральной части города, а именно – в этом доме вела хозяйство женщина-печенеженка, взятая из кочевавшей поблизости от Таматархи орды. Она принесла с собой один, изготовленный еще в кочевье горшок (с примесью травы в тесте) и сама сделала из местной глины (с примесью морского песка) несколько сосудов привычных для нее форм и орнаментов.

Однако следует учитывать, что обломки кочевнических сосудов встречены не только в этом комплексе, но в том же слое пожарища, южнее на 7–10 м. К сожалению, связать их с остатками каких-либо построек невозможно, так как все цоколи на этом участке пожарища были полностью разобраны (рис. 6). Обитатели бывшего здесь дома пользовались посудой типологически близкой по форме венчиков и орнаментации посуде, обнаруженной у центрального дома. Помимо обломков сосудов (рис. 4, 4–12) в слое была найдена очень сильно окислившаяся монета Романа II (959–963 гг.) херсонесского чекана (Кропоткин, 1963. С. 182, 183).

Южнее этого участка также в пятне пожара были обнаружены еще один обломок кочевнического горшка (рис. 4, 8) и две монеты Василия I (867–886 гг.) херсонесского чекана (Кропоткин, 1963. С. 180, 181).

Неоднократные находки монет второй половины IX в. в слое вместе с кочевнической керамикой, видимо, следует объяснять существованием построек на этом участке до появления в Таматархе кочевников-печенегов. Если даже допустить, что они вторглись в Тамань в самом начале X в., то сразу после вторжения они, конечно, не стремились освоить городской образ жизни, поселившись в городских кварталах. Во всяком случае очевидно, что кочевники не сожгли и не разгромили город, а какое-то время проживали в нем

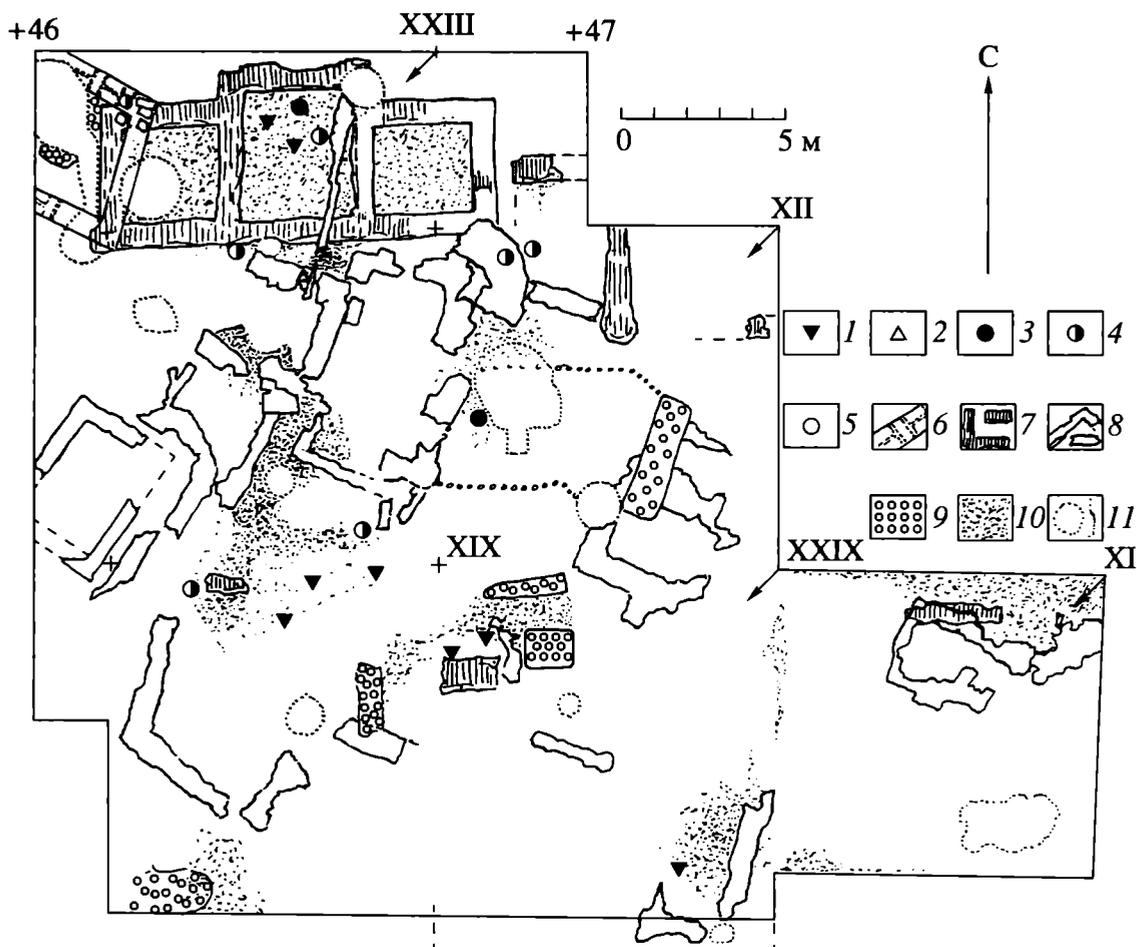

Рис. 6. План раскопов 11, 12, 19, 23, 29 центрального участка городища. 1 – обломки кочевнической керамики; 2 – обломок амфоры XI в.; 3 – монеты IX в.; 4 – монеты X в.; 5 – монеты конца X – начала XI в.; 6 – сырцовая кладка; 7 – комплексы и кладки конца IX второй половины X в.; 8 – остатки каменных цоколей конца X – начала XI в.; 9 – известь; 10 – пятна пожара; 11 – очертания поздних ям.

мирно бок о бок с многоязычным людом этого портового города вплоть до 60-х годов X в. (верхняя дата обнаруженных в пожарище монет 963 г.).

Кто же сжег Таматарху в эти годы? Представляется весьма вероятным, что как Итиль и Саркел, так и этот крупный хазарский город на море был сожжен и razoren Святославом Игоревичем в 965–966 гг. В краткой летописной записи об этом походе Святослава на Хазарский каганат сообщается, что тот, как бы “мимоходом” победил ясов и касогов (ПВЛ, 1950. С. 47). Это событие вполне могло случиться в окрестностях Таматархи, в значительной степени заселенной этими двумя народами. Правда, это только гипотеза. Близкие к ней соображения высказывал А.В. Гадло, аргументация которого опирается в основном на ряд логически построенных предположений (Гадло, 1989. С. 16). Остается неясным, почему о взятии такого крупного города, каким была Таматарха, не упомянуто ни в одном известном в настоящее время византийском источнике. Не написал об этом событии и русский летописец, ограничившись туманной фразой о победе над двумя народами. Итак, вопрос о разорителях города в середине X в. остается открытым.

Несмотря на то, что пожар в центральной части города нам удалось проследить в виде отдельных беспорядочно разбросанных пятен, почти всюду поверх этих пятен, частично перекрывая их, видны отложения нового строительства, состоящие в основном из россыпей мелких камней, кусков ракушечника, плит красного песчаника, плинфы, а также разливы извести и прямоугольные ямы с ее остатками.

Эти свидетельства большого строительства связаны с многочисленными кладками, сильно разрушенными, оторванными друг от друга и редко дающими представление об остатках строений. Отличие кладок нового строительства от кладок рассмотренных выше построек заключается прежде всего в их ориентировке. Сгоревшие постройки были ориентированы *сторонами* по странам света, т.е. кладки их направлены по линиям С–Ю, В–З. Все кладки нового строительства ориентированы по линиям СВ–ЮЗ или СЗ–ЮВ, т.е. дома ставились *углами* по странам света. Таким образом перепланировка в этой части города была полной (рис. 6).

Кладка одного из новых домов наискось перекрывала выравненные развалины первого (большого) дома. Выкладывая ее, строители, видимо,

разобрали восточный цоколь предыдущего дома, взяв из него все крупные панцирные камни. Среди камней этой новой кладки был обнаружен обломок венчика с частью горла и ручки амфоры “с воротничком”, датированной XI в. Интерес представляет и находка монеты в сырцовой кладке, перекрывавшей северо-западный угол домика, пристроенного с запада к большому дому. Монета Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.) (Кропоткин, 1963. С. 180, 181) позволяет отнести слой нового строительства к началу XI в. Именно тогда сооружали не только жилые кварталы, но и церковь Рождества Богородицы, выстроенную по обету князя Мстислава в 1023 г. Это большое строительство заполнило “слой возрождения” разным строительным мусором на довольно обширном пространстве вокруг строящегося фундаментального здания (см. рис. 1 и б).

Обломки кочевнических сосудов изредка попадались и на раскопах, заложенных в других частях городища: на западных и южных его окраинах (рис. 4, 9, 11, 14). Эти находки, несмотря на малочисленность, также имеют большое значение, поскольку дают основание говорить об относительно широком заселении города кочевниками в самом конце господства хазар в Таматархе.

Обнаруженные экспедицией Б.А. Рыбакова следы пребывания печенегов в городе позволяют, как мне представляется, пока, конечно, только предварительно, высказать гипотезу о существовании “мирных печенегов”, живших в большом многоэтничном городе под властью каганата. Возможно, что именно их называл “хазарскими печенегами” автор персидского географического труда Худуд ал-Алем (Minorsky, 1937. Р. 38а). Они, как и любые вассальные кочевники, нередко изменяли сюзерену и при случае грабили его земли, но главы их орд охотно пользовались благами городской цивилизации и участвовали в городской торговле, приводя на базары скот и рабов.

Проникновение кочевников (печенегов и гузов) было зафиксировано и в Саркеле, где в слое первой половины X в. было обнаружено небольшое количество обломков кочевнической лепной посуды, украшенной “пышным” орнаментом, и несколько характерных для них очажков, сложенных из четырех кирпичей. После разгрома Саркела Святославом² количество кочевников с первых лет возрождения города возросло многократно. Кочевники были гарнизоном русского городка Белой Вежи, возникшего на развалинах Саркела. Они заняли в нем цитадель, культурный слой которой, относящийся ко второй половине X – первой половине XI в., буквально забит обломками печенега-гузской керамики (Плетнева,

1959. Рис. 45, 46; Артамонова, Плетнева, 1998. С. 564–581).

Этого не случилось в Таматархе, изменившей, как и Саркел, после пожара имя: она стала называться Тмутараканью. Во всяком случае под этим именем ее знали русские летописцы в XI–XII вв. Возможно, в ней обязанности гарнизона какое-то время исполняли дружинники русских князей, но русские воины не изготавливали собственную посуду и от них почти не осталось массовых, а потому и улавливаемых следов пребывания. Обломков горшков, которые можно определить как древнерусские, очень немного – возможно, их привозили с собой отдельные воины, прибывавшие в Тмутаракань. Сосуды брали из дома, конечно, не пустыми, а с медом, лечебными бальзамами и пр.

Помимо керамики из метрополии поступали шиферные овручские пряслища. О пребывании в Тмутаракани русских можно судить по очень редким находкам обрывков русских слов, прочерченных на обломках амфор, а о русских князьях – по знакам рюриковичей, дважды попадавшихся в слоях выше пожарища. Один из них – простой двузубец с треугольным выступом снизу, очевидно, следует связывать с князем Святославом (Рыбаков, 1940. С. 227–257). Он прочерчен на обломке амфоры (Флёрова, 1997. Табл. XVII, б). Второй знак – тот же двузубец, но с целым набором “отпятнышей”, принадлежал, по мнению Б.А. Рыбакова, князю Мстиславу – внуку Святослава и строителю церкви. Он был очень тщательно и изящно вырезан на костяной пластинке от лука (Ляпушкин, 1941. С. 214. Табл. V).

В заключение следует отметить, что несмотря на сильные разрушения и перемешанность культурных слоев и всего, что в них находилось, археологические материалы дали нам новые сведения об одном из крупных городов-портов Причерноморья, дополнившие в целом весьма скудные упоминания о нем в письменных источниках. Совершенно очевидно, что необходимы дальнейшие исследования этого города, ставящие целью изучение средневековых слоев, обработка массы материалов уже полученных раскопками и неременная публикация их в центральных изданиях. Это позволит пересмотреть многие, казалось бы, давно установленные факты, обнаружить громадное количество новых данных и написать исследование, посвященное Таматархе-Тмутаракани-Матархе-Матрике, как называли город в разные времена разноэтничные народы, обитавшие рядом, жившие в нем, приезжавшие торговать на его базарах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
 Артамонова О.А., Плетнева С.А. Стратиграфические исследования Саркела – Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.

² Интересно, что пожарище в Саркеле так же, как и в Таматархе, датируется монетами Романа II (959–963 гг.) (Плетнева, 1996. С. 115).

- Гадло А.В. Тмутараканские этюды. II (Держава Инала и его потомков) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16).
- Красильников К.И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА. 1986. № 2.
- Кропоткин В.В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6.
- Медынцева А.А. Тмутараканский камень. М., 1979.
- Монгайт А.Л. Надпись на камне. М., 1969.
- ПВЛ: Повесть временных лет. Ч. I / Ред. Адрианова-Перец В.П. Подготовка текста и перевод Лихачева Д.С. и Романова Б.А. М.; Л., 1950.
- Плетнева С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
- Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
- Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
- Плетнева С.А. Саркел и “шелковый путь”. Воронеж, 1996.
- Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // СА. 1940. Т. VI.
- Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997.
- Minorsky V. Hudud al-Alem. The regions of the World, a persian geography 372AH–982. London, 1937.

The Nomads in Tamatarcha (the Traces of their Presence)

S. A. Pletneva

Summary

In the article a description of occupational assemblage investigated at Taman' fortified settlement by B.A. Rybakov in 1952–1955 is published. The assemblage consisted of three dwellings, their state of preservation providing the possibility to reveal a number of constructive features applied by the builders: sunken floors, stone foundations, large ovens, and so forth. The chronology of dwellings was determined by Byzantine coins, it falls within the second half of the 9th century. Judging from specific potsherds found there the assemblage belonged to the Pechenegs. It was destroyed by great fire, the event is dated by the coins, their *terminus ante quem* determined as the year 963. The fire may be connected with prince Svyatoslav's attack upon the Khazars in 965, when the prince, according to the Chronicle, sacked the Khazarian capital city of Belaya Vezha and defeated the Yassi and Kasogi. That could happen in the Taman' peninsula in the vicinity of the Khazarian port of Tamatarcha, inhabited mainly by representatives of these two tribes. The chronist did not mention seizure of Tamatarcha, but the archaeological data produce the ground for the hypothesis as for that important and argued up to now episode of national history.

ДЕКОРАТИВНЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ БУБУЕЧА

© 2001 г. В. И. Мордвинцева

Волгоградский государственный университет

Комплекс бронзовых изделий, найденных у с. Бубуечь около Кишинева, Молдавия, и переданных в 1908 г. в Государственный Исторический музей (Отчет..., 1909, с. 14), привлекает внимание исследователей на протяжении уже более 70 лет (Tallgren, 1926; Рикман, 1969; Zigra, 1979; Шукин, 1994. С. 97, 98. Рис. 33; Полин, 1992; Нефедова, 1993; 1994). Обстоятельства находки точно не известны. В состав комплекса входят: шлем, литой котел, два крючка-налобника, две непарные орнаментированные пластины, две крупные круглые бляхи и четыре маленькие бляшки, фрагменты керамики и мелкие бронзовые колечки (утрачены).

Среди вещей комплекса особый интерес вызывают бронзовые пластины, украшенные геометрическим орнаментом, фигурами животных и человеческими личинами.

Одна из декоративных пластин (рис. 1, 1) имеет длину 28 см, ширину 11.2 и высоту 0.7 см. Композиция разделена на три орнаментальные зоны двойными выпуклыми горизонтальными линиями, отдельные участки которых покрыты поперечным рифлением с оборота. Верхняя и средняя зоны также поделены вертикальными рифлеными валиками: тремя – сверху, двумя – в середине. Нижняя зона разделена двумя горизонтальными валиками, между которыми проходит вертикальная волнистая линия. Край пластины, за исключением левой закраины средней зоны, орнаментирован двумя гладкими валиками, лишь на небольшом отрезке покрытыми рифлением.

В правых частях верхней и средней зон изображены самки оленя с повернутой назад головой и крупным, непропорционально длинным туловищем. Узкая вытянутая морда показана в профиль, при этом видны оба уха животного. Глаз трактован в виде круглого валика с выпуклостью в центре. Такие же кружки украшают плечо, среднюю часть тела и круп оленя. Ноги развернуты в профиль, при этом раздвоенные копыта показаны анфас.

В левой части средней зоны изображены три человеческие головы, контуры которых обведены валиками, частично покрыты рифлением. Личины одинаковые. Рифленый валик отделяет прическу от линии бровей. Изображение довольно схематичное. Завитки волос показаны с помо-

щью чеканки с оборота С-видным пунсоном. Глаза не имеют зрачков. Нос треугольной формы. Вполне отчетливо показаны усы. Среди других мотивов, изображенных на пластине, можно отметить двойные и тройные арки с “горошиной” в центре, тройные “горошины” и различные варианты волнистых линий (то гладких, то рифленых) с “горошинами” во внутренних изгибах.

Вторая пластина незначительно отличается размерами. Ее длина 27.8 см, ширина 12.9 см, высота 0.7 см (рис. 1, 2). Правый край обрамляет линия из трех выпуклых валиков, причем средний валик покрыт рифлением. По верхнему и нижнему краям пластины проходят двойные валики, частично рифленые.

Построение орнаментальных зон в данном случае несколько отличается от первой пластины.

Верхняя зона не разделена на части. Здесь помещено изображение оленя с повернутой назад головой и ветвистыми рогами, отростки которых направлены в одну сторону. За ним следует фигура животного меньших размеров с длинным хвостом. Обычно это животное интерпретировалось как олененок, но этому противоречит наличие у него хвоста несвойственной для оленей длины. Возможно, здесь изображена собака. Обе фигуры выполнены с соблюдением тех же стилистических приемов, что и изображения на первой пластине.

Среднюю зону пересекает двойной вертикальный рифленый валик. Слева от него отгиснуты две человеческие личины вместо трех. Справа пространство разделено пополам двойной горизонтальной рифленой линией; полученные таким образом прямоугольники также поделены двумя вертикальными валиками с рифлением. В центральных квадратах помещен орнамент из пяти “горошин”: четыре по углам, одна в центре. Справа, посередине каждого квадрата изображена звезда с “горошиной” в центре – 8-лучевая в верхнем квадрате, 7-лучевая – в нижнем. Лучи звезд выбиты прямым чеканом с оборота, углы подчеркнуты С-видным пунсоном – тем же самым, которым моделированы волосы личин.

Нижняя зона соответствует изображению на первой пластине, с добавлением короткой горизонтальной черты, которая примыкает к центру валика, разделяющего среднюю и нижнюю зоны.

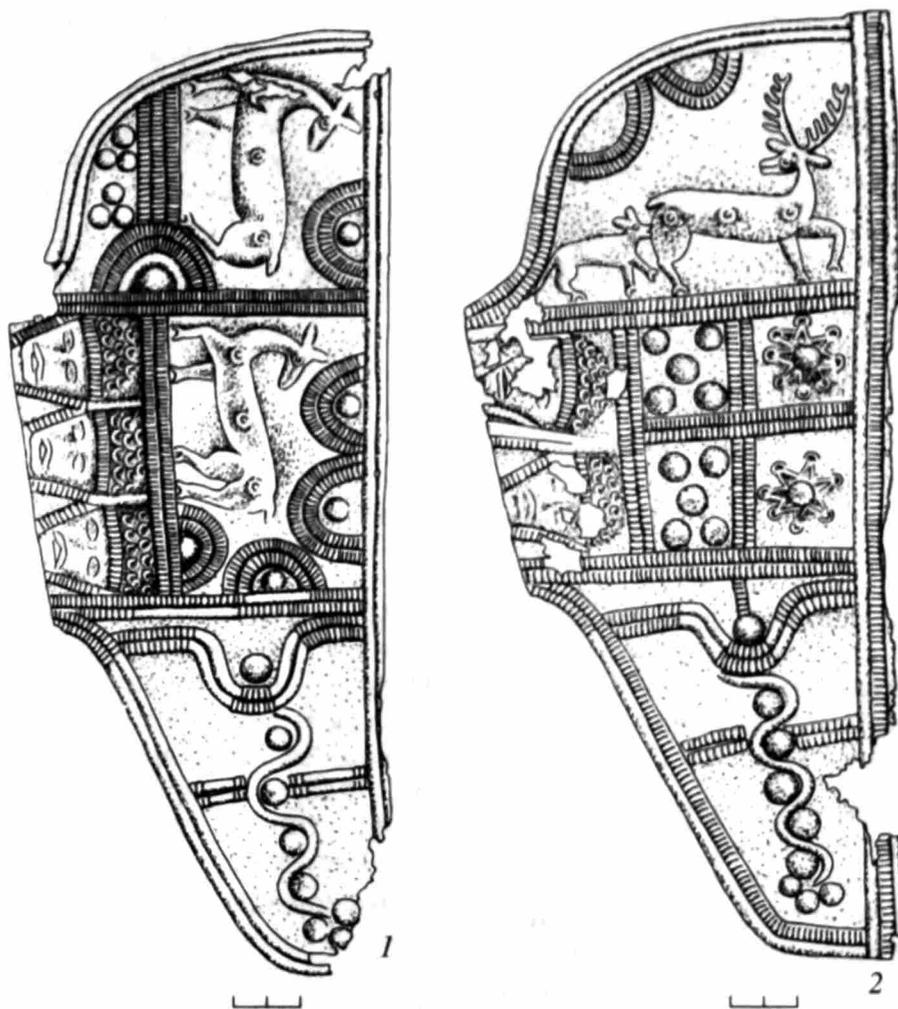

Рис. 1. Декоративные пластины.

На этой пластине также встречаются двойные выпуклые рифленые арки, а также волнистые линии с “горошинами”.

Две крупные бляхи (рис. 2, 1) имеют диаметр 16.6 и высоту в центральной части 1.6 см. Они аналогичны по декору, но рисунок прочеканен с незначительными различиями. В центре имеется выпуклость, вокруг которой располагаются три пояса орнамента, разделенные гладкими круговыми валиками. Первый и третий ряды представляют собой последовательность поперечных выпуклых черточек. Средняя часть покрыта арками, расположенными вершинами к центру.

Четыре маленькие бляхи (рис. 2, 2) аналогичны друг другу, но изображения на них оттиснуты по разным матрицам. Их диаметр 5.5, высота в центральной части 0.6 см. По краю проходят два валика с рифлением. В центре помещена такая же человеческая личина, что и на пластинах.

И пластины, и бляхи выполнены из тонкого бронзового листа толщиной 0.01 см в технике чеканки с оборота при полном отсутствии каких-либо прочерченных с лицевой стороны орнаментов. Все вещи стилистически едины. Большие круглые бляхи с другими пластинами сближают ароч-

ный орнамент, рельефные валики, членение на орнаментальные пояса.

Практически все исследователи отмечают особый стиль рассмотренных изображений. Одни авторы проводят аналогии с кельтскими вещами (Tallgren, 1926. P. 157, 158; Рикман, 1969. С. 33, 38). Другие помимо кельтских видят в них также и северогерманские (Zigta, 1979. P. 191; Шукин, 1994. С. 98), и дакийские (Нефедова, 1994. С. 29) стилистические особенности. С.В. Полин разделил набор этих украшений, сопоставив крупные пластины с гето-фракийским искусством V–IV вв. до н.э. и культурами латенского круга II–I вв. до н.э., а бляхи с геометрическим декором – с фаларами из Ахтанизовской, Таганрога и Старобельска, украшенными растительными орнаментами, а также с ханьскими зеркалами¹ (Полин, 1992. С. 51, 52).

Менее определенно решается вопрос о назначении пластин из Бубуеца и их датировке.

Затруднительно точно определить назначение декоративных пластин с неровными очертаниями. Закраина их не загнута на оборотную сторо-

¹ В данном случае сходство действительно любопытное, во скорее всего случайное.

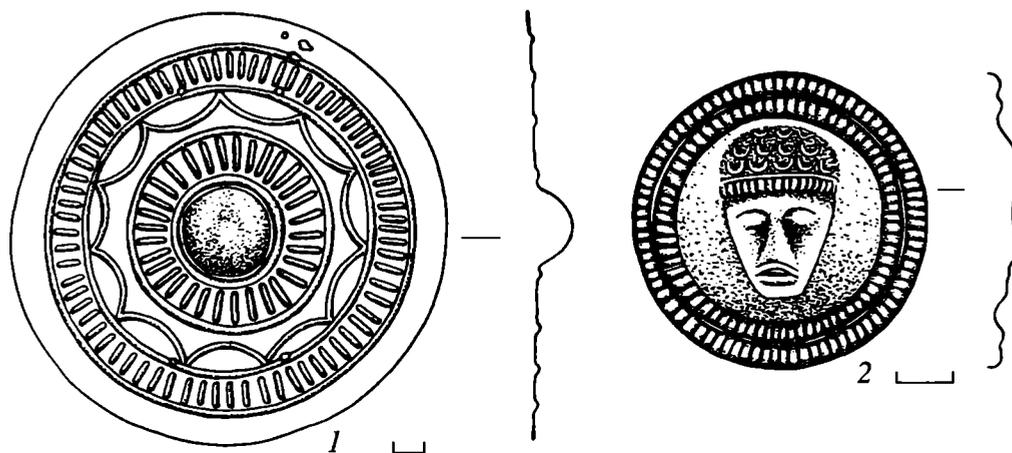

Рис. 2. Бляхи головного убора.

ну, по краю пробиты дырочки для нашивания. Так что эти пластины крепились к какой-то плоской поверхности. В литературе до сих пор отсутствует какая-либо аргументированная версия их функциональной принадлежности.

Большие круглые бляхи Е.В. Черненко считал фрагментами кирасы (Черненко, 1965. С. 101). Остатки заклепок и отверстия на поверхности блях могут свидетельствовать также об использовании их в конском седельном снаряжении, что отметил С.В. Полин, который считает их конскими фаларами (Полин, 1992. С. 52). Четыре маленькие бляшки обычно относят к уздечному набору.

Попытки датировать комплекс из Бубуеча привели к большому количеству вариантов: IV–III вв. до н.э. (Черненко, 1968. С. 53 сл.), III в. до н.э. (Симоненко, 1982. С. 237 сл.), II–I вв. до н.э. и даже I в. н.э. (Полин, 1992. С. 53). При этом точная хронологическая атрибуция украшений и всего комплекса чрезвычайно важна для их этнокультурной интерпретации, отнесения их к скифской или же сарматской эпохе².

Рассмотрим основания для столь разных датировок.

Шлем из Бубуеча принадлежит к числу южногреческих (псевдоаттических), и его изготовление датируется концом IV в. до н.э. – первой половиной III в. до н.э. (Симоненко, 1998. С. 164). В то же время хронологические позиции шлема не могут определять датировку всего комплекса, так как известен ряд совместных находок архаичных шлемов с вещами, достаточно поздними. М.Ю. Трейстер объясняет это длительным использованием дорогого защитного доспеха скифами и сарматами (Трейстер, 1987. С. 3–5).

² С.В. Полин, наоборот, дату комплекса ставит в зависимость от представлений о времени появления сарматов в Дунай-Днестровском междуречье (Полин, 1992. С. 53).

Что касается бронзового котла, то часть исследователей считает его сарматским (Полин, 1992. С. 52; Нефедов, 1993. С. 18). Однако котел уникален. Он обладает рядом архаичных черт и типологически близок “скифо-савроматским”.³ В.М. Косяненко и В.С. Флеров датировали подобные сосуды IV–III вв. до н.э. (тип. III. 2; Косяненко, Флёрв, 1978. С. 196, 202. Рис. 3).

Бытование на территории Северо-Западного Причерноморья бронзовых налобников с крючком А.В. Симоненко относит к III–II вв. до н.э. (Симоненко, 1982). С.В. Полин, собравший довольно полную подборку таких налобников, датирует их II–I вв. до н.э. (Полин, 1992. С. 64, 65). Правда, аналогичные бубуечским налобники из Великопоского, Семеновки, Нововасильевки, Снегиревки (Полин, 1992. С. 53–57) относятся, возможно, к более раннему времени. Во всяком случае датировка С.В. Полиным комплекса из Великопоского считается некоторыми исследователями несколько завышенной, а другие даты недостаточно обоснованными (Бруяко, 1995. С. 232).

Как видно из этого обзора, различные вещи комплекса из Бубуеча датируются от конца IV до III–II вв. до н.э. Наличие столь разновременных находок заставило М.Б. Щукина отказаться от точной хронологической атрибуции памятника (Щукин, 1994. С. 98).

Вопрос о назначении пластин из Бубуеча и их датировке помогают выяснить некоторые новые находки из Северного и Северо-Западного Причерноморья.

В 1994 г. в Крыму было раскопано воинское погребение в кургане у с. Чистенькое. Комплекс датируется третьей четвертью II в. до н.э. (Колтухов, Тощев, 1998. С. 174) или второй половиной II в. до н.э. (Зайцев, 1999. С. 144). Здесь найдены такие хорошо датирующие вещи, как буролаковые

³ Благодарю С.В. Демиденко за консультацию.

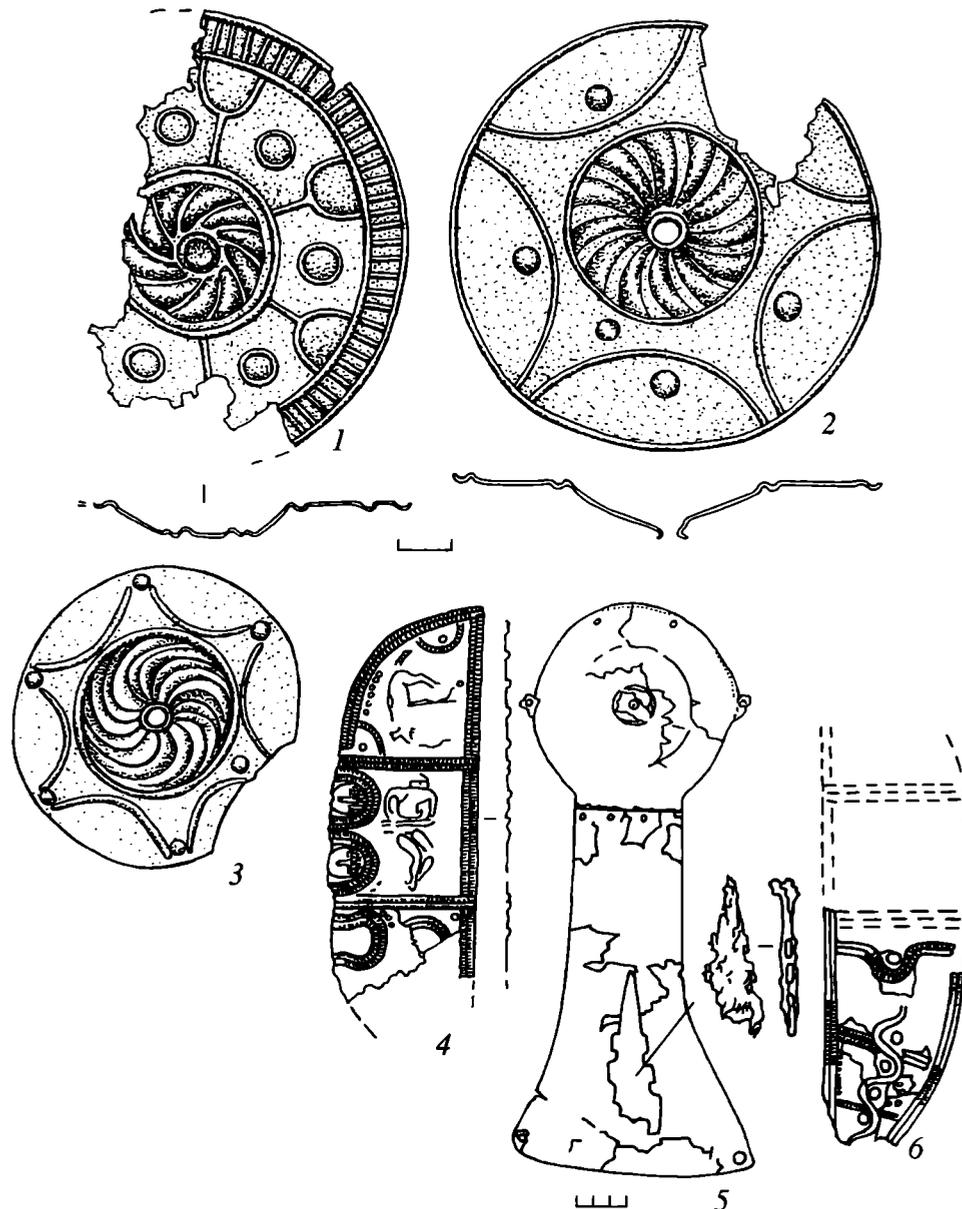

Рис. 3. 1–2 – бляхи из находки у с. Веселая Долина Тарутинского р-на Одесской обл.; 3 – бляха из находки у с. Новые Бедражы Единецкого р-на Республики Молдова; 4–6 – декоративные пластины из погребения у с. Чистенького (Колтухов, Тощев, 1998).

инвентарии и мисочка, а также довольно представительный набор бус.

В числе прочего инвентаря в погребении у с. Чистенькое найдены бронзовые пластины неправильной формы, аналогичные бубуечским (Колтухов, Тощев, 1998. С. 42, 45, 174. Рис. 22. 1) (рис. 3, 4, 6). Пластины обнаружены справа от черепа лошади. На самом же черепе лежал составной бронзовый налобник (рис. 3, 5). Пластины сильно фрагментированы (в одном случае сохранилась большая часть пластины с широким основанием, в другом – ее узкая третья часть). Судя по реконструкции Ю.П. Зайцева, они были парными и крепились по бокам головы лошади (Зайцев, 1999. С. 141. Рис. 7).

Такие стилистические признаки, как деление декора на зоны, одновременно горизонтальное и вертикальное расположение элементов изобра-

жения, орнамент из арок и горошин, обрамление зон выпуклыми рифлеными полосами, кельтские “мертвые” лица и прочие детали, говорят о полном стилистическом единстве пластин из кургана у с. Чистенькое и Бубуеча.

Конский головной убор, в состав которого входят пластинчатый налобник и нащечник, аналогичный по своей конструкции найденным у с. Чистенькое, происходит из первого склепа Васюриной горы (Ростовцев, 1914. Табл. XX, 1, 2). Примечательно, что обнаруженные здесь пластины составляют аналогию рассмотренным выше экземплярам и по форме, и по материалу (бронза), и по некоторым стилистическим особенностям – геометрический рельефный орнамент из полос, горошин и окружностей, помещенный на плоском фоне. Конские украшения того же стиля най-

дены недавно на Тамани у ст-цы Тенгинской (раскопки Е.А. Бегловой (ГМИНВ), 1998 г.).

Пластины из Бубуеча следует, по всей видимости, отнести к двум разным конским уборам, о чем свидетельствуют две односторонние нащечные пластины, два крючка-налобника и две большие круглые бляхи, чье место в конском уборе помогает определить также находка из кургана у с. Чистенькое.

Интересен в этом смысле обнаруженный там бронзовый налобник. Он состоит из круглой бляхи, к которой крепится длинная расширяющаяся книзу составная пластина с железным крючком. Не исключено, что уздечный набор из Бубуеча также был составным и включал крупную круглую бляху и бронзовый крючок. Так что большие бляхи скорее всего являются частью не седельного снаряжения, а головного убора лошади.

В Северном и Северо-Западном Причерноморье есть и другие комплексы, где имеются вещи, стилистически сходные с бляхами из Бубуеча. Так, прямые аналогии бубуечским налобным бляхам, относящиеся, по-видимому, к такому же конскому убору, найдены около с. Веселая Долина (Одесская обл.) и в естественном холме у с. Новые Бедражи (Молдавия) (рис. 3, 1–3)⁴. В обоих случаях они обнаружены в комплексе с ведрами баргфельдского типа, что не позволяет датировать их ранее I в. до н.э.

Таким образом, когда-то стоявшие особняком бронзовые украшения из Бубуеча образуют вместе с перечисленными выше находками особую стилистическую группу. Наиболее вероятная дата этой группы – II–I вв. до н.э.

Ее отличительные черты: плоский фон; композиция делится на зоны; все элементы изображения крупные, четкие, выполнены рельефом; особенно характерны геометрические орнаменты в виде арок, горошин, волнистых линий, гладких и рифленых полос, “сегнерова колеса”; растительные орнаменты и графическая доработка поверхности отсутствуют; изображения животных и людей схематичные, застывшие; среди антропоморфных изображений часто встречается такой мотив, как “мертвая голова”. Немаловажная стилистическая характеристика также – материал, из которого сделано большинство вещей данной группы, – бронза. Необходимо напомнить, что бронза – это металл, наряду с золотом излюбленный кельтскими мастерами, предпочитавшими его серебру (Megaw, Megaw, 1990. P. 144). Представляется, что выбор материала и в данном случае не был случайным.

Комплексы с подобными вещами были распространены на довольно ограниченной территории (Северное и Северо-Западное Причерноморье) в

период появления первых памятников сарматской эпохи в регионе. В составе этих комплексов кроме украшений упряжи встречаются также другие детали узды (удила, псалии, налобные крючки), бронзовые шлемы, бронзовые сосуды (ситулы, котлы).

В это же самое время и на той же территории имеются комплексы, известные в литературе под названием кладов, по составу близкие рассмотренным выше находкам. Украшения упряжи, найденные там, существенно отличаются по стилю от изделий типа Бубуеча. Имеются в виду серебряные с позолотой полусферические бляхи из Янчокрака, Таганрога, Старобельска, Булаховки, Балаклеи и прочие находки, известные под названием “фаларов греко-бактрийского стиля” (Мордвинцева, 1999). Обилие на них резких графических орнаментов, выполненных особыми пунсонами, а также ограниченная территория распространения подобных вещей позволили назвать эту стилистическую группу – “причерноморский графический стиль” (Мордвинцева, 1996; 1999).

Определенные различия между двумя стилистическими группами украшений упряжи имеются и в составе упряжных наборов. Среди находок причерноморского графического стиля отсутствуют нащечные пластины типа Бубуеча и Чистенького, где в свою очередь ни разу не встречены фалары седельного снаряжения, столь характерные для наборов причерноморского графического стиля (Мордвинцева, 1998а).

Схожие обстоятельства и состав находок свидетельствуют, видимо, о культурной близости обеих групп памятников. В то же время значительные различия между двумя группами конских украшений заставляют задуматься о характере этих различий. Для выяснения этого вопроса обратимся к предметам торевтики, близким рассматриваемым украшениям упряжи по стилю и времени бытования.

Из предметов торевтики, одновременных находкам причерноморского графического стиля, наиболее близки по стилю и набору сюжетов серебряные с позолотой изделия из группы дакийских кладов Восточной Европы – Галиче, Серче, Хераштреу и пр. (Fettich, 1953). Здесь также наблюдается обилие разнообразных графических орнаментов, растительных розетт, медальонов и пр., хотя имеются и некоторые отличительные особенности (Мордвинцева, Переводчикова, в печати).

Аналогии же изображениям на пластинах типа Бубуеча и Чистенького мы видим преимущественно среди находок Центральной и Северной Европы II–I вв. до н.э. Рассмотрим их более подробно. Это кельтские маски на серебряных фаларах из Манербио, Северная Италия (Megaw, Megaw, 1990. Pl. 265), на аверсе серебряной моне-

⁴ Благодарю А.В. Симоненко за предоставленные материалы.

ты таврисков из Австрии (Megaw, Megaw, 1990. Pl. 266), бронзовая маска на ритуальной повозке из Дейбьерга (Dejbjerg), Дания⁵, золотая бляшка из Иллерупа (Illerup Ådal), Дания⁶. Человеческая фигура, помещенная на одном из нащечников Чистенького, имеет прямые стилистические параллели среди персонажей известного котла из Гундеструпа. Там же можно наблюдать и форму передачи ветвистых рогов оленя в виде буквы U, от которой отходят прямые заостренные отростки, как на бубуечских пластинах (Kaul, 1991. Pls. 15, 23). Такая редкая иконография копытных, у которых при профильном развороте тела копыта показаны анфас, найдена мною только на серебряных чашах римского времени из Химлингое (Himlingoe), Дания⁷. Стиль этих чаш во многом перекликается с бубуечскими пластинами – отсутствие штриховых орнаментов, “горошины” (в том числе мотив из пяти “горошин”: четыре по углам, одна в центре), кельтские маски, валики с поперечным рифлением. Орнамент в виде выпуклых арок украшает бронзовые части ритуальной повозки из Дейбьерга, Дания⁸. Там же имеются такие детали орнамента, как чередование гладких и рифленых валиков, волнистые линии, заканчивающиеся тремя выпуклыми точками, кружки в виде валика с выпуклостью в центре (как на туловищах оленей).

Таким образом, получается, что изделия причерноморского графического стиля и пластины типа Бубуеча находят аналогии в разных группах одновременных им памятников – дакийских, с одной стороны, и преимущественно северогерманских – с другой.

В то же время имеется ряд черт, сближающих обе группы упряжных украшений и в части, касающейся состава упряжи, и в отношении изобразительных особенностей.

Например, и те, и другие комплексы включают крупные круглые налобные бляхи, а вместе с некоторыми фаларами причерноморского графического стиля найдены налобные крючки (Балаклея, Янчокрак, Антиповка).

Кроме того, хотя изделия круга Бубуеча и причерноморского графического стиля сильно различаются внешне, однако набор изображенных на них мотивов и сюжетов частично совпадает (полосы, розетты, “мертвые головы”) и удивительным образом находят аналогии в одном и том же материале, а именно в кельто-фракийской торевтике. Причем некоторые мотивы имеют парал-

лели в довольно архаичном по отношению к причерноморским изделиям репертуаре: VI–IV вв. до н.э. (Мордвинцева, 1998б).

С этой точки зрения, интересно вспомнить, что когда Е.С. Нефедова датировала декоративные пластины из Бубуеча отдельно от других вещей комплекса, на основании лишь стилистических параллелей, она в результате склонилась в пользу IV–III вв. до н.э. (Нефедова, 1994. С. 28, 29). Причиной тому послужили такие стилистические характеристики Бубуечских пластин, как деление композиции на зоны, орнаменты в виде зигзагообразной линии с выпуклинами в местах сгиба, рифленых полос, арок, напоминающие искусство европейского гальштата (см., например: Éluère, 1994. P. 46, 48; Green, 1996. P. 19. Fig. 7; Traci..., 1989. N 85/1). В связи с этим нужно упомянуть также более поздние фракийские золотые пластины V–IV вв. до н.э. (Венедиктов, Герасимов, 1973. № 219, 222) и бронзовый пояс из Ловеч (Болгария) рубежа V–IV вв. до н.э. (Мелюкова, 1979. С. 197. Рис. 45). При сравнении вещей кельто-фракийского круга V–IV вв. до н.э. с фаларами причерноморского графического стиля, с одной стороны, и пластинами типа Бубуеча – с другой, можно даже заметить, что некоторые из фракийских изделий, например бляхи из Летницы (Kaul, 1991. Fig. 53), пластика из Опалченец (Opálčenec) района Пловдива (Traci..., 1989), имеют черты стилистического сходства с обеими сравниваемыми группами памятников.

Складывается впечатление, что кельто-фракийская торевтика V–IV вв. до н.э. оказала равным образом значительное влияние на формирование стиля обеих групп причерноморских находок. Дальнейшее развитие этих стилей, видимо, шло разными путями, а окончательное оформление, судя по всему, произошло на основе слияния изобразительных и производственных традиций различного происхождения. Пока неясно, свидетельствует это только лишь о разных центрах изготовления упряжных наборов причерноморского графического стиля и украшений типа Бубуеча или же таким образом проявляется этнокультурная специфика этих памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бруяко И.В. Рец.: Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992 // РА. 1995. № 1.
- Венедиктов И., Герасимов Т. Тракийското искусство. София. 1973.
- Зайцев Ю.П. Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2.
- Колтухов С.Г., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993–1995 гг.). Запорожье. 1998.

⁵ № 8918 в хранении Датского национального музея, Копенгаген.

⁶ № 14469 в хранении Датского национального музея, Копенгаген.

⁷ № 9424, 9510, 10452, 10454-55 в хранении Датского национального музея.

⁸ № 8919 в хранении Датского национального музея.

- Косяненко В.М., Флеров В.С.* Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) // СА. 1978. № 1.
- Мелюкова А.И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Мордвинцева В.И.* Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н.э. – I пол. II в. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.
- Мордвинцева В.И.* Классификация фаларов конской упряжи III в. до н.э. – начала II в. н.э. и типы парадного конского снаряжения у сарматов // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Краснодар, 1998а.
- Мордвинцева В.И.* О месте изготовления фаларов Янчокракского клада // Европейская Сарматия. STRATUM + ПАВ. СПб., 1998б.
- Мордвинцева В.И.* Так называемый “греко-бактрийский стиль” в эллинистической тореутике // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.
- Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В.* О формировании “причерноморского графического стиля” на фаларах II–I вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир. Матер. VII археологического семинара. 1999 г. Краснодар, в печати.
- Нефедова Е.С.* Бубуечский комплекс (история находки и изучения, задачи интерпретации) // Античная цивилизация и варварский мир. Матер. III археологического семинара. Ч. 2. Новочеркасск, 1993.
- Нефедова Е.С.* Пластина из комплекса у села Бубуечь // Античная цивилизация и варварский мир. Тез. докл. IV археологического семинара. Новочеркасск, 1994.
- Отчет Российского исторического музея за 1908 год, М., 1909.
- Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Рикман Э.А.* Художественные сокровища Молдавии. Кишинев, 1969.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись юга России. Т. LXXXV. СПб., 1914.
- Симоненко А.В.* О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Симоненко А.В.* Шлемы в комплексе вооружения сарматов и поздних скифов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Матер. международной конф. СПб., 1998.
- Трейстер М.Ю.* Этрусский импорт в Северном Причерноморье и пути его проникновения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск, 1987.
- Черненко Е.В.* Панцири скифского часу // Археология. 1965. Т. XVIII.
- Черненко Е.В.* Скифский доспех. Киев, 1968.
- Шукин М.Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.
- Éluère Ch.* L'Europe des Celtes. Gallimard, 1994.
- Fettch N.* Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen // Acta Archaeologica Hungarica. V. III. Budapest, 1953.
- Green M.* Celtic Art. London, 1996.
- Kaul F.* Gundestrupkedlen. Baggrund og billedverden. København, 1991.
- Megaw R., Megaw V.* Celtic Art. From its beginnings to the Book of Kells. Toledo, 1990.
- Tallgren A.M.* La Pontide prescythique apres l'introduction de metéax // Eurasia septentrionalis antiqua. 1926. V. 2.
- Traci. Arte e cultura nelle terre di Bulgaria dalle origini alla tarda romanità, 1989. № 158. Venezia.
- Zirra V.* A propos de la presence des elements Laténiens sur la Rive occidentale de la Mer Noire // Les mouvements celtiques du V-e au I-er siècle avant notre ère. Paris, 1979.

Decorative Plaques from Bubuech

V. I. Mordvintseva

Summary

Decorative plaques from Bubuech always draw the attention of the investigators. The artistic style of the plaques was discussed repeatedly, as well as their analogies – Celto-Thracian toreutics. Still the stylistic analysis of the artefacts was not comprehensive enough, as a result, the questions of their chronology and cultural attribution have not been solved yet. Having discussed the stylistics of the plaques and drawn new material, the author suggests the 2nd-1st centuries BC as their chronological position.

НОВОПОКРОВСКАЯ СТЕЛА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

© 2001 г. В. С. Ольховский*, А. П. Лопатин**

*Институт археологии РАН, Москва

**Краеведческий музей, Армавир

К числу довольно редких, но выразительных памятников монументального искусства Восточной Европы эпохи раннего железа относятся каменные изваяния, обычно именуемые киммерийскими стелами, европейскими оленными камнями или оленными камнями западного региона. К настоящему времени на обширной территории западнее Урала зафиксировано лишь менее десятков подобных памятников. Поэтому каждая новая находка такого памятника представляет несомненный интерес и заслуживает специального исследования. Ниже описывается и анализируется стела, обнаруженная в станице Новопокровской Новопокровского района Краснодарского края.

Летом 1998 г. в непосредственной близости от крупного кургана, находящегося на окраине станицы, проводились планировочно-земляные работы, в ходе которых была срезана скрепером часть полы кургана и обнаружена каменная стела (рисунок). Местным учителем и краеведом А.В. Масловым стела была доставлена в находящийся в той же станице литературно-исторический музей им. А. Первенцева, где она и хранится в настоящее время. Курган, из которого была извлечена стела, достигает высоты 3–3,5 м. Склоны его круты, насыпь повреждена сравнительно небольшой и явно поздней ямой, на вершине видны следы установки тригопункта.

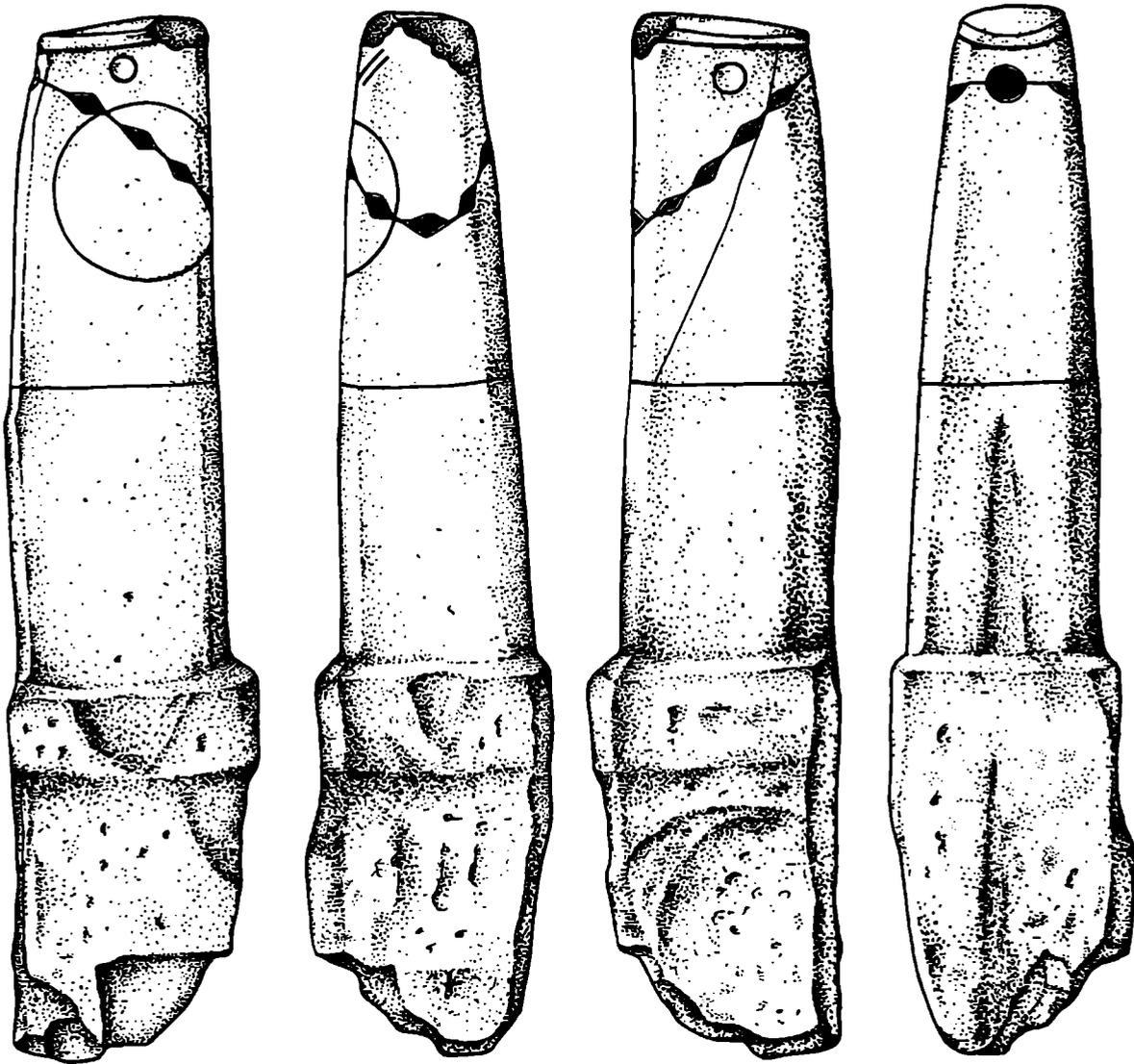
Описываемая стела, очевидно, первоначально стояла на вершине курганной насыпи. Она изготовлена (вытесана) из светлого известняка-ракушечника, в сечении прямоугольно-овальная, имеет повреждения. Морфологически стела относится к группе фаллоидных столбов с легко определяемой передней (лицевой), задней (тыльной) и двумя боковыми гранями. При общей сохранившейся высоте 120 см по степени обработанности стела делится на две части: верхнюю, хорошо отесанную (длина около 76 см), и нижнюю (длина 44 см), обработанную заметно грубее и явно не предназначенную для обозрения. При этом верх нижней части стелы грубо оформлен в виде рельефного опоясывающего выступа шириной 10–12 см и высотой 1–3 см, проходящего горизонтально по всем граням памятника, но особенно заметного на лицевой грани. Данный выступ визуальнo и пластически делит стелу на две неравные части, обозначая “границу вкапывания” стелы в грунт. В принципе,

он мог использоваться и как ограничитель при установке стелы в отверстие каменной плиты-базы, однако достоверных свидетельств использования предскифским населением Северного Кавказа и Причерноморья подобных баз пока нет.

Поверхность памятника имеет следы выветривания; верхушка со стороны лицевой грани не много сколота, сколы есть на рельефном опоясывающем выступе и в нижней части памятника. Верхняя часть левой грани повреждена длинной неглубокой, явно более поздней царапиной. Нижняя часть (основание) стелы моделирована весьма грубо, но впечатление утраты значительной его части все же не создается. Не исключено позднейшее происхождение лишь сравнительно небольшого скола самого низа основания по левой грани памятника.

В профиль, со стороны боковых граней, стела имеет слабо выраженный саблевидный абрис с уплощенной и скошенной назад вершиной, ширина (точнее, толщина) ее в верхней части 20 см, в средней – 25 см, в нижней – 29–26 см. Передняя (и задняя) грань выше опоясывающего выступа имеет форму сильно вытянутой трапеции, ниже заметно расширяется; ширина грани вверху 14 см, в средней части 21 см, в нижней до 28 см. Передней (лицевой), несомненно, является одна из узких (слегка вогнута) граней.

Несмотря на то, что стела изготовлена из ноздреватого ракушечника, поверхности ее верхней, предназначенной для обозрения части хорошо сглажены, а выступающие над поверхностью крупные окаменевшие раковины срезаны, образуя небольшие каверны. Все имеющиеся на стеле изображения выполнены в технике гравировки и контррельефа. Несмотря на наличие следов выветривания, все изображения отчетливо видны, что облегчает их интерпретацию. Явных свидетельств переиспользования памятника по прямому назначению – путем нанесения новых изображений поверх старых или путем “валетообразного” переоформления стелы – выявить не удалось, хотя утоньшенность верхней части стел с образованием уступа характерно для изваяний, подвергавшихся “невалетообразной” переделке. Грубая удлиненная ложбинка-скол в нижней части тыль-

0 10 20

Новопокровская стела.

ной грани основания памятника на остаток более раннего изображения не похожа.

Набор представленных на изваянии изображений (предметный репертуар) небогат, включает шесть категорий предметов и символов. Опишем их в порядке расположения на стеле сверху вниз.

Так, чуть ниже верхней кромки памятника, параллельно ей, гравированной линией обозначен предмет, обычно идентифицируемый как головная лента или диадема. Очевидно, данный предмет изображен проходящим по всем граням памятника, но к настоящему времени изображение его на передней (узкой) грани стелы не сохранилось (сколото). На передней же грани, но с заметным смещением влево (от зрителя), прямо под “лентой-диадемой” процарапаны две параллельные наклонные черты длиной 5–6 см каждая. Также в 1–2 см ниже “диадемы” посередине боковых (пра-

вой и левой) граней гравировкой показаны две правильные окружности диаметром 3–4 см, обычно интерпретируемые как изображения серег, височных колец или подвесок.

Ниже височной подвески на правой грани памятника (с заходом на переднюю грань) гравировкой изображена правильная окружность диаметром 20,5 см. Данную окружность пересекает изображение ожерелья в виде низки трапециевидных бус, проходящей по всем граням стелы и показанной спускающейся от тыльной к лицевой грани стелы. Ожерелье включает восемь трапециевидных бус и круглый замок диаметром 4 см, изображенный на тыльной грани. При этом нить ожерелья моделирована гравировкой, а бусины и замок ожерелья – контррельефом. Ниже, в 44 см от вершины стелы, горизонтальной гравированной линией, проходящей по всем граням, обозначен пояс.

Следов каких-либо других изображений (в частности, оружия) на стеле выявить не удалось.

По своей морфологии, иконографии и предметному репертуару изображений описываемый памятник безусловно входит в группу “европейских оленных камней”, безоговорочно либо частично связываемую исследователями с предкифским (киммерийским) населением Причерноморья и Предкавказья (Савинов, 1977; Тереножкін, 1978; Савинов, Членова, 1980. С. 10). Вместе с тем, существует мнение о принадлежности некоторых экземпляров подобных стел “протоскифам” (Белозор, 1986. С. 13) или фракийцам (Тончева, 1972). Стелы данной группы найдены в Северном и Северо-Западном Причерноморье, в Крыму, на Северном Кавказе, в Южном Приуралье.

На Северном Кавказе до недавнего времени было известно всего четыре подобных памятника: из курганов у ст. Усть-Лабинской, хутора Зубовского, сел. Кызбурун I, окрестностей г. Армавир (оз. Марьинское) (Членова, 1984). Из находок последних лет территориально к памятникам данного региона примыкает стела, найденная в 1985 г. южнее Дона, на правом берегу р. Кагальник в кургане 13 группы Новоалександровка I (Беспалый, Парусимов, 1991. С. 191. Рис. 7, 3), и изваяние из окрестностей сел. Нижний Куркужин в Кабардино-Балкарии (Атабиев, 2000. С. 184. Табл. II). Таким образом, новопокровская стела является седьмым бесспорным “европейским оленным камнем”, найденным в черноморо-азово-каспийском междуморье на пространствах от нижнего течения Дона до Большого Кавказа. Однако переиспользование трех стел из семи (усть-лабинской, зубовской, нижнекуркужинской) по прямому назначению путем нанесения новых изображений позволяет считать, что в каждом из таких случаев мы имеем дело не с одним, а с двумя памятниками, разделенными определенным хронологическим промежутком, но выполненными на одной физической основе (заготовке). Всего, таким образом, мы располагаем 10 памятниками подобного рода.

У большинства специалистов не вызывает сомнения типологическая, прежде всего морфологическая связь европейских “киммерийских стел” с оленными камнями азиатского региона (Савинов, Членова, 1978; Савинов, 1994; Ковалев, 2000). При этом почти единодушно констатируется, что и европейские, и азиатские оленные камни “изображают” фигуру мужчины-воина (Диков, 1858. С. 45; Членова, 1962. С. 30), иногда лишённую конкретных признаков антропоморфности (Савинов, 1977. С. 126). В противовес данной точке зрения высказывалось мнение о том, что морфологически и иконографически указанные группы памятников воспроизводят фалл как один из популярнейших в древности эквивалентов ми-

ровой оси, а скрытая антропообразность оленных камней, выявляемая на уровне семантического архетипа, отражает существование параллельного представления об антропоморфности космоса, олицетворяемого фигурой первочеловека, культурного героя и т.д. (Ольховский, 1989. С. 56, 59). Явная фалломорфность оленных камней сохранялась на протяжении всего периода их существования, так и не сменившись явной антропоморфностью, ибо такой переход означал бы полную визуальную трансформацию (исчезновение) оленных камней как особого вида изобразительных памятников (Ольховский, 2000а. С. 224, 225). Однако при ясно выраженной неантропоморфности (столбообразности) рассматриваемой группы евразийских стел на них иногда фиксируются элементы, интерпретируемые как антропоморфные: для оленных камней это изображения личин и ушей, для “киммерийских” стел – обозначение вертикальной впадиной позвоночного столба, углублениями – ушных раковин, подтеской – лопаток (Ольховский, 1990. С. 120, 121; 2000а. С. 222. Рис. 1). Один из таких элементов – ложбина позвоночного столба – выявляется и на тыльной грани новопокровского изваяния; она на 28 см вертикально тянется от изображения пояса до рельефного валика-ограничителя обработанной части стелы. Подобные ложбинки на тыльной грани отмечены как минимум на четырех “киммерийских” стелах – из района Армавира, Ольвии, Царевой Могилы и Белоградца (Ольховский, 2000а. С. 224).

Нанесение на рассматриваемые стелы изображений предметов являлось средством не отображения, но “маркирования” скрытого антропоморфизма изваяний. Эффект “очеловечивания” фаллоидной стелы обычно достигался путем топографически правильного размещения на ней изображений атрибутов, очевидно, копирующих реальные предметы и способы их ношения. В первую очередь это относится к налобным лентам-диадемам, височным подвескам, ожерельям и поясам. Все зафиксированные на новопокровском изваянии изображения предметов и символов не являются уникальными. Так, гравированные ленты, аналогичные изображенной на новопокровском изваянии, представлены на I зубовской, I и II усть-лабинской, новоалександровской, константиновской, гумаровской, штормовской стелах; изображения пояса – на I зубовской, I и II усть-лабинской, гумаровской, штормовской стелах; височные подвески (в том числе небольшие и разновеликие) – на I зубовской (в рельефе), I усть-лабинской, константиновской, гумаровской стелах; ожерелье из ромбовидных бус с круглым замком – на I зубовской, II усть-лабинской, константиновской, гумаровской, штормовской стелах; круг(и) значительного диаметра на широкой грани стелы – на I и II зубовской, I усть-лабинской, константиновской (орна-

ментирован), штормовской (орнаментированы) стелах; две косые черты, интерпретируемые по-разному (татуировка или раскраска лица, “граница” между мирами живых и мертвых, и т.д.) – на I зубовской, I и II усть-лабинской, новоалександровской, гумаровской стелах.

Таким образом, наибольшее сходство по предметному репертуару изображений новопокровская стела имеет прежде всего с северокавказскими памятниками – зубовской и усть-лабинской, а также новоалександровской стелами; целый ряд аналогий прослеживается и со стелами из Южного Приуралья, Северного Причерноморья и Крыма – гумаровской, константиновской, штормовской. Данное наблюдение свидетельствует как о наличии общераспространенных изобразительных элементов данной категории памятников, так и о локальном и, возможно, хронологическом их своеобразии. Результаты проведенных ранее “табличных” сравнений репертуара изображений оленных камней и стел разных регионов (Савинов, Членова, 1980. С. 8, 9; Членова, 1984. С. 18–20) показали безусловное наличие локального своеобразия памятников, но не дали окончательного ответа относительно природы данного своеобразия, в частности, в хронологическом аспекте. “Европейские оленные камни” их исследователи на основании анализа представленных на стелах изображений предметов датируют по-разному, но в пределах IX–VII вв. до н.э. Представляется, что, помимо этого, уточнению хронологии стел мог бы помочь учет технологических приемов их изготовления. Реализация этого предположения привела к выделению гипотетических групп более ранних (зубовская, усть-лабинская) и более поздних (армавирская, кызбурунская) северокавказских стел (Ольховский, 1990. С. 118. Рис. 3). Последующие исследования позволили конкретизировать данную схему и предложить “плавающую” относительную хронологическую шкалу европейских “киммерийских” стел. При этом в древнейшую группу вошли I зубовская, I усть-лабинская, константиновская и гумаровская стелы, в более позднюю – II зубовская и II усть-лабинская, в позднейшую – армавирская, кызбурунская, II нижнекуркужинская стелы (Ольховский, 2000б. С. 268, 269). Результаты анализа изображений новопокровской стелы не противоречат данным выводам, позволяя отнести ее к ранней группе. Вероятно, новопокровская стела была изготовлена в весьма небольшом промежутке времени между ранними усть-лабинской и зубовской (I) и более поздними

усть-лабинской и зубовской (II) стелами. Данная дата является относительной; абсолютную же дату можно предложить пока сугубо предварительно – середина VIII – рубеж VIII–VII вв. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атабиев Б.Х.* Изваяния ранних кочевников из Кабардино-Балкарии // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.
- Белозор В.П.* Скифские каменные изваяния VII–IV вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.
- Беспальый Е.И., Парусимов И.Н.* Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3.
- Диков Н.Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.
- Ковалев А.А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.
- Ольховский В.С.* Оленные камни (к семантике образа) // СА. 1989. № 1.
- Ольховский В.С.* О северокавказских стелах эпохи раннего железа // СА. 1990. № 3.
- Ольховский В.С.* Идея антропоморфности в монументальной скульптуре степной Евразии эпохи раннего железа // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000а.
- Ольховский В.С.* Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000б.
- Савинов Д.Г.* О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
- Савинов Д.Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Савинов Д.Г., Членова Н.Л.* Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Савинов Д.Г., Членова Н.Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА. 1980. Вып. 162.
- Тереножкін О.І.* Киммерійські стели // Археологія. 1978. Вип. 27.
- Тончева Г.* Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям // Thracia. I. Serdicae, 1972.
- Членова Н.Л.* Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М., 1962.
- Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.

КОМПЛЕКС ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ДЕЛЬТЫ ДОНА

© 2001 г. А. А. Иванов

Ростовский государственный педагогический университет

На территории Нижнего Дона памятники гуннского времени представлены довольно немногочисленной серией комплексов. Несомненно, что для реконструкции этнических процессов, протекавших в этом регионе в эпоху Великого переселения народов, необходимо дальнейшее накопление фактического материала. В связи с этим важное значение приобретает введение в научный оборот каждого обнаруженного комплекса.

Летом 1989 г. местными жителями при земляных работах на одном из участков Елизаветовского могильника в 1.5 км к юго-востоку от Елизаветовского городища, было разрушено погребение гуннского времени. Оставшиеся вещи были собраны сотрудниками Южно-Донской экспедиции ЛОИА Ан СССР¹. Обряд погребения зафиксировать не удалось, однако на месте находки были обнаружены фрагментированные кости человека. Все вещи были найдены вместе и составляют один комплекс. Таким образом, имеющиеся сведения об обстоятельствах находки позволяют говорить о наличии разрушенного погребения. В настоящее время вещи хранятся в фондах Учебного музея археологии РГПУ. В состав комплекса входят две серебряные пряжки, две подковообразные бронзовые пластинки и обломки стеклянного сосуда.

Первая пряжка имеет рамку округлой формы (рис., 1). В сечении рамка также округлая, утолщенная в передней части. Язычок пряжки подвижный, свободно вращается вокруг рамки. В сечении он округлый, утолщающийся к основанию. Рамка и щиток пряжки имеют подвижное соединение. Щиток пряжки двойной, перегнут через заднюю часть рамки. Он имеет трапециевидную форму, слегка сужается в сторону рамки, причем верхняя и нижняя пластины, составляющие щиток, имеют одинаковую форму. Ремень, к которому крепилась пряжка, зажимался между пластинами щитка и фиксировался при помощи заклепки. Длина пряжки составляет 4.3 см, диаметр рамки 2.1 см, размер щитка 1.5 × 1.6 см.

Вторая пряжка по форме и конструкции практически аналогична первой. Однако она несколько меньшего размера (рис., 2). Она также имеет рамку округлой формы. Язычок пряжки хобото-

видный, выступает за пределы рамки. Щиток имеет прямоугольную форму. Следует отметить, что у второй пряжки пропорция размеров щитка и рамки несколько иная, чем у первой: щиток значительно меньше рамки. Общая длина пряжки 3.4 см, размер рамки 1.9 × 1.9 см, размер щитка 1.5 × 1.6 см.

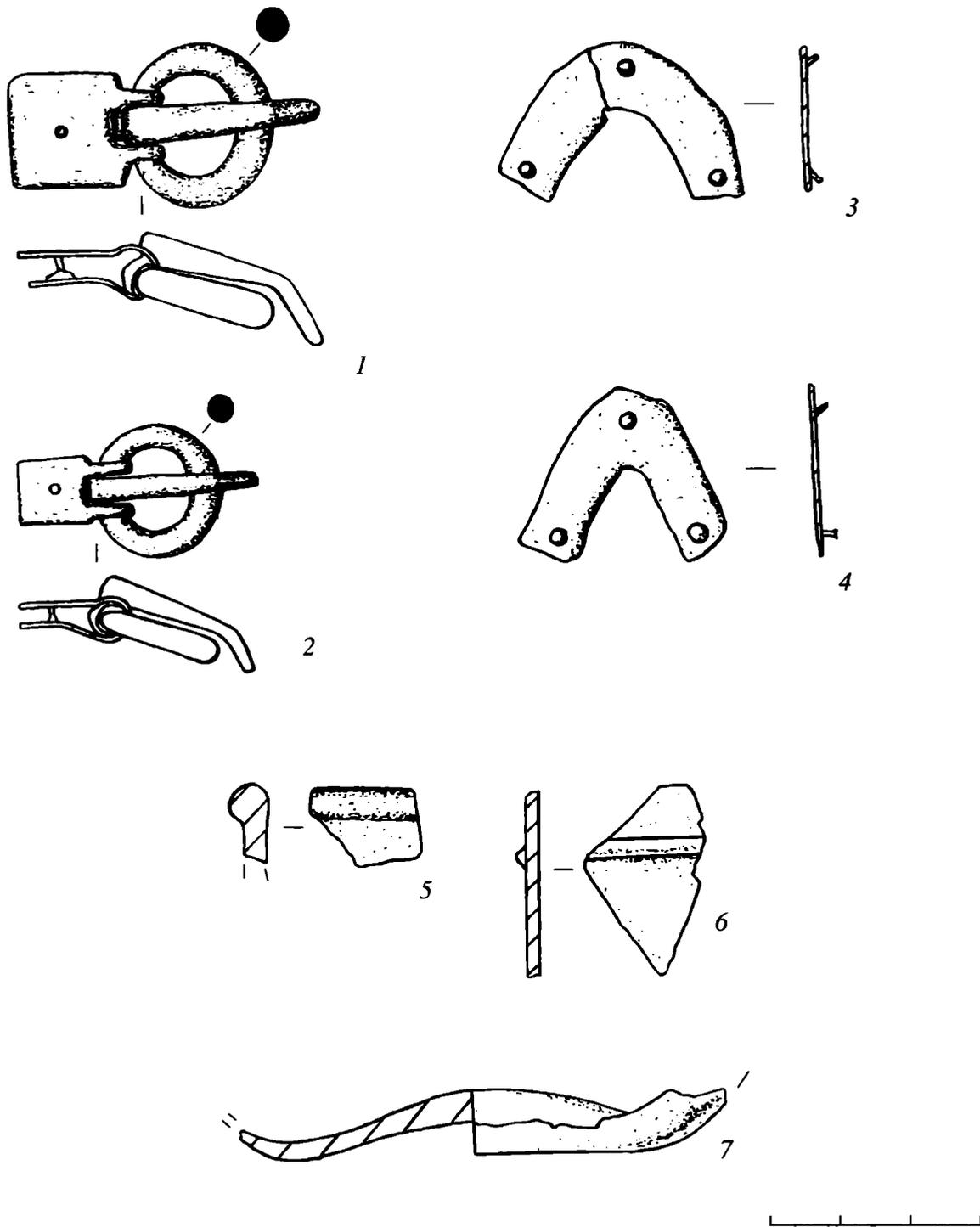
Две бронзовые пластины, найденные вместе с пряжками, имели подковообразную форму. Толщина пластин около 0.5 мм. Каждая из них имеет по три заклепки для крепления к основе. Размер пластин 4.2 × 2.6 см (рис., 3, 4).

Кроме этого, в составе комплекса были обнаружены фрагменты сосуда, изготовленного из стекла оливкового цвета. Толщина стенки сосуда 0.3–0.4 см. Присутствуют фрагменты верхней части с венчиком, боковой стенки и дна. Судя по фрагментам, сосуд имел округлый, выпуклый во внешнюю сторону венчик (рис., 5), по стенке тулова проходил рельефный валик (рис., 6), дно сосуда слегка вогнуто вовнутрь (рис., 7).

Несмотря на полное разрушение комплекса и незначительное количество сохранившихся вещей, анализ последних все же позволяет сделать некоторые выводы о его датировке и культурной принадлежности. Имеется довольно широкий круг аналогий для бронзовых пряжек, входивших в состав данного комплекса. Пряжки этого типа составляют наиболее многочисленную группу среди пряжек, обнаруженных в памятниках гуннского времени. По мнению И.П. Засецкой, они датируются концом IV–V в. (Засецкая, 1994. С. 79–81). Подобные пряжки, обнаруженные в памятниках Северного Кавказа и раннесредневековых могильниках Крыма, также датируются V в. (Амброз, 1989. С. 24; Айбабин, 1990. С. 28). Следует отметить, что аналогичные пряжки происходят и из погребений V в. могильника Танаиса (Безуглов, 1993. С. 122. Рис. 1). В данном случае важное значение имеет материал, из которого изготовлены рассматриваемые пряжки. По мнению И.П. Засецкой, серебряные пряжки этого типа характерны для памятников гуннского времени из Причерноморья, тогда как бронзовые более типичны для Прикамья и Поволжья (Засецкая, 1994. С. 81).

Для подковообразных бронзовых пластин аналогии среди материалов из Северного Причерноморья подобрать не удалось. Вполне вероятно, они могли являться деталью ременной гарниту-

¹ Пользуясь случаем, благодарим В.П. Копылова за возможность публикации комплекса и предоставление данных об обстоятельствах находки.

Вещи из разрушенного погребения гуннского времени в дельте Дона. 1, 2 – серебряные пряжки; 3, 4 – бронзовые подковобразные пластины; 5–7 – фрагменты стеклянного сосуда.

ры. Так, пластины подобной формы известны на поясных наборах гуннского времени из Среднего Поволжья. Например, Тураевского могильника, материалы которого относятся к V – первой половине VI в. (Богачев, 1992. С. 134).

Посуда, изготовленная из стекла оливкового цвета, с вогнутыми вовнутрь донцами, рельефными валиками на тулове и округлыми венчиками хорошо известна в Северном Причерноморье, в частности в Крыму и на Тамани, в памятниках конца IV – первой половины V в. (Ivachtcenko,

1995. P. 320, 321. Fig. 6; Sazanov, 1995. P. 331, 332). Отметим также, что значительная серия обломков сосудов, изготовленных из стекла оливкового цвета, происходит из Танаиса (Сорокина, 1965. С. 205 и сл.). Стеклянные сосуды отмечены и в погребениях могильника Танаиса, датируемых гуннским временем (Безуглов, 1993. С. 122 и сл.).

Таким образом, исходя из приведенных аналогий, данный комплекс можно датировать V в. Судя по сохранившимся остаткам погребального инвентаря, состав данного комплекса наиболее бли-

зок боспорским памятниками гуннской эпохи. Это обстоятельство особенно важно. В настоящее время можно говорить о целой серии погребений этого времени, обнаруженных в могильнике Танаиса и относящихся к позднебоспорскому кругу памятников гуннской эпохи (Безуглов, 1993. С. 128; Гречанова, 1989. С. 58–64). Большинство находок гуннского времени, обнаруженных на Нижнем Дону, сконцентрированы в ближайшей округе Танаиса. Находка комплекса этого круга в дельте Дона значительно расширяет ареал этих памятников. Уже было отмечено присутствие в донской дельте материалов несколько более раннего периода – IV в. н.э. (Безуглов, Гудименко, 1993. С. 170–172). Комплекс гуннского времени из округи Елизаветовского городища позволяет говорить как о заселенности дельты Дона в гуннский период, так и, возможно, о причастности этой территории к округе раннесредневекового Танаиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднееримского раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1990.
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.
- Безуглов С.И.* О погребениях V века в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалото в 1975 г.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып. 11. Азов, 1993.
- Безуглов С.И., Гудименко И.В.* Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. № 1.
- Богачев А.В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования. По материалам поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья. Самара, 1992.
- Гречанова Л.* Раннесредневековое погребение из Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. 1988. Вып. 5.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху, конца IV–V в. Л., 1994.
- Сорокина Н.П.* Стекланные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. МИН. 1965. № 127.
- Ivachcenko Y.* Le verre prote-byzantin. Recherches en Russie (1980–1990) // Le verre de l'antiquite tardive et du haut moyen age Typologie-Chronologie Diffusion. Musée Archeologique departamental du vol D'oise. 1995.
- Sazanov A.* Verres a decor de pastilles bleues provenant des fouilles de la mer Noire. Typologie et chronologie // Le verre de l'antiquite tardive et du haut moyen age Typologie-Chronologie Diffusion. Musée Archeologique departamental du vol D'oise. 1995.

БУТЕРОЛЬ НОЖЕН ДЛИННОГО РИМСКОГО МЕЧА ИЗ ХЕРСОНЕСА

© 2001 г. В. М. Зубарь*, **И. А. Антонова****

*Институт археологии НАН Украины, Киев

**Херсонесский историко-археологический музей, Севастополь

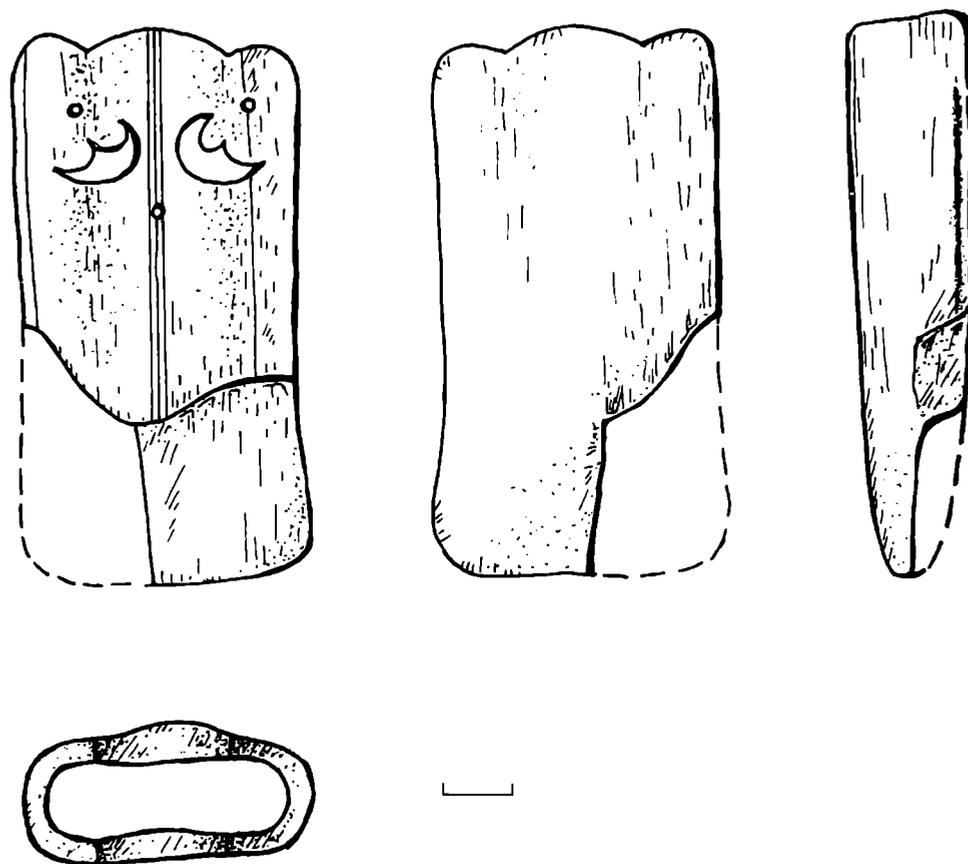
В отличие от территорий провинций Римской империи и укреплений на лимесах в античных центрах Северного Причерноморья и их округе находки предметов римского вооружения до недавнего времени были чрезвычайно редки (Черненко и др., 1989. С. 250). Но в последнее десятилетие благодаря многолетним раскопкам святилища на перевале Гурзуфское седло и обработке материалов из раскопок Тиры и Ольвии их количество значительно выросло (Черненко и др., 1989. С. 250–252; Зубарь, 1993. С. 66–70; Сон, Назаров, 1993. С. 120–123; Новиченкова, 1998. С. 51–67), что позволяет наряду с эпиграфическими памятниками использовать эту категорию археологического материала в качестве полноценного источника для реконструкции характер римского военного присутствия в регионе. Поэтому каждая новая находка предметов римского вооружения или их частей требует самого пристального внимания и, безусловно, заслуживает специальной публикации.

В 1992 г. в ходе раскопок продольной улицы в центральной части римской цитадели Херсонеса было обнаружено окончание ножен длинного римского меча (бутероль), изготовленное из цельного куска слоновой кости (Антонова, 1992. С. 18в. Рис. 24). Бутероль размерами 7,8 × 4 см, толщиной 2 см, прямоугольной, слегка расширяющейся книзу формы с закругленными углами. Ее поверхность тщательно отполирована снаружи и внутри. В верхней части бутероли пропилены неглубокие бороздки, которые придают ей сложную форму в виде полусферы в центре и двух четвертей окружности по краям. Наружная часть поверхности бутероли, которая по форме напоминает очертания длинного римского щита, слегка выпуклая и украшена в центре тремя прочерченными параллельными линиями. В верхней трети наружной стороны бутероли имеется пара С-образных сквозных вырезов с тремя заостренными концами, симметрично расположенными по отношению к центру. С двух сторон, выше С-образных вырезов, и ниже, в центре прочерченных линий, имеются отверстия для заклепок, с помощью которых она крепилась к деревянным ножнам меча. Нижняя треть наружной стороны буте-

роли отбита. Внутри она полая, а пространство размерами 3,5 × 1 см предназначалось для размещения окончания меча (рисунок).

Костяная бутероль, обнаруженная в Херсонесе, входит в группу однотипных принадлежностей римского вооружения, которые сравнительно часто встречаются в местах дислокации римских войск и суммарно датируются второй половиной II – первой половиной III в. (Oldenstein, 1977. S. 116–123. Taf. 25–28). Находки костяных бутеролей ножен римских длинных мечей известны и в античных центрах Северного Причерноморья, где были размещены стационарные римские гарнизоны. Две бутероли, датирующиеся тем же временем, обнаружены в Тире (Черненко и др., 1989. С. 250–252. Рис. 1, 1; 2; Сон, Назаров, 1993. С. 120, 121. Рис. 1, 2), а одна – в Ольвии (Сон, Назаров, 1993. С. 121, 122. Рис. 3, 4). Причем аналогичные херсонесской бутероли, как считает Ю. Олденштейн, следует относить к предметам вооружения, которое использовалось не легионерами, а солдатами вспомогательных войск римской армии (Oldenstein, 1977. S. 116–124).

В связи с этим следует обратить внимание на эпиграфические памятники из Херсонеса, которые позволяют судить о качественном составе римской вексилляции, расквартированной в этом центре на протяжении второй половины II – первой половины III в. При этом интересно, что вплоть до конца II в. в херсонесских памятниках лапидарной и керамической эпиграфики отсутствуют какие-либо упоминания названий римских вспомогательных подразделений или входивших в их состав военнослужащих. Это позволяет предполагать, что с середины и до конца II в., когда римский гарнизон находился под командованием офицеров I Италийского легиона, херсонесская вексилляция либо формировалась на базе этого легиона, либо была смешанной и названия конкретных римских воинских подразделений, которые выделяли небольшие группы солдат для несения службы в составе римского гарнизона Херсонеса, были скрыты под аббревиатурой VEMI, которая недавно на основании находки новой надписи в Балаклаве была убедительно расшифрова-

Костяная бутероль из раскопок 1992 г.

на Т. Сарновским как *V(exillatio) E(xercitus) M(oesiae) I(nferior)*, т.е. “вексилляция войск нижней Мезии” (Sarnowski, Savelja, 1998. S. 43. № 31; Ср.: Sarnowski, Zubar, 1996. S. 234; Костромичев, 1997. С. 62, 63).

Но с приходом к власти в Риме Септимия Севера (193–211 гг.), когда римский гарнизон Херсонеса стал формироваться на основе XI Клавдиева легиона (Зубар, 1991. С. 119–123), положение меняется. Сейчас можно считать установленным, что изменения в комплектовании римской вексилляции Херсонеса произошли в начальный период правления Септимия Севера, который, утвердившись на престоле после побед над Песценцием Нигером и Клодием Альбином, провел ряд важных мероприятий по укреплению армии и границ империи, в том числе и на Дунае (Колосовская, 1973. С. 232–237; Смышляев, 1976. С. 80, 81; Campbell, 1984. P. 401–414). Ярким показателем новых подходов императорской администрации к системе защиты дунайского лимеса является перемещение целого ряда римских воинских подразделений на протяжении 197–202 гг., после чего и была осуществлена инспекторская поездка Септимия Севера на Дунай (Herodian, 3, 10, 1; Fitz, 1959. S. 237–263; 1962. P. 87; Sarnowski, 1988. S. 144). В это же время произошла замена солдат I Ита-

лийского легиона в составе херсонесской вексилляции военнослужащими XI Клавдиева легиона (Зубарь, 1994. С. 52; 1998. С. 117), который контролировал восточную часть Нижней Мезии от Капидавы до Новиодуна (Agicescu, 1977. P. 46, 47; 1977b. P. 186, 187). Не исключено, что изменения в составе херсонесской вексилляции в какой-то степени были продиктованы обращением херсонесской гражданской общины к новому императору по поводу злоупотреблений солдат в городе, что нашло отражение в известной переписке по поводу проституционной подати (Зубарь, 1998. С. 123–125).

Одновременно с появлением военнослужащих IX Клавдиева легиона в Херсонесе и его окрестностях фиксируются надгробные памятники, поставленные солдатам определенных вспомогательных подразделений римской армии. К концу II – первой половине III в. относятся надгробия солдат когорт I Сугамбрской, I Бракаров и I Киликийской, а также I алы Атекторигианы (IOSPE, I², № 554; Тудор, 1960. С. 244; Соломоник, 1983. С. 64, 65. № 39; Зубар, 1990. С. 109, 110; Зубар и др., 1991. С. 102–108; Туровский, Филиппенко, 1996. С. 140–143; Зубар, Сон, 1997. С. 120–128).

Трудно сказать, с чем связано то, что от середины и второй половины II в. до нас не дошло каких-либо памятников, свидетельствующих о пре-

бывании в Херсонесе солдат вспомогательных войск, а применительно к концу II и первой половине III в. мы имеем данные о пребывании в составе римского гарнизона города и в его округе военнотружущих сразу четырех вспомогательных подразделений. С одной стороны, не исключено, что такое положение объясняется тем, что эпиграфические памятники с упоминанием солдат вспомогательных подразделений более раннего времени пока еще не найдены. С другой, что более вероятно, – в этом можно усматривать отражение определенных изменений в комплектовании римского гарнизона Херсонеса.

В организационном отношении он представлял собой вексилляцию, сформированную из подразделений Мезийской армии (Зубарь, 1994. С. 57–60). Однако принципы ее комплектования из военнотружущих различных подразделений римской армии ввиду отсутствия прямых источников не вполне ясны. В связи с этим следует обратить внимание на упоминание в надгробиях Г. Юлия Валента, солдата I Сугамбрской когорты, и Марка Мецилия, солдата I когорты Бракаров, названий определенных центурий, а в надгробии кавалериста алы I Атекторигианы – турмы, т.е. тактических единиц указанных подразделений.

Это с известной вероятностью позволяет предполагать, что до конца II в. в состав херсонесской вексилляции наряду с легионерами выделялись небольшие группы военнотружущих вспомогательных подразделений, а не их тактические единицы. В более позднее время, о чем свидетельствуют перечисленные надписи, в состав херсонесской вексилляции уже были включены центурии и турмы вспомогательных частей римской армии. Если это так, то херсонесская вексилляция состояла не просто из солдат различных подразделений, а из ряда тактических единиц, выделенных из состава Мезийской армии. Следовательно, есть основания предполагать, что в сравнении с более ранним периодом здесь в количественном отношении преобладали не легионеры, а солдаты тактических единиц вспомогательных подразделений, которые находились в оперативном подчинении командования XI Клавдиева легиона. Аналогичный подход к комплектованию римского гарнизона в конце II – первой половине III в. скорее всего имел место в Ольвии (Подробнее см.: Зубарь, 1998. С. 103; Зубарь, Крапивина, 1999. С. 71–73) и, вероятно, в Тире.

Сделанное заключение косвенно подтверждается находками в Херсонесе, Ольвии и Тире костяных бутеролой ножен длинных римских мечей, находившихся на вооружении солдат вспомогательных войск римской армии, датировку которых на основании приведенных данных можно сузить до конца II – первой половины III в. О наличии в составе римского гарнизона Херсонеса солдат вспомогательных войск помимо публикуемой костяной бу-

теролой, вероятно, свидетельствует и набор бронзовых блях, а также ременных накладок, которые найдены в одном из погребений херсонесского некрополя в 1894 г. (ОАК..., 1896. С. 68. Рис. 94–100. Могила № 492). Такие бляхи и накладки находят многочисленные аналогии среди вещей из раскопок военных лагерей на римских лимесах, где они атрибутированы в качестве частей поясной гарнитуры или украшений ремней конской сбруи римских вспомогательных подразделений и датируются второй половиной II – первой половиной III в. (Oldenstein, 1977. S. 137–139, 170, 171–173, 178–184, 186, 187, 226–239. Taf. 34. № 269–272; 46. № 473–489; 47. № 490–503; 56. № 686–694; 85. № 1119, 1120; 86. № 1121–1125; 90. № 1165).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1992 г. // НА ИА НАН Украины. 1992. Д. 117.
- Зубарь В.М. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. 1990. № 2.
- Зубарь В.М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. № 1.
- Зубарь В.М. Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Тавриці // Археологія. 1993. № 1.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев, 1994.
- Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
- Зубарь В.М., Антонова И.А., Савеля О.Я. Надгробок римського кавалериста з околиці Балаклави // Археологія. 1991. № 3.
- Зубарь В.М., Крапивина В.В. Новий латинський напис з розкопок Ольвії 1998 р. // Україна Греція: історична спадщина і перспективи співробітництва. Збірник наукових праць. Маріуполь, 1999.
- Зубарь В.М., Сон Н.О. З приводу інтерпретації нового латинського напису з Херсонеса // Археологія. 1997. № 1.
- Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. н.э. М., 1973.
- Костромичев Д.А. К вопросу об интерпретации клейма с аббревиатурой VEM // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. Севастополь, 1997.
- Новиченкова Н.Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское седло // ВДИ. 1998. № 2.
- ОАК за 1894 год. СПб., 1896.
- Смышляев А.Л. Септимий Север и principes // Вестник МГУ. 1976. № 6.
- Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
- Сон Н.О., Назаров В.В. Знахідки римської зброї в Тірі та Ольвії // Археологія. 1993. № 1.
- Тудор Д. Киликийская когорта в малой Скифии и Тавриде (Новые данные в изучении связей западного и северного побережья Черного моря в I–III вв. н.э.) // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960.

- Туровский Е.Я., Филиппенко А.А.* Новое надгробие римского солдата с некрополя Херсонеса Таврического // *Археология*. 1996. № 2.
- Черненко Е.В., Зубарь В.М., Сон Н.А.* Бутероль из Тирь // *СА*. 1989. № 2.
- Aricescu A.* Armata în Dobrogea Romană. București, 1977a.
- Aricescu A.* În legătură in zonele de actiune ale ligiunilor Moesice pe teritoriul Dobrogei // *Pontica*. 1977b. T. X.
- Campbell J.B.* The Emperor and the Roman Army. – 31 B.C. – A.D. 235. Oxford, 1984.
- Fitz J.* Der Besuch des Septimius Severus in Pannonien im Jahre 202 u. Z. // *AAH*. 1959. T. 11. Fasc. 1–4.
- Fitz J.* A military History of Pannonia from the Marcomann War to the Death of Alexander Severus (180–235) // *AAH*. 1962. T. XIV. Fasc. 1–2.
- Oldenstein J.* Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlägen und Zierat und der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limes Gebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chv. // *Bericht der Römische-Germanischen Kommission*. 1977. Bd. 57.
- Sarnowski T.* Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym wybrzeżu morza Czarnego. Warszawa, 1988.
- Sarnowski T., Savelia O.* Das Dolichenum von Balaklava und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim // *Archeologia*. 1998. XLIX.
- Sarnowski T., Zubar V.M.* Römische Besatzungstruppen auf der Südkrim und eine Bauinschrift aus dem Kastell Charax // *ZPE*. 1996. Bd. 112.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

© 2001 г. И. В. Волков*, В. Е. Маслов**, В. Г. Петренко**

* Институт природного и культурного наследия РАН, Москва

** Институт археологии РАН, Москва

В 1998 г. Краснознаменная экспедиция ИА РАН под руководством В.Г. Петренко продолжила исследование памятника раннескифской культуры могильника Новозаведенное-II (Георгиевский район Ставропольского края)¹. В течение полевого сезона был исследован крупнейший курган могильника – № 7, высота которого от основания достигала 8 м. В результате древнего ограбления и многочисленных перекопов его насыпь имела неправильную, асимметричную форму с крутыми северным, западным и восточным склонами и полого понижавшимся к основанию южным. В ходе исследования кургана в самой высокой части насыпи в СЗ секторе на глубине от поверхности 0.4–0.6 м были обнаружены два выпускных погребения – № 1 и 2. Погребение № 3 было открыто в ЮЗ секторе в сильно поврежденной выборками грунта поле насыпи, примерно в 41 м к ЮЗ от погребений 1 и 2.

Погребение 1 (рис. 1, а). Обнаружено на высоте 151–155 см выше нулевой отметки – условного центра кургана. Контуры могильной ямы при зачистке не просматривались. Над человеческими останками в разных местах были встречены фрагменты дерева.

Погребенная – молодая женщина (?)² лежала вытянуто, головой на ЗЮЗ (отклонение к Ю составляло около 8°). Кости грудного отдела располагались с небольшим завалом на левую сторону. Череп лежал на основании, лицевой частью к востоку. Руки погребенной были слегка согнуты в локтях, их кисти, вероятно, были прижаты к крыльям таза. Кости запястья, пальцев, стоп и правой голени не сохранились. Очевидно, они были растащены грызунами.

Близ правой височной кости погребенной была найдена серебряная серьга и костяные предметы (орнаментом вниз) (рис. 2, 1–2).

Проволочная серьга имеет форму знака вопроса с обмоткой стержня под петлей и гладким шариком на конце. Петля сильно деформирована.

Толщина проволоки основы 1.5 мм, толщина стержня вместе с обмоткой (частично утраченной) 2.5–3 мм. Общая сохранившаяся длина 58 мм, длина стержня 35 мм, размеры петли 23 × 17 мм, поперечник шарика 6 мм.

Костяные предметы представляют собой резные пластинки с отверстиями для нашивания. Повреждения не позволяют точно реконструировать их форму.

Пластинка с обломанными концами. Длина 22 мм, толщина около 1.7 мм, ширина основной пластины 3.5–4 мм, диаметр отверстия 2 мм. На лицевой стороне расположены кольца циркульного орнамента диаметром 3.5 мм с шагом 8 мм, рядом с одним из них просверлено отверстие. На боковых сторонах пластины с обеих сторон вырезаны изогнутые парные отростки (они увеличивают ее общую ширину до 12 мм).

У другой пластинки со сходным декором изогнутые отростки обломаны. Сохранившаяся длина – около 25 мм. Ширина одного конца пластины увеличивалась не менее чем до 5 мм. В расширенном участке вырезано круглое отверстие.

Прямые аналогии пластинкам не найдены. Данные пластинки не могли быть использованы в качестве накладок на колчан (такая находка очень маловероятна в женском погребении, где не было обнаружено наконечников стрел). Наиболее вероятное назначение пластинок – украшение бокки или другого головного убора, однако все известные нашивки, использовавшиеся для этой цели, имели другую форму, а остатки бересты также не встречены (Федоров-Давыдов, 1966. С. 37; Ларенок, 1992. С. 171–175. Рис. 12).

На тазовых костях находилось металлическое зеркало, лежавшее гладкой стороной вверх (рис. 3). На поверхности зеркала сохранились участки дерева, под которым обнаружены остатки ткани. Размер одного из ее фрагментов приблизительно 1 × 2 см. Видимых остатков красителя нет. Ткань изготовлена из смешанного волокна: приблизительно 80% хлопка и 20% льна или конопли (определение к.х.н. В.П. Голикова). Плетение ткани полотняное 1:1, плотность заполнения на наибо-

¹ Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда – грант № 98-01-00389.

² Здесь и далее приводятся половозрастные определения с.н.с. ИА РАН к.б.н. М.Б. Медниковой.

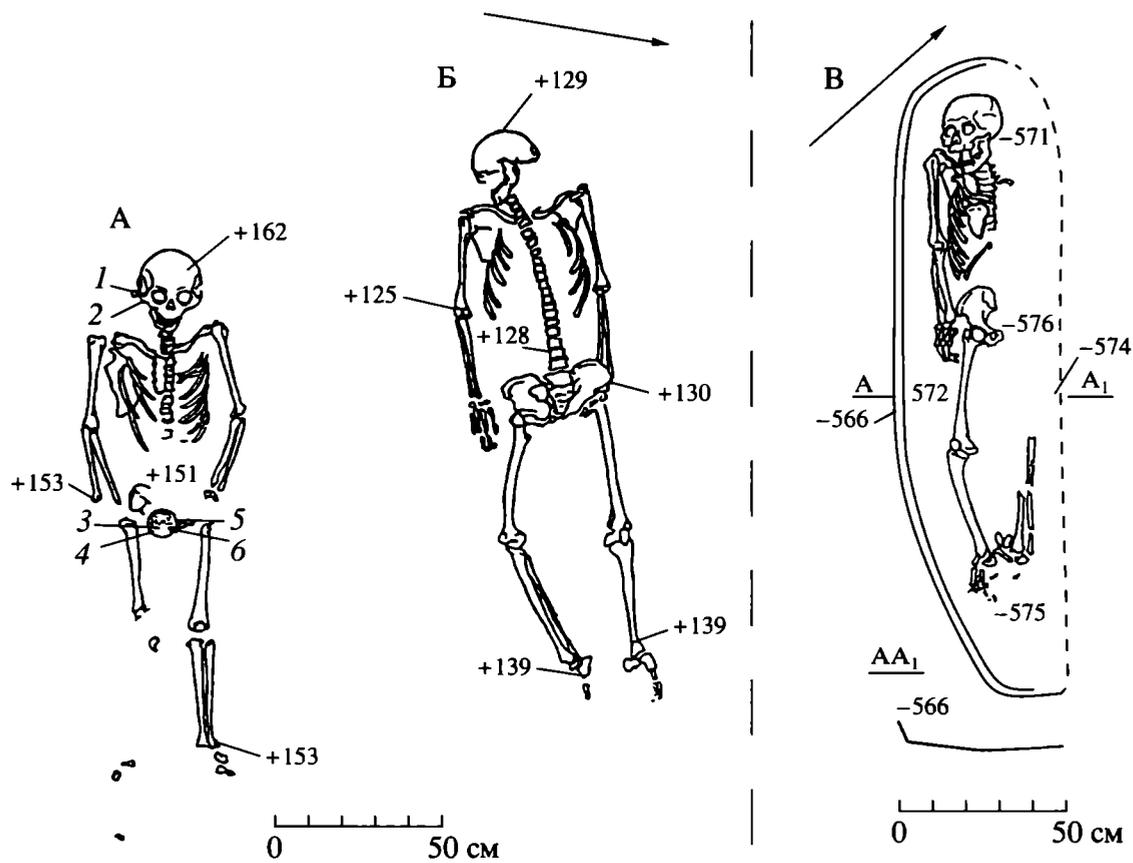

Рис. 1. Курган № 7 могильника Новозаведенное-II: А – погребение № 1: 1 – серьга серебряная; 2 – костяные пластинки; 3 – зеркало; 4 – железные колечки; 5 – деталь зеркала; 6 – костяная трубочка; Б – погребение № 2; В – погребение № 3.

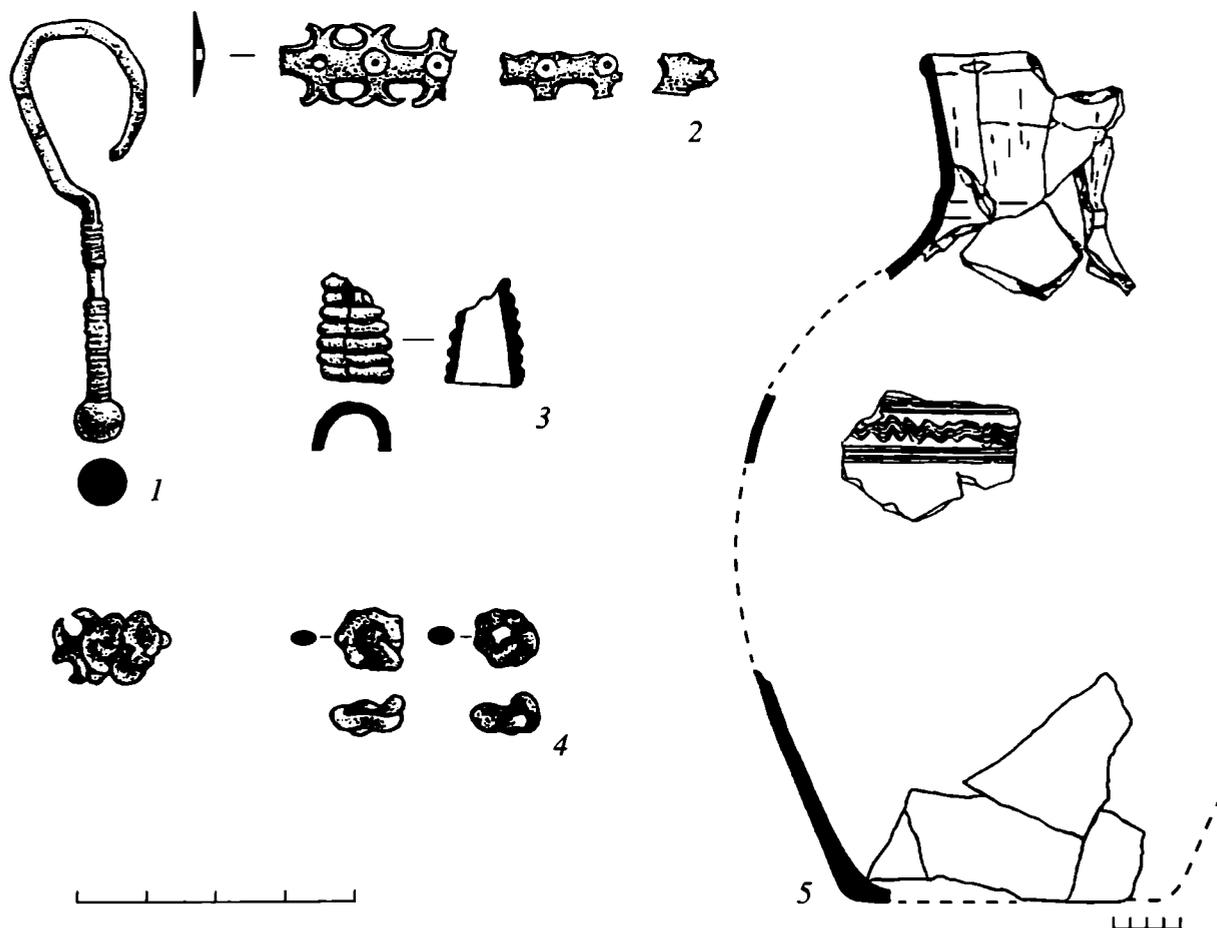

Рис. 2. Находки из погребения № 1: 1 – серебряная серьга; 2 – костяные пластинки; 3 – костяной предмет; 4 – железные колечки; 5 – фрагменты кувшина из жертвенного комплекса.

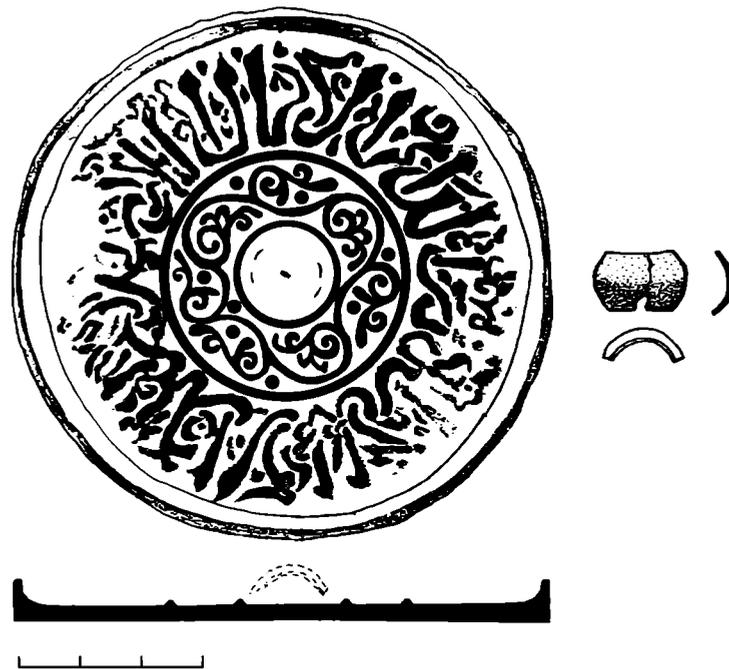

Рис. 3. Зеркало из погребения № 1.

лее сохранившихся участках близка к полной, на краях фрагмента – около 85%. Нити утка и основы имеют Z-кручение первого порядка с шагом 1–2.5 мм. Толщина нитей утка колеблется в пределах 0.2–0.45 мм, основы 0.15–0.45 мм (в среднем – 0.25–0.3 мм). Плотность утка – 17–19 нитей на см, основы – 20–22 нити на см. На участках без видимых механических повреждений расстояние между нитями не более 0.1 мм.

Диаметр диска зеркала – 8.65–8.7 см, высота бортика – 0.4–0.63 см. На оборотной его стороне находится рельефное изображение: в центральной части, выделенной валиками – орнаментальная лоза, а во внешнем кольце – арабская надпись. В центре зеркала, вероятно, была припаяна пластинчатая выступающая петелька, найденная отдельно распавшейся.

Надпись восстанавливается следующим образом:

الْعِزُّ الَّذِي (هُوَ) أَعَزُّ الْأَقْبَالِ لِلْأَمْرَاءِ الْأَعْزَاءِ لِلَّذِي آتَى الْآخِرَةَ

Перевод надписи: “Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных чиновников, (да будет) тебе благодеянием будущей жизни” (Катанов, 1898. С. 664. Рис. 1; Федоров-Давыдов, 1966. С. 83; Полякова, 1996. С. 230).

Под зеркалом были найдены: упомянутая полусферическая чешуйка – фрагмент выступающей центральной части зеркала (?) (рис. 3), несколько спекшихся железных колечек (рис. 2, 4), обломок костяного предмета (рис. 2, 3).

Колечки имеют кольчужное переплетение. Их диаметр 7–8 мм. Они выполнены из проволоки диаметром 1 мм, которая в местах клепки имеет утолщение до 1.2 мм.

Сильно поврежденный предмет в виде усеченного конуса, изготовленный из трубчатой кости (предположительно фаланги мелкого рогатого скота). Наиболее вероятное его назначение –

игольник или обойма для деревянного предмета туалета. Сохранившаяся длина – 16 мм, ширина основания – 11 мм, ширина у места облома – около 8 мм. Внешняя поверхность покрыта валиками, вырезанными без применения токарного станка. Ширина валиков – около 1.5 мм (шаг – около 3 мм), высота рельефа – до 1 мм.

Для датировки погребения могут быть использованы только серьга и зеркало.

Погребение 2 (рис. 1, б). Было расчищено в 0.7–1 м к северу от погребения 1. Могильная яма также не прослеживалась. Скелет мужчины 20–24 лет лежал на спине вытянуто, головой на ЗЮЗ (отклонение к Ю составляло 22°) на 129–139 см выше нулевой отметки условного центра кургана.

На костях погребенного были найдены фрагменты камыша и дерева, под костями – вкрапления черного тлена. Череп погребенного лежал на

боку, лицом к югу. Кисть левой руки была прижата к крылу таза, правой – лежала ладонью вниз. Левая нога была вытянута. Правая – слегка согнута в колене, кости стопы при этом находились в положении “на боку”. Кость левой голени имела следы прижизненной травмы. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 3 (рис. 1, в). Контуры могилы длиной 1,92 м, были прослежены лишь частично: узкая яма со скругленными углами была ориентирована по линии СЗ–ЮВ и немного сужалась к ногам. Левая половина могильной ямы и скелета была, вероятно, повреждена одним из поздних перекопов. На дне могилы на глубине –571 –575 см от 0 был расчищен скелет пожилой женщины, лежащий вытянуто, головой на СЗ. Сохранившаяся не потревоженной правая половина скелета и череп лежали с завалом на правый бок. Кости и череп имели патологические изменения. Инвентарь не был обнаружен.

Поминальный комплекс. В 12 м к югу от погребений 1 и 2 на площади около 4 м² на глубине до –40 см были найдены многочисленные окатанные фрагменты гончарного красноглиняного красноангобированного кувшина, покрытого вертикальным полосчатым лощением (рис. 2, 5). Реконструируемый диаметр его устья – 13,5 см, диаметр основания горла – 9,3 см, дна – 18,5 см, общая высота составляла около 60 см. Удалось собрать часть расширенного кверху горла с выделенным венчиком, следами отбитой ручки и рельефным валиком у основания; сохранились также фрагменты плечиков с прочерченным двойными линиями орнаментом – волнистой линией, обрамленной горизонтальными чертами, и участок дна. Сосуд был сформован с использованием техники спирально-жгутового налета (РФК–3–4 по А.А. Бобринскому) из пористой формовочной массы и относится к основной группе маджарской керамики (Волков, 1992. С. 27, 28. Рис. 1). Такие кувшины были чрезвычайно широко распространены в золотоордынских городах, особенно в Маджаре и Азаке. Принадлежность данного сосуда к инвентарю какого-либо разрушенного погребения практически исключена, так как не известно ни одного случая использования подобных крупных кувшинов в погребениях. Напротив, для городских некрополей Золотой Орды очень характерны ямки в межмогильном пространстве с развалами сосудов (иногда неполными).

Новозаведенские погребения 1 и 2, как это явствует из их расположения, по-видимому, совершены без длительного перерыва. О времени, когда было произведено третье захоронение, можно судить лишь по некоторым деталям погребального обряда. Положение скелетов в погр. 2 и 3 – приблизительно западная ориентировка и поворот лица на кыблу – позволяет полагать, что они

совершены после распространения ислама и Золотой Орде. Об этом же косвенно свидетельствует отсутствие в них инвентаря. Как известно, “царь Озбяк обесерменился” в самом начале своего правления, в 1313 г. (Троицкая летопись, 1848. С. 216; Симеоновская летопись, 1997. С. 132). Женское погр. 1 с вещами нельзя считать домусульманским, языческим. На городских мусульманских могильниках Золотой Орды такие погребения – обычное, хотя и не массовое явление (Федоров-Давыдов, 1966. С. 263). Пережитки язычества в Орде даже в XV в. надежно зафиксированы нарративными источниками (Барбаро Иосафат, 1971. С. 136).

Средневековые степные погребения лишь изредка содержат вещи, имеющие более узкие даты, чем предметы, объединенные Г.А. Федоровым-Давыдовым в четыре хронологические группы. В данном случае инвентарь погребения 1 относится к 4-й группе, куда входят древности второй половины XIII–XIV в. Так, серьга относится к самому массовому типу VI, варианту VI-б (Федоров-Давыдов, 1966. С. 38, 39. Рис. 6). Почти все аналогии этому варианту, приведенные Г.А. Федоровым-Давыдовым, датируются XIV–XV вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 40), за исключением находок из Новгорода и Ижорских курганов. Аналогичные предметы из раскопок золотоордынских степных городов могут быть датированы более точно – в пределах 1330–1395 гг. (с небольшим доверительным интервалом). Однако в отличие от материалов из погребений в городах датировка определяется временем формирования слоя, а не эволюцией самих вещей. Возможность использования металлических предметов для уточнения хронологии, видимо, вообще всегда будет ограничена в силу их более длительного бытования и относительной легкости копирования. В этой связи особый интерес для нас представляет зеркало.

Оно относится к типу С1 по Г.А. Федорову-Давыдову (1966. С. 83. Рис. 13 на с. 79) и к типу В-II-б по классификации Г.Ф. Поляковой (1983. С. 169. Табл. ХС. Рис. 1. Прил. С. 302, 303; 1996. С. 230, 231. Рис. 73, 5). Подробное описание зеркала, идентичного новозаведенскому, сделано Н.Ф. Катановым, но приведенная в публикации качественная реконструкция надписи не позволяет проследить дефекты литья (Катанов, 1898. Рис. 1).

Есть все основания полагать, что новозаведенское зеркало является репликой – отливкой в открытую форму, изготовленную путем оттиска в глине уже готового предмета (при этом использовалась только сторона с надписью). Диаметр диска нашего экземпляра больше чем величины, измеренные Г.Ф. Поляковой, – 7,8–8,5 см, причем ею были учтены 19 аналогий. Это свидетельствует о том, что наше зеркало является ранней репликой, так как при копировании металлических

предметов происходило постепенное уменьшение их размеров за счет усадки глиняного слепка—оттиска при высыхании и самой отливки при охлаждении. Однако вероятность его изготовления в XIII в. очень мала.

В целом отливка выполнена небрежно. Так, колебания высоты бортика новозаведенского зеркала связаны с некачественным изготовлением формы и образованием газовых раковин. Газовые пузыри, препятствовавшие качественной заливке в полость бортика, могли образоваться в результате недостаточного нагрева металла или неполной просушки формы. На внешней поверхности бортика (у границы с плоской стороной) четко прослеживается утолщение, образовавшееся в результате затёка металла поверх краев формы: вертикальные отпечатки формы не доходят до уровня плоской стороны зеркала на 1.5–2 мм. Этот признак также можно объяснить только технологией изготовления данного предмета: даже при полной заливке металла [не выше уровня] в форму было невозможно получить острое ребро по внешнему краю зеркала из-за несмачиваемости расплава. Поэтому мастер допускал наплыв металла за пределы поверхности формы, а затем механически удалял образовавшиеся приливы.

Примечательно, что дефекты воспроизведения надписи и орнамента на нашем экземпляре и экземпляре, опубликованном Г.Ф. Поляковой, во многом совпадают, что позволяет допускать, что обе реплики были отлиты в формах, созданных с использованием одного и того же попорченного экземпляра (если только дефекты на опубликованном ранее зеркале не связаны с утратами за счет коррозии или реставрации). Как бы то ни было, новозаведенскую находку можно считать ранним изделием в пределах типа.

Большая часть подобных болгарских зеркал — это фрагменты, случайные находки, которые не позволяют почти ничего добавить к датировке погребений. Из них удалось просмотреть только один экземпляр (ГИМ, оп. 872, № 38. Инв. 78607, колл. Э.Д. Пельцама) (Полякова, 1983. Прил. С. 303). Это фрагмент с низким (2 мм) бортиком и очень низким рельефом изображения. Он пришелся как раз на тот участок надписи, который содержит дефекты на новозаведенском и болгарском целых экземплярах. Здесь надпись выполнена очень четко, что позволяет говорить о наличии качественных образцов с низким рельефом, которые могли копировать в это же время.

Серия находок зеркал этого типа обнаружена в степной зоне. Одно из них происходит из сборов Л.В. Духовникова на Увекском городище при строительстве железной дороги в 1893 г. (ГЭ, № 30-35, 7273. 21). Три экземпляра происходят с Царевского городища (ГЭ, Сар., 741, 93, 71) (Федоров-Давыдов,

1966. С. 83). Царевские предметы относятся ко времени не ранее последних лет правления Узбека, а наиболее вероятно — к интервалу от прихода к власти Джанибека до периода смут (период наиболее активной жизни на городище). Случайные находки известны на территории Харьковской губернии (Катанов, Анайлов, 1902. С. 5).

Еще одно такое зеркало происходит из западной части г. Ростов-на-Дону, вероятно, из разрушенного погребения (Кузьмин, 2000. С. 274, 275. Рис. 1, 1; упоминание находки — Косяненко, 1992. С. 24), однако качество рисунка в публикации не позволяет делать какие-либо сравнения по дефектам с нашим экземпляром.

Одно подобное зеркало происходит из раскопок В.Г. Тизенгаузена в окрестностях ст. Абинской (г. Абинск Краснодарского края) (Архив ИИМК, 1879. Л. 9 об., 10; ОАК..., 1881. С. XLI–XLII). К сожалению, невозможно установить даже, из какого из трех исследованных здесь курганных могильников происходит эта находка. В архивном деле и публикации отсутствуют какие-либо иллюстрации и подробные паспорта вещей, но известно, что зеркало с арабской надписью располагалось в изголовье покойника (Архив ИИМК, 1879. Л. 13).

Часть коллекции из раскопок трех средневековых курганных могильников была передана в ГИМ (Архив ИИМК, 1869. Л3 об., 4), однако никакой дополнительной информации об обстоятельствах находок здесь также нет (Императорский Российский исторический музей..., 1893. С. 394. № 83). Материалы из этих могильников в целом относятся к XIII–XIV вв., главным образом к XIV в. Рассматриваемое зеркало (ГИМ. Инв. 78607. Оп. 399. № 48) имеет диаметр 83.8–85.2 мм; высота бортика 2–3.3 мм. Рельеф изображения на этом зеркале существенно более низкий, чем на новозаведенском. Основной участок с дефектами надписи в целом повторяет болгарский и новозаведенский образцы, но данный экземпляр — более поздняя реплика.

Еще одно зеркало этого типа было найдено в Ставропольской губернии, у с. Хачинско-Немецкого Ставропольского уезда при раскопках окрестных курганов крестьянами (ГИМ. Инв. 25520. Оп. 554, № 1). Затем оно было передано в Археологическую комиссию (Архив ИИМК, 1891. Л. 1; ОАК..., 1893. С. 128, 184, 185). Диаметр этого экземпляра 82.2–82.9 мм; высота бортика над плоскостью изображения — 2–3 мм. Рельеф очень низкий и сглаженный, внутреннее кольцо и лоза в центральной части почти не видны. Основной участок брака в изображении надписи здесь расширен до 150°, что говорит о том, что это зеркало, вероятно, было изготовлено еще позднее, чем новозаведенская и абинская находки. На этом экземпляре сохранились четкие следы напайки петли в центре оборотной стороны.

Рассмотрение всех аналогий новозаведенскому зеркалу позволяет считать, что оно относится к типу, наиболее распространенному в Волжской Болгарии (отчасти это может быть связано с лучшей исследованностью Болгарского городища). Бытование его на территории Золотой Орды относится ко времени до “великой замятни”, о чем свидетельствуют сходные дефекты изображений. Новозаведенское зеркало относится к ранним репликам с исходных образцов. Во всяком случае оно должно быть старше всех северокавказских аналогий.

Наиболее вероятное время проникновения таких зеркал на Северный Кавказ – правление Узбека, когда ставка хана почти постоянно находилась в этом регионе. Именно здесь принял мученическую смерть Михаил Ярославич Тверской в 1318 г. (Соколов, 1864. С. 91; Симеоновская летопись, 1997. С. 134). Здесь же встретил ханскую орду Ибн Батута (Тизенгаузен, 1884. С. 289). Описание этого автора содержит указания на то, что кроме основной Орды здесь попутно двигались и другие, более мелкие, что было естественным средством для обеспечения кормом всех стад: “Когда этот султан в пути, то он живет отдельно в ставке своей, и при нем только его невольники и сановники его, а каждая из его хатуней находится отдельно в своей ставке...” (Тизенгаузен, 1884. С. 290). Для подписания договора с ханом в 1333 г. венецианцы также отправлялись на Кубань (Diplomatarium..., 1880. Doc. 125, a. 1333. P. 243, 244 – Договор Венеции с ханом Узбеком). Приблизительно этим же периодом (правлением Узбека) следует датировать и золотоордынские погребения из могильника Новозаведенное-II. Однако это полностью не исключает возможности длительного использования найденного здесь зеркала и, следовательно, более поздней даты захоронений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив ИИМК, 1869. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35.
 Архив ИИМК, 1879. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
 Архив ИИМК, 1891. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133.
Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
- Волков И.В.* Новые данные о керамике золотоордынского города Маджара // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Тез. докл. региональной научно-практической конференции. Грозный, 1992.
- Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893.
- Катанов Н.Ф.* Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Обществу археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. 1898. Т. 14. Вып. 6.
- Катанов Н.Ф., Анайлов Д.В.* Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губерний. Харьков, 1902.
- Косьяненко В.М.* Новые поступления XI–XIV вв. в фонды Ростовского областного музея краеведения // Межрегиональная конференция “Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды”. Тез. докладов. Волгоград, 1992.
- Кузьмин В.И.* Позднекочевническое погребение на территории г. Ростов-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000.
- Ларенок В.А.* Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семенкина // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992.
- ОАК за 1878 и 1879 годы. СПб., 1881.
- ОАК за 1891 год. СПб., 1893.
- Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов из Болгар (типологический и историко-культурный анализ). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Симеоновская летопись // Русские летописи. Т. 1. Рязань, 1997.
- Соколов А.* Святой Благоверный Великий князь Михаил Ярославич Тверской. Тверь, 1864.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.
- Троицкая летопись // ПСРЛ. 1848. Т. IV.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.
- Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas graecas atque levantis illustrantia / Ed. Thomas D.M. T.I. Venetiis, 1880.

БЕЛОКАМЕННОЕ НАДГРОБИЕ МИХАИЛА ОЗЕРОВА ИЗ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

© 2001 г. В. А. Буров

Институт археологии РАН, Москва

В фондах Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника (СГИАПМЗ) хранится белокаменное надгробие Михаила Озерова XVI в. (рис. 1). Плита помещена в сколоченный из досок ящик¹. На нее имеется паспорт², в котором отмечается, что надгробная плита находилась на могиле воеводы Михаила Озерова у южной стены Преображенского собора Соловецкого монастыря. Год обнаружения плиты не указан. Однако в паспорт вложена прорись надписи, выполненная М.Ф. Егоровым, и его письмо первому директору Соловецкого музея С.В. Вереш от 14.12.1967 г. Поскольку именно в указанном году был основан музей, то становится ясно, что плита не могла попасть в поле зрения сотрудников музея ранее названной даты. В начале 1970-х годов при директоре Л.В. Лопаткиной плиту перенесли в фонды музея, а на могиле Михаила Озерова поместили гранитную копию с надписью³.

Размеры подлинной белокаменной плиты: длина 1.58 м, ширина западной стороны с надписью 0.60 м, восточной 0.63 м; толщина 0.13–0.14 м. Сохранность надгробия плохая. Плита расколота на три части: отколоты северо-западный и юго-восточный углы, недостает северного края. Центральный фрагмент расслоился по горизонтали. Пострадала и надпись в две строки, размещенная в верхней западной части плиты (рис. 2).

Верхняя сторона обработанная, гладкая, а тыльная – неровная и бугристая. На лицевой стороне имеются выбоины неправильной формы. Орнамент на плите отсутствует. Боковые грани не отшлифованы, они сохранили следы обтески желобчатым долотом в виде узких под наклоном

полосок с насечками (рис. 3). Известняк привозной, так как на Соловецких островах белокаменная порода отсутствует.

Надпись выполнена вязью в две строки. Буквы выбиты контурной канавкой глубиной 5 и шириной 4–5 мм; профиль канавки клиновидный. Надпись читается вся отчетливо, за исключением имени, в котором сбиты две буквы. Мы восстанавливаем имя “Михаиле”. Буква “а” полностью сбита, но видны следы нижних вертикальной и наклонной ножек. Буква “и” отчетлива. От буквы “л” сохранилась вертикальная черта, а закругление

Рис. 1. Белокаменное надгробие 1575 г. Михаила Озерова в фондах Соловецкого музея-заповедника. Общий вид (все фотографии выполнены Ю.Б. Гендлиным).

¹ Плита уложена в дощатый ящик и для лучшей сохранности укрыта сверху рогожей и листом плотной бумаги.

² Паспорт № 539, по которому надгробие значится как “памятник архитектуры”. Паспорт на плиту мне был любезно предоставлен главным хранителем Соловецкого музея-заповедника С.Б. Балан. Пользуясь случаем, выражаю Светлане Борисовне глубокую признательность за возможность ознакомиться с этим паспортом и изучить само надгробие. Приношу также глубокую благодарность фотографу музея Ю.Б. Гендлину, осуществившему фотофиксацию плиты.

³ Надпись на гранитной копии плиты выполнена достаточно грубо. Тем не менее этот муляж обозначает и прикрывает саму могилу.

Рис. 2. Надпись вязью с указанием даты 27 марта 1575 г.

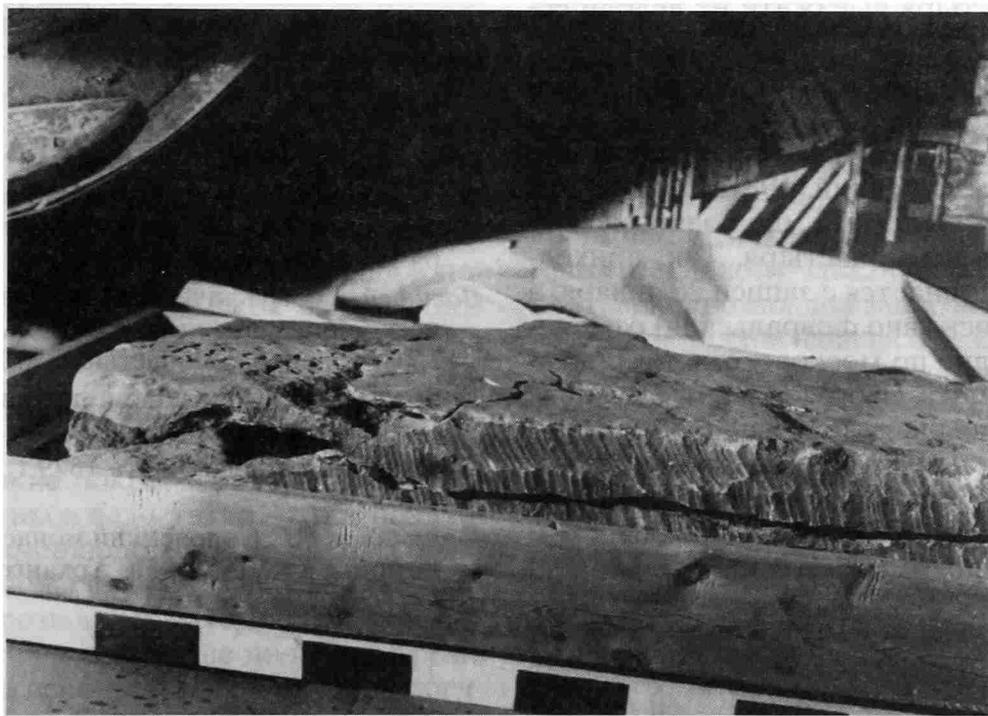

Рис. 3. Боковая грань надгробия Михаила Озерова со следами подтески камня.

слева настолько дефектно, что производит впечатление буквы “о”. Последняя буква “е” различима почти полностью. Надпись читается.

“В лета ЗПГ-го (7083) марта въ КЗ (27) д(е)нь преставися Мих[а]и[л]е Озеровъ”

В настоящее время в устной, прежде всего экскурсионной, традиции Соловецкого музея-заповедника плита трактуется как надгробие воеводы Михаила Озерова, который хорошо известен как один из первых организаторов обороны Соловец-

кого монастыря и защитник Беломорья. Однако дата смерти Михаила Озерова, указанная на плите, 27 марта 1575 г., противоречит известным историческим сведениям об этом деятеле эпохи Ивана Грозного.

Воевода Михаил Озеров впервые упомянут в письме Ивана IV Грозного соловецкому игумену Варламу от 2 августа 1578 г., в котором царь в ответ на полученные сведения о намерении шведов напасть на Поморье написал: “... мы по тем вес-

тем послали в Соловецкой монастырь Михайла Озерова, а с ним четыре человека пушкарей, десять человек стрельцов, да сто ручниц, да пять затинных пищалей, да с Вологды две пищали полоторных да две девятипядных, а к ним по двести ядер да четыре человека пушкарей, а зелья ко всему наряду и к пищалам, и к ручницам сто пятнадцать пуд” (Акты..., 1990. С. 115). Далее царь сообщил, что он дал приказ Михайлу Озерову возвести на Соловках деревянный острог: “А велели Михайлу, приехав на Соловки, сделать острог около Соловецкого монастыря... а сделав острог и башни, велели ему по острогу и по башнем наряд изоставити и людей по острогу, и по башнем, и по воротам росписать”. Московскому воеводе было отдано и другое распоряжение: “А нечто придут немецкие люди к Соловецкому монастырю, и Михайлу велели естя быти в остроге и делом нашим промышляти о всем по нашему наказу, чтоб дал бог Соловецкого монастыря от немецких людей уберечи. А будет мочно, и мы велели Михайлу из острогу на немецких людей приходити и над немецкими людьми промышлять, посмотри по тамошнему делу, а без указу ему из Соловецкого монастыря выезжати не велели емя” (Акты..., 1990. С. 115).

Однако на следующий год, как сообщает Соловецкий летописец конца XVI в., воевода Озеров погиб: “В лето 7087-го... Того же году убили Михаила Озерова” (Корецкий, 1981. С. 239). Эта дата подтверждена записями приходно-расходных книг Соловецкого монастыря. Так, приходная книга 1579 г. начинается с записи 26 января, а уже на л. 6 об. (запись явно февральская) отмечено: “Взято по стрелце по московскомь по Григорье, что с Михаилом убили с Озеровым, 7 рублей” (Приходно-расходная книга 1579 г. Л. 6 об.). Более поздняя по времени и недатированная запись расходной книги 1579 г. сообщает о службе на сороковой день и по Озерове: “Дано по сыне боярском по Михаиле по Володимерове сыне Озерова на

сорокоусть дватцать алтын” (Приходно-расходная книга 1579 г. Л. 78 об.). Последняя запись ценна тем, что она указывает не только отчество, но называет социальный статус воеводы Озерова.

В литературе уже отмечалось, что на начало 1579 г. пришлось военные действия в Кемской волости, которую разорили “каянские немцы” (жители северной Финляндии. – В.Б.) (Досифей, 1836; Фруменков, 1975. С. 19).

Таким образом, московский воевода сын боярский Михаил Владимирович Озеров, присланный в 1578 г. на Соловки царем Иваном Грозным, погиб в самом начале 1579 г. в битве со шведскими захватчиками при обороне Кемской волости. Он и некий Михаил Озеров, умерший в Соловецком монастыре четырьмя годами раньше, 27 марта 1575 г., – разные лица. Однако совпадение фамилий не выглядит случайным. Скорее всего это родственники. Возможно, следует говорить об устойчивой связи московского боярского рода Озеровых с Соловецким монастырем в 70-е годы XVI в.

Что касается самого надгробия, то перед нами – одна из наиболее древних известных надгробных каменных плит Соловецкого монастыря, чрезвычайно редкий и весьма ценный исторический памятник эпохи Ивана Грозного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. I. М., 1836.
- Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. М., 1981.
- Приходно-расходная книга 1579 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 209.
- Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.

ОПЫТ КОНСЕРВАЦИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МЕТАЛЛА

© 2001 г. А. М. Дорфман*, Т. И. Останина**

*Физико-технический институт УрО РАН

**Национальный музей Удмуртской республики

Предметы из металлов составляют большинство в фондовых коллекциях музеев краеведческого, исторического и технического профиля, поэтому предохранение их от коррозионного разрушения является одной из важнейших задач музеев. Особенно актуальна проблема для археологического металла, поскольку поверхность предметов, долгое время находившихся в культурном слое, морской или речной воде, частично или полностью разрушается с образованием продуктов коррозии различного состава (Новакова и др., 1993. С. 82; Никитин, Мельникова, 1990. С. 153, 156, 174). Кроме того, обычно коррозионная корка и ядро таких металлоизделий содержат большое количество хлоридов и сульфатов, активно способствующих дальнейшему разрушению предметов. Поэтому начальными операциями противокоррозионной защиты являются механическая очистка, обработка органическими и неорганическими растворителями. Среди разнообразных способов последующей консервации предметов из металлов наиболее распространены различные органические покрытия (воски, лаки, композиционные материалы, эмали, парафины, смолы) (Никитин, Мельникова, 1990. С. 163, 189; Robinson, 1993. Р. 173). В ряде случаев такие покрытия незаменимы, однако им свойственны и недостатки. Это использование легковоспламеняющихся и токсичных органических соединений, сложность нанесения и удаления противокоррозионных материалов с изделий, имеющих отверстия и открытые полости. Кроме того, большинство используемых покрытий представляют собой лишь физический барьер, препятствующий диффузии коррозионных составляющих атмосферы к поверхности металла. Поэтому они не гарантируют полной сохранности музейных предметов при любом повреждении покрытия, например, при образовании трещин из-за внутренних напряжений в материале покрытия или при резких изменениях температурно-влажностного режима, что часто бывает в музеях, не имеющих кондиционирования.

Начиная с 50–60-х годов XX в. внимание реставраторов и музейных работников стали привлекать ингибиторы (замедлители) коррозии металлов, тормозящие или полностью останавливаю-

щие процесс коррозии металлов в различных коррозивных средах (Герасимова, 1967. С. 112; Vick, 1953. Р. 110). В качестве ингибиторов атмосферной коррозии использовали в основном азотсодержащие соединения, среди которых наиболее эффективным считают бензотриазол (БТА) (Никитин, Мельникова, 1990. С. 154, 164). При этом консервацию металлоизделий обычно осуществляли заворачиванием в бумагу, обработанную ингибитором. Однако бумага как консервационный материал имеет ряд недостатков, таких как малая механическая прочность, сложность заворачивания хрупких предметов, невозможность избежания непосредственного контакта сотрудника музея с ингибитором. В связи с этим в начале 80-х годов нами была поставлена задача разработки нового способа консервации музейных, в том числе и археологических, предметов с помощью ингибиторов атмосферной коррозии. Основными требованиями, предъявляемыми к данному способу, помимо эффективной противокоррозионной защиты предметов из разнородных металлов являлись безопасность музейных работников (как реставраторов, так и научных сотрудников, не имеющих опыта работы с химикатами), простота изготовления и эксплуатации консервационных материалов.

При выборе ингредиентов ингибированного состава предпочтение было отдано нетоксичным или малотоксичным соединениям, достаточно широко применяемым в различных областях народного хозяйства, – ингибиторам коррозии БТА (музеи, фотография) и гидрокарбонату аммония (пищевая промышленность), пленкообразователю поливинилацетатной дисперсии (ПВАД), различным функциональным добавкам: карбонату или гидрокарбонату натрия, оксиэтилированному спирту (синтанол ДС-10), олигомерному этилированному эфиру ортокремниевой кислоты – Этилсиликат-32 (бытовая химия) (Афанасьев, Войтович, 1974. С. 61, 66).

По результатам предварительно проведенных ускоренных и натуральных коррозионных испытаний музейных металлических предметов и образцов металлов современного металлургического производства, законсервированных различными ингибиторами коррозии на натуральных и синте-

Содержание ингредиентов (%) в ингибированных составах

Ингредиент	Для консервации	
	железа и его сплавов	железа, меди, серебра и их сплавов
Поливинилацетатная дисперсия (ПВАД) (пластифицированная)	12.0–13.6	12.0–13.6
Карбонат натрия (или гидрокарбонат натрия)	0.06–0.08	0.06–0.08
Этилсиликат-32	0.15–1.0	0.15–1.0
Синтанол ДС-10	0.15–1.0	0.15–1.0
Бензотриазол	1.5–2.0	1.0–1.5
Гидрокарбонат аммония	–	2.5–3.0
Вода	Основа	Основа

тических полимерных носителях (Дорфман и др., 1986. С. 126), для практического использования был выбран способ, в наибольшей мере удовлетворяющий предъявленным требованиям. Разработанный нами способ заключается в простой укладке музейных предметов в закрывающиеся полимерные или картонные коробки, внутренняя поверхность которых обработана ингибированными пленкообразующими составами (таблица).

Операции изготовления ингибированных коробок, заключающиеся в приготовлении ингибированного состава путем смешения ингредиентов при 15–25°C, нанесении его на внутреннюю поверхность коробок кистью или поливом (расход состава 100–180 г/м² в зависимости от материала коробки) и в последующей сушке в течение 8–15 часов в естественных условиях, выполняют в помещениях с принудительной вентиляцией. После сушки необходимо сложить обе половинки коробки, для предотвращения улетучивания ингибитора. Изготовленные ингибированные коробки в пылевлагозащищенном исполнении дополнительно не упаковывают, а коробки, имеющие щели, желательно завернуть в парафинированную бумагу или поместить в чехол из полиэтиленовой пленки. На наружную поверхность упаковки наклеивают ярлык с указанием ингибитора, даты консервации и сведениями о защищаемом предмете. Далее коробки с уложенными в них предметами размещают в обычных местах хранения – стеллажах, шкафах, ящиках и т.п. По мере необходимости предметы могут быть извлечены из коробок и помещены в них вновь. Таким образом, сотрудники музея изолированы от непосредственного контакта с ингибитором. Важно отметить и то, что только на первых порах изготовления ингибированных коробок потребуются участие реставратора-химика для обучения сотрудников музея определенным навыкам работы.

Поскольку при перемещении законсервированные изделия могут оказывать механическое

воздействие на ингибированное покрытие коробки, представлялось необходимым оценить адгезионные и прочностные свойства этого покрытия по известным методикам (Жарякина, 1988. С. 89, 128, 148). Для испытаний использовали фрагменты ингибированных коробок из пенополистирола (ППС). Исследование эластичности и прочности покрытия, заключающееся в измерении отпечатка, образующегося на покрытии при вдавливании в него индентора, показало следующее. Действие нагрузки 98.1 Н вызывает остаточную деформацию ППС, которая увеличивается по мере возрастания нагрузки. Несмотря на деформацию ППС, целостность ингибированного покрытия сохраняется вплоть до нагрузки 147.2 Н, после которой начинается его разрушение. При этом осыпания покрытия не происходит, что свидетельствует о его высокой эластичности. Поскольку на практике коробки из ППС не испытывают усилий, вызывающих деформацию упаковки, нагрузки на ингибированные покрытия будут значительно меньше тех, при которых покрытие разрушается. Определение адгезии ингибированного слоя к ППС методом решетчатых надрезов выявило, что края надрезов гладкие, покрытие не крошится и не отслаивается. По четырехбалльной шкале адгезию можно оценить высшей оценкой – один балл. Оценкой износостойкости служило количество падающего струей кварцевого песка, необходимое для разрушения покрытия до подложки. Исследования показали, что для ингибированного покрытия на ППС и фосфат-лакового покрытия на стали эти величины соизмеримы (820 и 800 г соответственно), что свидетельствует о высокой степени износостойкости разработанного ингибированного покрытия.

Обладая относительно большой коллекцией предметов из металла, в том числе археологического, сотрудники Национального музея Удмуртской республики начиная с 1984 г. стали активно исследовать возможность внедрения ингибиторов коррозии в хранительской практике. Использо-

лись два типа ингибированных составов – для черных металлов и универсальный (для черных и цветных металлов). Чаще всего картонные или полимерные коробки покрывались универсальным составом, так как большинство предметов из металла поступило в музей из погребальных комплексов, где, как правило, наблюдается многообразие материалов погребального инвентаря. В практической работе в одну коробку укладывались или только предметы из железа, или же из черного и цветных металлов. Предметы из стекла, кости, дерева лежали в необработанных составом (неингибированных) коробках, так как пока еще не ясно, как воздействуют на них ингибиторы. Следует отметить, что в коробках хранились предметы как прошедшие реставрацию (удаление загрязнений, оксидов металлов, покрытие лаками, воском), так и нереставрированные. Национальный музей Удмуртской республики долгое время не обладал необходимой реставрационной базой, в том числе и квалифицированными кадрами, поэтому предметы, прошедшие реставрацию, составляют незначительную часть коллекции. Кроме того, многие археологические находки не подлежат реставрации (обломки железных предметов со следами глубокой ржавчины, медные предметы, потерявшие форму из-за сильного окисления).

Широкое применение ингибиторов для хранения музейных предметов произошло не сразу. После успешно завершившихся ускоренных и натуральных испытаний (Дорфман и др., 1986. С. 126) в 1986–1990 гг. в коробки было уложено около 100 предметов, прошедших реставрацию (подвески, браслеты, пряжки, наконечники стрел, копий, топоры, ножи и т.д.). Первые три года использования ингибиторов при хранении археологического материала дали положительный результат. Предметы сохранили прежнее физическое состояние, в то время как отреставрированные, но не защищенные ингибитором потеряли блеск.

В 1989–1990 гг. музей заказал большую партию коробок (трех типоразмеров) из картона, которые были обработаны обоими типами составов. В эти коробки было разложено более 6000 предметов из черных и цветных металлов из коллекций известных в Прикамье памятников археологии: таких, как могильники Чеганда II (IV в. до н.э. – VII в. н.э.), Мазунинский (III–IV вв.), Азелинский (III–V вв.), Покровский (IV–V вв.), Поломский II (VII–X вв.) и т.д. Не остались без внимания и металлические вещи из поселенческих коллекций (городища Чеганда I, Дондыкар, Иднакар, Весьякар и т.д.).

На данный момент в музее многие предметы хранятся в коробках уже 7–10 лет. При визуальном осмотре современного состояния хранившихся в коробках предметов выявлены заслуживающие внимания факты. Предметы из металла, не прошедшие реставрацию, при хранении в короб-

ках с ингибитором не имеют осыпей или же имеют очень незначительное их количество в силу того, что первоначально нами при раскладке не была удалена пластовая ржавчина. На этих предметах, хранившихся в фондах, не появились свежая ржавчина, соли или оксиды меди. Использование ингибиторов для хранения археологической коллекции музея выявило еще одно их достоинство. Дело в том, что до 1994 г. она хранилась в условиях, не соответствующих музейным требованиям (сырость, теснота). При аварийном протекании крыши в старом здании фондохранилища ряд предметов залило водой, что вызвало появление на них продуктов коррозии. При раскладке в ингибированные коробки уже высушенных предметов коррозионный процесс остановился. Преимущества использования ингибитора особенно ощущаются при сравнении с предметами, оказавшимися без упаковки, где количество продуктов коррозии под влиянием окружающей среды продолжает расти, а предметы при прикосновении дают осыпь. Только благодаря использованию ингибиторов археологическая коллекция была по сути спасена от разрушения.

Многолетние наблюдения показали, что временные нарушения условий хранения предметов в фондохранилище или в экспозиции ведут к активному коррозионному разрушению даже отреставрированных предметов. В практике музея часть отреставрированных предметов VIII–XIII вв., относящихся к полемской и чепецкой культурам, экспонировалась в зале, где относительная влажность воздуха оказалась высокой (90%). Это привело к появлению свежей ржавчины на орудиях труда (наральники, топоры, тесла), предметах вооружения (наконечники копий и стрел, стремена) из железа. После просушки и механической очистки ржавчины они были уложены в ингибированные коробки, в результате чего процесс коррозии был остановлен без дополнительной реставрационной обработки поверхности металла.

Более чем 10-летний срок использования ингибиторов в музейном хранении дает возможность утверждать, что в закрытом пространстве ингибированные составы защищают металлы в течение длительного времени.

Положительно и то, что использование ингибиторов коррозии в закрытых коробках – малозатратное дело и доступно каждому музею. В случае отсутствия возможности изготовить специальные картонные коробки можно использовать для хранения любую чистую подобную тару, даже бывшую в употреблении. Для изготовления состава требуется небольшое количество химикатов, которые можно найти в химлаборатории вуза или научно-исследовательского института. В ингибированные коробки можно поместить зна-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

чительное количество разногабаритных и даже выполненных из разных металлов предметов.

Не все музеи страны обладают необходимым штатом реставраторов, а консервацию предметов проводить необходимо, чтобы как-то сохранить археологические предметы от действия атмосферы. Эту несложную работу по консервации вещей из металла с помощью ингибитора может выполнить хранитель, в том числе в полевых условиях. Таким образом, опыт Национального музея Удмуртской республики выявил очевидные преимущества использования ингибиторов коррозии для хранения археологического металла. В то же время исследовательские работы необходимо продолжить для выяснения длительности действия ингибированных составов с использованием цветной фотофиксации при документировании всех изменений. Актуальным остается вопрос о воздействии ингибированных составов на археологические неметаллические материалы (кость, дерево, кожа и т.д.).

- Афанасьев А.Х., Войтович В.А.* Химия в быту. Горький, 1974.
- Герасимова Н.Г.* О применении ингибиторов атмосферной коррозии для хранения металлических изделий в музее // Сообщения ВЦНИЛКР. 1967. № 19.
- Дорфман А.М., Трутнева Л.К., Михеев В.А.* Применение ингибиторов атмосферной коррозии для защиты археологического металла и музейных предметов из металла // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Устинов, 1986.
- Карякина М.И.* Испытания лакокрасочных материалов и покрытий. М., 1988.
- Никитин М.К., Мельникова Е.П.* Химия в реставрации. Л., 1990.
- Новакова А.А., Гендлер Т.С., Манюрова Н.Д., Турищева Р.А.* Изучение продуктов почвенной коррозии железного образца методом Мёссбауэровской спектроскопии // Вестник МГУ. 1993. Сер. Т. 34. № 3.
- Bick L.* VPI // Museum Journal. 1953. V. 53.
- Robinson J.P.* Two examples of the treatment of ancient silver // 13th Int. Symp. Conserv. and Restor. Cult. Prop. "Curr. Probl. Conserv. Metall Antiq". Tokyo. Okt. 4-6, 1989. Tokyo, 1993.

СОЗДАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОБЪЕМНЫХ ПРЕДМЕТОВ С ПОМОЩЬЮ ПЛАНШЕТНОГО СКАНЕРА

© 2001 г. С. Д. Захаров

Институт археологии РАН, Москва

Стремительная компьютеризация различных областей науки не обошла стороной и археологию. Для многих археологов компьютер стал уже привычным инструментом, с помощью которого решаются самые разнообразные задачи. Не последнее место среди них занимают проблемы, связанные с созданием и обработкой изображений, поскольку для археологии графический способ хранения данных является одним из наиболее привычных и емких. В первую очередь это касается изображений находок, составляющих основную массу графической информации о любом раскопанном объекте. Для перевода их в компьютерную форму обычно используются два способа: либо находки предварительно фотографируются или рисуются, а затем сканируются с помощью планшетного сканера, либо фотографирование производится цифровой камерой, позволяющей сразу вводить изображение предметов в компьютер. Последний способ – более совершенный, но камеры, имеющие высокую разрешающую способность, стоят сегодня достаточно дорого, а доступные по цене модели не обеспечивают необходимого качества изображений.

В то же время планшетные сканеры получили уже весьма широкое распространение. Среди представленных в продаже моделей имеется целый ряд недорогих сканеров, обладающих хорошими техническими характеристиками. Как правило, планшетные сканеры используются лишь для работы с двумерными объектами – фотографиями, рисунками, планами, картами, чертежами и т.д. Вместе с тем шестилетний опыт работы с археологическими коллекциями показывает, что реализованные в планшетных сканерах технологические принципы позволяют с успехом применять их и для непосредственного сканирования самих предметов. Об этом же свидетельствуют примеры подобного использования планшетных сканеров не только в России, но и за рубежом (Houk, Moses, 1998. P. 36–39).

ОБОРУДОВАНИЕ И ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

При сканировании находок использовался цветной планшетный сканер фирмы Hewlett-Packard модели HP ScanJet 4c с оптическим разрешением 600 точек на дюйм (dpi), режимами сканирования от 1 до 24-bit и максимальной зоной охвата 216 × 356 м. Масштабирование сканируемых объектов зависит от выбранного разрешения и при 300 dpi составляет от 4 до 800% реального размера предмета (Hewlett-Packard, 1995a). Контроль установок сканера осуществлялся с помощью программы HP DeskScan II, предоставляющей широкие возможности для манипулирования различными характеристиками изображения, такими, как тип изображения, разрешение, масштаб, яркость, контраст, четкость, соотношение оттенков, цветовая насыщенность и коррекция палитры (Hewlett-Packard, 1995b).

Для дальнейшей обработки полученных изображений может применяться любой графический редактор. Поскольку большая часть современных графических программ обладает примерно одинаковым набором инструментов и возможностей, то выбор конкретного редактора зависит главным образом от опыта работы и пристрастий пользователя.

Большое значение имеет подбор принтера, необходимого при подготовке иллюстраций для печатных изданий. При всем богатстве выбора этих устройств особое внимание привлекают цветные струйные принтеры серии Epson Stylus™ Color фирмы Epson. Высокое разрешение этих принтеров (1440 × 720 dpi) (Seiko Epson Corporation, 1996) позволяет при использовании специальной бумаги получать изображения, практически равные по качеству фотографиям.

Основными преградами на пути применения планшетного сканера для работы с объемными предметами являются сложность размещения крупногабаритных находок в ложе сканера и небольшая глубина резкости сканирующего элемента. Действительно, таким способом невозможно получить изображение целой амфоры, крупного каменного блока или санного полоза. Однако, как показал опыт обработки вещевых коллекций сред-

Статья написана в рамках работы над проектом РГНФ № 96-01-12106 в.

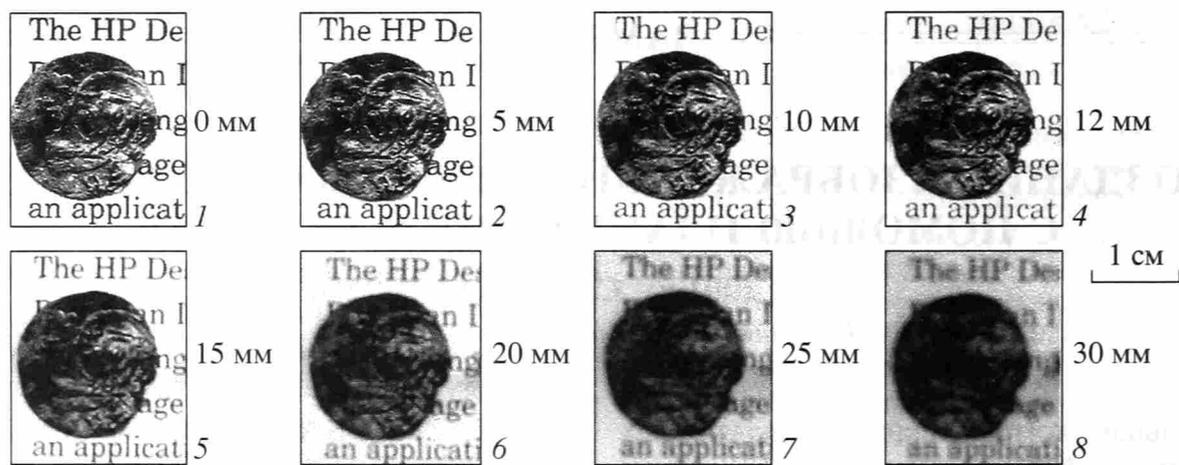

Рис. 1. Зависимость резкости изображения от расстояния.

невековых памятников (городище Белоозеро, поселение и могильник Минино), только две категории находок – жернова от ручных мельниц и целые керамические сосуды – потребовали предварительной графической фиксации. Среди более чем 14000 отсканированных вещей подобных предметов оказалось лишь 11.

Для выявления реальной глубины резкости сканера HP ScanJet 4c был отсканирован при разном удалении от поверхности стекла серебряный денарий, помещенный на фрагмент текста. Сканирование велось с разрешением 300 dpi в режиме черно-белой фотографии (8-bit) при наивысшем (extra-heavy) уровне резкости и масштабе 1 : 1. Изображение не редактировалось. Результаты работы (рис. 1) показывают, что на расстоянии до 12–13 мм изображение остается четким, с ясно различимыми мелкими деталями. На расстоянии 15 мм мелкие детали начинают расплываться, но прослеживаются достаточно отчетливо. На расстоянии 20–25 мм мелкие детали сливаются, изображение заметно темнеет. В 30 мм от поверхности стекла просматриваются лишь общие контуры ставшего слишком темным изображения. Таким образом, приемлемый уровень четкости изображения сохраняется на расстоянии до 15–20 мм. Этой глубины резкости оказалось достаточно для создания качественных изображений подавляющего большинства предметов, поскольку мелкие детали на крупных вещах встречаются редко. Кроме того, значительная часть находок имеет одну или несколько относительно плоских сторон, часто соответствующих принятым проекциям изображения археологических находок.

Как видно из рис. 1, потеря качества изображения происходит не только из-за уменьшения уровня резкости, но и затемнения наиболее удаленных от поверхности стекла частей предмета. Обычно это происходит потому, что большие по объему находки не позволяют полностью опустить крышку сканера, частично отражающую

свет лампы. В результате края изображения не просматриваются, теряясь на темном фоне. Этот недостаток легко устраняется при использовании белого мелкоячеистого поролон, кусок которого необходимо поместить на находку и прижать крышкой. Кроме того, полоски такого поролон, плотно вставленные в коробку с высоким бортиком, оказались очень удобным приспособлением, надежно фиксирующим предмет при создании боковых проекций. Для работы с длинными находками у коробки необходимо удалить дно.

ОСОБЕННОСТИ СКАНИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК И ОБРАБОТКИ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Поскольку археологические находки изготавливались из самых различных по твердости материалов, в первую очередь необходимо защитить от повреждений стекло, закрывающее сканирующий элемент. С этой целью удобно использовать полностью прозрачные пленки (transparents), предназначенные для проекционных аппаратов¹. Лист пленки помещают на стекло сканера, а предметы раскладывают на пленке.

Правильность восприятия изображения любого объемного предмета во многом зависит от направления светового потока. Для адекватной передачи особенностей поверхности необходимо, чтобы свет падал сверху. В сканере HP ScanJet 4c считывание информации происходит при обратном (в сторону задней панели) движении соединенного с лампой сканирующего элемента, поэтому при ориентации предмета на поверхности стекла его верхняя часть должна быть направлена в противоположную сторону (рис. 2). Важно обратить внимание и на выравнивание находок относительно основных осей плоскости стекла,

¹ Необходимо помнить, что не все пленки полностью прозрачны. К полностью прозрачным относятся, например, пленки Photocopy фирмы Schwan Stabilo № 7259/100.

поскольку при корректировке положения предмета в графическом редакторе при малых углах поворота происходит потеря четкости изображения, которую не всегда удается полностью компенсировать.

Разложенные и выровненные находки закрываются крышкой, после чего выбирается режим сканирования. Из числа предусмотренных программой HP DeskScan II моделей сканирования применяются главным образом две – черно-белой и цветной фотографии. В режиме черно-белой фотографии изображение (8-bit) формируется точками различных оттенков серого цвета (256 оттенков). Этот режим используется при сканировании находок, цветовая характеристика которых не имеет большого значения. Черно-белые 8-битные изображения легко обрабатываются в графических редакторах, поскольку для работы с ними доступен весь набор инструментов редактирования.

Цветные изображения, созданные с помощью программы HP DeskScan II в режиме цветной фотографии, могут быть двух типов – 8-битные и 24-битные. Палитра цветных 8-битных изображений состоит из 256 цветов; 24-битных – из 16,7 млн. цветов. 24-битные изображения легко обрабатываются в графических программах, 8-битные имеют ограничения по использованию ряда инструментов, существенно облегчающих и ускоряющих процесс редактирования. Изображения, созданные по 24-битной модели, обладают более высоким качеством цветопередачи, что важно при сканировании многоцветных предметов с тонкими переходами цветов, но они в три раза больше по размеру аналогичных 8-битных. При выборе модели цветного сканирования необходимо учитывать ряд моментов. С одной стороны, область использования цветных изображений ограничивается, главным образом, компьютерной сферой. Качество представления 8- и 24-битных изображений на мониторах среднего класса практически одинаково. Существующие на сегодняшний день принтеры также не позволяют увидеть эту разницу. Сложности с редактированием 8-битных изображений можно преодолеть путем конвертации их в графическом редакторе в 24-битные и, после редактирования, обратно. Качество изображения при этом не теряется². С другой стороны, 24-битные изображения предпочтительны при высококачественной цветной печати, дальнейшее развитие цветных принтеров может сделать их востребованными и в этой сфере. 24-битные изображения легко конвертируются в 8-битные, в то время как конвертация в обратном направлении лишь увеличивает размер файла, не улучшая качества.

² Важно, однако, сохранять стандартную цветовую палитру, что позволяет соединять изображения различных предметов в одном рисунке.

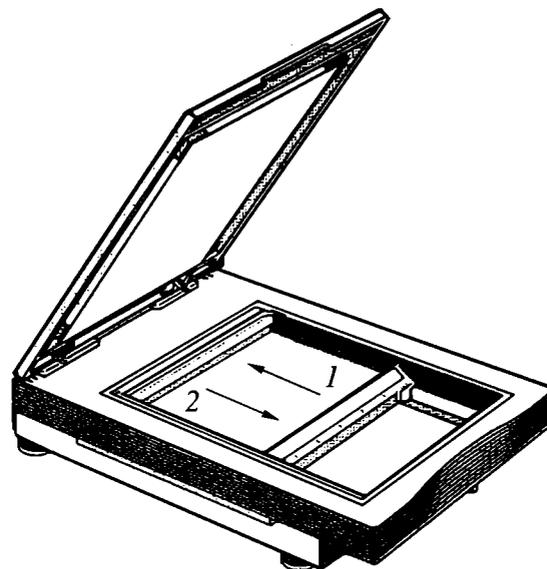

Рис. 2. Расположение находок на покровном стекле сканера. 1 – направление движения сканирующего элемента при считывании изображения; 2 – правильная ориентация предметов (верхней частью по стрелке).

После предварительного сканирования проводится подбор основных характеристик изображения. Уровень резкости (sharpening) необходимо установить в положение extra-heavy, обеспечивающее, как показывает опыт, наилучшее качество. Подбор яркости и контраста лучше вести, основываясь на значениях, предлагаемых функцией автоматической экспозиции (Automatic Exposure), но, судя по результатам сканирования большого количества находок, изображение необходимо осветлять, стараясь добиться белого фона. Для тонкой регулировки удобно использовать опции Highlight и Shadow. Эти операции должны повторяться при работе с каждым предметом, что занимает значительное время. Его можно существенно сократить путем одновременного сканирования близких по оттенку (цвету) вещей. Такой подход позволяет за один рабочий день создавать до 300 изображений предметов.

Перед созданием цветных изображений для более точной цветопередачи необходимо провести калибровку всей собранной технологической цепочки: сканер – графический редактор – монитор – принтер с помощью опций, присутствующих в выбранных программах. При сканировании цветных находок лучше опираться на данные автоматической экспозиции, в минимальной степени используя цветовую корректировку (Hue), а показатели яркости и контраста регулировать с помощью опций Highlight и Shadow. Некоторые затруднения возникают при работе с прозрачными и непрозрачными бесцветными (белыми) предметами и находками голубого и бирюзового цвета. Для более точной передачи цвета этих изделий необходимо пользоваться опцией цветовой насыщенности (saturation), уменьшая ее значение

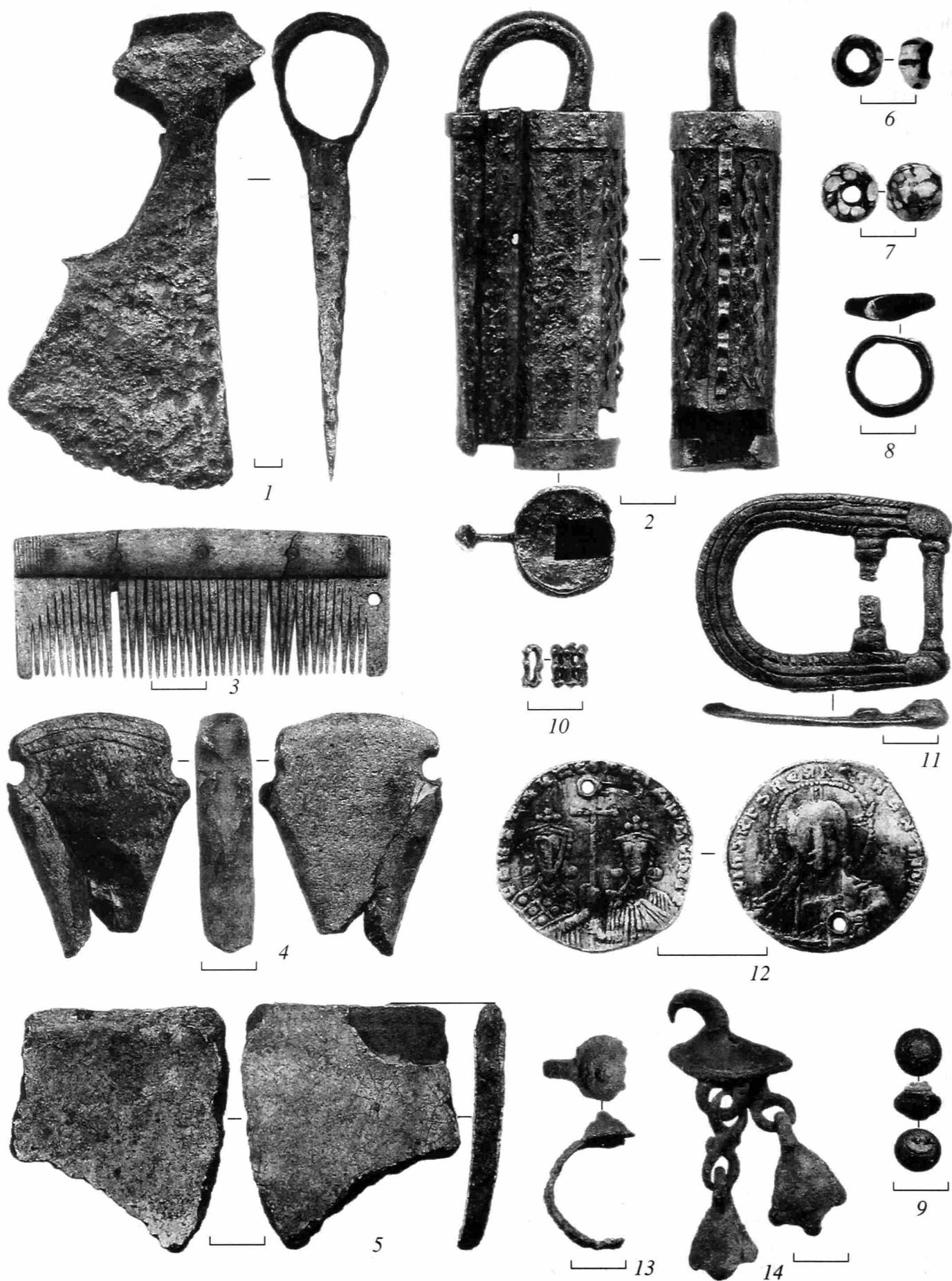

Рис. 3. Примеры изображений находок и их размеры (в К6). 1 – 427; 2 – 596; 3 – 298; 4 – 383; 5 – 520; 6 – 18.5; 7 – 33.6; 8 – 26.4; 9 – 26.5; 10 – 15; 11 – 164; 12 – 317; 13 – 37.8; 14 – 107 (1, 2 – железо; 3, 4 – рог; 5 – поливная керамика; 6–9 – стекло; 10–14 – цветной металл).

для бесцветных находок и увеличивая для бирюзовых и голубых. Существуют сложности и с передачей характера поверхности изделий из полупрозрачных материалов (например, кремня) в черно-белых изображениях. Такие предметы лучше сканировать в цветном 24-битном режиме, а затем конвертировать с помощью графической программы в черно-белые.

Графические файлы, как известно, имеют большие размеры. Их хранение и обработка вызывают определенные трудности, требуя значительных машинных ресурсов. Существенное влияние на размер, помимо режима сканирования, оказывает уровень разрешения. Его увеличение повышает качество изображения, но увеличивает и размеры файла. При двукратном возрастании разрешения размер файла увеличивается в четыре раза. Минимально необходимое разрешение зависит от характера дальнейшего использования изображений. Изображения, предназначенные для печати, требуют большего разрешения, чем созданные для просмотра на мониторе. Поэтому при выборе уровня разрешения изображений, которые могут использоваться по-разному, необходимо ориентироваться на значения, обеспечивающие качественную печать. Как показывает опыт работы с принтером Epson Stylus™ Color 800 для изображений, отсканированных в режиме фотографий, это значение составляет 300 dpi. Дальнейшее увеличение разрешения практически не сказывается на качестве отпечатков, увеличивая лишь размер файла. Изображения, представленные на рис. 3, отсканированы с разрешением 300 dpi.

Существенно уменьшить место, занимаемое файлом на диске, можно с помощью редактирования в графической программе. Все предметы при сканировании отбрасывают тень. При ее удалении (замене на белый фон) размер файла, хранимого на диске, уменьшается, поскольку непрерывные поля одного цвета при любом формате файла практически не занимают места. Например, размер файла с изображением денария на белом заднем фоне (рис. 1, 1), сохраненного в формате РСХ, составляет 44 Кб. Изображение на рис. 1, 5, имеющее серый задний фон, в том же формате занимает 93 Кб.

Выбирая формат файлов для хранения изображений, необходимо иметь в виду, что все форматы записи имеют свои преимущества и недостатки. Основными критериями выбора являются распространенность формата и возможность кон-

вертации в другие форматы без потери качества изображений. Можно порекомендовать формат РСФ, при работе с которым не было отмечено каких-либо затруднений. Этот формат используется для хранения всех изображений, представленных на рис. 3, в подписях к которому указаны размеры соответствующих файлов в килобайтах. Форматы с сильным сжатием (например, JPEG) удобно использовать для обмена данными в электронных сетях. Однако при печати изображений, сохраненных в этом формате, белый фон покрывается рядами редких черных точек, поскольку изображение восстанавливается математически по средним параметрам.

Изображения некоторых вещей из Белоозера и Монино, представленные на рис. 3, позволяют судить о возможностях сканирования археологических находок с помощью планшетного сканера³. Этот метод, несмотря на некоторые ограничения в применении, имеет и ряд существенных преимуществ по сравнению с традиционными способами изготовления иллюстраций. Он значительно дешевле и быстрее фотографирования, при этом качество изображений контролируется непосредственно в процессе их создания. Важным достоинством метода является возможность масштабирования изображения или отдельных его частей. Данный метод позволяет легко создавать и соединять в одной иллюстрации различные проекции предмета. Кроме того, сканированные изображения обладают всеми преимуществами компьютерного файла. Их легко хранить в определенном порядке, многократно воспроизводить в любой форме, сводить в разнообразные таблицы иллюстраций, встраивать в любые тексты, распространять по электронным сетям, использовать в компьютерных программах и базах данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Houk B.A., Moses B.K. Scanning artifacts: using a flatbed scanner to image three-dimensional objects // Society for American Archaeology Bulletin. 1998. V. 16. № 3.
- Hewlett-Packard. Installing the HP ScanJet 4c Scanner, 1995a.
- Hewlett-Packard. HP DeskScan II User's Guide, 1995b.
- Seiko Epson Corporation. Epson Stylus™ Color 800. Руководство пользователя. Nagano, 1996.

³ Качество воспроизводства изображений в журнале зависит в первую очередь от технических возможностей издательства и степени уменьшения предоставленных в редакцию оригиналов.

МУРОМСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ КАМЕННОГО ВЕКА

© 2001 г. А. А. Формозов

Институт археологии РАН, Москва

Научное исследование каменного века началось в России в 1870–1880-х гг. и связано с именами столичных ученых: петербургских естествоиспытателей И.С. Полякова, К.С. Мережковского, А.А. Иностранцева и обосновавшегося с 1864 г. в Москве археолога А.С. Уварова. Дальнейшее развитие этой области знания также проходило прежде всего в столицах. Но свой вклад в этот процесс внесли и представители местной интеллигенции. Статьи и даже книги о каменных орудиях появлялись и в провинции. Собранные краеведами коллекции получали известность как в Петербурге и Москве, так и за рубежом. Древнему Мурому принадлежит здесь почетное место.

Научному исследованию древнейшего прошлого предшествовало собирательство каменных орудий. Кремневые наконечники стрел издавна обращали на себя внимание людей и расценивались сначала как результат удара молнии в землю, как целебное средство, излечивающее от многих болезней, и как оберег. “Громовые стрелы” искали, хранили, продавали. Затем возникло собирание таких предметов уже как раритетов, редкостей наряду со старыми монетами, геммами, минералами. В России сведения о собраниях каменных орудий есть уже для начала XIX века, а в середине его известны коллекции, получившие собственно научный, археологический характер.

Так было и в Муроме. В 1877 г. в “Московских ведомостях” была напечатана статья П.П. Кудрявцева о находках под Муромом. Собиравший материалы для намеченной на 1879 г. Антропологической выставки в Москве профессор А.П. Богданов обратился к автору заметки с просьбой экспонировать его коллекцию на выставке и рассказать о ее происхождении. 5 сентября 1877 г. Кудрявцев сообщил, что в Муроме жил некогда купец Кознов (имя и отчество не названы). Он “не получил никакого образования, но имел хороший природный ум, отличался любознательностью и страстью к собиранию разных редкостей”. Среди них были и каменные орудия, частью купленные у крестьян, частью найденные самим Козновым. Кудрявцев не застал в живых ни Кознова, ни, видимо, его детей, но знал его внуку – жену штабс-капитана Федулова. Она, обследовав с Кудрявцевым на лодке берега Оки, пыталась найти те места, куда нередко ездила ребенком вместе с дедом

на поиски каменных орудий. Выяснилось, что речь идет об окрестностях с. Волосова на р. Велетьме. Тут Кудрявцев сам сделал свои первые сборы (Антропологическая выставка, 1878. С. 399, 400).

Отсюда следует, что экскурсии Кознова совершались как минимум за четверть века до 1877 г. и падают скорее всего на 1850-е гг.

Иначе рассказал о начале собирания каменных орудий в Волосове муромский краевед Ф.Я. Селезнев. По его словам, “крестьянка Андреянова набрала мешок громовых стрел и вынесла продавать их” в Муроме. Там ее задержала полиция, но П.С. Уварова добились ее освобождения. С тех пор Андреянова “не покидала заступа в поисках каменного века”. Потом ей стал помогать в этом ее сын и крестьянин Щетинин, не прекративший этого занятия и в момент написания статьи, в 1925 г. “Кладовище среди волосовцев было распространено в течение многих лет. Муромские и другие скупщики периодически являлись в селение и наряжали везти для продажи “громовые стрелки”. Волосовцы к этому времени запасали “товар” и сбывали их по 5–10 копеек за штуку. Один из местных антиквариетов имел непосредственную связь с волосовскими крестьянами, особенно с сыном Андреяновой, выгребая от них находки для продажи любителям”. В примечании пояснено, что имелся в виду Н.П. Андриин, занимавшийся и фальсификацией древностей (Селезнев, 1925. С. 102).

Рассказ выглядит правдоподобно, но вызывают сомнения два момента. Селезнев утверждает, что впервые со своими находками Андреянова пришла в Муром “лет 50 назад”, т.е. около 1875 г., а выручила ее П.С. Уварова. Между тем Кознов собирал и покупал каменные орудия в Волосове значительно раньше, а Уварова в 1870-х гг. бывала в Муроме еще не как хозяйка Карачарова, а вместе с мужем. А.С. Уваров был тогда в расцвете сил и с увлечением занимался каменным веком. Думается, что рассказ Селезнева характеризует ситуацию не 1870-х, а 1850–1860-х гг. и у истоков антикварного рынка в Муроме Уваровы не стояли.

А.С. Уваров получил в подарок от отца имение Карачарово еще в 1840-х гг. и тогда же завел там железодельный завод. Бывал он в Муроме в связи с этим и в период своих раскопок во Владимирской губернии в 1852–1854 гг. В написанной

на основе раскопок книге о мерянах упоминаются каменные орудия, но только из сборов в Костромской губернии. Видимо, в эти годы Волосово еще не было найдено и собирателей каменных орудий в Муроме не существовало.

Появлялись они позже и был среди них не только Кознов. При организации Антропологической выставки 1879 г. муромский купец Михаил Никифорович Соколов пожертвовал коллекцию из 67 каменных орудий, составленную путем покупок у крестьян, собиравших их на р. Велетьме, т.е. в том же Волосове (Известия..., 1878–1879. С. 65).

Таким образом, собирание каменных орудий в Муроме началось где-то в середине XIX в. Когда в 1877 г. туда приехал Уваров, Волосово было уже известно. Поэтому нельзя писать так, как это встречается в литературе: “Волосовская стоянка была открыта А.С. и П.С. Уваровыми в 1877 г.” (Цветкова, 1957. С. 6). Крестьяне знали волосовские дюны как место находок “громовых” стрел на четверть века раньше, с 1850-х гг. сюда ездили коллекционеры, а определил это место как стоянку первобытного человека П.П. Кудрявцев.

Уваров приехал в Муром летом 1877 г. после долгого перерыва, чтобы проверить сведения о находке костей мамонта у Карачарова, и застал в городе иную картину, чем при предыдущих поездках. С 1850-х до конца 1870-х гг. русское общество прошло большой путь. Культурный уровень провинции в период демократического движения 1860-х гг. резко повысился. В Муроме Уваров познакомился с двумя людьми, заинтересовавшими его исследованиями. Это были землемер по крестьянским делам Н.Г. Добрынкин и судебный следователь П.П. Кудрявцев.

Николаю Гавриловичу Добрынкину (1835–1902) посвящены два биографических очерка (Смирнов, 1910. С. 1–51; Сенчулова, 1993. С. 157–178). Отсылая к ним читателя, остановлюсь только на занятиях краеведа каменным веком. Когда Добрынкин познакомился с Уваровым, сам он каменных орудий еще не собирал. Об этом свидетельствуют его воспоминания: “17 июля имел честь познакомиться с графом Уваровым в Муроме. Я с ним ездил осматривать Козьмо-Дамианскую церковь..., делал осмотр коллекции одного моего знакомого (различные орудия каменного века)..., а вечером я отправился к нему в имение, где в откосе оврага близ его усадьбы рыли с помощью даже графини... остатки допотопного животного” (Сенчулова, 1993. С. 164). Кто был этот знакомый? Можно не сомневаться, что П.П. Кудрявцев, ибо в книге Уварова “Археология России. Каменный период” в дополнениях к перечню всех известных к тому времени находок каменных орудий перечислены каменные изделия только из одной муромской коллекции, принадлежавшей П.П. Кудрявцеву (Уваров, 1881. С. 293, 294).

Из этого не следует, что Добрынкин впервые узнал о каменном веке от Уварова. Во Владимирской губернии он служил с 1859 г., а в Муроме с 1872 г. и о коллекциях каменных орудий уже слышал. По подсказке ли Кудрявцева или по собственному почину он послал в комитет по организации Антропологической выставки сведения о находках каменных орудий во Владимирской губернии (Известия..., 1878–1879. С. 111, 112). В 1877 г. он опубликовал во “Владимирских губернских ведомостях” заметку о своей поездке в Волосово. Он не упомянул ни Кознова, ни Кудрявцева, так что у читателей создавалось впечатление, будто он сам нашел эту стоянку. Во всяком случае он собрал тут 200 древних предметов и отметил следы могил (Добрынкин, 1877. С. 3). А.В. Смирнов упоминает еще об одной заметке Добрынкина на ту же тему в той же газете (Смирнов, 1910. С. 38), но в указанном номере ее нет, как нет и в “Библиографии Владимирской губернии”, составленной тем же Смирновым. Статья названа “Борки (бугры) с предметами каменного века” и отнесена к № 12 “Владимирских губернских ведомостей” за 1875 г. До 1877 г. писать на эти темы Добрынкин явно не мог.

Уваров ввел Добрынкина в состав Московского археологического общества: в 1878 г. он стал его членом-корреспондентом, а в 1901 г. действительным членом (Московское археологическое общество..., 1915. С. 107, 108). Добрынкин участвовал в работах VIII (Московского, 1890) и IX (Виленского, 1893) археологических съездов, а к X (Рижскому) – издал небольшой очерк о разведках по Оке в поисках первобытных стоянок. Он появился сначала в шести номерах “Владимирских губернских ведомостей” за 1896 г., а затем в виде оттиска на 30 с., выпущенного типографией Владимирского губернского правления (Добрынкин, 1896). Разведки относятся еще к 1877 и 1878 гг. По заданию Уварова Добрынкин прошел тогда отрезок от д. Соловьева в 78 верстах от Мурома вверх по Оке до с. Седино в 24 верстах от Мурома. Осматривался высокий левый берег Оки, тогда как неолитические стоянки приурочены в основном к дюнам на низком правом берегу. Опыта полевого археолога у Добрынкина не было и нашел он мало, к тому же преимущественно памятники не каменного века, а более поздних эпох. Описывал он их неумело. Слепо доверялся во всем Уварову, в частности, его ошибочному тезису о том, что в неолите люди рыли искусственные пещеры.

Так или иначе Добрынкин включил каменный век в круг своих разнообразных краеведческих интересов и зафиксировал ряд находок. Начал он и сам коллекционировать каменные орудия, о чем в цитированной выше статье упомянул Ф.Я. Селезнев.

Значительно интереснее фигура Павла Петровича Кудрявцева. К сожалению, знаем мы о нем

меньше, чем о Добрынке. В 1877 г., когда он сообщил о находках в Волосове в “Московских губернских ведомостях” и А.П. Богданову, он был муромским судебным следователем. Богданов предложил ему купить его коллекцию, и Кудрявцев согласился продать ее за 115 рублей, пояснив, что отнюдь не богат. Думается, что тогда Кудрявцев только начинал свою службу, приехав в Муром скорее всего из Москвы по окончании университета. Если это так, он был моложе Добрынки и родился около 1850 г.

Первая коллекция Кудрявцева состояла из 250 предметов, среди них не только каменные орудия, но и фрагменты глиняных сосудов. На выставку она поступила в восьми ящиках и была описана Д.Н. Анучиным (1879. С. 21).

Расставшись со своим первым собранием, Кудрявцев не только не охладил к поискам стоянок первобытного человека, но, напротив, принялся разыскивать их и вне Волосова, на оз. Колодяновом, реках Ушне, Колпи, Илемне, Теше, Велетьме. По каталогу А.С. Уварова в “Археологии России” и отклику самого Кудрявцева на эту книгу мы знаем, что им открыты стоянки Елин бор, Малое Окулово, Ефаново, Слободской бугор, Лягалин бор, Девкин бор. Наиболее важен Елин бор – первая мезолитическая стоянка, выявленная в России. Нашел ее сам Кудрявцев, отметивший, что в сборах нет черепков, как на неолитических стоянках. Письмо, посланное в 1878 г. вместе с коллекцией Д.Н. Анучину, опубликовано (Воеводский, Борисковский, 1937. С. 78).

Сообщения о своих наблюдениях и находки Кудрявцев не раз посылал в подготовительный комитет Антропологической выставки (Известия..., 1878–1879. С. 34, 163; 1880–1882. С. 488–490). Он же способствовал поступлению туда коллекции М.Н. Соколова. Кудрявцев писал, что ездит на разведки весной и собирает древние вещи в размывах берега. При посещении Мурома для знакомства со стоянкой Карачарово столичными учеными В.В. Докучаевым и И.С. Поляковым Кудрявцев возил их в Волосово. Великий почвовед Докучаев благодарил его в печати за “просветительное содействие” (Докучаев, 1949. С. 277).

До какого года прослужил в Муроме Кудрявцев, я не знаю. В “Списке всех служащих по Владимирской губернии” 1891 г. (С. 15) он числится уже во владимирском суде. Согласно “Памятной книжке Владимирской губернии на 1895 год” (С. 751), он жил в губернском городе на Дворянской улице, был членом окружного суда, имел чин статского советника. Более поздние “Памятные книжки” сообщают, что в 1906 г. он стал товарищем председателя суда (С. 132), а в 1909 г. – действительным статским советником (С. 128). В 1910 г. у него собственный дом в Ременниках (С. 198). В “Памятной

книжке” на 1911 г. имени Кудрявцева уже нет. Видимо, он умер в 1910 г.

Дочь Н.Г. Добрынкина, рассказывая о Кудрявцеве после его смерти, писала, что он вел раскопки, делал зарисовки и фотографии, дружил с ее отцом, активно переписывался с А.С. Уваровым. (Сенчурова, 1993. С. 170). Тут не все точно. Судя по всему, настоящих раскопок Кудрявцев не производил, а собирал древние вещи на поверхности и изредка делал небольшие зачистки. Взаимоотношения с Добрынкиным были, видимо, неплохие, но элемент соперничества при обследованиях Волосова чувствуется. Еще в большей степени это касается Уварова. В 1878 г. Кудрявцев писал, что после посещения Мурома Уваровым цена каменных орудий повысилась. Раньше они шли по 25 копеек за штуку, а теперь служащие Уварова дают по рублю (Кудрявцев, 1883. С. 220). В архиве Уваровых лишь четыре письма Кудрявцева, все 1881 г. (ГИМ ОПИ. Ф. 17. Ед. хр. 341. Л. 439–444; Ед. хр. 658. Л. 10). Показательно, что в отличие от Добрынкина он не стал членом Московского археологического общества и не участвовал в созданных А.С. Уваровым и курировавшихся после его смерти П.С. Уваровой археологических съездах. Публиковал свои сообщения Кудрявцев в трудах Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и переписывался чаще не с Уваровым, а с ведущими деятелями этого общества А.П. Богдановым и Д.Н. Анучиным.

В 1883 г. в “Трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей” вышел отклик Кудрявцева на книгу Уварова “Археология России. Каменный период”. Кудрявцев отмечал, что Уваров неверно передал полученные от него сведения о стоянках на Оке, внеся ненужную путаницу в литературу (Кудрявцев, 1883. С. 220–233). В этом же издании напечатан достаточно критический разбор той же книги, принадлежащий В.В. Докучаеву. Можно не сомневаться, что именно Докучаев помог Кудрявцеву опубликовать его реплику.

Как видим, Добрынкин и Кудрявцев при изучении каменного века в окрестностях Мурома избрали разные линии поведения. Провинциальная интеллигенция была не однородна. Выделялись яркие индивидуальности.

Последнее сообщение Кудрявцева о каменном веке на Оке увидело свет на французском языке в 1893 г. в трудах, изданных к состоявшемуся в Москве Международному конгрессу по археологии и доисторической антропологии (Koudriavtsev, 1893. P. 233–262). Организовал конгресс А.П. Богданов. Он же, безусловно, подбирал и докладчиков. В это время Кудрявцев уже перебрался во Владимир. По сравнению с публикациями 1877–1883 гг. новых данных здесь нет. Зато имеется серия рисунков. Неясно, продолжал ли Кудрявцев собирать каменные

орудия и разыскивать неолитические стоянки после своего отъезда из Муром. Думается, перестал. Кудрявцева-археолога в 1893–1910 гг. мы не знаем. Должно быть, увлечение археологией было связано у него только с годами молодости. Он состоял членом Владимирской ученой архивной комиссии, но активно там себя не проявил.

Трудно сказать, когда Кудрявцев решил как-то суммировать свои изыскания в виде “Альбома рисунков из коллекции каменного века, собранной в долине реки Оки, главным образом у деревни Волосовой Муромского уезда П.П. Кудрявцевым”. В 1988 г. этот альбом поступил из Советского фонда культуры в Государственный исторический музей, где и хранится под шифром 78537 4/в 5874. В альбоме 137 таблиц с рисунками тушью. Выполнены они в манере рисунков каменных орудий в книге Д. Леббока “Доисторические времена” (М., 1876). Кудрявцев различал стрелы, скребки, шилья, ядрища, ножи, пилы, топоры, долота, т.е. в какой-то мере разбирался в морфологии изделий из камня. Около рисунков значки, указывающие, какие вещи найдены самим Кудрявцевым, а какие перешли к нему от Кознова или были переданы А.С. Уварову. Одной звездочкой помечены вещи, собранные на поверхности, двумя – извлеченные из земли. Помимо каменных орудий изображены черепки сосудов с орнаментом и костяные изделия. Всего в альбоме изображено несколько сотен древних предметов. Часть из них хранится в том же Историческом музее, часть в музеях Владимира и Нижнего Новгорода, а часть утрачена. Альбом заслуживает специального изучения.

Подведя итог деятельности П.П. Кудрявцева в области археологии, мы можем сказать, что по сравнению с коллекционером древностей Козновым и краеведом Добрынкиным он сделал большой шаг вперед, став в 1870-х гг. на уровень археологов-профессионалов. Ценность работ Кудрявцева видится в следующих моментах.

1. Он собирал не только кремневые орудия, но и черепки древних сосудов и костные остатки. Д.Н. Анучин писал в 1886 г., что кости, собранные Кудрявцевым, хранятся в Обществе естествоиспытателей при Петербургском университете и, по определению И.С. Полякова, принадлежат кунице, лосю, лисе, бобру, кабану, водяной крысе, медведю, волку, барсуку, зайцу, первобытному быку, северному оленю, птицам и рыбам. Сам Д.Н. Анучин описал скелет собаки, обнаруженный Кудрявцевым в 1884 г. Собака была захоронена в специальной яме (Анучин, 1886. С. 3–5).

2. Кудрявцев точно привязывал находки к определенным местностям. Тем самым речь шла уже не об отдельных находках, а о стоянках первобытного человека, об археологических комплексах.

3. Он делал рисунки и опубликовал часть из них.

4. Среди его находок были первая мезолитическая стоянка Елин бор на Оке и ряд интересных произведений первобытного искусства. Это не менее 15 фигурок людей и животных из кремня и две костяные поделки с головами водоплавающих птиц на концах, все из Волосова. Поскольку эти предметы демонстрировались на Международном конгрессе в Москве в 1893 г., а зарисовки их были изданы в статье на французском языке, они получили широкую известность за границей, вошли в зарубежные сводки (Замятнин, 1948. С. 95).

Отмечу кстати, что Ф.Я. Селезнев в цитированной статье напрасно сомневался в подлинности костяной скульптуры из Волосова, подозревая, что это дело рук антиквара Ф.П. Андрина, введшего в заблуждение Кудрявцева. Совершенно аналогичные поделки найдены при раскопках стоянок волосовского типа на Тростянском озере в Подмосковье при раскопках В.В. Сидорова.

Последнее десятилетие XIX в. и первое десятилетие XX в. почти ничего не дали для пополнения наших знаний о каменном веке в окрестностях Муром. Добрынкин умер, Кудрявцев уехал. Случайные находки несомненно кто-то делал. По словам Ф.Я. Селезнева, коллекции каменных орудий были у художника Ивана Семеновича Куликова (1875–1941) и некоего А.Ф. Жадина (может быть, Владимира Ивановича (1896–1974) – гидробиолога?), но какого-либо научного анализа этих материалов они не производили.

Положение изменилось в первые послереволюционные годы. В 1918 г. в Муроме В.И. Жадиным был создан музей. Он сделал очень много для сохранения памятников культуры, оказавшихся под угрозой уничтожения в период закрытия церквей и монастырей, разгрома дворянских усадеб. Сюда, в частности, поступили книги и художественные собрания из имения Уваровых Карачарово. С середины 1920-х гг., когда НЭП несколько улучшила экономическое положение страны, музей приступил к археологическим исследованиям.

Возглавил эту работу Федор Яковлевич Селезнев (1879–1940) – типичный русский самородок. Родился в крестьянской семье. Занимался самообразованием. Экстерном сдал экзамены на звание учителя. Писал стихи. Рукописный сборник “Оды и стихи поэта Ф.Я. Селезнева” (1895) хранится во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике. В 1928 г. во Владимире он выпустил книжку стихов и басен “Дела и люди как на блюде”. Известна его еще дореволюционная брошюра “Нижегородский самоучка Иван Кулибин”, напечатанная в 1914 г. в серии “Вестник нижегородских учащихся”.

В своих статьях 1920-х гг. Селезнев называет себя учеником Городцова и пишет о своих археологических разведках 1911–1912 гг. В.А. Городцов приезжал в Муром по приглашению П.С. Уваровой в

1910 г., исследовал Подболотьевский финский могильник, но интересовался всеми археологическими памятниками в окрестностях города, начиная с Волосова (Городцов, 1914. С. 40–216). Вероятно, Селезнев именно тогда и познакомился с Городцовым, хотя не исключено, что это произошло и раньше – в 1907 г., когда Городцов вел раскопки под Нижним Новгородом, а Селезнев был преподавателем естествознания в ремесленном училище этого города. В отделе письменных источников ГИМ хранится пять писем Ф.Я. Селезнева В.А. Городцову 1915–1927 гг. (Ф. 431. Ед. хр. 432. Л. 49–58). В одном из них Селезнев говорит, что Городцов знает его полевые исследования с 1915 г.

В 1917 г. Селезнев перебрался в Муром (он был уроженцем с. Борисоглебского Муромского уезда), читал лекции, сотрудничал в районной газете “Луч”, был членом Муромского общества по изучению местного края. В 1924–1926 гг. заведовал Муромским музеем, а в 1926–1930 гг. был директором Владимирского губернского музея.

В этот период он исследовал Пятницкий, Максимовский, Корниловский, Ефановский и Пермиловский финские могильники и серию неолитических стоянок. Последним посвящены две его статьи (Селезнев, 1925. С. 1–24; 1928. С. 19–51). Здесь описаны выявленные при разведках 1911–1926 гг. стоянки Панфилово (впоследствии, в 1924 г., широко исследованная Городцовым), Борок, Шалаев бугор, Каметово, Ефаново, Бобровое озеро, Ошмино, Малое Окулово, Кутарино на реках Ушне, Илемне, Кутре, Черемне, Муромке.

К описанию стоянок приложены рисунки и чертежи. Влияние Городцова чувствуется весьма сильно. От него Селезнев научился находить неолитические землянки, но, вслед за своим наставником, копал их не широкими площадями, а траншеями. Как известно, вопрос об очертаниях землянок волосовской культуры остается спорным. У Городцова и Селезнева они описаны как круглые в плане, у Е.И. Горюновой и О.Н. Бадера как квадратные. Несовершенство методики раскопок было тому причиной. Знакомства с новейшими достижениями в исследовании неолита, связанными со школой Б.С. Жукова, у Селезнева не заметно. Так или иначе, то, что в Муроме появился местный археолог, умеющий находить, раскапывать и описывать стоянки первобытного человека, было очень важно.

К сожалению, начинания Селезнева не получили развития. В 1930 г. он переехал в Москву, где был сотрудником Оружейной палаты, руководил Музеем раскрепощения женщин (был такой в Новодевичьем монастыре!), а после его закрытия служил в Историческом музее.

Сведения о жизни Селезнева любезно сообщил мне знаток истории Мурома В.И. Богатов.

Они несомненно точны, но отражают лишь внешний ход событий. Складывается впечатление, что жизнь Селезнева шла по восходящей: из Мурома – во Владимир, из Владимира – в Москву. Между тем 1930 год для развития нашего краеведения – роковой. Именно тогда были репрессированы многие краеведы, закрыт ряд музеев, а в других произведена перестройка отнюдь не в лучшую сторону: памятники старины выкидывали, все заменялось агитпропом.

Выходец из народа Селезнев был в этот период предпочтительней, чем музейные работники из старой интеллигенции. Недаром его перевели из районного Мурома в губернский Владимир, недаром во Владимирском музее он создавал антирелигиозный отдел, а потом уже в Москве ведал Музеем раскрепощения женщин. Но изучение древностей Мурома ли, Владимира ли считалось на грани 1920–1930-х гг. делом не просто ненужным, но даже вредным. Среди обвиненных в “великодержавном шовинизме” и чуть ли не во вредительстве были тогда и владимирские краеведы А.И. Иванов и И.В. Богатов (Экземплярский, 1931. С. 38–40). Таких поношений Селезнев избежал, но его успешно начатая археологическая деятельность навсегда прервалась.

Об этих печальных событиях в истории нашего краеведения не надо забывать. В 1985 г. во владимирской газете “Призыв” появилась статья об А.И. Иванове. Автор статьи видит его основную заслугу перед наукой в издании книги “Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905–1906 гг.” (Владимир, 1923), входившей в библиотеку В.И. Ленина. Сказано, что Иванов умер в 1938 г. (Овчинников, 1985). На самом деле он прожил долгую и трудную жизнь и умер в 1976 г. Упомянутая книга была для него отнюдь не самой важной. Он изучал памятники древнерусской архитектуры, вел раскопки. Но все это было расценено как “мракобесие”. Иванову пришлось покинуть Владимир. В конце жизни он стал профессором богословия Ленинградской духовной академии (Бронский, 1977. С. 25, 26).

Реальную историю отечественного краеведения еще предстоит написать. Это касается и истории муромского краеведения. Необходимо поднять архивы, местную периодику. Надо бы собрать больше сведений о Кознове и П.П. Кудрявцеве.

Хотелось бы, чтобы традиции исследования памятников каменного века под Муромом возродились. После Селезнева эта традиция прервалась. На стоянки приезжали археологи из Москвы О.Н. Бадер, Е.И. Горюнова, И.К. Цветкова. Они немало сделали. Но нужны не краткие посещения памятников, а повседневный надзор за ними. Это должны осуществить местные силы. Будем надеяться, что такие исследователи каменного века по-

явятся и среди сотрудников Муромского музея и среди краеведов города и района.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антропологическая выставка. Т. I // Известия Общества любителей естествознания и антропологии при Московском университете. 1878. Т. XXVII.
- Анучин Д.Н. Антропологическая выставка 1879 г. Описание предметов выставки. I. Отдел доисторический. М., 1879.
- Анучин Д.Н. К древнейшей истории домашних животных в России // Труды VI АС. Т. I. Одесса, 1886.
- Бронский В. Профессор Алексей Иванович Иванов // Журнал Московской патриархии. 1977. № 11.
- Воеводский М.В., Борисковский П.И. Стоянка Елин бор // СА. 1937. Т. III.
- Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома // Древности. 1914. Т. XXIV.
- Добрынкин Н.Г. Новые находки орудий каменного века близ Мурома // Владимирские губ. ведомости, часть неофиц. 16 сентября 1877 г. № 37.
- Добрынкин Н.Г. Следы пребывания доисторического человека в пределах Муромского уезда Владимирской губернии // Владимирские губ. ведомости, часть неофиц. 3 и 10 мая, 21 и 28 июня, 5 и 12 июля 1896 г. № 18, 19, 25, 26, 27, 28.
- Докучаев В.В. Соч. в 10 томах. Т. I. М., 1949.
- Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Т. X.
- Известия Общества любителей естествознания и антропологии при Московском университете. 1878–1879. Т. XXXI.
- Известия Общества любителей естествознания и антропологии при Московском университете. 1880–1882. Т. XXXV. Вып. I.
- Кудрявцев П.П. К материалам о доисторическом человеке каменного века р. Оки // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1883. Т. XIV. Вып. 1.
- Московское археологическое общество за первые 50 лет его существования. Т. 2. М., 1915.
- Овчинников Г. Изучал родную старину // Призыв. 1 октября 1985 г. Владимир, 1985.
- Селезнев Ф.Я. Археологические обследования окрестностей Мурома // Материалы по изучению Муромского края. Вып. I. Муром, 1925.
- Селезнев Ф.Я. Приокские древние поселения // Труды Владимирского музея. 1928. Вып. 3.
- Сенчура Т.В. Муромский краевед Н.Г. Добрынкин // Первый Муромский сборник. Муром, 1993.
- Смирнов А.В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. Вып. 2. Владимир, 1910.
- Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т. II. М., 1881.
- Цветкова И.К. Волосовский клад. М., 1957.
- Экземплярский П.И. Увязка истории с современностью по-владимирски // Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново-Вознесенск, 1931.
- Koudriavtsev P. Les vestige de Homme de l'âge de la pierre près du village Volosovo, districte et gouv. Vladimir // Congres international d'archéologie et d'anthropologie préhistorique. 11 sessiona. Moscou. Т. II. Moscon, 1893.

ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН В 1999–2000 гг.

Научно-исследовательская работа Института археологии РАН охватывает все важнейшие проблемы археологии и древней истории, вопросы методики исследований и деятельность, связанную с учетом и сохранением археологического наследия народов Российской Федерации. Сотрудниками Института ежегодно завершаются работы как обобщающего характера, так и посвященные публикации нового материала и учету памятников. Среди работ, завершенных в 1999–2000 годах, особого упоминания заслуживает фундаментальный коллективный труд “Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье”, входящий в серию “Археология СССР” в 20 томах. Вышедший том – семнадцатый. Результаты многолетних исследований обобщены в монографии В.В. Седова “Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование”.

Нельзя не отметить два выпуска “Археологической карты России” и два сборника “Археологические открытия 1997 г.” и “Археологические открытия 1998 г.”, содержащих краткие отчеты об археологических исследованиях на территории России, и ряд других монографий и сборников. Эти работы содержат ценнейшую информацию, без которой невозможно успешно решать многие проблемы отечественной и мировой истории.

Однако с публикацией завершенных работ периодически бывают проблемы, так как Институт археологии РАН не имеет собственной издательской базы. Авторы трудов вынуждены для публикации обращаться в различные фонды или к спонсорам и печатать работы в типографиях других организаций.

Ниже приводится перечень монографий и сборников, опубликованных сотрудниками Института археологии РАН за период с 01.01.1999 по 15.10.2000 г.

1. Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Брыкина Г.А. М.: Наука, 1999. 378 с. Тир. 1450 экз.

2. Комаров К.И. Археологическая карта России. Костромская область. М.: Восточная литература, 1999. 368 с. Тир. 500 экз.

3. Археологическая карта России. Тульская область. Ч. I / Отв. ред. Краснов Ю.А. М.: Пандора I, 1999. 300 с. Тир. 300 экз.

4. Археологические открытия 1997 года / Отв. ред. Седов В.В., Лопатин Н.В. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 372 с. Тир. 1000 экз.

5. Археологические открытия 1998 года / Отв. ред. Седов В.В., Лопатин Н.В. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 408 с. Тир. 1000 экз.

6. Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий / Отв. ред. Кашкин А.В. М., 2000. 248 с. Тир. 500 экз.

7. История и культура древних и средневековых славян. Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 5 / Отв. ред. Седов В.В. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 408 с. Тир. 1000 экз.

8. Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000. 244 с. Тир. 500 экз.

9. Башилов В.А. Неолитическая революция в центральных Андах. М., 1999. 206 с. Тир. 500 экз.

10. Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2000. 574 с. Тир. 1500 экз.

11. Беляев Л.А. (переводчик). Краутхаймер Р. Три христианские столицы. Топография и политика. М.; СПб.: Алетейя, 2000. 188 с. Тир. 2000 экз.

12. Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черношвилов П.Ю. Загадки древней Руси. М.: Вече, 2000. 510 с. Тир. 1000 экз.

13. Гей А.Н. Новотиторская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с. Тир. 500 экз.

14. Гришин Ю.С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. М.: Старый сад, 2000. 128 с. Тир. 250 экз.

15. Гуляев В.И. В стране первых цивилизаций. М., 1999. 200 с. Тир. 500 экз.

16. Дэвлет Е.Г. Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки. М.: Научный мир, 2000. 246 с. Тир. 510 экз.

17. Дубровин Г.Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. (Ч. 1–2). М., 2000. 440 с. Тир. 150 экз.

18. Ершова Г. Фрай Диего де Ланда. Древние майя: Уйти, чтобы вернуться. М.: НИЦ Ладомир, 2000. 566 с. Тир. 2000 экз.

19. Зимина М.П. Древнейшие могильники Валдайского Приозерья IV–III тыс. до н.э. Кончанский могильник. М.: Экстрапринт, 1999. 263 с. Тир. 500 экз.

20. Зимина М.П. Древнейшие могильники Валдайского Приозерья. IV–III тыс. до н.э. III. Могильник Репище. М., 2000. 229 с. Тир. 500 экз.

21. Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М.: Наука, 1999. 154 с. Тир. 400 экз.

22. Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: Пушино, 2000. 362 с. Тир. 500 экз.
23. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. М.: Наука, 1999. 160 с. Тир. 420 экз.
24. Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Судьба Парфенона. М.: Языки русской культуры, 2000. 344 с. Тир. 1000 экз.
25. Малашев В.Ю. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. Вопросы хронологии. М.: ПолиМЕдиа, 2000. 48 с. Тир. 500 экз.
26. Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси по памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М.: Наука, 2000. 290 с. Тир. 1000 экз.
27. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Мост культуры, 2000. 239 с. 124 ил. Тир. 1000 экз.
28. Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 316 с. Тир. 1000 экз.
29. Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 144 с.
30. Флёрв В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: Обряд обезвреживания погребенных. М.: ПолиМЕдиа, 2000. 162 с. Тир. 500 экз.
31. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000. 95 с.
32. Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. М.: Восточная литература, 1999. 326 с. Тир. 500 экз.
33. Gaibov A., Koshelenko G., Tosi M. The archaeological map of the Murghab Delta preliminary reports 1990–95. Is Iao-Roma, 1998. 300 p.
34. Археология России в XX веке: Итоги и перспективы. Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН и 80-летию Института археологии / Отв. ред. Гуляев В.И. М., 1999. 104 с. Тир. 300 экз.
35. Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара / Отв. ред. Седов В.В. Псков, 2000. 246 с. Тир. 1000 экз.
36. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. 232 с. Тир. 350 экз.
37. Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред. Ольховский В.С. М.: ГЕОС, 2000. 342 с. Тир. 500 экз.
38. Валентин Васильевич Седов. Библиографический указатель / Отв. ред. Чернецов А.В., вступительная статья Макарова Н.А. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 64 с.
39. Восточные славяне. Антропология и этническая история / Отв. ред. Алексеева Т.И. М.: Научный мир, 1999. 336 с. Тир. 500 экз.
40. Древности Боспора 2. Сборник статей / Отв. ред. Масленников А.А., Завойкин А.А. М., 1999. 400 с. Тир. 300 экз.
41. Древности Боспора 3. Сборник статей / Отв. ред. Масленников А.А., Завойкин А.А. М., 2000. 366 с. тир. 300 экз.
42. Древности Северного Кавказа / Отв. ред. Марковин В.И. М., 1999. 214 с. Тир. 500 экз.
43. Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 3 / Отв. ред. Седов В.В. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 38 с. Тир. 2000 экз.
44. Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Башилов В.А. М., 1999. 342 с. Тир. 750 экз.
45. Историко-археологический альманах. Вып. 5. / Отв. ред. Мунчаев Р.М. Армавир; М., 1999. 144 с.
46. Культура славян и Русь / Редколлегия: Кукушкин Ю.С., Князевская Т.Б., Макарова Т.И. М.: Наука, 1998. 540 с. Тир. 1000 экз.
47. Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова. М., 1999. 144 с. Тир. 500 экз.
48. Нумизматика и эпиграфика. Сборник научных трудов, посвященный памяти Д.Б. Шелова. М.: Прогресс Традиции, 1999. 300 с. Тир. 1000 экз.
49. Остров Вайгач. Кн. 1 и 2 / Отв. ред. Боярский П.В., Столяров С.П. М., 2000. 372 с. Тир. 300 экз.
50. Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. Гуляев В.И., Каменецкий И.С., Ольховский В.С. М.: Восточная литература, 1999. 242 с. Тир. 750 экз.
51. Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. М.; Магнитогорск, 1999. 406 с. Тир. 1000 экз.
52. Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. В честь 65-летия профессора Г.А. Кошеленко. М.; Магнитогорск, 2000. 396 с. Тир. 1000 экз.
53. Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IX. В честь 60-летия профессора В.Ф. Романова. М.; Магнитогорск, 2000. 446 с. Тир. 1000 экз.
54. Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. Казань, 1999. 108 с. Тир. 200 экз.
55. Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. Гуляев В.И., Ольховский В.С. М., 2000. 318 с. Тир. 500 экз.
56. Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова / Отв. ред. Яблонский Л.Т. М., 1999. 146 с. Тир. 400 экз.
57. VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М., 1999. 130 с. Тир. 200 экз.

Н. В. Рындина. ДРЕВНЕЙШЕЕ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

М.: Эдиториал УРСС, 1998. 227 с.

С последней третью минувшего столетия связаны важные достижения в области археометаллургии. Этапными стали работы Е.Н. Черных 60-х – 70-х годов, нашедшие наиболее полное отражение в широко известной монографии о древней металлургии Болгарии (Черных, 1978). Важные в геохимическом аспекте, эти исследования показали также, что древний металл является надежным источником для значимых исторических выводов и обобщений.

Исследования Е.Н. Черных, также как и его предшественников, базировались на анализе химического состава металла Юго-Восточной Европы (энеолит и эпоха бронзы). Фактически не изученной оставалась технология производства древних металлических изделий этого региона, что объективно снижало их информативную ценность. Этот пробел в значительной степени ликвидирован с выходом в свет рецензируемой монографии.

О перспективности и потенциале металлографических исследований древних предметов из меди и бронзы, начатых в лаборатории кафедры археологии МГУ, можно было судить уже в начале 70-х годов, после публикации первой книги Н.В. Рындиной, посвященной изучению металла трипольской культуры (Рындина, 1971). Недавно вышедшая монография отражает существенный прогресс в этой области: резкое увеличение объема археологического материала и исследованных образцов, совершенствование методики, наличие новых идей и более широких обобщений.

Методической базой работы является комплексный подход к источнику. В основу положен металлографический анализ, проясняющий технологию обработки конкретного изделия из металлургической или самородной меди: плавка, литье,ковка, сварка, отжиг и др. Предварительное визуальное изучение поверхностных дефектов также помогает определить детали технологии их производства. Учтены автором и данные химического состава древнего металла.

Технология изготовления и состав металла изученных образцов коррелируют с их формой и типом. Таким образом, в работе использованы все методы анализа древнего металла: морфологический, технологический и химико-металлургический. Очень важными представляются экспе-

риментальные работы, выполненные автором в содружестве со специалистами металлургами и металловедом (И.Г. Равич и др.). Их результатом явилось создание эталонных образцов меди со стандартными структурами, характерными для определенных технологических схем древней металлообработки. Изученный материал статистически обработан, количественные характеристики, воплощенные в графиках и таблицах, сопровождают и подкрепляют выводы автора. Многочисленные иллюстрации, карты и обширный список цитированной литературы дополняют безукоризненный научный аппарат монографии Н.В. Рындиной.

Анализ раннего металла Юго-Восточной Европы автор предваряет кратким очерком эволюции металлургии Древнего Востока (глава 3), благодаря чему исследование обрело историческую глубину. Вполне удачной оказалась попытка уточнить и выверить археологическим металлом давнюю схему Г. Коглена, наметившего ряд технологических этапов в развитии древнейшего металлургического производства.

На наш взгляд, нуждается в корректировке определенная недооценка автором уровня развития металлургии Южного Леванта. Рамки рецензии препятствуют детальному обсуждению проблемы. Сошлемся лишь на результаты исследований в Араве и долине Тимна (юг Израиля), показывающие, что начало разработки местных месторождений меди и выплавки металла относятся к V тыс. до н.э., т.е. к эпохе неолита (здесь и далее мы опираемся, как и Н.В. Рындина, на некалиброванные радиоуглеродные даты). Итоги многолетних работ международной экспедиции в этом районе неоднократно публиковались и суммированы в недавней статье Б. Ротенберга (Rothenberg, 1999. P. 68, 89). Что же касается знаменитого энеолитического клада из пещеры Нахал Мишмар (Bar-Adon, 1980), то он отнюдь не является совокупностью разновременных металлических предметов, многие из которых датируются, по мнению Н.В. Рындиной (С. 25), временем не ранее середины III тыс. до н.э. Радиоуглеродная дата цинковки, в которую был завернут клад, указывает на середину IV тыс. до н.э.; близкая дата получена и для аналогичной цинковки из соседней пещеры (Segal, Sami, 1996. P. 93). Серединой и второй половиной

IV тыс. до н.э. датируются десятки энеолитических памятников Израиля (см., например: Joffe, Dessel, 1995. P. 507–518), причем на некоторых из них были найдены металлические штандарты, напершия и булавы, аналогичные тем, что входят в состав клада Нахал Мишмар.

Древняя металлургия Леванта, загадочная во многих аспектах, еще ждет своего исследователя, но ее высокий уровень (даже в сравнении с металлургией Юго-Восточной Европы IV тыс. до н.э.) очевиден.

Приступая к анализу двух последующих глав (4 и 5), посвященных общим проблемам древней металлургии Юго-Восточной Европы периода неолита и энеолита, мы должны отметить колоссальную, хотя и незаметную для читателя работу Н.В. Рындиной по сбору и изучению источников. Сведения о древнейших медных изделиях разбросаны в сотнях публикаций на разных языках, одни и те же культуры в разных странах названы и интерпретированы по-разному. В книге дана сжатая характеристика всех металлоносных культур, вариантов и культурных групп, так что она является и своеобразным справочником по нео/энеолитической Юго-Восточной Европе.

Ранний и средний неолит (V тыс. до н.э.) справедливо рассматривается автором как период накопления эмпирического опыта древними металлургами. Очень важны попытки связать первые металлические предметы (все они картографированы) с конкретными источниками сырья, в основном – в Карпатском бассейне и Среднем Подунавье.

Культуры первой трети IV тыс. до н.э. демонстрируют многократное увеличение количества металлических изделий. Тщательный анализ всех имеющихся данных (число находок на памятниках, близость последних к месторождениям медных руд, наличие на поселениях следов обработки металла) и их картографирование позволили автору выделить три производственных региона: среднедунайский, тисский и фракийско-нижнедунайский. Технологический анализ привел исследователя к неоспоримому выводу о совершенстве форм фракийской металлургии и высочайшем профессиональном уровне мастеров (С. 41–44). Все технологические инновации этого периода Н.В. Рындина склонна объяснять появлением во фракийско-нижнедунайском регионе мастеров-ремесленников из Малой Азии, где (судя по булаве из Джан Хассана и топорам из Мерсина XVI–XVII) уже в V тыс. до н.э. были достигнуты значительные успехи в литейном деле (первая модель). Для двух других регионов предполагается вторая модель: наличие местных металлургов-универсалов, связанных с общиной и работающих сезонно, в перерывах между сельскохозяйственными циклами.

Идеи автора новы и плодотворны, хотя все еще остаются предметом дискуссии. Так, убедительно обосновав высокий уровень металлургии

у носителей таких культур, как Марица, Караново V, Винча B2-C1, Ленджел и др., Н.В. Рындина все же относит их к позднему неолиту, а не к энеолиту, мотивируя это преобладанием украшений из металла и отсутствием тяжелых медных орудий труда среди производственного инвентаря (С. 32). По нашему мнению, начало энеолита в том или ином регионе ознаменовано появлением значительного количества медных изделий устойчивых форм. Серийное производство таких предметов (в первую очередь – украшений, так как с медными украшениями не могли конкурировать аналогичные изделия из иных материалов) означает, что металл уже стал неотъемлемой принадлежностью быта древних земледельцев (Збенович, 1989. С. 187, 188). Исследователи древнего металла Болгарии также относят упомянутые выше культуры не к неолиту, а к ранним фазам энеолита (халколита) (Pernicka et al., 1997. P. 44, 50).

Что же касается организации металлургического производства, то более реальной нам представляется вторая модель, предложенная Н.В. Рындиной. Сильный малоазийский импульс нуждается в веских доказательствах, так как не исключено, что упоминавшиеся орудия из Мерсина (слои XVI–XVII) и Джан Хассана относятся к периоду ранней бронзы; энеолитический же металл Малой Азии (преимущественно мелкие украшения) беден и немногочислен в сравнении с фракийским металлом (Авилова, Черных, 1989. С. 38, 71. Рис. 1).

Собственно энеолитические материалы автор рассматривает в системе, выделенной Е.Н. Черных, Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП) – совокупности очагов металлургии и металлообработки, в ряде случаев привязанных к конкретной сырьевой базе. Более 3700 металлических предметов из западного и восточного ареалов БКМП, классифицированных Н.В. Рындиной по видам и типам, стали надежной основой для более детальной дифференциации БКМП во времени и пространстве. Типологический анализ изделий, подкрепленный статистическими выкладками и картографированием, убедительно свидетельствует о двух фазах в развитии БКМП и о существовании шести производственных регионов в ее рамках (С. 62–68). Объем и ассортимент выпускаемой продукции были разными на каждой фазе и в каждом регионе. Хорошо аргументировано заключение о том, что на первой фазе (3800/3700–3400/3300 гг. до н.э.) основной объем продукции давал фракийско-нижнедунайский регион, тогда как на второй фазе (3400/3300–2850/2750 гг. до н.э.) лидировал тисско-трансильванский регион.

Весьма интересны результаты подсчета степени родства металла разных регионов по геохимическому признаку, проведенного Н.В. Рындиной по данным спектральных анализов, опубликованных З. Юнгхансом, Е. Зангмайстером и Е.Н. Чер-

ных (С. 71–74). Близкий по химизму металл различных регионов и археологических культур, входящих в БКМП, указывает на наличие связей разной интенсивности между подчас весьма отдаленными культурами. Заметим, что в ряде случаев эти связи можно подтвердить и другими материалами (кремневые изделия, керамические импорты и подражания им).

В небольшом заключительном разделе этой главы описан очень интересный эксперимент с участием автора по моделированию плавки смешанных оксидно-сульфидных руд в древности (С. 77). Одноэтапная плавка дала медь, идентичную гумельницкой по характеру сульфидных примесей, но однозначный ответ на вопрос о том, была ли плавка в древности одноступенчатой или двухступенчатой, получен не был. С аналогичными проблемами часто приходится сталкиваться исследователям древней металлургии в разных регионах. Так, в металле периода энеолита в Южном Леванте обычно содержится до 3% серы. Следует предположить, что местные металлурги и здесь применяли плавку смешанных оксидно-сульфидных минералов.

Наибольшее внимание автор уделяет металлообработке во фракийско-нижнедунайском регионе в период энеолита (глава 6). Отсюда происходит около 900 изделий, в том числе большое количество тяжелых орудий: тесла-долота, топоры-молотки и др. 271 предмет был подвергнут металлографическому анализу, и полученная информация о приемах обработки металла древними мастерами сжата автором в 11 технологических схемах (табл. 23). Технологическая схема становится важнейшим индикатором, позволяющим судить об уровне и специфике металлообработки в разных очагах производства, связанных с синхронными культурами Гумельница и Варна.

Из многих достижений автора, отраженных в этой важной главе, хочется упомянуть убедительную реконструкцию литейных форм (при отсутствии находок таковых), а также кузнечного инструментария древних мастеров. Новизной отмечен вывод Н.В. Рындиной о широком применении форм из графита, обладающего хорошими огнеупорными качествами, что, по мнению автора, привело к “металлургическому буму” в энеолите Болгарии. При несомненном сходстве металла Гумельницы и Варны автор видит и различия, подтвержденные статистически (С. 117–121). Очень интересен вывод Н.В. Рындиной о более высоком уровне гумельницкой металлообработки.

Небольшая группа исследованных металлических изделий так называемого переходного периода (прежде всего – топоров-тесел типов Ариушт и Ясладань) позволила Н.В. Рындиной сделать важный вывод об утрате производственных традиций Варны и Гумельницы в конце энеолита и о заимствовании технологического опыта металлургов Среднего Подунавья.

Основные заключения автора относительно металлообработки эпохи энеолита на территории Болгарии (наличие гумельницкого металлургического, варненского металлообрабатывающего и, предположительно, врачанского металлообрабатывающего очагов) не вызывают сомнения. Что же касается социально-экономической и организационной оценки этого производства (существование индивидуально-семейных и кланово-производственных объединений мастеров, их компактное проживание в отдельных поселках и т.д.) (С. 124), то она может быть принята лишь как рабочая гипотеза, нуждающаяся в надежном археологическом фундаменте: следах мастерских, производственных участков, ремесленных кварталов.

Переходя к восточному ареалу БКМП, автор прежде всего рассматривает металл трипольской культуры, привлекая и опубликованные материалы родственной культуры Кукутени (гл. 7).

Металл раннетрипольского очага, хронологически связанный, по мнению Н.В. Рындиной, с двумя последними ступенями (5 и 6) Триполья А (Черныш 1982. С. 186–189) и Триполья В I, демонстрирует определенное типологическое сходство с изделиями западных очагов БКМП. Однако его технологические схемы заметно отличаются от схем гумельницких и варненских, будучи в основном кузнечными.

Автор подчеркивает высокий профессионализм местных кузнецов (в частности, в области сварки) и считает, что он явился результатом длительных технических поисков (С. 133).

Соглашаясь с большинством выводов автора, мы тем не менее не можем однозначно считать корни и традиции раннетрипольского металлургического очага сугубо местными. Ранний металл Триполья, предшествующий Карбунскому кладу, немногочислен, беден и не свидетельствует об интенсивных поисках и важных находках местных мастеров. Возможно, этот вопрос прояснится после технологического изучения близких по времени изделий из Среднего Подунавья и Трансильвании.

Что же касается среднетрипольского очага (Триполье В I–В II, В II, С I и Кукутени А–В и В), то он, как убедительно показала Н.В. Рындина, заметно отличается от раннетрипольского. Исчезают некоторые старые технологические схемы, в инвентаре преобладают орудия труда, представленные значительным количеством крупных топоров-тесел типов Ариушт, Ясладань, Тыргу-Окна. Не вызывает сомнения предполагаемый автором мощный импульс из тисско-трансильванского региона БКМП, выразившийся не только в увеличении экспорта готовой продукции, но и переселении на восток профессионалов-ремесленников.

Воздействие это ощущается гораздо сильнее, чем во фракийском регионе на второй фазе

БКМП. Возникают также первые контакты с металлургическими очагами Центральной Европы.

Частное замечание: литейная форма с Кирилловских высот в Киеве, неоднократно упоминаемая автором при характеристике среднетрипольского очага, найдена в неясных стратиграфических условиях на многослойном поселении и, вполне вероятно, относится к среднеднепровской культуре эпохи ранней бронзы (Круц, 1977. С. 135).

Глава 8 рецензируемой монографии посвящена анализу металла восточной периферии БКМП. Металлообработка наиболее отдаленного средневожского района, представленного хвалынской культурой, отражает, по заключению автора, начальную, кузнечную стадию местного производства, стимулированного импульсами из западного ареала (сырье и готовая продукция). Сравнение морфологии и технологических схем позволило Н.В. Рындиной сделать заключение о влиянии варненского и раннетрипольского очагов металлообработки с доминантой последнего.

Металл новоданиловских памятников (погребения и клады в широкой степной полосе Причерноморья и Приазовья) отмечен влиянием варненского очага. Автор предлагает следующие конкретные проявления этого влияния: импорты, присутствие в новоданиловской среде профессионалов – выходцев из варненского очага, стимулировавших развитие местной металлообработки, местное изготовление металлических изделий по варненским образцам. В гораздо меньшей степени ощущается связь с раннетрипольским очагом.

Видимо, сильное воздействие варненской технологии на металл из новоданиловских памятников в значительной степени объясняется тем, что люди, оставившие эти памятники, проникали далеко на запад, входя в непосредственный контакт с населением Балкано-Карпатского региона. Так, в известном погребении с охрой в Река Девня (Мирчев, 1961. С. 117–125) наряду с золотыми бусами и медными изделиями были найдены кремневые пластины и треугольные наконечники дротиков с двусторонней обработкой, типичные для новоданиловских памятников. Н.В. Рындина, ссылаясь на датировки болгарских археологов, рассматривает металл этого погребения в рамках переходного периода (С. 109). Мы склонны датировать этот памятник (как и все новоданиловские памятники) более ранним отрезком времени, соответствующим Триполью В I (Збенович, 1987. С. 109–119).

Наконец, исследованные автором металлические изделия постмариупольских памятников Нижнего Поднепровья убедительно свидетельствуют о том, что местный очаг металлообработки возник в результате заимствования идей и навыков работы с медью у мастеров среднетрипольского очага БКМП. Однако материальное воплощение этих

традиций выглядит как неумелое подражание опытным мастерам.

Две рассмотренные выше главы вносят значительный вклад в понимание взаимоотношений между разными группами населения эпохи энеолита, практически не прослеживаемых на других археологических материалах. В частности, очень интересной выглядит реконструируемая Н.В. Рындиной триада: варненский учитель-профессионал – новоданиловский мастер-ученик – хвалынский мастер-подражатель. Хорошо показано значение Триполья как культуры-посредника, связывающей в эпоху энеолита разделенные большими пространствами районы Юго-Восточной Европы.

Последняя глава книги и краткое заключение, свободные от технологических штудий, в концентрированном виде представляют итоги исследования с акцентом на периодизацию, организацию и историческую значимость металлообработки древней Юго-Восточной Европы.

С отдельными положениями этих разделов, как и всей работы, можно полемизировать или соглашаться отчасти, но в целом они точно отражают характер книги, являющейся прекрасным синтезом технологического и исторического анализа. Нельзя не отметить логику, объективность, завидную эрудицию автора и принципиальную новизну многих ее выводов.

Монография Н.В. Рындиной – серьезное достижение школы металлографических исследований, созданной автором и ее учениками. Она свидетельствует о том, что лаборатория структурного анализа кафедры археологии Московского университета входит в число наиболее авторитетных лабораторий мира, работающих в этой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Л.И., Черных Е.Н. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989.
- Збенович В.Г. Место трипольской культуры в энеолите Причерноморья // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.
- Збенович В.Г. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев, 1989.
- Круц В.А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. Киев, 1977.
- Мирчев М. Три погребения от энеолитната эпоха // ИВАД. 1961. 12.
- Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.
- Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
- Черныш Е.К. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. М., 1982.
- Bar-Adon P. The Cave of the Treasure. Jerusalem, 1980.

- Joffe A.H., Dessel J.P.* Redefining Chronology and Terminology for the Chalcolithic of the Southern Levant // *Current Anthropology*. 1995. V. 36.
- Pernicka E., Begemann F., Schmitt-Strecker S., Todorova H., Kuleff I.* Prehistoric Copper in Bulgaria // *Eurasia Antiqua*. 1997. 3.
- Rothenberg B.* Archaeo-metallurgical Researches in the Southern Arabah 1959–1990. Part 1: Late Pottery Neolithic to Early Bronze IV // *Palestine Exploration Quarterly*. 1999. 131.
- Segal D., Carmi I.* Rehovot Radiocarbon Date List V // *'Atiqot*. 1996. 29.

Управление Древностей Израиля, Иерусалим
Геологическая Служба Израиля, Иерусалим

*В.Г. Збенович,
И.Д. Сегал*

**Дударев С. Л. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
С КОЧЕВНИКАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ПРЕДСКИФСКУЮ ЭПОХУ
(IX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VII в. ДО н.э.). Армавир, 1999, 400 с.**

Монография С.Л. Дударева представляет собой публикацию его докторской диссертации, успешно защищенной в Москве (Институт востоковедения РАН) в 1999 г. Эта работа посвящена проблеме, которая в последнее десятилетие стала одной из самых дискуссионных в отечественной археологии и древней истории: проблеме предскифских культур юга Восточной Европы, этнической идентификации их носителей и соотношения с ними известных из письменных источников киммерийцев и ранних скифов. Для своего исследования автор избрал один из наименее исследованных аспектов проблемы – отношения степняков предскифской эпохи с населением Северного Кавказа.

Проведенное автором исследование базируется на широком круге источников. С.Л. Дударев впервые собрал и проанализировал все опубликованные археологические материалы, связанные с пребыванием степных кочевников предскифской эпохи на Северном Кавказе и их отношениями с местным населением. Впервые проведен подробный анализ погребального обряда всех северокавказских памятников, содержащих элементы черноголовского и новочеркасского культурного круга. На основании этого анализа С.Л. Дударев выделяет его элементы, являющиеся новациями для местного населения и появившиеся здесь в результате его контактов с носителями степных культур, а также выделяет районы, в которых контакты со степняками были особенно интенсивными. Кроме погребального обряда автор подробно рассматривает предметы степного происхождения (прямые импорты или заимствования), обнаруженные в северокавказских памятниках предскифского времени. Столь полная сводка вещей также дается впервые. При этом автор, основываясь на существующих системах типологии материала, предлагает их существенные модификации (например, для предметов конской упряжи), а в некоторых случаях разрабатывает собственную систему типологии (например, для биметаллических кинжалов и мечей). Все категории вещей картографированы, что позволяет сделать важные выводы относительно контактов степняков с северокавказским населением. Чрезвычайно важное значение имеют и сформулированные С.Л. Дударе-

вым выводы о происхождении отдельных категорий находок, в частности, убедительно реконструированная им сложная картина генезиса биметаллических кинжалов с крестовидными перекрестиями.

Основываясь на проведенном им анализе археологического материала, С.Л. Дударев делает ряд важных выводов исторического характера. Особенно важное значение имеет убедительно обоснованная им трактовка Новочеркасского комплекса как особой межэтнической субкультуры, воинской верхушки протомеотских, кобанских и степных племен, который сложился в результате сложного синтеза кобанских, закавказских и степных компонентов. Этот новаторский вывод многое объясняет в развитии народов степей и Кавказа предскифского времени.

Таким образом, работа С.Л. Дударева, несомненно, является новым словом в изучении предскифского периода в истории восточноевропейских степей и Кавказа. Сделанные им выводы имеют существенное значение для дальнейшего развития исследований в этой области и предложенная автором трактовка многих проблем, вероятно, получит признание специалистов. Однако, как и в любой новаторской работе, все ее части не могут быть одинаково убедительны для всех читателей. У меня вызывает сомнение та часть работы, которая посвящена хронологии предскифских памятников Северного Кавказа (С. 143–169).

Прежде всего об относительной хронологии. С.Л. Дударев предлагает выделять три этапа в рамках предскифского периода. Первый этап он характеризует как период, для которого характерно существование комплексов раннечерноголовского времени при отсутствии новочеркасских (С. 145–152). Второй этап характеризуется, как переходный и подразделяется на два подпериода: первый характеризуется сочетанием раннечерноголовских и протоновочеркасских вещей, а второй – сочетанием черноголовских и “классических” новочеркасских (С. 152–159). Наконец, в рамках третьего этапа черноголовские предметы исчезают, а “классические” новочеркасские сосуществуют, начиная с конца периода, с древнейшими раннескифскими (С. 159–169). На мой взгляд, эта периодизация нуждается в дальнейшем уточнении. Как видим, автор признает не просто час-

тичное сосуществование черногоровских и новочеркасских древностей, но достаточно долгое их сосуществование: в рамках переходного периода бытуют и ранне-, и позднечерногоровские предметы, а также ранненовочеркасские и классические новочеркасские вещи. Получается, что чуть ли не все развитие как черногоровского, так и новочеркасского комплекса укладывается в этот период. Не слишком ли много для периода, именуемого переходным? Далее, автор сам признает надэтнический и надкультурный характер новочеркасского комплекса. Но если так, то как можно быть уверенным, что различия между двумя комплексами, один из которых включает только предметы раннечерногоровского типа, а другой – аналогичные предметы в сочетании с ранненовочеркасскими, являются именно хронологическими, а не культурными или социальными? Тот же вопрос возникает и относительно комплексов, один из которых содержит позднечерногоровские вещи в сочетании с “классическими” новочеркасскими, а другой – только последние. Ссылка на материал некрополя Пшиш-1 (С. 153) здесь явно недостаточна.

Еще больше сомнений у меня вызывает абсолютная хронология. С.Л. Дударев справедливо отмечает значение гальштаттской хронологии для датировки памятников предскифского периода. Более того, и его собственная датировка двух первых групп его схемы основывается именно на синхронизации с центральноевропейскими материалами. Поэтому несколько странно выглядят его сомнения в надежности этой хронологической схемы (С. 143–144). В действительности датировка окончания периода На В3 может считаться вполне надежно установленной: она определяется примерно 750/740 гг. до н.э. (Merhart von, 1969. S. 94–103; Pittioni, 1954. S. 541; Gabrovec, 1966. S. 15–39; Kossack, 1970. S. 118, 119; Parzinger, 1988. S. 124, 125; Drack, 1989. S. 59–62, 89; Pare, 1992. P. 138; Chochorowski, 1993. S. 202, 203; Хохоровски, 1994. С. 159, 160). В значительной мере эта датировка опирается на синхронизацию периода На С с итальянскими памятниками горизонтов Беначчи II, Эсте III, Болонья III и Тарквиния III. Эти последние в свою очередь достаточно надежно датируются по содержащимся в них восточным и греческим импортам. Так, немаловажное значение имеет находка в одном из погребений периода Тарквиния III фаянсовой вазы с надписью египетского фараона Бокхориса, правление которого датируется около 720–710 гг. до н.э. (Wywanski, 1936/37. S. 181–188), что определяет последнее десятилетие VIII в. до н.э. как надежный *terminus ante quem* начала периода На С. Следует заметить, что датировка Х. Мюллер-Карпе (Müller-Karpe, 1959. S. 227, 228) периода На В3 VIII в. до н.э., на которую ссылается С.Л. Дударев в противовес указанной выше датировке, также основывается на отнесении периода Тарквиния III к VII в. до

н.э., а эта последняя дата в свою очередь опирается именно на находку вазы Бокхориса. Однако, как уже говорилось, данная ваза указывает отнюдь не на VII в. до н.э., а на последние два десятилетия VIII в. до н.э. и свидетельствует о начале этапа Тарквиния III и соответственно На С уже в рамках VIII в. до н.э. Таким образом, датировка Х. Мюллер-Карпе может считаться лишь приблизительной; очевидно, он и сам считал ее таковой. С периодом На С синхронизируются также некрополи ряда греческих колоний Италии, тогда как догреческие погребения, например некрополя Кум, содержащие среди прочего греческую импортную керамику первой половины VIII в. до н.э., синхронны периоду На В3. Поскольку дата основания самых ранних греческих колоний в Италии, в том числе Кум, падает примерно на середину VIII в. до н.э., датировка окончания периода На В3 может считаться достаточно хорошо обоснованной и вряд ли может быть существенно омоложена. Эта датировка недавно была подтверждена и результатами исследования материала самого эпонимного памятника гальштаттской культуры – Гальштаттского могильника. Для ранней группы исследованных здесь памятников (Н 1А), соответствующих началу периода На С, получены дендрохронологические даты, указывающие на конец третьей четверти VIII в. до н.э. (две даты 727 и одна 731 гг. до н.э.), что позволяет датировать немногие выделенные здесь комплексы более раннего времени (Н 0, конец На В3 – начало На С) самое позднее серединой VIII в. до н.э. (Hodson, 1990. S. 68, 69).

По существу, датировка окончания периода На В3 остается одним из основных хронологических реперов при датировке памятников предскифского периода. Поэтому вполне логично, что С.Л. Дударев датирует свой первый период IX – первой половиной VIII в. до н.э. на том основании, что предметы черногоровского облика находят аналогии в центральноевропейских комплексах периодов На В2 и На В3. Трудно, однако, понять, почему принцип, примененный для датировки комплексов первого, оказывается неприменим для датировки комплексов второго периода. В самом деле, среди так называемых фрако-киммерийских древностей, относящихся к периоду На В3, имеются достаточно многочисленные аналогии не только черногоровским, но и новочеркасским древностям. Здесь можно назвать и образцы типичного “новочеркасского” орнамента (солярные значки, в том числе на бронзовых бляшках, спиралевидный орнамент), и крестовидные пронизи, и трехпестельчатые псалы, в том числе находимые в одном комплексе с трехдырчатыми “камышевахского” и “цямбальского” типов, и “конноголовые” скипетры, и кольца с подвижными муфтами, очевидно, от колесничной упряжи. Таким образом, предметы новочеркасского типа уже существовали ранее конца

периода На В3, т.е. середины VIII в. до н.э. Более того, они не только появились ранее этого времени, но и успели достаточно широко распространиться в восточноевропейских степях и были заимствованы из этих степей на запад, где также получили достаточно широкое распространение. Имея в виду эти факты, невозможно понять, как можно датировать период, на который падает появление и распространение новочеркасских древностей, т.е. второй период по Дудареву, серединой – концом VIII в. до н.э., как он это делает.

Единственным обоснованием этой датировки является так называемая уточненная дата клада Прюдь из Венгрии (С. 154–155). Однако “уточнение” этой датировки С.Л. Дударевым, как и его единомышленниками, например В.Р. Эрлихом, вызывает возражения. В свое время этот клад был отнесен к периоду На В2; его датировка в рамках гальштаттской хронологии вряд ли может быть существенно понижена, в лучшем случае до рубежа На В2–3 (Kemenczei, 1981a. S. 29–41; 1981b. S. 86–88; Смирнова, 1985. С. 34; Kossack, 1986. S. 126, 127; 1994. S. 21. Ср.: Kemenczei, 1984. S. 55, 56, 95; Chochorowski, 1993. S. 187–191). Этот клад содержит предметы конской сбруи “классического” новочеркасского типа и, казалось бы должен был служить важным аргументом в пользу ранней датировки этих предметов. Однако ход рассуждения С.Л. Дударева иной. Вслед за В.Р. Эрлихом (Эрлих, 1997. С. 19–34) он предлагает передатировать клад более поздним временем на том основании, что тот содержит предметы новочеркасского облика (ср. убедительные контраргументы: Козенкова, 1996. С. 87, 88). Предлагаемая датировка клада всецело зависит от априорных представлений автора о дате новочеркасских древностей: С.Л. Дударев относит его к середине – второй половине VIII в. до н.э., В.Р. Эрлих – к концу VIII – первой половине VII в. до н.э. Налицо классический порочный круг: дата новочеркасских древностей определяется по дате клада из Прюдь, а его собственная дата определяется на основании датировки этих самых древностей. Поэтому так называемое “уточнение” датировки клада из Прюдь, на мой взгляд, совершенно неприемлемо и он остается одним из свидетельств сосуществования древностей новочеркасского облика с периодами На В2 и 3.

Говоря о хронологии, С.Л. Дударев, на мой взгляд, недооценивает значение опубликованных в последнее время материалов из Передней Азии, содержащих предметы раннескифского типа. Эти находки дают надежные реперы, позволяющие связать систему относительной хронологии степных культур с абсолютной переднеазиатской хронологией. Это погребения на Норшун-тепе, перекрытые полом здания, на котором находилась керамика середины и третьей четверти VII в. до н.э., относящиеся, следовательно, к первой половине столетия, а также находки наконечников стрел и

элементов узды “раннескифских” типов в слоях Богазкёя, Каялидере, Нуш-и Джана, Машат-Хююка и др. Эти слои относятся к первой половине, а в некоторых случаях и к началу VII в. до н.э. Таким образом, “раннескифские” предметы, а также содержащие их погребальные комплексы известны в Передней Азии уже в первой половине VII в. до н.э., что при любой интерпретации этих находок заставляет датировать начало раннескифской культуры не позже этого времени. При этом переднеазиатские находки представляют раннескифскую культуру в ее уже вполне развитой форме, соответствующей келермесскому периоду по схеме Коссака–Медведской, а не самую раннюю стадию этой культуры.

Не отвергая эти факты, С.Л. Дударев не делает, однако, из них необходимых выводов. Так, он пишет (С. 17), что обнаруженные в Норшунтепе и Имирлере предметы отражают келермесскую стадию развития раннескифской культуры и что эта стадия “относится специалистами к середине – второй половине VII в. до н.э.”. По этой причине он предпочитает игнорировать обоснованную переднеазиатскими материалами датировку погребений на Норшун-тепе и относить их также к середине – второй половине VII в. до н.э., вместо того, чтобы задаться вопросом о возможности пересмотра даты “келермесской стадии” и об основаниях, на которых эта дата базируется. В то же время, если начало “келермесской стадии” датировать началом VII в. до н.э., как того требуют переднеазиатские материалы, то придется удревить и конец предскифского периода по меньшей мере до конца VIII в. до н.э., а возможно и еще больше.

Несколько слов стоит сказать о более мелких недостатках работы. Ряд выводов С.Л. Дударева строится на толковании как киммерийцев изображения конных воинов на одном из терракотовых саркофагов из Клазомен, хранящемся в Британском музее (С. 50, 100, 112). Это толкование восходит к первым публикациям клазоменских саркофагов конца прошлого века и никогда всерьез не обосновывалось, однако в отечественной науке уже стало традиционным и повторяется из работы в работу (например: Дьяконов, 1956. С. 235. Рис. 41; Дударев, Махортых, 1981. С. 37–48; Ильинская, 1982. С. 45 и др.). Исследования последних трех десятилетий, не учтенные С.Л. Дударевым, заставляют окончательно отказаться от этого толкования. Решающее значение здесь имеет датировка данного саркофага. Он входит в группу (к ней, кстати, принадлежат еще два саркофага со сходными изображениями), датировка которой определяется между 500 и 470 гг. до н.э., т.е. первой третью V в. до н.э. (Cook, 1981. P. 31–34, 37–39, 148–151. Fig. 22. Pl. 40, 41, 52, 54. Nr. G 1, G 11, G 13). Уже эта датировка делает невозможным толкованием изображенных на саркофагах всадников как киммерийцев, набеги которых на Ио-

нию датируются по меньшей мере полутора столетиями раньше. Они могли бы отождествляться скорее с воинами, входившими в состав персидского войска, включавшего различные национальные контингенты. Национальная принадлежность этих всадников неясна, но, возможно, речь может идти о среднеазиатских саках, участие которых в персидском войске хорошо известно. Впрочем, это предположение еще нуждается в специальном обосновании. Очевидно, недоразумением объясняется замечание С.Л. Дударева о том, что изображения на клазоменском саркофаге из Британского музея “самим выполнившим их художником подписаны именно как “киммерийцы” (С. 50). В действительности ни на этом, ни на других клазоменских саркофагах с батальными сценами подобных надписей нет, в чем С.Л. Дудареву было бы легко убедиться, если бы он обратился к публикации саркофагов, вместо того чтобы опираться на ошибочное или неправильно понятое сообщение И.В. Яценко. В новой литературе общим мнением является то, что эти всадники должны отождествляться с персами или греками в персидской одежде (сводку различных мнений см.: Kirchner, 1987. S. 123–125). В любом случае клазоменские саркофаги не имеют никакого отношения к киммерийской проблематике и отражают отношения малоазийских греков с их соседями в первой трети V в. до н.э. Таким образом, любые выводы, построенные на толковании изображенных на клазоменских саркофагах всадников как киммерийцев, не могут считаться убедительными.

Несколько поверхностными представляются мне рассуждения автора о семантике различных изображений на надгробных стелах (С. 46–48); более широкое использование письменных источников могло бы, на мой взгляд, сделать их основательнее. Так, автор справедливо отмечает, что лук и секира служили в индо-иранском мире символами воинского сословия и соответственно аристократии, однако это утверждение остается чистой декларацией (лишь относительно лука цитируются из вторых рук, по Е.Е. Кузьминой, один древнеиндийский и один авестийский текст). В то же время можно привести множество свидетельств на этот счет, в том числе касающихся не только различных индо-иранских народов, но и самих скифов: достаточно напомнить, что в двух вариантах скифских “этногенетических” легенд, изложенных Геродотом в начале его IV книги, лук и секира играют роль символов воинов.

Далее, неудовлетворительны и рассуждения автора о семантике пояса (С. 46). Он утверждает, что пояс служил символом власти и одним из атрибутов вождей. В действительности его символика в иранском мире была совершенно иной. Он, в самом деле, играл большую роль в воинской сфере, однако его значение здесь было специ-

ческим. Пояс, надетый воином или правителем, означал отнюдь не высшую власть, а зависимость от другого монарха, например, от Великого царя в державе Ахеменидов. Повязать пояс означало войти на службу к царю, признать свои обязательства перед ним (см. подробно, с многочисленными источниками: Widengren, 1968. P. 133–155; 1969. S. 21–32). Напротив, если царь освобождал своего подданного от вассальных обязательств перед собой, например даруя ему статус царя, то разрешал тому не носить больше пояса. В этой связи показателен например новоперсидский текст “Фарсname” (Le Strange, Nicholson, 1921. P. 43: текст; Widengren, 1969. S. 22, 23: перевод и комментарий), в котором рассказывается, как иранский эпический герой Рустам получил в награду от царя Кай-Каоса, на службе которого он находится, право не служить ему более и управлять провинциями Систан и Забулистан как собственным царством. Со своим новым статусом Рустам получил царские инсигнии, трон и тиару, а также право снять пояс. Воин, ставший царем, снимает, следовательно, пояс как знак вассалитета, противоречащий его новому статусу. Таким образом, пояс в иранском мире мог обозначать принадлежность к воинскому сословию, но лишь в том смысле, что его носитель принадлежал к дружине некоего вождя или был в зависимости от него, однако никак не мог указывать на высшую власть или царственность¹.

Пожалуй, еще важнее то, что основная семантика пояса в иранском мире вообще лежит вне воинской области. Он играл большую роль в жреческой сфере, а также в различных обрядах инициации индо-иранских народов (например, в инициации индийских брахманов). Хорошо известна роль пояса в зороастрийской традиции: его ношение было обязательно для верующих старше определенного возраста (7 или 15 лет в разных традициях), что свидетельствует об инициационном происхождении этого обычая. Согласно некоторым текстам, пояс даже объявляется “идентичным” зороастрийской религии (Molé, 1963. P. 308, 410–411).

В завершение скажу несколько слов о стиле. Работа написана хорошим языком, автор выражает свои мысли ясно и за ходом его рассуждения легко следовать. Стилистические недостатки составляют скорее исключение: отмечу неудачные обороты “иные версии культурного олицетворения киммерийцев” (С. 14), “сообщения ассирий-

¹ Смысл замечания С.Л. Дударева о том, что семантика пояса как признака воинской зависимости или вассалитета “не соответствует социально-политическим реалиям изучаемой эпохи” (С. 46), остается для меня загадочным. Имеется ли в виду отсутствие иерархической структуры внутри воинского сословия? Однако такая структура свидетельствуется и для периода индо-иранского единства. В любом случае столь туманная формулировка не может, на мой взгляд, противопоставляться прямым свидетельствам письменных источников, относящимся к различным иранским традициям.

ских клинописей” (С. 19) и некоторые другие. Выделяется, однако, глагол “довлеть”, который автор употребляет очень охотно, но всегда неправильно (“довлел авторитет”, С. 23, 35, “традиция довлела над целесообразностью”, С. 106 и т.д.). В русском литературном языке “довлеть” вовсе не означает “превалировать”, “оказывать давление” (от этого созвучия, очевидно, и происходит нередкое в последнее время, особенно в языке не слишком грамотных политиков и журналистов, употребление); его значение – “быть достаточным”.

Заключая, хочу повторить, что, несмотря на высказанные выше возражения, в целом моя оценка работы остается положительной. Ее публикация, вне всякого сомнения, продвигает вперед изучение взаимоотношений между народами восточноевропейских степей и Северного Кавказа в предскифскую эпоху, а также и киммерийской проблемы. Собранный автором обширный материал и выводы, сделанные на основе его анализа, несомненно, должны привлечь самое пристальное внимание любого, кто будет обращаться к указанной проблематике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дударев С.Л., Махортых С.В.* К толкованию иконографии некоторых античных изображений киммерийцев // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
- Дьяконов И.М.* История Мидии. М.: Л., 1956.
- Ильинская В.А.* Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности степной скифии. Киев, 1982.
- Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
- Смирнова Г.И.* Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР // СА. 1985. № 4.
- Хохоровски Я.* Хронология киммерийских памятников в Средней Европе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы международной археологической конференции. Тирасполь, 1994.
- Эрлих В.Р.* К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы (Материалы и исследования по археологии России. 1). М., 1997.
- Wywanck A.W.* Untersuchungen zur Chronologie der Funde in Italien aus dem VIII. und VII. vorchristlichen Jahrhundert // Mnemosyne. 1936/37. 3. Ser. 4.
- ChoŹchorowski J.* Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej. Kraków, 1993.
- Cook R.M.* Clazomenian Sarcophagi (Kerameus. 3). Mainz, 1981.
- Drack W.* Die Schweiz zur Hallstattzeit // La Civilisation de Hallstatt, bilan d'une rencontre. Liège 1987 (Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège. 36). Liège, 1989.
- Gabrovec S.* Zur Hallstattzeit in Slowenien // Germania. 1966. 44.
- Hodson F.R.* Hallstatt. The Ramsauer Graves: Quantification and Analysis (Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Monographien. 16). Bonn, 1990.
- Kemenczei T.* Ostungarn in der Zeit der Frühhallstattkultur // Die Hallstattkultur. Bericht über das Symposium in Steyr 1980 aus Anlaß der Internationalen Ausstellung des Landes Oberösterreich. Steyr, 1981a.
- Kemenczei T.* A prügyi koravaskori kincslelet // Communicationes Archaeologicae Hungariae. 1981b. 1.
- Kemenczei T.* Die Spätbronzezeit Nordostungarns // Archaeologia Ungarica. 1984. 51.
- Kirchner E.* Zum Bildprogramm Klazomenischer Sarkophage // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1987. 102.
- Kossak G.* Gräberfelder der Hallstattzeit an Main und Fränkischer Saale // Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte. 1970. 24.
- Kossak G.* Zaumzeug aus Kelermes // Hallstatt Kolloquium Veszprém 1984 (Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. Beiheft 3). Budapest, 1986.
- Kossack G.* Neufunde aus dem Novočerkassker Formenkreis und ihre Bedeutung für die Geschichte steppenbezogener Reitervölker der späten Bronzezeit // Il mar Nero. 1986. 1.
- Le Strange G., Nicholson R.A.* The Färsnāmah of Ibnu'l-Balkhī. London, 1921.
- Merhart von G.* Donauländische Beziehungen der früheisenzeitlichen Kulturen Mittelitaliens // Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur Frühen Eisenzeit in Italien und Mitteleuropa. Mainz, 1969.
- Molé M.* Le problème zoroastrien et la tradition mazdléenne. Paris, 1963.
- Müller-Karpe H.* Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen // Römisch-Germanische Forschungen. 1959. 22.
- Pare C.F.E.* Wagons and Wagon-Graves of the Early Iron Age in Central Europe. Oxford, 1992.
- Parzinger H.* Chronologie der Späthallstatt- und Frühlatène-Zeit. Studien zu Fundgruppen zwischen Mosel und Save // Quellen und Forschungen zur prähistorischen und provincialrömischen Archäologie. 1988. 4.
- Pittioni R.* Urgeschichte des Österreichischen Raumes. Wien, 1954.
- Widengren G.* Le symbolisme de la ceinture // Iranica Antiqua. 1968. 8.
- Widengren G.* Der Feudalismus im alten Iran. Männerbund – Gefolgswesen – Feudalismus in der iranischen Gesellschaft im Hinblick auf die indogermanischen Verhältnisse. Köln; Opladen, 1969.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ПОГРАНИЧЬЯ ЕВРОПЫ И АЗИИ” (Саратов–Энгельс, 2000 г.)

С 14 по 18 мая 2000 г. в Саратове и Энгельсе прошла конференция, посвященная 100-летию со дня рождения видного российского археолога профессора И.В. Сеницына (1900–1972 гг.). Тема конференции – “Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии”. Учитывая широту научных интересов И.В. Сеницына, Оргкомитет решил не ограничивать тематику докладов на конференции.

Конференция была организована Управлением по историко-культурному наследию Министерства культуры Саратовской области, Саратовским областным музеем краеведения, и Энгельским краеведческим музеем. Конференция проведена при финансовой поддержке Министерства культуры Саратовской области и Российского гуманитарного научного фонда (региональный конкурс “Волжские земли в истории и культуре России”, грант № 00-01-35002г).

Всего было заявлено 90 докладов, но в конференции смогли принять участие не все желающие. Заслушано более 50 докладов, в которых рассмотрены различные аспекты культурного развития населения указанного региона и сопредельных территорий от каменного века до позднего средневековья, а также ряд актуальных проблем археологии и смежных дисциплин.

Конференцию открыл *Е.К. Максимов*, доцент СГУ, старейший из саратовских археологов и один из учеников И.В. Сеницына. С приветственным словом к участникам обратилась *В.М. Батанина*, заместитель министра культуры Правительства Саратовской области и директор Саратовского областного музея краеведения *Л.К. Коцюба*. Затем ряд выступлений был посвящен юбиляру – И.В. Сеницыну. Своими воспоминаниями об отце поделился сын Ивана Васильевича – *Николай Иванович Сеницын*, доктор физико-математических наук, зам. директора НИИ радиофизики СГУ. *В.Н. Данилов*, профессор, завкафедрой историографии, региональной истории и археологии исторического факультета СГУ рассказал о роли И.В. Сеницына в археологии Поволжья, а также в становлении и развитии исторического факультета СГУ.

Биография И.В. Сеницына, а также наиболее важные моменты его научной и общественной деятельности были представлены в докладах *Е.К. Мак-*

симова и *Н.И. Малова* (Саратов) и *В.И. Мельникова* и *Л.Л. Галкина* (Москва). *Е.В. Цуцкин* (Элиста) рассказал о работе И.В. Сеницына в Калмыкии, где его помнят, изучают материалы, полученные в его экспедициях, в музейной и научной работе. Во всех докладах отмечено, что научная деятельность И.В. Сеницына в основном была связана с работой в Саратовском краеведческом музее и Саратовском госуниверситете. В СГУ он занимал должности завкафедры археологии и этнографии, декана исторического факультета, профессора кафедры истории древнего мира и археологии. И.В. Сеницын с 1930 г. и до дня своей смерти (11 августа 1972 г., в Элисте) проводил активные полевые работы в Поволжье, Калмыкии и Западном Казахстане, исследуя различные типы археологических памятников, хронологические рамки которых простирались от мезолита до позднего средневековья. И.В. Сеницын одним из первых начал применять землеройную технику при исследовании курганов. Всего, по приблизительным подсчетам, им было исследовано более 1300 курганов, а также около 15 поселенческих памятников, не считая разведочных работ с вскрытием небольших участков культурного слоя. Результаты этих исследований отражены в 53 научных работах, в том числе в 6 монографиях.

Участники почтили светлую память *Г.А. Федорова–Давыдова* (Москва), а также *Б.Ф. Железчикова* (Волгоград) и *В.И. Беседина* (Воронеж), готовившихся принять участие, но скончавшихся незадолго до конференции. Тезисы их докладов опубликованы в материалах конференции. Тема доклада *И.В. Беседина* – “Абашевские древности: тенденции интерпретации в свете анализа керамики”, *Б.Ф. Железчикова* – “И.В. Сеницын – исследователь памятников Западного Казахстана”.

Тематика докладов на конференции была представлена широким спектром научных исследований. Четыре доклада было посвящено каменному веку, преимущественно его поздним этапам. *П.П. Барынкин* (Самара) рассмотрел воздействие хозяйственных и экологических аспектов на культурные процессы юга Волго-Уральского междуречья в мезолите, неолите и энеолите. Он отметил существование различных культурных групп в регионе в период оптимизации ландшафтно-климатических условий. В неблагоприятные

же периоды происходило резкое сокращение населения региона вплоть до перерыва в местном культурном процессе.

А.Л. Нечитайло (Киев) в своем докладе определила соотношение ранних подкурганых энеолитических погребений Нижнего Дона с сопредельными регионами, в том числе и с Нижним Поволжьем. Она же зачитала доклад *Д.Я. Телегина* (Киев), который не смог лично присутствовать на конференции. В докладе “К вопросу о скелянской, квитянской, стоговской и других культурах медного века Азово-Черноморского региона Украины” *Д.Я. Телегин* возражает против произвольного членения *Ю.А. Рассамакиным* среднестоговской культуры на культуры квитянскую, скелянскую и дереивскую и объединения “скелянской культуры” с памятниками новоданиловского типа, а “квитянской” – с постмариупольской и считает, что для подобного пересмотра состава культур Азово-Черноморского региона оснований нет.

Доклад *В.В. Ставицкого* (Пенза) был посвящен культурам лесостепного энеолита на территории Пензенской области. Отмечено наличие в регионе раннеэнеолитических памятников с “воротничковой” керамикой, сочетающей в себе признаки трех культур – нижнедонской, самарской и ямочно-гребенчатой, а также наличие керамики хвалынского и среднестоговского облика. Это позволило сделать вывод о влиянии лесостепных культур на население региона на протяжении большей части энеолита.

П.П. Барынкин в своем втором докладе остановился на проблеме определения значения комплекса Репин Хутор на Дону для эпохи ранней бронзы. Он подробно рассмотрел историографию вопроса о хронологии комплекса и его соотношении с ямными памятниками Волго-Донского региона и предложил свою точку зрения, согласно которой “ямные памятники Волги и репинские Дона... определяют как два паритетных материальных компонента ранней бронзы”, которые легли в основу ямного комплекса Волго-Донского региона.

Серия докладов была посвящена эпохе средней бронзы. Большой интерес вызвал фундаментальный доклад *В.С. Бочкарева* (С.-Петербург) “Пряжки бабинской культуры (КМК) и некоторые вопросы синхронизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы”. В докладе были представлены широкая картина распространения и развития костяных пряжек и их увязка с общим ходом культурных процессов названного региона при переходе от средней к поздней бронзе. Бабинская культура синхронизируется с Синташтой и Потаповкой, а в целом для начала процесса культурогенеза на рубеже средней и поздней бронзы в Восточной Европе следует принять дату – рубеж III–II тыс. до н.э.

В докладе *Е.И. Гака* (Москва) “Об особенностях изготовления ножей из катакомбных погребений Калмыкии” изложены первые результаты их металлографического изучения. Установлено существование общих традиций металлообработки у племен Северного Кавказа, Калмыкии и Северного Донца и в то же время “в технологии изготовления катакомбных ножей Калмыкии просматривается определенное своеобразие”. *М.В. Ивашов* (Липецк) рассказал о постройках раннего этапа среднедонской катакомбной культуры поселения Студеновка 3 на Верхнем Дону и на основании наличия наземных или слегка заглубленных в материк построек высказал предположение, что на раннем этапе формирования культуры население отличалось большей подвижностью, чем в последующее время, когда появились полуземлянки.

О.В. Кузьмина (Самара) выступила с докладом “Погребальный обряд абашевской культуры”, а *В.В. Ткачев* (Орск) – с докладом “О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы”. *Г.Г. Пятых* (Москва) в докладе “О хронологическом соотношении катакомбных и срубных культур” поддержал точку зрения тех исследователей, которые не видят хронологического разрыва между этими культурами, а к протосрубному горизонту относят катакомбную, абашевскую и воронежскую культуры. Два последних доклада явились как бы связующим звеном с целой группой последующих, посвященных проблемам культурогенеза начального этапа поздней бронзы в Волго-Уралье.

Этногенез раннего этапа срубной культуры традиционно находится в центре внимания исследователей на саратовских конференциях. Три доклада по этой теме, взаимодополняющие друг друга, были представлены исследователями из Самары. В коллективном докладе *П.Ф. Кузнецова, О.Д. Мочалова, А.П. Семенов и А.А. Хохлова* “Новые материалы к проблеме культурогенеза эпохи поздней бронзы в Волго-Уралье” был охарактеризован новый памятник потаповского типа – курганный могильник Грачевка II в лесостепном Заволжье. Материалы могильника отражают процесс трансформации потаповских древностей в срубные, подтверждают точку зрения о формировании срубной культуры на территории лесостепного Поволжья при ведущей роли потаповского населения в этом процессе и позволяют говорить “о синхронном существовании и тесном взаимодействии культурных образований юга Волго-Уральской лесостепи”. В докладе *П.Ф. Кузнецова* был конкретизировано это взаимодействие, что отражено уже в его названии “Свидетельство контактов в потаповско-синташтинских и сейминско-турбинских памятниках начала поздней бронзы”. *А.А. Хохлов* в докладе “К вопросу о происхождении населения срубной культуры Поволжья и Приуралья” рассмотрел проблему этногенеза культуры по данным палеоантропологии. Изу-

ченая им серия черепов из 10 могильников лесостепной и степной зон Волго-Уралья, с одной стороны, подтвердила выводы А.В. Шевченко о значительном сходстве в антропологическом отношении поволжского срубного населения с некоторыми западными срубными сериями. Но, с другой стороны, докладчик считает, что прямое проникновение либо инфильтрация предков раннесрубного населения в Волго-Уралье могло происходить и с других направлений, так как к началу поздней бронзы антропологическая карта Восточной Европы приобретает мозаичность и долихокранные краниокомплексы с узким и резко профилированным лицом стали известны не только среди западных срубников, но и в Среднем Поволжье и Южном Приуралье среди абашевского, синташтинского и алакульского населения.

М.В. Халыпин (Оренбург) представил доклад “Основные характеристики погребальных комплексов начального этапа поздней бронзы степного Приуралья”, в котором также затронуты вопросы культурогенеза срубной культуры региона. Отсутствие элитных воинских захоронений в Приуралье может свидетельствовать о привнесении извне покровского культурного комплекса, но в то же время с учетом имеющихся поселенческих материалов “есть основания для включения Южного Приуралья в территорию, на которой происходило формирование покровского комплекса культурных стереотипов”. Покровские материалы в другом регионе, Подонье, были также проанализированы в докладе *Э.С. Шарифутдиновой* (С.-Петербург) “Могильники начала эпохи поздней бронзы на Верхнем Чире в Подонье”.

Ряд докладов был посвящен другим вопросам срубной культуры. Большой интерес вызвал доклад *В.В. Отрощенко* (Киев) “О пределах культур срубной общности”. Докладчик отметил роль *И.В. Синицына* в расширении пределов срубной общности в южном направлении (Нижняя Волга, Калмыкия, Западный Казахстан) и представил историографию вопроса о границах срубных культур. Взяв за основной культуроопределяющий признак погребальный обряд (“скорченное положение на левом боку в позе адорации в прямоугольной яме с ориентировкой умершего в северо-восточный сектор и наличие сосуда”), *В.В. Отрощенко* наметил ареал срубной общности, который вписался между предгорьями на юге Восточной Европы и лесной зоной на севере. Проникновению срубной культуры на восток, в Зауралье, препятствовало население андроновской общности, а на запад – племена КМК и сабатиновской культуры.

В.И. Мельник (Москва) в докладе “Волго-Уралье в геокультурной ситуации эпохи бронзы” подробно остановился на культурной специфике региона, который как бы являлся то восточной, то западной периферией сменяющихся культурных образований.

В.А. Лопатин (Саратов) в докладе “Культурные соотнесения Смеловского могильника” представил развернутую картину разнообразного и сложностратифицированного погребального обряда раннего срубного населения на одном из грунтовых могильников Поволжья. *Е.Ю. Захарова* (Воронеж) в докладе “Отражение основного индоевропейского мифа в срубной изобразительной традиции” подробно остановилась на интерпретации знаковых композиций на срубной керамике. Выделяются два варианта композиций мифологического содержания, основанных на принципе бинарных оппозиций и связанных с мотивом змеборства. В одном случае знаку змеи противостоит знак быка или огня, во втором зигзагу противостоит правосторонняя свастика, то есть один и тот же сюжет передается в двух кодах: зооморфном и пространственном. В докладе *Н.М. Малова* (Саратов) “Изделия из драгоценных металлов срубной археологической области” систематизированы указанные находки и отмечено, что изделия из золота и серебра не могут являться хронологическими индикаторами для разных этапов срубной культуры. Технология обкладки бронзовых предметов золотой фольгой проникает в срубную среду из андроновской культурной области, а наибольшая концентрация этих изделий отмечена в Волго-Уральском регионе срубной общности. *Б.Б. Панковский* (Донецк) выступил в докладе “Понятие “костерезное производство” и оценка развития специализации в позднем бронзовом веке”, основанном на анализе материалов срубной и сабатиновской культур. Большинство костяных изделий этих культур являются орудиями в основном кожевенного производства, а также гончарного и ткацкого. Костерезная и кожевенная специализация у населения срубной и сабатиновской культур находилась на уровне домашних производств и оснований для выделения специализированных ремесленных мастерских по обработке кости и кожи в эпоху поздней бронзы нет. В докладе *В.Н. Горбова* (Донецк) “О наименовании частей сосудов позднего бронзового века” рассматривается проблема унификации части археологических терминов. Автор считает наиболее приемлемой терминологию, восходящую к работам *В.А. Городцова*, которая отражает “этнографически и археологически зафиксированные реалии мировосприятия традиционных обществ”. *В.В. Потапов* (Ростов-на-Дону) в докладе “Поселения-летники срубного населения Восточного Приазовья” на основании анализа построек и их содержимого приходит к выводу о существовании отгонной формы скотоводства на всем протяжении срубной культуры в Восточном Приазовье.

Два доклада были посвящены контактам срубного населения с племенами сопредельных регионов. В докладе *М.А. Изотовой* (Саратов) “К вопросу о позднеандоновском (федоровском) компоненте в срубной среде” показаны возможные механизмы и причины проникновения федоровских культурных компонентов в срубную среду,

отмечено сосуществование федоровцев с поздними срубниками. Незначительная миграция федоровского населения за пределы Южного Урала и Центрального Казахстана была, вероятно, вызвана климатическими условиями второй половины II тыс. до н.э. и более высоким уровнем социально-экономического развития, что способствовало широкому распространению технологий, особенно в области металлургии. В докладе *Е.Н. Мельникова* (Липецк) “Инокультурные влияния в срубной керамике на территории Верхнего Подонья” были приведены данные о влиянии абашевских и андроновских традиций на срубную культуру раннего этапа при незначительном наследовании катакомбных черт, которые были восприняты через абашевцев. На развитом этапе продолжает фиксироваться присутствие андроновской культуры, не образующей симбиозных форм со срубной, что, по мнению докладчика, свидетельствует о незначительной миграции андроновцев в срубную среду.

Три доклада были посвящены анализу новых источников по срубной общности. В докладе *Д.А. Хоркина* (Саратов) “Ранние черты в керамическом комплексе срубного поселения Нижняя Красавка на р. Медведице” дана всесторонняя характеристика материалов одного из памятников Саратовского Правобережья, отнесенного автором к покровскому этапу нижневолжской срубной культуры. *К.Ю. Моржерин* (Саратов) в докладе “Срубные погребения на р. Алай” охарактеризовал еще один памятник этого же региона: 14 исследованных погребений из кургана 4 у с. Алай отражают процесс перехода от раннего к развитому этапу срубной культуры в пограничье лесостепи и степи. В докладе *В.А. Чивилева* (Липецк) “Группа памятников срубной культуры у с. Ровенка Добринского района Липецкой области” рассмотрены материалы развитого этапа донской лесостепной срубной культуры.

Эпоха раннего железного века, занимавшая значительное место в научных изысканиях *И.В. Сяницына*, была представлена шестью докладами. *А.Д. Матюхин* (Саратов) в докладе “Формирование периферии кочевого мира в раннем железном веке” подробно рассмотрел этапы освоения номадами лесостепного Правобережья Волги. Первый этап проникновения скифо-сарматских племен в лесостепь относится к VI–IV вв. Они имели спорадический, вероятно, сезонный характер. На втором этапе (I–IV вв. н.э.) сарматская экспансия приобретает массовый характер, что является последствиями сирако-аорской войны и появления аланских племен в Восточной Европе. В этот период сарматское население начинает играть главенствующую роль, постепенно вытесняя местные городецкие племена в лесные районы. *В.П. Глебов* (Ростов-на-Дону) выступил с докладом “Ранние сарматы южных районов Ростовской области: культурно-этническая принадлежность и контакты”. Новые сарматские захо-

ронения II–I вв. до н.э. уточняют зону контактов двух групп сарматского населения – доно-волжской (прохоровская культура) и кубано-ставропольской, сопоставляемых с аорсами и сираками.

В.И. Мамонтов (Волгоград) в докладе “Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у пос. Вербовский” сообщил о замечательных произведениях мастеров раннего железного века. В частности, в погр. 1 кургана 9 обнаружен серебряный кувшин с зооморфными ручками и тремя поясами изображений на корпусе: сцена охоты; растительный орнамент; олень, терзаемый грифонами и пантерой. Предполагается, что кувшин изготовлен в одной из мастерских Армении, а бронзовые тазик, чаша и патера с изображением пасторальной сцены из того же погребения – в мастерских Рима или античных городов Причерноморья. Еще один доклад, посвященный находкам предметов искусства в сарматских погребениях, был представлен *Т.В. Убогой* (Ростов-на-Дону) – “Система инокультурных влияний на искусство сарматского звериного стиля на примере фаларов из кургана Садовый”. Наряду с сарматскими оригинальными художественными приемами изображений на фаларах использованы приемы, находящие аналогии в произведениях скифских, сибирских, китайских (эпоха Хань) и греко-бактрийских мастеров.

И.В. Ульянов (Троицк) в докладе “Об использовании огня в погребальной практике ранних ираноязычных кочевников Евразийских степей” приходит к выводу, что следы огня, встречаемые в погребальных комплексах скифов, сарматов и саков, не имеют ничего общего с погребальной практикой зороастризма (маздеизма), так как по основным канонам маздеизма тело умершего не должно осквернять три священные стихии: огонь, воду и землю. Наличие же следов огня следует объяснить более рациональными причинами. Огонь в данном случае мог служить только инструментарием в подготовительных и поминальных действиях.

В докладе *А.А. Хрекова* (Балашов) “Хронологические индикаторы постзарубежных памятников инясевского типа” устанавливается время бытования постзарубинецких памятников лесостепного Прихоперья (I – конца II – начала III в. н.э.) по материалам грунтового могильника с сожжениями у с. Инясево (бронзовые трапециевидные подвески круга “варварских эмалей” и круглорамчатые пряжки), поселений Щапкино 1 и 2 (параллелепipedная бусина из красного стекла, бронзовый пирамидальный колокольчик, серолощенная миска с пиктограммой из свастик, треугольников, ромбов и крестов) и культового комплекса Рассказань III (лощенные ребристые миски с вертикальными венчиками, фрагмент красноглиняной амфоры и др.).

На секции средних веков заслушано 10 докладов. Два из них посвящены проблемам салтово-

маяцкой культуры. *К.Ю. Моржерин* (Саратов) в докладе “Салтово-маяцкие памятники в среднем течении р. Медведица” уделил основное внимание материалам VIII–IX вв. из северной части Волгоградской области из фондов Саратовского краеведческого музея. *В.А. Катунин* (Харьков) в докладе “Критерии выделения городов среди памятников салтовской культуры” рассказал о методике определения городов Хазарии на основании критериев, разработанных В.А. Кузой для древнерусских городов, с необходимыми изменениями.

В докладе *Е.Ф. Герман* (Йошкар-Ола) “Хронология комплексов с погребальными масками из могильников Прикамья” реконструирована эволюция металлических лицевых покрытий с конца VI до IX в. и сделан вывод, что этот элемент погребальной обрядности был привнесен извне и, получив дальнейшее развитие, став одним из этнокультурных признаков прикамско-приуральского населения IX–XI вв. *В.Г. Рудаков* (Москва) в докладе “Селитренное городище: история изучения и перспективы исследования” остановился не только на истории полевых исследований памятника, но и на проблемах его дальнейшего сохранения. Одной из наиболее действенных мер он считает создание на территории Селитренного городища археологического музея-заповедника. В докладе *А.Н. Масловского* и *И.В. Белинского* (Азов) был рассмотрен поволжский керамический импорт (в основном поливная и кашинная керамика) в материалах золотоордынского Азака (кон. XIII–XIV в.), который занимал третье место вслед за продукцией Юго-Восточного Крыма и амфорами “трапезундского типа”.

Средневековым материалам (VIII–XIII вв.) Верхнего Посурья были посвящены доклады специалистов из Пензы: *Г.Н. Белорыбкин* охарактеризовал средневековое снаряжение коня и привел широкий круг аналогий; *А.В. Павлихин* рассмотрел комплекс вооружений лесостепных племен по материалам пензенских могильников, а *Т.В. Осипова* рассказала о вариантах погребального обряда Армиевского курганно-грунтового могильника (IX–XI вв.).

Доклад *А.И. Юдина* (Саратов) был посвящен Алексеевскому городищу в Волжском районе г. Саратов, которое в свое время исследовал И.В. Сеницын. Материалы, полученные при раскопах последних лет, позволяют совершенно по-новому трактовать некоторые проблемы древней и средневековой истории региона: Алексеевское городище оказалось самым юго-восточным памятником с постзарубинецкой керамикой; здесь обна-

ружен русский средневековый поселок, тогда как ранее в верхнем слое городища был известна только золотоордынская посуда. В резолюции, принятой по итогам конференции, поддержаны усилия саратовских археологов по созданию музея-заповедника “Алексеевское городище”. В докладе *Ю.А. Матюхиной* (Саратов) были рассмотрены новые находки русских вещей с памятников золотоордынского времени, в том числе и с Алексеевского городища.

В.А. Демкин (Пушино) выступил с докладом “Палеопочвенные исследования загадочного памятника древней истории в излучине Дона”. Вопрос об этом памятнике, получившем условное название “сооружение Трехостровское”, поднимался на конференциях неоднократно и с каждым разом происходило очередное уточнение данных. Вероятно, сооружение являлось храмом огня, его радиоуглеродная дата – XI в. до н.э. Почва, залегающая под насыпью памятника, существенно отличается от современных каштановых почв этого региона, что свидетельствует о повышенной увлажненности климата в регионе в конце II тыс. до н.э.

Н.И. Чуев (Балашов) представил доклад “Индоевропейцы эпохи бронзы в Восточном Туркестане и становление военной мысли в древнем Китае”. Здесь поднята проблема происхождения металлургии бронзы и боевой колесницы в древнем Китае и приведены новые данные в пользу их заимствования из более западных регионов от индоевропейских народов.

К конференции был подготовлен и выпущен сборник тезисов докладов¹.

Участникам конференции также была предложена культурная программа. Специально к конференции в Саратовском музее краеведения подготовлена выставка, посвященная И.В. Сеницыну. Энгельсский краеведческий музей провел презентацию проекта “Половецкий стан”, поддержанного фондом “Культурная инициатива”, а 18 мая, в Международный день музеев, Саратовский музей краеведения представил зрителям выставку “Сокровища степных курганов”, где экспонировались уникальные находки с территории Саратовской области.

¹Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. (Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына (1900–1972). Саратов–Энгельс, 14–18 мая 2000 г.). Саратов, 2000.

XXI “КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ” ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (Кисловодск, 2000 г.)

В 2000 г. исполнилось 30 лет, как безвременно ушел из жизни выдающийся кавказовед и замечательный человек Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970). В память о нем многие годы ученые-археологи, специалисты по древнейшей и средневековой истории Северного Кавказа проводят научную конференцию – Крупновские чтения, на которой обсуждаются актуальные проблемы и успехи кавказоведения. За прошедшее время ученое собрание переросло региональные рамки и по праву может считаться международным, поскольку в его работе неоднократно принимали участие археологи из Венгрии, Германии и Франции. Очередная XXI-я конференция “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа проходила с 26 по 30 апреля 2000 г. в Кисловодске на базе Кисловодского историко-краеведческого музея “Крепость”. Существенную роль в организации данного форума, кроме Постоянного координационного совета конференции (председатель – заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарии, кандидат исторических наук И.М. Чеченов), Института археологии РАН, местного организационного комитета (председатель – кандидат исторических наук С.Н. Савенко), сыграла и администрация особо охраняемого эколого-курортного региона Кавказских Минеральных Вод (руководитель В.И. Михайленко). Финансовое обеспечение, в том числе редактирование и издание тезисов докладов, легло на плечи Совета и администрации г. Кисловодск, муниципального учреждения “Возрождение” и Государственного унитарного предприятия “Наследие” Министерства культуры Ставропольского края. А персонально – на заместителя главы администрации С.Н. Савенко, руководителя предприятия “Наследие” А.Б. Белинского, члена Постоянного оргкомитета, доктора исторических наук В.А. Кузнецова.

Работа была организована следующим образом. 26 апреля впервые в рамках Крупновских чтений на основе специального постановления региональной администрации состоялся “круглый стол” в г. Ессентуки с актуальной для Северного Кавказа темой: “Роль объективного изучения древней и средневековой истории Северного Кавказа в гармонизации межэтнических отношений в регионе”. Для обсуждения проблемы были приглашены представители культуры и образования Кавминвод, краеведы, администрация района и представители местных средств массовой

информации. В разговоре приняли участие ведущие ученые Северного Кавказа, в том числе и москвичи, научные сотрудники Института археологии Российской академии наук. Главный акцент был сделан на вопросе об ответственности специалистов за фальсификации и лжеидеи, которые оказываются чрезвычайно вредными для массового сознания. Были рассмотрены многие актуальные вопросы трактовки исторических судеб современных северокавказских народов в научной и публицистической литературе с позиций их научной объективности и общественной значимости, а также проблема сохранения археологического наследия. В связи с этим ход конференции получил широкое отражение в местных газетах и на телевидении, и она имела заметный общественный резонанс.

Для участия в конференции были представлены тезисы индивидуальных и совместных докладов и сообщений, присланных более чем 70-ю авторами из различных городов и регионов России и зарубежных государств, сборник данных материалов был опубликован до начала заседания (XXI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов), Кисловодск, 2000. – 160 с). Непосредственное участие в работе конференции приняли ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, республик и краев Северного Кавказа, Украины и Франции (университет г. Кан – Нормандия). Более 60 докладов и сообщений составили содержание сборника, но из-за ограниченного срока проведения конференции часть из них не была включена в предварительную программу.

Научная часть конференции открылась 27 апреля серией докладов по заявленной на предыдущих XX “Крупновских чтениях” в Железноводске (1998 г.) приоритетной теме: “Археология в XX веке и юбилей 2000-летия принятия Христианства в отражении археологических исследований”. Представлены 12 докладов, причем два из них – Г.Е. Афанасьева и М.В. Горелика – вне программы.

По сложившейся традиции первым на утреннем заседании было заслушано сообщение, связанное с той территорией, на которой проводится конференция. Это был доклад С.Н. Савенко (Кисловодск) “Изучение археологических памятников Кавминвод в XX веке. Основные итоги и перспективы”. Автор представил обобщенную

панораму изучения археологических памятников региона Кавминвод в течение уходящего XX века. Отдав должное многим кавказоведам прошлого, изучавшим регион (А.Н. Грен, Н.М. Макаренко, А.А. Иессен, Н.М. Егоров, А.П. Рунич, Н.Н. Михайлов и др.), С.Н. Савенко подробно охарактеризовал этапы работы разных экспедиций, в результате которых были изучены археологические памятники эпохи камня, бронзы, раннего железного века и средневековья. Поименно обозначен вклад тех или иных исследователей в решение сложных проблем древности в регионе, буквально насыщенном остатками разных эпох. Размах и глубина проделанной работы в регионе таковы, по мнению докладчика, что тема заслуживает специальной монографической разработки.

Большой интерес вызвало незапланированное ранее сообщение заместителя директора ИА РАН (Москва), доктора исторических наук *Г.Е. Афанасьева* “ГИС и ДЗ-технологии в изучении археологических памятников Кисловодской котловины”. В нем продемонстрирован опыт применения очень популярных в последнее время в различных научных дисциплинах и направлениях современных методов пространственного анализа с использованием космо- и аэрофотоматериалов в процессе археологических разведок локальных территорий. Кроме обобщенного теоретического обзора в докладе содержались наглядные результаты практических работ с применением рассматриваемых методик, полученных возглавляемой автором экспедицией Института археологии в ходе детальных разведок памятников Кисловодска и окрестностей в 1996–1999 г. (начальник отряда кандидат исторических наук Д.С. Коробов). Особенно наглядно географически-информационная система (ГИС) и дистанционное зондирование (ДЗ) при компьютерном картографировании памятников показали себя при изучении террасного земледелия и выявлении кустового размещения поселений в Кисловодской котловине.

Доклад *В.А. Кузнецова* (Минеральные Воды) “Вопросы истории раннего Христианства на Северном Кавказе” в рамках двухтысячелетнего юбилея христианства в определенной мере подводил итог изучению этой темы в северокавказской историографии.

В обширном обзоре В.А. Кузнецовым скрупулезно прослежены направления и этапы христианизации региона, начиная с первых веков н.э. и вплоть до позднего средневековья (XIV–XV вв.). Конкретные вопросы были освещены неравнозначно по объективным и субъективным причинам. Заслуживает внимания объяснение автора причин неустойчивости христианства на Северном Кавказе на позднем этапе средневековья в его противостоянии мусульманской религии в связи с тем, что в течение всего длительного периода распространения данной религиозной сис-

темы она внедрялась в местную среду в основном путем поверхностной христианизации, а не евангелизации, а также большим соответствием догматов ислама горской психологии, традициям, менталитету.

Проблемно-историографический аспект имел доклад *В.И. Козенковой* (Москва) “Кобанская культура: веки в столетнем исследовании (XX век)”. Касаясь основных причин изучения знаменитой культуры эпохи поздней бронзы – раннего железа, докладчик сделала упор на ключевых научных направлениях изучения Кобани и выделила те из них, где достигнуты доказательные результаты, и тех, что требуют дальнейшей разработки.

В проблематике кобанской культуры, которую В.И. Козенкова считает явлением, “органично выросшим на кавказской почве”, впитывавшим привнесенные извне культурные элементы, но сохранявшим на всех этапах его почти тысячелетнего развития бесспорную самобытность, исследовательница выделяет около 10 магистральных направлений, изучение которых предполагается и в следующем столетии.

Доклад *В.Б. Ковалевской* (Москва) “Применение естественнонаучных методов в северокавказской археологии (вторая половина XX в.)” был посвящен проблеме историко-культурных построений в северокавказской археологии на базе интерпретации массового археологического материала. В определенной мере доклад перекликался с докладом Г.Е. Афанасьева, но содержал более широкий обзор применения естественнонаучных методов в северокавказской археологии второй половины XX в. В.Б. Ковалевская, являясь одним из зачинателей данного научного направления в отечественной археологии, достаточно глубоко и всесторонне обобщила успехи и недостатки его развития на северокавказской источниковой базе, включая компьютерное картирование и классифицирование, внедрение генетических программ и т.п. В докладе особо подчеркивалась надежность выводов на основе сочетания традиционных и новейших методов изучения археологических артефактов.

Завершилось утреннее пленарное заседание небольшим, но интересным внеплановым сообщением *М.В. Горелика* (Москва) “Парадные кабарские клинки”. Докладчиком рассмотрены наиболее яркие образцы раннесредневекового клинкового вооружения Восточной Европы, включая Северный Кавказ. В докладе были представлены интересные художественно-технологические наблюдения, свидетельствующие о сочетании алтайских, венгерских, скандинавских и ряда других элементов в технике изготовления и декоративном оформлении рассматриваемых сабель и кинжалов. Ряд северокавказских предметов из могильников Змейского, Кольцо-Гора определены

как произведенные в одной мастерской. Предложено смысловое отождествление этнонимов “кабары” и “кабардинцы”.

На вечернем пленарном заседании первого дня конференции были продолжены доклады в рамках заявленной темы с акцентом на историографию и приоритетность проблем разных периодов исследования Северного Кавказа.

Доклад *И.М. Чеченова* (Нальчик) “100 лет археологических исследований на территории Кабардино-Балкарской Республики (XX век)” был посвящен особенностям и специфике изучения памятников Чегемо-Баксанского гидрографического куста на протяжении века. Отмечены периоды спада и подъема в изучении тех или иных древних периодов и проанализированы причины этих явлений. Особенно заострено внимание на положительных условиях периода начала 70-х – второй половины 80-х годов, позволивших не только развернуть крупномасштабные полевые исследования, но и издать полученный ценный объем археологической информации.

Степени изученности и перспективам дальнейшей разработки комплексных научных тем в сарматоведении кавказского региона был посвящен доклад *М.П. Абрамовой* (Москва) “Изучение северокавказских памятников сарматского времени в XX веке”. Выделив четыре основных периода изучения, автор доклада предложила их качественную характеристику. Подводя итог, М.П. Абрамова указала на недостаточное исследование в XX веке памятников горной и предгорно-равнинной зон. Первоочередной задачей в XXI веке докладчик полагает полную публикацию всех открытых материалов, поскольку этот факт препятствует качественно новому решению многих вопросов периодизации, дробной хронологии, уточнению этнического состава местных культур и т.д.

Важным результатом широкомасштабного хоздоговорного исследования слабо изученных до последнего времени районов Ставропольского края был посвящен совместный доклад сотрудников Ставропольского унитарного предприятия “Наследие” *А.Б. Белинского, Я.Б. Березина, А.А. Калмыкова* “Предварительные итоги комплексного археологического изучения северной части Ставропольского края”. Материалы из нескольких сот подкурганых погребений указанной территории, раскопанных в 1997–1999 гг., значительно пополнили источниковую базу северной зоны Центрального Предкавказья, характеризующую (в различной степени) этапы эпохи бронзы, раннего железа, раннего средневековья. Из числа изученных объектов особо выделяется большой Ипатовский курган с необычно богатым погребением № 14 сарматского времени и представительными комплексами эпохи бронзы, а также курган 2 могильника Джухта-2 с двумя основными погре-

бениями середины XIII в. с яркими, выразительными находками. Большой интерес представляет и полностью исследованное мусульманское кладбище XVII–XVIII вв. из 155 погребений. Важно подчеркнуть, что исследования экспедиции “Наследия” носили комплексный междисциплинарный характер, широко включали современные методы компьютерной фиксации, характеристики и обработки, дешифровки космо- и аэрофото-материалов, радиоуглеродного датирования, палеопочвенного и палеонтологического анализа. Хотелось бы, чтобы полная публикация полученных материалов не заставила себя долго ждать.

Доклад французского ученого *Кристиана Пилле* (г. Кан, Нормандия) “Христианизация Северной Галлии” был посвящен этапам постепенного утверждения христианства на протяжении двух веков на землях галлов, которые сопровождалось вытеснением, а иногда и насильственным разрушением местных сельских языческих святилищ. Убедительной иллюстрацией к докладу оказались показанные картографические данные, в основе которых лежат не только архивные материалы, но и проведенные археологические раскопки. Совокупность информации показала, что процесс христианизации Северной Галлии, начавшийся в 177 г. с деятельностью небольшой общины в Лионе, был завершён к началу XIII в.

Интересные результаты археологического изучения золотоордынских городищ Северного Кавказа содержит доклад *Э.Д. Зиливинской* (Москва) “Археологические исследования золотоордынских городов Северного Кавказа в XX веке”. Докладчик подробно остановилась на исследованиях наиболее известных из них (Маджары, Верхний Джулат, Нижний Джулат). В настоящее время на основе обследования и раскопок монументального зодчества, могильников, предметов быта и нумизматики можно говорить о качественной характеристике двух типов городов времени Золотой Орды. Э.Д. Зиливинская так же, как и другие исследователи по своим материалам, отметила насущную необходимость обобщающих публикаций по проблеме. Особо заострен в докладе и вопрос охраны памятников, так как констатируется чудовищно активное разрушение и уничтожение даже самых известных, таких, как Татартупский минарет.

Итогам положительных 30-летних стационарных археологических исследований старейшего в Дагестане города Дербента был посвящен доклад *А.А. Кудрявцева* (Ставрополь) и *М.С. Гаджиева* (Махачкала) “Важнейшие итоги историко-археологических исследований Дербента (1970–1999 гг.)”.

Полученные обширные полевые данные позволили по-новому подойти к вопросу генезиса города с его истоками еще на рубеже IV–III тыс. до н.э. и в скифский период. Были освещены различные проблемы истории Дербента на фоне дагес-

танского и общекавказского контекста. Кроме собственно археологических материалов выявлены яркие образцы художественной культуры, искусства, эпиграфические памятники. Новым направлением были подводные исследования 80-х годов. Авторы, однако, вполне обоснованно оценивают результаты проведенных работ как начало изучения многовековой истории Дербента.

Пленарное заседание завершилось обсуждением вопросов, дискуссионными замечаниями и выступлениями, оценками докладов и сообщений. В.А. Кузнецов, положительно оценив доклады В.Б. Ковалевской и Э.Д. Зиливинской, задал им ряд вопросов. Обсуждалась проблема определения направлений культурно-экономических связей раннесредневекового населения центральной части Северного Кавказа с применением компьютерных методов. На вопрос о том, почему традиционными методами Е.М. Пчелиной выделялось 13 основных путей контактов через Эльхотовские ворота, а В.Б. Ковалевской только 5, последовал ответ о недостаточности представленных материалов. Э.Д. Зиливинская в ответе на вопрос о существовании золотоордынских городов Предкавказья в XV в. после походов Тимура также указала на недостаточность данных, хотя какая-то жизнь здесь, по мнению исследователя, продолжалась. По поводу связи мечети и склепа в Верхнем Джулате Э.Д. Зиливинская указала, что объекты скорее всего разновременны. О поселениях в районе эссентукских мавзолеев сказано, что они могли существовать, но пока не выявлены. В.А. Кузнецов затронул версию о возможности чеканки золотоордынских монет в Верхнем и Нижнем Джулате, Алагире, Карджине. В обсуждении принял участие Ю.А. Прокопенко (Ставрополь), указавший, что созвучные северокавказским населенным пунктам (в частности, «Алагир») центры могли располагаться в Закавказье, о чем уже говорилось в историко-нумизматических публикациях.

По проблемам распространения раннего христианства на Северном Кавказе, в основном в связи с докладом В.А. Кузнецова, высказывались А.А. Кудрявцев, М.В. Горелик, И.М. Чеченов, С.Л. Дударев, Кристиан Пиле, Э.Д. Зиливинская. В ходе дискуссии отмечалась необходимость учета данных о попытках внедрения христианства в восточных районах региона в IV в. н.э. и реальном существовании там его приверженцев в V в. Знаменитая Джума-мечеть в Дербенте первоначально являлась, вероятно, христианским храмом (А.А. Кудрявцев). Интересное замечание по докладу А.А. Кудрявцева сделал М.В. Горелик. По его мнению, ранние сирийские источники имеют к самой Сирии косвенное отношение, так как происходят из Северного Ирана. Степень «ортодоксальности» христианства в этих районах различна и следует разделять византийское и сирийское религиозно-

культурное влияние. И.М. Чеченов обосновал недостаточность разделения Алании только на западную и восточную, в том числе и в связи с проблемой христианства, так как, например, восточнее Нальчика в границах Алании фактически нет ранних христианских памятников. При обсуждении подчеркивалось как положительный факт, что во всех этих сообщениях наряду с конкретными фактическими данными и специфическими особенностями территориально-хронологического характера исследовались общие закономерности распространения раннего христианства в варварской среде.

Не менее оживленно прошла дискуссия по первобытной тематике. С.Н. Савенко отмечена глубина и обстоятельность докладов В.Б. Ковалевской, М.П. Абрамовой и В.И. Козенковой. Положительную оценку получили доклады М.П. Абрамовой и В.И. Козенковой и в выступлении А.А. Кудрявцева. С.Л. Дударев отметил новизну и обстоятельность докладов Г.Е. Афанасьева и С.Н. Савенко, а также емкость и краткость доклада В.И. Козенковой. Развивая мысль о наследии в «кобанской тематике», он подчеркнул, что многие исследователи вложили в нее свой труд и «прямых наследников нет». По его мнению, многие вопросы этой обширной темы надо стараться решать коллегиально. Стоило бы провести специальное совещание по проблемам кобанской культуры, а также выпустить сборник.

Второй день работы конференции проходил по двум секциям: древности и раннего железа и секции средневековья. Хотя очень многие из заявленных в программе докладчиков по финансовым обстоятельствам не приехали, но график заседаний был тем не менее плотно заполнен.

На заседании Секции древности и раннего железа из 16 прочитанных докладов и сообщений 6 были посвящены различным аспектам эпохи ранней и средней бронзы, остальные 10 были сосредоточены на проблемах кобанской культуры, взаимоотношениях местных северокавказских культур с кочевыми племенами степей Причерноморья, отдельным частным темам эпохи раннего железа на Северном Кавказе. Доклад В.Л. Ростунова (Владикавказ) «Природно-климатический фактор в заселении предгорной и степной зон Центрального Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы» содержал ценные результаты многолетних наблюдений о соотношении палеоклиматических условий в разных частях рельефа Центрального Кавказа и археологических памятников, что отражает определенную динамику в изучении различных аспектов жизнедеятельности древних обществ на ранних этапах их развития. В докладе Л.С. Ильюкова (Ростов-на-Дону) «Новые данные о колесном транспорте эпохи средней бронзы в Нижнем Подонье» были приведены новейшие данные о катакомбных захоронениях с остатками

деревянных повозок (могильник Донской в низовьях р. Сал). Инвентарь свидетельствует, что захоронения датируются периодом развитой ма-нычской культуры. Доклад *А.А. Нечитайло* (Киев) “Результаты анализа Нарт-Эшикских серпов”, сделанный вне программы, содержал данные о составе металла 19 из 50 серпов из Карачая. Они открывают новые сведения о тесных металлургических контактах Прикубанья и степей Северного Причерноморья в середине – второй половине II тыс. до н.э.

Сообщение *Н.Г. Ловпаче* (Майкоп) “Сравнительный анализ археологии Северного Кавказа и Анатолии” было посвящено поездке докладчика в Турцию. Осмотр материалов в музеях дал возможность говорить о взаимовлиянии кавказской и анатолийской культур в разные периоды.

Доклад *М.В. Семендяева* (Пятигорск) “Каменные топоры эпохи бронзы на территории северо-восточной части Пятигорья (окрестности Пятигорска, Железноводска и Ессентуков)” представлял обобщение о 22 каменных топорах. Предложена типология с выделением четырех типов таких предметов. Определены нижняя и верхняя границы дат топоров. Вне программы был заслушан доклад *Р.Г. Магомедова* (Махачкала) “К вопросу о финальной фазе куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе”. На основе великолепных находок из Великента докладчик высказал много интересных соображений, касающихся хронологии этого памятника, дата которого может быть растянута до начала II тыс. до н.э. Два последних доклада утреннего заседания секции древности были посвящены позднебронзовой проблематике. *А.П. Мошинский* (Москва) в докладе “О правомерности выделения дигорской культуры” на основе новых полевых материалов из Дигории отстаивает право самостоятельности их в качестве особой культуры протокобанского типа.

Сообщение *А.Ю. Скакова* (Москва) “К вопросу о хронологии закавказских кладов эпохи поздней бронзы” касалось разработки хронологии, иногда в сторону пересмотра традиционных дат, ряда известных кладов Закавказья. В основу уточнения положена предложенная докладчиком схема развития кобано-колхидского стиля изображений.

На вечернем заседании секции древности и раннего железа было заслушано восемь выступлений, главным образом по раннему железному веку и сарматскому времени. Одним из интереснейших следует признать, безусловно, доклад *С.Л. Дударева* (Армавир) “Проблема “киммерийцы и Северный Кавказ” на пороге XXI века”. По сути он относился к серии докладов пленарного характера, так как содержал анализ характера историко-культурных процессов предкифской по-

ры на юге Восточной Европы. Докладчик представил опыт собственной последней проработки данных по этой проблематике. Он выделил три этапа в изучении проблемы, с конца 40-х до конца 90-х. Большое место уделено происхождению биметаллических кинжалов с крестовидной рукояткой и хронологии всего круга материалов. Основные выводы *С.Л. Дударева* таковы: так называемый кочевнический комплекс складывается под сильным влиянием степи, на базе местных кавказских традиций; новочеркасский комплекс лишь частично синхронен черноморскому и является по сути межэтнической воинской субкультурной всаднической верхушки. Главное в решении проблемы, по мнению докладчика, то, чтобы многие исследователи отказались от идеи чьего-то явного превосходства и сблизили во многом свои точки зрения.

Доклад *Н.Н. Тереховой* и *В.Р. Эрлиха* (Москва) “К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции” вызвал большой интерес новизной подхода. На основе металлографического изучения древнейших железных изделий Центрального и Северного Кавказа, главным образом по началу освоения технологии целенаправленной цементации (науглероживания) изделий, придающей им особую крепость, а также по количественным данным железных изделий в различных культурах, докладчики выделили две традиции освоения черного металла в регионе: восточноевропейскую и закавказскую. Для колхидо-кобанского очага Центрального Кавказа зафиксирована закавказская традиция, возможно, в X–IX вв. до н.э. Существование двух традиций прослежено на Северном Кавказе на востоке и западе кобанского ареала. Протомеотские же памятники показывают более четкое разделение навыков железообработки в разных локальных вариантах протомеотской культуры. Блок из трех докладов (*Г.Н. Вольная*, *Е.Е. Васильева*, *Ю.А. Прокопенко*) был посвящен элементам культа в кобанской культуре и в погребальной обрядности сарматских племен Центрального Предкавказья.

Доклад *Г.Н. Вольной* (Владикавказ) “Астральные” и “солярные” знаки на зооморфных и антропоморфных изображениях поздней бронзы – раннего железа Северного Кавказа” был посвящен подробному анализу изображений на разных предметах кобанского и сарматского времени. По мнению докладчика, иконографические особенности изображений позволяют дифференцированно подходить к знакам, их размещению и смыслу, вкладываемому древними в место расположения знака. Небольшое внепрограммное сообщение *Е.Е. Васильевой* (Санкт-Петербург) “К вопросу о святилищах и культовых местах эпохи бронзы и раннего железа Северного Кавказа (кобанская культура)” содержало критический ана-

лиз некоторых известных высказываний о святилищах. Собранный докладчиком материал и его анализ свидетельствуют о том, что не все объекты могут быть обозначены как святилища. Краткое сообщение *Ю.А. Прокопенко* (Ставрополь) “Элементы культа очага в погребальной обрядности сарматских племен Центрального Предкавказья” было сосредоточено на некоторых предметах, в частности на котелках-подвесках, а также на выявлении трех космогонических составляющих культа очага (подвески, цепи, гальки в сосудах).

Сарматский период на заседании секции был представлен докладом *В.М. Косяненко* (Ростов-на-Дону) “Браслеты из некрополя Кобякова городища”. *В.М. Косяненко* многие годы скрупулезно занимается материалами Кобякова городища и могильника. Ею систематизированы многие бронзовые и железные категории вещей. В докладе она проанализировала браслеты из Кобяковского некрополя. Погребальные комплексы, куда входят браслеты, датируются I–II вв. н.э. С точки зрения появления новых источников, интересны доклады *И.А. Лачинова* и *С.Н. Савенко* (Кисловодск) “Керамическая мастерская середины I тыс. до н.э. на поселении Крестовая горка в Кисловодске” и *Б.Х. Атабиева* (Нальчик) “Изваяния ранних кочевников из Кабардино-Балкарии”. Они показали, что даже казалось бы изученные памятники и места могут преподнести приятные для археологов неожиданности. Так, при работах по восстановлению креста на Крестовой горке в связи с 200-летием первого российского курортного сезона в Кисловодске были проведены небольшие археологические раскопки. Известно, что на Крестовой горке еще в 30-е годы были открыты поселение и могильник кобанской культуры. Однако на поселении не находили каких-либо бытовых объектов. В 1998 г. здесь впервые удалось выявить остатки керамической мастерской. Обнаружено не только прямоугольное помещение, но и горн с остатками пода и сложной системой поддувов. Здесь оказались и отходы производства. *С.Н. Савенко* датирует мастерскую серединой I тыс. до н.э. Интереснейшие материалы были показаны во внепрограммном сообщении *Б.Х. Атабиевым*. Уже несколько лет он занимается накоплением материалов по каменным изваяниям, найденным на территории Кабардино-Балкарии. Им были показаны и проанализированы новые находки оленных камней и антропоморфных стел у селений Куба, Нижний Куркужин и Жилы-су. Особенно большой интерес и оживленное обсуждение вызвала стела из Нижнего Куркужина. Судя по нанесенным изображениям, она использовалась дважды. *Б.Х. Атабиев* придерживается киммерийской атрибуции стел и даже выдвигает идею вероятности локализации какой-то части киммерийцев в предгорья

Центрального Кавказа. Он считает, что со временем могут быть найдены и погребения киммерийцев. Последняя идея не встретила поддержки у ведущих специалистов, поскольку все стелы разнотипные и не имеют точных данных о нахождении. Самая интересная из них, куркужинская, найдена в переотложенном состоянии: она представляла строительный материал гробницы, в которой вещи датируются II в. до н.э., а сама гробница еще не доисследована (*В.И. Козенкова*). По изображениям же *С.Л. Дударев* и *В.Р. Эрлих* отнесли ее к VII в. до н.э.

Активное обсуждение докладов особо отличало конец работы секции древности и раннего железа. В обсуждении приняли участие почти все присутствовавшие. По ранней тематике большой интерес вызвали доклады *В.Л. Ростунова*, *А.А. Нечитайло* и *Л.С. Ильюкова*. Так, *А.А. Нечитайло* отметила важность комплексного подхода, предполагающего соотношение археологических культур и природно-климатических условий. В Украине этим только начали заниматься. Ею же были отмечены интересные материалы по древним повозкам в докладе *Л.С. Ильюкова* и великолепная разработка материалов в докладе *Р.Г. Магомедова*. Выступление *Ю.Ю. Пиотровского* касалось многих заслушанных докладов, но особое внимание было уделено методологическому аспекту. Так, он считает, что время обсуждений докладов уже прошло. Необходимо обсуждать не доклады, а проблемы. Сейчас многое с накоплением информации может быть изменено, в том числе и наши определения эпох. Что касается хронологии, может быть, имеет смысл заниматься относительными датами, так как абсолютные почти все “плывут”. *В.Р. Эрлих* отметил уникальность доклада *А.А. Нечитайло*. Анализ бронз сейчас очень мало даже в Москве. *Р.Г. Магомедову* очень понравилась идея не зачитывать доклады, а обсуждать подготовленные вопросы проблемы. Касаясь сообщения *Н.Г. Ловпаче*, *Р.Г. Магомедов* поддержал его в том, что Турция – это Мекка для археологов, но категорически не согласился с некоторыми этногенетическими ассоциациями *Н.Г. Ловпаче* по поводу сходства анатолийских и кавказских материалов. По докладам раннего железного века полемика была менее интенсивная. В основном задавались уточняющие вопросы.

Так, *В.Р. Эрлих* попросил *С.Л. Дударева* привести конкретные данные, подтверждающие последовательность смены черноморовского этапа новочеркасским. Такими материалами *С.Л. Дударев* считает находки из раскопок *А. Сазонова* из Пшиша, а также псалий IX в. до н.э. из Красногвардейского поселения и некоторые другие. Касаясь доклада *Б.Х. Атабиева*, *В.Р. Эрлих* указал, что меч на стеле из Нижнего Куркужина напоминает скифский, что позволяет предполагать, что такие камни могли использоваться очень долго.

А.Ю. Скаков отметил большой интерес доклада А.А. Нечитайло и посоветовал обратить внимание на новейший лазерный метод определения состава металла. Полемизуя с Ю.Ю. Пиотровским по поводу условности дат, А.Ю. Скаков отметил, что при всех недостатках уйти от их определения не удастся. Некоторые замечания в адрес Ю.А. Прокопенко были высказаны М.П. Абрамовой, особенно в отношении хронологии подвесок-котелков. О необходимости более четкого разграничения материалов, представленных в докладах Г.Н. Вольной и Е.Е. Васильевой, говорили А.Ю. Скаков и А.П. Мошинский.

Подводя итоги работы секции, В.И. Козенкова отметила, что, несмотря на сложные внешние обстоятельства нашей научной жизни, отрадно видеть, что “Крупновские чтения” продолжают функционировать, что появилось много новых молодых лиц, а значит, тяга к взаимному профессиональному общению осталась актуальной. Большинство докладов на секции отличалось глубиной и новизной разработок. Оценивая те, что близки ей по тематике, В.И. Козенкова особо остановилась на докладах А.Ю. Скакова, А.П. Мошинского, С.Л. Дударева, В.Р. Эрлиха, Б.Х. Атабиева. Однако были внесены и коррективы. Так, по докладу С.Л. Дударева В.И. Козенкова не согласилась с высказанным мнением о том, что она якобы приняла точку зрения о кочевнической принадлежности цилиндрических молотов в кобанских памятниках. По докладу А.П. Мошинского было высказано сомнение в основательности доказательства существования особой “дигорской” культуры. Не согласилась и с укороченной датой гробницы 1 в Терезе, прозвучавшей в докладе В.Р. Эрлиха.

В Секции средневековья было оглашено в общей сложности 12 докладов и сообщений. В совместном докладе М.С. Гаджиева и А.В. Магомедова (Махачкала) “Исследования раннехристианского могильника в Дербенте” были представлены результаты исследования небольшого раннехристианского могильника в Дербенте с безынвентарными захоронениями в гробах, положенных в каменные ящики с каменными надгробными крестами или изображениями крестов на плитах, датируемые в пределах V–VIII вв. н.э. В незапланированном сообщении В. Додде (Ставрополь) “Кочевнический комплекс золотоордынского времени в могильнике Джухта-2” были проанализированы выразительные детали костюма, обнаруженные в захоронениях золотоордынского времени в кургане 2 могильника Джухта-2 из раскопок экспедиции предприятия “Наследие”, включающие шелковый халат с изображениями драконов, лебедей, попугаев и растительным орнаментом, а также элементы сбруи, декорированные серебряные чаши и др. Результаты вызвали живой интерес специалистов. Доклад Ю.А. Прокопенко был посвящен рассмотрению фигурных инкрустированных фибул-брошей

из памятников Северного Кавказа. Детальный анализ предметов с привлечением западноевропейских аналогий позволили автору датировать их концом V – первой половиной VI в. и связать с импортом из Малой Азии и подражаниями образцам малоазийского ювелирного искусства. Близкими по проблематике и используемым источникам были доклады С.Н. Малахова (Армавир) и А.В. Пьянкова (Краснодар), посвященные изучению средневековых каменных изваяний Прикубанья. Основными вопросами в исследовании этих памятников являются: датировка, этническая атрибуция, историко-художественная оценка. С.Н. Малахов, применяя малоизвестные источники, в частности свидетельства А. Лызлова из “Скифской истории” 1686 г., полагает, что скульптуры изготовлялись в эпоху позднего средневековья с XIV и до начала XVII в. и не имели прямой стилистической связи с половецкими каменными бабами. Прямые же этнические атрибуции он считает преждевременными. А.В. Пьянков избрал для анализа только пять верхнекубанских каменных фигур воинов из окрестностей ст. Сторожевой, Преградной и Нижнего Архыза, традиционно датируемых XI–XII вв. н.э. Детальный анализ изобразительных элементов привел автора к выводу об изготовлении изваяний в местной прикубанской среде под влиянием тюркских культурных традиций, вероятно, населения болгарского круга и других народов.

Ю.В. Зеленский (Краснодар) классифицировал выделенную им подборку подкурганых половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья, связав их с локальной воинской группировкой.

Близкими по историческому подходу к материалам были доклады по ранней истории алан Т.А. Габуева (Москва) и Ф.Х. Гутнова (Владикавказ), хотя в первом сообщении упор делался на собственно письменные китайские источники, а во втором – на археологические данные. Авторы определили свое отношение к ряду важных и дискуссионных вопросов о происхождении и ранних этапах истории аланского объединения. Интересные, порой оригинальные оценки отдельных сюжетов не могут пока претендовать на окончательные выводы.

Выделению этапов в развитии аланской религии в V–IX вв. был посвящен доклад З.Х. Албеговой (Москва). Основными материальными источниками были амулеты из катакомбных погребений Центрального Предкавказья, по изменению состава которых было условно выделено два основных этапа: 1) V–VII вв.; 2) VIII–IX вв. и переходный период VII–VIII вв. Логически предполагается унификация верований на рубеже IX–X вв. под влиянием распространения христианства и принятия его в Алании в государственном масштабе.

Выводы о развитии религии прозвучали пока в достаточно обобщенном виде.

Интересный и выразительный материал из раскопок катакомбного могильника у с. Даргавс представил *Р.Г. Дзаттиаты* (Владикавказ). Наряду с 24 катакомбами были исследованы 2 своеобразные каменные гробницы. Автор датирует некрополь в пределах от VI–VII до IX в. н.э. и делает вывод, что в раннее средневековье горные районы Северной Осетии были густо заселены аланами, а переселенцы после монголо-татарского нашествия осваивали не малолюдные горные ущелья, как это представляется отдельным специалистам.

А.А. Демаков (Н. Архыз) сделал попытку собственного глубокого рассмотрения фресок верхнекубанских христианских храмов с привлечением дореволюционных изобразительных материалов (*Д.М. Струков*, *И.А. Владимиров*, *А.Н. Дьячков-Тарасов*). Автор прав, когда указывает, что детальный искусствоведческий анализ фресок до сих пор не проведен, хотя сейчас от живописи остались только незначительные следы. Исследователь выделяет группы персонажей, различающиеся по костюмам, устанавливает связи рассматриваемых одеяний с римско-византийским комплексом одежд. Присутствие местных (*Г.Д. Равдоникас*) и грузинских (*Д.М. Струков*) прототипов ставится под сомнение. Многослойные фрески датируются в пределах X–XIV вв., а сохранившиеся образцы – периодом после начала XIII в.

Завершающим на заседании секции был доклад *Д.С. Коробова* (Москва), выходящий за пределы средневековой хронологии, так как он был посвящен результатам детальных разведочных работ 1996, 1998–1999 гг. в Кисловодской котловине. По степени детальности и широкому применению приборов спутниковой навигации проведенные работы пока беспрецедентны не только для Кавминвод, но и для значительно более широких российских пределов. Общее число зафиксированных на поверхности точек – 512, они связаны как с однослойными, так и многослойными объектами, т.е. с существенно большим числом памятников. На площади около 350 км² выявлено: 169 открытых поселений, 91 укрепление, 134 грунтовых могильника, 78 курганных групп и другое. При общей датировке объектов в пределах V–IV тыс. до н.э. вплоть до XIX в. включительно, наиболее представлены аланская эпоха в пределах I тыс. н.э. (175 памятников), кобанское время (100). В ходе проведенных работ остались необследованными относительно небольшие участки котловины, что позволяет предполагать некоторое увеличение числа выявленных объектов, однако уже зафиксирован большой базовый материал для дальнейшего детального изучения

древней и средневековой истории рассматриваемого района.

В конце заседания было проведено обсуждение заслушанных докладов и сообщений после ответов авторов на вопросы. Особенно оживленный обмен мнениями произошел по проблеме изучения и датировки каменных изваяний. *М.В. Горелик* датировал их IX–X вв. Близкую хронологию в пределах VI–X вв. на основании археологических реалий (кроме пуговиц) предполагает *А.А. Демаков*. *В.А. Кузнецов* обратил внимание на изображение сумочки “венгерского типа” на изваянии из Исправного и указал на возможность связи каменных скульптур воинов с какой-то особой группой половцев. *С.Н. Малахов* отстаивал свою позицию о поздней датировке изваяний.

Другое сообщение, вызвавшее полемику, было сделано *А.А. Демаковым*. Сойдясь на мнении об исключительной сложности глубокого искусствоведческого анализа фресок, ученые высказали ряд частных замечаний. Так, *В.Б. Ковалевская*, соглашаясь, что поздний слой фресок относится к периоду не ранее XIV в., предложила “модернизацию” ранних изображений. *С.Н. Малахов* указал, что аналогии фрескового материала следует больше искать в Понтийских областях, а не в самой Византии. *В.А. Кузнецов* напомнил, что фреска сохранилась в барабане Архызского храма. Доклад *Т.А. Габуева* обсуждался *М.В. Гореликом* и *Ф.Х. Гутновым*. Отмечая позитивные находки автора, ученые говорили о некоторой увлеченности и чрезмерной прямолинейной трактовке письменных свидетельств по раннеаланской истории.

С развернутыми обзорами прослушанных докладов выступили *В.Б. Ковалевская*, *Г.Е. Афанасьев*, *В.А. Кузнецов*, *С.Н. Савенко*. *В.Б. Ковалевская* дала положительную оценку докладом *Д.С. Коробова*, *З.Х. Албеговой*, обратила внимание на богатые находки в Даргавсе, датировав их в отличие от *Р.Х. Дзаттиаты* IX–X вв. н.э. *Г.Е. Афанасьев* вновь остановился на теме изучения террас, указав их преимущественно раннесредневековое происхождение и отметив некоторые дополнительные детали, например редкое использование южных склонов, возможно, в связи с их пересыханием. По докладу *Р.Х. Дзаттиаты* было подчеркнуто, что материалы, подобные Даргавсу, свидетельствуют о передвижении алан в VIII в. не только на Дон и Кубань, но и в Дарьял и другие горные районы Осетии. *В.А. Кузнецов* остановился на оценке докладов *М.С. Гаджиева* и *А.Р. Магомедова*, указав, что раскопанные погребения в Дербенте свидетельствуют о распространении христианства в Дагестан из Албании.

При обсуждении доклада *З.В. Доде* были указаны аналогии из Калмыкии. Три доклада по половецкой тематике (*Ю.В. Зеленский*, *А.В. Пьянков*, *С.Н. Малахов*) были оценены в целом поло-

жительно, но сделан акцент на необходимость изучения “кавказского субстрата” в раннесредневековой художественной культуре региона. Подчеркнута общекультурная значимость доклада Кристиана Пилé, пригласившего российских археологов для совместных исследований в Северо-Западной Франции. Ученый остановился на докладах Г.Е. Афанасьева и Д.С. Коробова, высказав предложение и надежду на применение современных методов для изучения “земляных городищ” Алании.

На итоговом пленарном заседании 29 апреля были заслушаны отчеты руководителей двух секций, продолжилось обсуждение как отдельных докладов, так и хода конференции в целом. Активно обсужден и принят в целом проект резолюции. В частности, обсуждалась целесообразность проведения общественно-научных “круглых столов” в рамках “Крупновских чтений”. Большинство поддержало новую форму работы ученых, но были и оппоненты (М.В. Горелик и некоторые другие), исходящие из конкретно научных подходов к археологическому кавказоведению. Обсуждались и теоретические проблемы “объективности” и “профессионализма” в археологической науке в связи с этногенетическим аспектом исследования.

Проект резолюции, принятый за основу, было решено доработать с участием всех членов Постоянного координационного совета конференции, в составе которого произошли изменения. В связи со смертью профессора Н.В. Анфимова, старейшего археолога-кавказоведа, не оказалось представителя от Кубани. Было избрано два новых члена: директор унитарного государственного предприятия “Наследие” А.Б. Белинский (Ставрополь) и директор негосударственного Института археологии Кавказа Б.Х. Атабиев (Нальчик). В качестве заместителя председателя Совета утвержден С.Н. Савенко.

Была высказана особая благодарность непосредственным организаторам конференции за комфортные условия для работы: членам местного оргкомитета, сотрудникам музеев, библиотечным работникам и обслуживающему персоналу санатория “Узбекистан”, арендованного для работы форума.

Участники признали позитивность накопленного опыта проведения заседаний конференции в городах Кавминвод (Кисловодск – 1994, 2000 гг., Железноводск – 1998 г.), выразили надежду на продолжение подобной традиции и поручили Постоянному совету решить организационные во-

просы по проведению следующих XXII “Крупновских чтений” в апреле 2002 г. в г. Ессентуки на базе краеведческого музея или в г. Кисловодске на базе историко-краеведческого музея “Крепость”. В качестве приоритетной для следующих чтений определена тема “Кавказские Минеральные Воды в историко-археологическом аспекте”, посвященная 200-летию региона Кавказских Минеральных Вод (2003 г.). В доработанном тексте резолюции содержится обращение к представителям органов власти и управления КМВ, Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской республики, Кабардино-Балкарии и других республик, краев и областей Северного Кавказа по вопиющим фактам широкомасштабных незаконных раскопок с применением техники и современной аппаратуры, ведущих к невосполнимым утратам археологического наследия. Подчеркнута необходимость всемерной деятельности по их предотвращению с привлечением правоохранительных органов и общественности. Ученые убедительно рекомендовали средствам массовой информации при освещении вопросов, связанных с историко-культурным и археологическим наследием, опираться на мнения профессионалов, а не “черных археологов”, чтобы не допускать распространения непроверенных и невежественных сведений о памятниках, а также слабо научно апробированных версий о древней и средневековой истории региона и населяющих его народов. В связи с тем, что участники конференции продолжают поддерживать деловые отношения с учеными-археологами Чеченской республики (в заседаниях принимал участие археолог-краевед из г. Аргун М. Гериханов), большинством голосов (Н.Г. Ловпаче посчитал этот пункт не научным, а политическим и преждевременным, без учета мнения чеченской стороны) было принято положение о необходимости участия в восстановлении фонда научных археологических библиотек Чечни и содействия в подготовке профессиональных научных кадров Чеченской республики. Важное значение было отведено целесообразности создания в регионе Кавказских Минеральных Вод археолого-этнографического научного центра для изучения и популяризации древней и средневековой истории Северного Кавказа.

Конференция завершилась специальными курсиями по археологическим памятникам Кисловодска и окрестностей. Общим желанием было сохранить и развить многолетние традиции “Крупновских чтений” в новом веке и тысячелетии.

Институт археологии РАН
Историко-краеведческий музей, г. Кисловодск
Городской совет г. Кисловодска

*В.И. Козенкова,
С.Н. Савенко*

КОНФЕРЕНЦИЯ “ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ” (Харьков, 1999 г.)

С 21 по 23 октября 1999 г. в Харьковском национальном университете была проведена III научная конференция “Проблемы истории и археологии Украины”, организованная Харьковским историко-археологическим обществом. В работе конференции приняли участие более 80 специалистов, представлявших академические центры, высшие учебные заведения, музеи, историко-культурные заповедники, государственные учреждения по охране памятников истории и культуры Харькова, Киева, Москвы, Санкт-Петербурга, Азова, Артемовска, Белгорода, Винницы, Воронежа, Донецка, Луганска, Мелитополя, Полтавы, Севастополя, Симферополя, Сум. Тезисы докладов, представленных на конференции, были опубликованы к началу ее работы в сборнике: “Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции 21–23 октября 1999 г.” Харьков, 1999.

На пленарном заседании были заслушаны доклады *В.И. Кадеева* (Харьков) “А.С. Федоровский как археолог” и *Ю.В. Буйнова* (Харьков) “Курганные памятники скифского времени на Харьковщине: проблемы и перспективы исследований”.

Дальнейшая работа конференции проходила по секциям.

На секции “Неолит – бронзовый век” остродискуссионным оказался вопрос о социальной структуре племен ямной культурно-исторической общности. В докладе *В.В. Цимиданова* (Донецк) и *С.В. Ивановой* (Одесса) “Воинство в ямном обществе Северо-Западного Причерноморья” был сделан вывод об отсутствии в этом регионе трифункциональной социальной структуры со специализированной группой военной знати. С критикой такого вывода выступил *Б.Д. Михайлов* (Мелитополь) и на примере анализа петроглифов Каменной могилы, имеющих мифологемную связь с Троей Гомера, попытался доказать существование жреческого сословия у племен ямной культуры. По его мнению, Каменная могила была ведущим религиозным центром северо-восточной части циркумпонтийской зоны и сыграла главенствующую роль в идеологическом воздействии на народы древнего Востока и Запада. Большое внимание участники секции уделили вопросам материальной, духовной культуры и хозяйственной деятельности населения среднего течения Северского Донца среднего бронзового ве-

ка. *А.В. Супрун* (Луганск) в докладе “Донецкая катакомбная керамика на поселениях Подонцовья” на основании подробного анализа керамических коллекций пяти поселений вполне аргументированно отнес их к поздней донецкой катакомбной культуре. Характеристике кремневых изделий культуры многоваликовой керамики был посвящен доклад *С.Н. Разумова* (Донецк) “К изучению кремнеобработки КМК Подонцовья”. Весь имеющийся набор орудий труда из кремня, по его мнению, предназначался для обработки продуктов животноводства. О распространении у племен срубной культуры в Подонцовье календарной обрядности, культов огня, домашнего очага, предков, животных и других религиозных верований говорилось в докладах *Ю.В. Кудлая* (Донецк) “Раскопки срубного кургана возле с. Нововасильевка в Донецкой области” и *С.И. Татарина*, *С.В. Федяева* (Артемовск) “Некоторые культовые предметы эпохи бронзы”. С информацией об открытии на Харьковщине памятников марьяновской культуры выступил *Ю.В. Буйнов*. Приведенные им в докладе “Памятники марьяновской культуры бассейна Северского Донца” материалы указывают на наличие трех основных компонентов формирования бондаринской культуры позднего бронзового века – родственных между собой памятников малобудковского, студенокского типов и позднесрубной культуры.

На секции “Ранний железный век” *В.П. Андриенко* (Донецк) в докладе “О находках изображений рогатых птиц (“грифо-баранов”) на поселениях Ворсклы (хронология и семантика)”, анализируя находки двух изображений головы хищной птицы с рогом, пришел к выводу, что в основе данного мотива лежит образ “священной птицы”. Автор подчеркнул, что уже на ранней стадии существования скифского звериного стиля этот мотив получает распространение не только среди кочевой скифской аристократии, но и у рядовых земледельцев Лесостепи. В докладе *Л.И. Бабенко* (Харьков) “Об одной черте погребального обряда населения Северскодонецкого региона в скифское время” было отмечено наличие ряда погребений взнузданных лошадей и могил с предметами конского снаряжения. По мнению автора доклада, такого рода захоронения появляются у местного населения под влиянием внешних факторов и свидетельствуют об отсутствии однообразной этнической среды у племен

Северскодонецкого региона в конце V–IV в. до н.э. В докладе “Золотая плеть” в скифской культуре” *Ю.Н. Бойко* (Винница) показал, что плеть, а возможно, жезл, украшенные золотом и серебром, не могут однозначно отождествляться с культурой скифов-кочевников. Распространение этих предметов в среде высшей скифской аристократии было вызвано, вероятно, заимствованиями у других иранских и индоарийских народов. Доклад *В.П. Власова* (Симферополь) “Об этнической принадлежности населения, оставившего некрополь Дружное в Центральном Крыму (по данным лепной керамики)”, был посвящен анализу лепной керамики из раскопок могильника второй четверти III–IV в. н.э., расположенного в районе Симферополя. Автор отметил этнокультурную неоднородность оставившего некрополь Дружное коллектива, основу которого составляли северокавказские аланы, а также выходцы из других сарматских племен, поздние скифы, боспоряне, меоты и германцы. В докладе *С.И. Воловика* и *М.Н. Григорьянца* (Харьков) “Археологическая карта Харьковщины (Дополнение к справочнику по археологии Харьковской области)” нашли отражение данные о 151 памятнике Харьковской области, охватывающие период от палеолита до средневековья. *В.П. Глебов* и *И.Н. Парусимов* (Ростов-на-Дону) доложили о находке большого фрагмента бронзового зеркала с циркульным орнаментом в кургане на правом берегу р. Маныч. Данная находка, по мнению авторов, расширяет ареал зеркал этого типа. В докладе “К проблеме жаботинского этапа” *М.Н. Дараган* (Харьков), отметил, что в жаботинское время в Днепровской правобережной лесостепи имелся комплекс памятников, материальная культура которых носила целостный характер и не была известна за пределами региона. *И.Н. Храпунов* (Симферополь) в докладе “О миграциях предков средневековых алан”, анализируя сведения о крымских, донских и кавказских могильниках, пришел к выводу о единовременном переселении населения из предгорных районов Северного Кавказа в Крым и на Дон и их интеграции в местную сарматскую среду. Дальнейшая миграция алан синхронизируется с появлением в Северном Причерноморье гуннов. *Б.А. Шрамко* (Харьков) в докладе “Некоторые вопросы изучения металлообработки в Скифии” основное внимание уделил причинам появления и длительного существования противоречивых оценок деятельности скифских ремесленников в VII–III вв. до н.э. Одну из главных причин этого автор видит в недостатках источниковедческого анализа исходных данных.

Секция “Античный мир” была представлена разнообразными по тематике докладами. Так, проблему историчности Иисуса Христа подняла в своем докладе “Иисус Христос – миф или реальность?” *В.А. Латышева* (Харьков). Подчеркнув,

что позиция советской историографии в этом вопросе определялась идеологическим диктатом, автор считает необходимым обратиться к концепции теологов, признающих реальность личности Иисуса и не отрицающих сверхъестественные элементы в его биографии. В докладе *К.Ю. Нефедова* (Харьков) “Аполлон в политической пропаганде Селевка Никатора” было отмечено, что общегреческие представления об Аполлоне как покровителе эллинских колонистов на варварских землях были использованы Селевком для обоснования легитимности своей царской власти. Превращение же царя в сына божества-покровителя отражает одну из тенденций развития политического “мифотворчества” эпохи диадохов. *С.Д. Литовченко* (Харьков) в докладе “Армения в контексте восточной политики Марка Антония” высказал предположение о том, что ухудшение римско-армянских отношений было вызвано попытками Антония заключить союзный договор с царем Мидии – Атропатены, что, в свою очередь, подтолкнуло Армянское царство к более тесному сотрудничеству с парфянами. Значительная часть докладов секции была посвящена проблемам истории и археологии античного Причерноморья.

В частности, *А.М. Бутягин* (Санкт-Петербург) в докладе “Архаический некрополь Мирмекия” особое внимание уделил истории исследования мирмекийского некрополя, отметив особенности обряда захоронения в позднеархаический период. Сведения о хозяйстве, быте, условиях жизни, религиозных представлениях жителей Китея в III–VI вв., полученные в результате многолетних исследований города и его некрополя, были представлены в выступлении *Н.Н. Болгова* и *В.Л. Кравченко* (Белгород) “Позднеантичный Китей: быт и повседневная жизнь”. В докладе *О.А. Ручинской* (Харьков) “Патриархальные представления в мировоззрении жителей античного Херсонеса” были проанализированы свидетельства источников, позволяющие говорить о развитии патриархализма и традиционализма в социальной жизни полиса, что во многом способствовало сохранению этнокультурного единства Херсонеса и позволяло противостоять иным идеологическим влияниям. На примере группы культовых терракот *А.В. Шевченко* (Севастополь) в докладе “Херсонесские терракоты: их художественная значимость” показала, что развитие искусства коропластики в Херсонесе в III–II вв. до н.э. шло под влиянием творчества малоазийских “школ” Смирны и Пергама. Вместе с тем, в докладе было подчеркнуто, что херсонесская коропластика развивалась самостоятельно, оформившись в чисто местное античное направление. Поднимались на секции также проблемы истории Древнего Рима и римских провинций. Религиозной жизни западнопонтийских городов в первые века нашей эры посвятила свой доклад “Культ Асклепия в античных городах За-

падного Понта в римский период” *О.М. Ильина* (Харьков). Автор обратила внимание на то, что греческие города Западного Понта в рассматриваемый период стали очагами синтеза и центрами распространения синкретизированного культа, почитавшегося и в ряде фракийских поселений. *А.П. Мартемьянов* (Харьков) в докладе “Ремесло и торговля в сельских районах Нижней Мезии и Фракии в первых веках н.э.”, проанализировав и обобщив свидетельства источников о развитии различных отраслей ремесла и распространении рыночных отношений, пришел к выводу, что торгово-ремесленная деятельность занимала значительное место в жизни сельского населения восточнобалканских провинций Рима Нижняя Мезия и Фракия. В докладе “К вопросу о “сенатских” и “солдатских” императорах в период кризиса III века в Римской империи” *И.П. Сергеев* (Харьков) отметил неоднозначность определения “сенатских” и “солдатских” императоров, подвергнув критике название периода кризиса III века в Римской империи веком “солдатских” императоров. Изучению состава римской армии во времена первой тетрархии был посвящен доклад *Д.В. Беспрозованных* (Харьков) “К вопросу об увеличении численности римских войск в период правления Диоклетиана”. Проанализировав имеющиеся источники, докладчик поставил под сомнение традиционные представления о количестве новых легионов, созданных за годы правления императора Диоклетиана.

На секции “Славяне и Киевская Русь” *К.И. Бакуменко* (Харьков) в докладе “К вопросу о функциональном назначении антропоморфных и зооморфных фигурок из Мартыновского клада” высказал предположение, что антропоморфные и зооморфные изображения являются элементами декорирования деревянного идола, что позволяет констатировать их тесную связь с сакрально-магической стороной языческих представлений. *Г.В. Бейдин, М.Н. Григорьянц, В.А. Смирнов* (Харьков) в докладе “Находки нестандартных типов фибул на памятниках черняховской культуры Валковского района Харьковской области” пришли к выводу, что племена черняховской культуры обитали на территории Харьковщины длительный, до 200 лет, период, а некоторая часть племен сохранилась и после гуннского нашествия. В докладе *Д.М. Дудко* (Харьков) “Раннеславянские культовые фигурки из Фессалии и их мифологическая семантика” рассматривается коллекция бронзовых фигурок, хранящихся в Принстонском музее (США). По мнению докладчика, фигурки связаны с испытанными иранское влияние культами Даждь-бога и Живы-Мокоши. *М.В. Любичев* (Харьков) в докладе “Изучение черняховских памятников в бассейне р. Мжа” сделал обзор археологических исследований за последние 100 лет в Можском микрорегионе. Архе-

ологические находки подтверждают, что на Мже фиксируются две волны черняховского переселения к востоку от Днестра в III и IV вв. На основании результатов работы археологической экспедиции 1997–1998 гг. *К.Н. Мироненко* (Полтава) в докладе “Керамический комплекс XIII–XV вв. из посада летописной Лтавы (вопросы хронологии)” представил классификацию керамических находок, обнаруженных при раскопках хозяйственного помещения. Автор подчеркнул взаимосвязь традиций гончарного производства второй половины XIII в. с традициями Киевской Руси, а также уникальность находок, подтверждающих существование поселения на месте летописной Лтавы после татаро-монгольского нашествия. Доклад *П.С. Михайлова* (Киев) “Древнерусская диадема из Сахновки – конструктивный и психологический анализ” был посвящен результатам исследования золотой диадемы, найденной на городище Девичья Гора в 1900 г. Они подтвердили реконструкцию *П.П. Толочко*, по которой основой для крепления звеньев диадемы являлась княжеская шапка, что в дальнейшем привело к появлению великокняжеского венца эпохи Московской Руси. *Ю.Ю. Башкатов* (Киев) в докладе “Сравнительный анализ АЗК и УЗК локальных вариантов киевской культуры” уделил внимание абсолютно закрытым и условно закрытым керамическим комплексам, как дающим наиболее точную информацию о керамических традициях и тенденциях развития керамических форм в ареале распространения культуры. Автор пришел к выводу о различиях керамических комплексов локальных вариантов киевской культуры, что подтверждает неодновременность заселения этих территорий. *О.А. Щеглова* (Санкт-Петербург) в докладе “Мастер Трубчевского клада и его фибулы” в результате исследования 19 золотых фибул высказала предположение о существовании промежуточного гладкого двухпластинчатого шаблона из твердого материала, покрытого толстым слоем воска. Следовательно, трубчевский мастер не только воспроизводил вещи по образцам изделий, но и сам изготовлял их по твердым шаблонам. В докладе *Д.В. Акимова* (Воронеж) “Постройки второй четверти – середины I тыс. н.э. лесостепного Подонья” были проанализированы и обобщены углубленные и наземные постройки на территории Верхнего Подонья и лесостепного Прихоперья, что позволило автору провести аналогии с полуземлянками киевской и черняховской культур и домостроительной традицией черняховской культуры Северо-Западного Причерноморья и Днестро-Днепровского междуречья.

Проблемам истории Византии и новым археологическим исследованиям на территории Хазарского каганата были посвящены доклады, заслушанные на секции “Византия, Хазария и кочевники”. *А.В. Горайко* (Харьков) в докладе “Жизнь

провинции Армения II по письмам святителям Иоанна Златоуста из изгнания” на основании малоисследованного эпистолярного источника представил анализ внутренней жизни небольшого малоазийского городка. Автор высказал предположение о типичности подобных городов для империи в целом. *С.Б. Сорочан* (Харьков) в докладе “О самых ранних керамических подсвечниках из Херсонеса/Херсона” показал, что за эволюцией осветительных приборов от светильников римского типа до светильников-свечников стояли глобальные изменения в социально-экономической жизни Византийской империи, которые нашли отражение в быту. О находке нового комплекса молибдулов из средневекового Херсона, подтверждающих участие города в международной торговле в Причерноморском регионе, сообщил *Н.А. Алексеев* (Севастополь) в докладе “Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики”. В докладе *В.В. Литовченко* (Харьков) “Патриарх Николай Мистик как противник усиления императорской власти” была дана оценка противостояния патриарха и императора за право доминировать в церковных вопросах. *Т.Ю. Яшаева* (Севастополь) посвятила свой доклад “Христианский храм в округе Херсонеса на мысе Безымянном” результатам раскопок 1997–1998 гг. на Гераклеяском полуострове и сделала вывод, что при строительстве храма были использованы приемы, характерные для строительной техники пришлого, осевшего на землю хазаро-болгарского населения. *В.А. Катунин* (Харьков) в докладе “Торговля в Хазарском каганате: современное состояние проблемы” предпринял попытку систематизации всего существующего материала по следующим направлениям: торговля, торговые пути, социальная структура явления.

В докладе *В.В. Колоды* (Харьков) “Раннесредневековые жилища Верхнего Салтова” была про-

Харьковский национальный университет

анализирована техника домостроительства, приемы планировки и интерьера стационарных жилищ салтовской культуры. Результаты исследования, по мнению автора, позволяют говорить о разноэтничном составе населения региона. Оригинальная гипотеза была высказана *А.В. Крыгановым* (Харьков) в докладе “Крупнейший город Хазарии”. Автор предположил, что Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры VIII–X вв. являются остатками одного крупного города, находившегося по обоим берегам реки. *В.С. Аксенов* (Харьков) в докладе “К вопросу об обряде обезвреживания погребенных у аланского населения салтовской культуры” приводит ряд аргументов в пользу существования у алан Подонья обряда обезвреживания. По версии докладчика, нельзя считать ограбленными все потревоженные могилы. Значительную роль таволги в фольклоре и религиозных воззрениях украинского, русского и тюркоязычных народов подчеркнул *А.И. Семенов* (Санкт-Петербург) в докладе “К археологическим основам таволжаного мотива украинских дум”. Докладчик считает возможным установить датировку культового использования мотива таволги по археологическим материалам, так как датировка фольклорных произведений затруднена. *А.В. Прынь* (Луганск) представил доклад “Праболгарский могильник Черниково Озеро I на Северском Донце”. Материал вскрытых погребений позволяет датировать могильник VIII–IX вв. и отнести его к болгарскому варианту салтово-маяцкой культуры. Памятник, возможно, отражает племенное деление и направление весенне-летних кочевий болгар в пойме р. Северский Донец.

Следующую научную конференцию Харьковское историко-археологическое общество планирует провести в 2001 году.

*О.А. Ручинская,
В.В. Литовченко*

ФРАНКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ: НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В 1999–2000 гг. сотрудничество ИА РАН с французскими археологами в области раннесредневековой археологии продолжалось в тех же формах, что и ранее (см. РА 1999, № 4): совместное участие в раскопках и в международных коллоквиумах.

Группа сотрудников ИА РАН (З. Х.-М. Албегова, Д.С. Коробов, А.В. Мاستыкова, Б.Е. Янишевский) продолжила исследование меровингского могильника в Лонгтуа, в Верхней Нормандии. Работы проводились Региональной археологической службой (Э. Мантель) при участии Музея Национальных Древностей, Института археологии Лондонского университета и ИА РАН в рамках совместной программы по раннесредневековой археологии. В настоящее время памятник полностью раскопан и его материал готовится к публикации при участии российских специалистов. В ходе работ за все годы раскопок здесь было выявлено около 250 погребений (точное число будет установлено антропологическим исследованием, поскольку поздние ингумации часто образовывали сплошной слой костяков, частично разрушенных распашкой). Это типичные для меровингской Галлии индивидуальные захоронения, совершенные по обряду ингумации, вытянутые на спине и ориентированные головой на запад. Могилы образовывали ряды, которые тянулись с юго-запада на северо-восток.

Наиболее ранние погребения VI в. были совершены в больших погребальных ямах. В 1999 г. было, в частности, раскопано два погребения в больших ямах-камерах, оба они полностью ограблены, лишь в одном были найдены несколько мелких аппликаций из золотой фольги, что свидетельствует о богатстве их инвентаря. Хорошо представлены погребения последней трети VI – первой половины VII в. Наиболее многочисленными оказались мужские погребения. Их инвентарь включал поясные гарнитуры с массивными пряжками, скрамасаксы, копья, топоры. Женские могилы содержали типичный меровингский убор этого времени: малые фибулы-броши, ожерелья из стеклянных и янтарных бус, серьги, булавки, поясные гарнитуры. Наконец, на могильнике изучена большая серия безынвентарных погребений второй половины VII – начала VIII в., типичных для позднемеровингской Галлии. Несколько по-

здних погребений, раскопанных в 1999 г., содержали инвентарь, что и позволило определить конечную фазу некрополя. Так, в одной женской могиле верхнего горизонта были найдены симметричная фибула 660–670 гг. и выразительная поясная гарнитура.

Могильник в Лонгтуа достаточно типичен для северной Галлии меровингского времени. Погребения совершены по обряду, характерному для сельского населения северной части меровингского королевства, погребальный инвентарь и его местоположение в могиле (предметы убора на теле покойного, оружие и керамика в головах, в ногах или сбоку) также обычны для меровингских могил. Однако некрополь Лонгтуа имеет свои особенности. Это прежде всего значительное количество могил с оружием (копья, топоры, скрамасаксы) конца VI – середины VII в., что нетипично для Галлии после 570–580 гг. Эту особенность нельзя объяснить культурным влиянием англо-саксонских соседей, где предметы вооружения обычны в могилах VII в., поскольку некрополь Лонгтуа не имеет никаких англо-саксонских черт, кроме некоторых параллелей в наборе стеклянных бус. Объяснение этого явления следует искать скорее всего в особенностях военной истории региона. Жители морского пограничья, вероятно, могли иметь особый статус, отразившийся в погребальном обряде.

Как и в 1998 г., на месте раскопок был проведен коллоквиум, в котором помимо российских, французских и английских археологов приняли участие также специалисты из Германии, США и Бельгии. Среди западных участников присутствовали такие известные медиевисты, как директор Музея Национальных Древностей П. Перен, профессор Лондонского университета М. Велш, профессор Кардиффского университета Д. Хайнс. Всего было заслушано 15 докладов. Основной темой коллоквиума была историческая, социальная и демографическая интерпретация материалов раннесредневековых могильников, связь некрополей и поселений.

Российская делегация представила на коллоквиуме пять докладов, четыре из них были посвящены аланской тематике. Г.Е. Афанасьев предложил реконструкцию социально-воинской иерархии мужских погребений из донских некрополей салтово-маяцкой культуры. Сравнение с данными осетинского фольклора (“Нарты”) позволило со-

отнести выделенные группы могил с традиционной воинской иерархией средневековых алан. В докладе З.Х.-М. Албеговой на материале северокавказских амулетов V–IX вв. рассматривались этапы эволюции аланского язычества. На основе наблюдений за изменениями в наборах амулетов автор выделила два периода в истории языческой религии алан: V–VII и VIII–IX вв. Доклад Д.С. Коробова был посвящен результатам исследования семейных структур аланского населения Кисловодской котловины по данным катакомбных могильников. Большинство катакомбных погребений, по мнению автора, принадлежали малым парным семьям. В докладе А.В. Мастыковой были рассмотрены бусы могильника Клин-Яр (V–VIII вв.). На основании морфо-технологического анализа бус были выделены три хронологические группы, связанные по происхождению с различными волнами ближневосточного (сирийского и египетского) стеклянного импорта на Северном Кавказе. Б.Е. Янишевским были представлены подсчеты количества курганных насыпей по более чем 300 древнерусским могильникам запада Московской области. На их основании автор смог сделать важные заключения о демографии населения XI–XIII вв. в западной части Волго-Окского междуречья. Как отметили французские участники коллоквиума, такого рода палеодемографические исследования еще очень слабо развиты на Западе.

Российские доклады и традиционно добротные сообщения западноевропейских коллег позволили участникам коллоквиума составить достаточно целостное представление о современном уровне раннесредневековой погребальной археологии в Европе. С сожалением приходится отметить и открывшуюся слабость американских докладов, представленных в Лонгруа, что отражает общее отставание раннесредневековой археологии в США по сравнению с европейским регионом.

В рамках программы франко-российского сотрудничества сотрудники ИА РАН приняли участие в XX Международных чтениях меровингской археологии, организованных 8–10 октября 1999 г. Французской Ассоциацией меровингской археологии. Они впервые проходили вне Франции, в бельгийском городе Намюр, и были организованы во взаимодействии с Дирекцией археологии Министерства Валлонии (южная франкоязычная Бельгия). Чтения были приурочены к открытию археологической выставки “Mosa Nostra”, посвященной раннесредневековой археологии долины Меза (Мааса). Помимо многочисленных бельгийских и французских археологов и историков на коллоквиуме присутствовали специалисты из Англии, Нидерландов, Германии, Швейцарии. Всего зарегистрировалась более 350 участников.

Было заслушано 28 докладов, из них большая часть была посвящена изучению региона Мез

(Маас) в меровингское время. Вторая группа докладов была связана с темой межрегиональных контактов по водным (речным и морским) путям в V–VIII вв. Некоторые сообщения представляют особый интерес. Так, в совместном докладе П. Перена (Музей Национальных Древностей Франции) и А. Диркенса (Брюссельский свободный университет) был критически рассмотрен вопрос о возможностях картографии в раннесредневековой археологии. На многочисленных примерах авторы показали, как неосторожное использование неполных или некорректно составленных карт распространения различных вещей меровингского времени приводит в некоторых работах к искажению реальной исторической картины. Хотя доклад вызвал негативную реакцию части присутствующих (особенно среди немецких коллег, наиболее активно использующих в своих трудах картографический метод), он не может не служить серьезным предупреждением против поспешного использования археологических карт для ответственных выводов общеисторического плана. Большой интерес у присутствующих вызвал доклад Ю. фон Фриден (Римско-германская комиссия Германского археологического института) о морской торговле альмандинами в V–VII вв. По мнению автора, основной поток импортных драгоценных камней из Цейлона и Южной Индии шел в Византию и далее на европейский Запад по Индийскому океану и Красному морю до тех пор, пока в конце VI в. сасанидский Иран не захватил Йемен и не перекрыл таким образом поступление восточных альмандинов на Запад. С начала VII в. на европейском рынке чешские альмандины заменяют цейлонские. В своем докладе М. Мартин (Институт пре- и протоистории Мюнхенского университета) на примере раннемеровингских мечей типа Крефельд показал связь меровингского вооружения с римскими прототипами и рассмотрел особенности распространения парадных мечей V в. в рейнском бассейне.

Российская делегация представила два доклада, оба были посвящены морским контактам Восточной Пруссии с Западом в позднеримское – раннемеровингское время. В.И. Кулаков на материале погребений с оружием убедительно показал западное, германское и римское влияние на комплекс вооружения и предметов воинской символики (пояса, фибулы и другие вещи так называемой “лимесной” моды) у балтского населения Пруссии в I–VI вв., что свидетельствует как об интеррегиональных контактах прусских балтов, так и о полиэтничности дружины в балтском обществе. По его мнению, эти контакты осуществлялись вдоль побережья Балтийского моря, где в V–VI вв. возникает цепь опорных приморских пунктов, контролируемых разноплеменными дружинами (Глувчице, Варникам/Первомайское, Прооза и т.д.). А.В. Мастыкова в совместном докладе с М.М. Казанским (Нацио-

нальный центр научных исследований, Франция) рассмотрела распространение балтийского янтаря, а именно бус V–VI вв. на меровингском Западе, в бассейне Балтийского и Северного морей. Авторы пришли к заключению, что морская торговля прусским янтарем в этом регионе находилась под контролем северогерманских, в первую очередь саксонских племен. Это объясняет факт наличия в Пруссии значительного количества северогерманских вещей (например, фибул Брейтенфурт и Монсхейм). В середине VI в. в связи с изменением демографической ситуации в северной Германии (исчезновение многочисленных некрополей в Шлезвиг-Гольштейне и Саксонии,

Институт археологии РАН, Москва

возможно, связанное с массовой миграцией на Британские острова), морская торговля янтарем приходит в упадок.

Материалы конференции будут опубликованы в Бельгии. Следующие Меровингские чтения состоятся в октябре 2000 г. в Безансоне (Франция), куда также приглашены российские археологи.

Таким образом, можно констатировать успешное продолжение франко-российского сотрудничества по проблемам раннесредневековой археологии. Думается, что в дальнейшем оно будет развиваться и примет более многообразные формы.

*Г.Е. Афанасьев,
А.В. Мастыкова*

ПАМЯТИ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА ЖЕЛЕЗЧИКОВА (1946–2000)

12 мая 2000 г. тяжелая болезнь в неполные 54 года оборвала жизнь замечательного человека – доктора исторических наук, профессора Волгоградского государственного университета Бориса Федоровича Железчикова.

Один из ведущих специалистов в савромато-сарматской проблематике, он оставил богатое творческое наследие, опубликовав около 100 работ, среди которых несколько монографий.

Борис Федорович родился 20 октября 1946 года в г. Чудово Новгородской области в семье служащих. Его детство и юность прошли в Пермской, а затем в Уральской областях. После окончания школы в 1964 г. Борис Федорович поступил на физико-математический факультет педагогического института в Перми, но проучился там всего год. Он работал молотобойцем, служил в армии стрелком-радистом дальнего бомбардировщика, учился на историко-филологическом факультете Уральского педагогического института и закончил его с отличием в 1972 г. В студенческие годы Борис Федорович увлекся археологией. Он ежегодно выезжал в экспедиции на территории Казахстана под руководством Г.А. Кушаева, был постоянным участником Урало-Поволжских археологических студенческих конференций (УПАСК). Так получилось, что Борис Федорович был организатором и последней XXXII УПАСК, состоявшейся в феврале 2000 г. в стенах Волгоградского государственного университета. По окончании вуза молодой ученый был оставлен на преподавательской работе в Уральском пединституте, а вскоре поступил в очную аспирантуру Института археологии АН СССР, где обучался под руководством К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой. В 1980 г. им успешно защищена кандидатская диссертация по теме “Ранние кочевники Южного Приуралья в VI в. до н.э. – I в. н.э.”.

В 1981 г. Б.Ф. Железчиков переходит на работу в только что образованный Волгоградский государственный университет и активно включается в его становление. Он заведовал кафедрой всеобщей истории, был деканом исторического факультета, проректором по социальной работе. При активном участии Бориса Федоровича был

образован Научно-исследовательский институт археологии Нижнего Поволжья, первым директором которого он стал.

Параллельно с организаторской работой Б.Ф. Железчиков разработал много общих курсов для студентов исторического факультета, а также спецкурсы для студентов, специализирующихся по археологии, летом выезжал в экспедиции. Несмотря на то, что вся эта работа отнимала у него много времени, Борис Федорович вел большую научную работу. Занимаясь изучением древних культур, он прекрасно разбирался в проблемах степей Евразии, любил и понимал степь. Не случайно целый ряд его работ посвящен палеоэкологии и вопросам хозяйственного уклада древних скотоводов. В 1997 г. Борис Федорович защитил докторскую диссертацию “Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н.э.”. Он внес существенный вклад в изучение древностей степей Южного Приуралья. Среди исследованных им памятников безусловно выделяется могильник Лебедевка. В последние годы он готовил полную публикацию этого интереснейшего памятника. Труд остался незавершенным. Какое-

то время еще будут выходить его статьи, сданные им в печать, но, увы, не с кем будет о них спорить.

Борис Федорович был ярким, веселым человеком, любившим жизнь во всех ее проявлениях. Он обожал свою семью, которая была главным стержнем его жизни, любил свое дело, учеников, с которыми много возился и которых частенько поругивал. При этом ни один не затаил на него обиду.

Учеников у него было много, под его руководством защищено несколько десятков дипломных работ и две кандидатские диссертации.

Говорят, каждому определен свой срок. Для Бориса Федоровича Железчикова он оказался слишком коротким. Но остались его статьи и книги, начатые им дела, остались ученики и товарищи. В них остался и он.

Друзья и коллеги

ПАМЯТИ ИННЫ АНАТОЛЬЕВНЫ АНТОНОВОЙ (1928–2000)

19 сентября 2000 г. скоропостижно скончалась Инна Анатольевна Антонова. Ушел из жизни человек, чье имя на протяжении долгого времени было неразрывно связано с историей изучения Херсонеса – одной из редчайших жемчужин античной и средневековой культуры. Директор Херсонесского историко-археологического музея в г. Севастополь с 1955 по 1971 г., заместитель директора по научной работе музея с 1971 по 1980 г., директор Херсонесского государственного заповедника с 1980 по 1985 г., Инна Анатольевна лишь в связи с переходом на пенсию посвятила себя целиком научной работе, имея в общей сложности 45-летний стаж работы в Херсонесе. Она была не просто талантливый историком и археологом, профессионалом в подлинном, высоком смысле этого слова, не только изумительным знатоком херсонесских древностей, но и потрясающим эрудитом, человеком общительным, добрым, щедрым, скромным, всегда открытым людям, готовым помочь, поддержать. Она обладала неутомимой энергией, и даже будучи тяжело больной, из последних сил не бросала работу, видимо, предчувствуя приближение конца, торопилась завершить то, что было делом, смыслом ее жизни и самой жизнью.

И.А. Антонова родилась 27 октября 1928 г. в г. Омск в семье архитектора и воспитательницы детского дома. Как вспоминала сама Инна Анатольевна, ее характер формировался под воздействием важного фактора – одинаковых взглядов родителей на воспитание детей. Две сестры и брат росли в атмосфере дружбы, труда, стремления к знаниям. В 1931 г. в связи с ухудшением здоровья матери семья переехала на Кавказ, где отец вел значительные работы в Нальчике, Пятигорске, Ессентуках, участвуя в разработке архитектурных проектов университета в Нальчике, санаториев, павильонов источников и других гражданских зданий. В 1938 г. свершился очередной переезд, на этот раз в далекую Алма-Ату. Здесь их и застала война. Перенаселенный город тяжело переживал голод. Несмотря на трудности военного времени, все трое детей, окончив школу, выехали учиться в переживший блокаду недавно освобожденный Ленинград и закончили институты.

У И.А. Антоновой колебаний в выборе будущей профессии не было, ибо призвание к археологии проявилось уже в школьные годы. В 1951 г., закончив с отличием отделение археологии исторического факультета Ленинградского университета, она

была направлена на исследование археологических памятников на месте, затапливаемом Каховским водохранилищем. С 1952 по 1955 г. работала в Херсонском облисполкоме сначала старшим инструктором по музеям и охране памятников, а затем заведующей областным отделом культурно-просветительных учреждений Херсонского областного управления культуры. Но ее влекла практическая археология, и в 1955 г. И.А. Антонова была переведена директором Херсонесского историко-археологического музея в г. Севастополь. С тех пор и до последних дней жизни все силы, вдохновение и долгие годы работы были отданы ею изучению этого древнего центра Крыма. Человек веселый, остроумный, Инна Анатольевна любила вспоминать, что своеобразная ирония судьбы соединила ее навсегда именно с тем городом, не зная местонахождения которого она получила единственную экзаменационную оценку “хорошо” за все пять лет обучения в университете.

Чтобы возродить как научный центр Херсонесский музей, сильно пострадавший за годы войны, потребовались поистине героические усилия. Неупорядоченные коллекции надо было создавать почти заново, налаживать научную работу. Прежде всего был сформирован дееспособный и преданный коллектив сотрудников, начались вос-

становительные работы. Они шли по всем линиям музейной деятельности. Уже в 1957 г. стараниями И.А. Антоновой было возобновлено издание “Херсонесского сборника”, в 1961 г. основано издание “Сообщений” музея, издано около десятка путеводителей и ряд популярных брошюр. Научные сотрудники музея стали постоянными участниками академических научных конференций, симпозиумов, где выступали с докладами. Значительно расширился диапазон археологических раскопок: с 2 экспедиций до 10. Сама И.А. Антонова на следующий год после прибытия в Севастополь включилась в исследования и с тех пор проводила раскопки ежегодно вплоть до лета 2000 г., которое стало ее последним, сорок четвертым по счету полевым сезоном. Не много найдется археологов, способных на столь самоотверженный, тяжелый труд!

Под ее руководством в 1968 г. полностью перестраивается экспозиция отдела античной истории, позже проводится первый послевоенный ремонт здания и в соответствии с современными требованиями создается экспозиция средневекового отдела (1982 г.), формируются коллекции и оформляется открытый осмотр посетителями коллекций: эпиграфических памятников (1959 г.), средневековой архитектуры (1963 г.), античной архитектуры (1964 г.), полихромных надгробий (1968 г.), крупной керамической тары (1970 г.).

Подготовке к открытому осмотру предшествовали большие реставрационные работы, что заставило открыть собственную реставрационную мастерскую – лабораторию, высококвалифицированные специалисты которой проходили учебу в мастерских Ленинграда, Москвы, Киева и в свою очередь обучали реставраторов других музеев Украины. Специальные центральные научно-реставрационные мастерские разработали методику консервации наиболее объемных и сложных фортификационных памятников Херсонеса. Ежегодные работы по их укреплению спасли от разрушения десятки древних башен и сотни метров древних оборонительных стен. Несколько научных экспедиций обеспечивало предварительное изучение памятников, 20 рабочих-специалистов под руководством заведующего античным отделом С.Ф. Стржелецкого с 1957 по 1963 г. проводили эти сложные, объемные работы с хорошо поставленной фиксацией всех процессов. Специально созванная в 1966 г. научная конференция “Консервация памятников археологии на юге страны” рассмотрела проведенные работы и дала им самую высокую оценку, особо отметив размах и качество выполненного.

Вслед за памятниками оборонительного зодчества началась кропотливая реставрация мозаик храмовых зданий средневековья. Было восстановлено и закреплено более 300 метров мозаичных

полов и фресковых росписей. Следует заметить, что в музеях страны это были первые работы такого объема. Мозаики, переведенные на бетонную основу, укладывались в храмах, украшая экспозицию городища. Эти работы были удостоены Государственной премии Крыма.

Херсонес в эти годы становится своеобразной “археологической школой”, центром практики студентов-историков, филологов-классиков, архитекторов и даже геодезистов. Ежегодно летнюю практику здесь проходили 300–400 студентов из 9–10 вузов страны. Одновременно было организовано участие в раскопках старших школьников. Они приезжали из Ленинграда, Троицка (Подмосковного), Киева и других городов. Инна Анатольевна всегда по особому трогательно относилась к детям, увлеченным археологией, приветливо встречала их на раскопках, подбадривала, учила, делилась своими знаниями и никогда не смотрела свысока. Она видела среди них будущих исследователей, талантливых ученых, а не просто “рабочую силу”, “землекопов”, никчемных, слабосильных “ковыряльщикиков”.

В это же время Центральными научно-реставрационными мастерскими разрабатывается генеральный план экспозиции городища и осуществляются работы по его благоустройству: сносятся полуразрушенные монастырские постройки и ограды, устаревшие павильоны, прокладываются и благоустраиваются экскурсионные маршруты, озеленяются смотровые площадки, выделяется хозяйственная зона. В результате ремонтов и приспособлений различных помещений площадь хранения фондовых коллекций увеличилась более чем на 1500 м². Были созданы научный архив, фототека, фотолаборатория, чертежная мастерская и другие основополагающие музейные мастерские. Для посетителей были организовано серийное изготовление керамических и других сувениров, спектакли различных театров соответствующей тематики и гастрольные концерты у херсонесских памятников. Редким по тем временам новшеством стала демонстрация голографических изображений уникальных музейных экспонатов, для чего была создана специальная голографическая лаборатория, найдены средства и специалисты.

В результате всех этих усилий, в значительной степени иницируемых и направляемых И.А. Антоновой, популярность музея резко возросла. Число посетителей увеличилось с 55 тыс. в 1955 г. до 450 тыс. в 1965 г. По показателям работы музею в 1966 г. была дана вместо третьей – первая категория, а в 1967 г. И.А. Антоновой одной из первых в Украине было присвоено звание заслуженного работника культуры УССР. Наконец, в 1978 г. музей был реорганизован в государственный заповедник, что еще больше повысило его статус. За всем этим во многом стояла напряженная работа Инны Анатольевны, влияние ее нео-

рдинарной личности, ее удивительное человеческое обаяние, которое испытывал на себе каждый.

Организуя руководство работой музея и заповедника, И.А. Антонова сама активно вела исследования, сосредоточив внимание на изучении фортификационных сооружений древности, вопросах организации военно-оборонительного дела в римскую и средневековую эпохи, истории музея. Она опубликовала около 70 научных работ, из которых следует особо отметить значительные, проблемные, а в определенной степени и итоговые статьи: “Западный фланг обороны Херсонеса” (1961), “Оборона порта Херсонеса в средневековую эпоху” (1971), “К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе” (1976), “Рост территории Херсонеса” (1990), “Оборонительные сооружения юго-восточного района Херсонеса” (1996), “Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона” (1997), “Основатель Херсонесского музея К.К. Косцюшко-Валюжинич” (1998).

За полгода до смерти, 21 февраля 2000 г., И.А. Антонова получила пожизненную государственную стипендию, назначенную Президентом Украины выдающимся деятелям культуры и искусства, – материальное свидетельство высокой оценки ее деятельности на ниве науки и музейного дела. Это важное обстоятельство давало возможность для нормальной жизни и, самое главное, научных изысканий. Болезнь не сломила ее, она была полна планов, главным из которых было продолжение многолетних (с 1969 г.) раскопок “цитадели” в юго-восточном районе Херсонеса и написание монографии о средневековой истории этого интереснейшего памятника. Только что была закончена подготовка к изданию книги, где речь шла о результатах исследования “цитадели” в римскую эпоху. Зрело намерение по-новому оценить во многом остающиеся неясными перипетии знаменитого Корсуньского похода князя Владимира, набросать очерк о первых исследователях Херсонеса.

К слову, личность К.К. Косцюшко-Валюжинича занимала ее особенно. Она неоднократно

обращалась к изучению наследия этого самоотверженного, скромного труженика, открывателя древнего города. Видится нечто общее между этими людьми, разделенными временем, но связанными единым – любовью к Херсонесу. Как и основатель Херсонесского музея, Инна Анатольевна не имела ученых степеней и званий. Поглощенная работой, она меньше всего думала о них.

Как и основатель Херсонесского музея, Антонова оставила после себя богатое творческое наследие, которое еще предстоит изучать, которое будут развивать ее ученики и последователи.

Оба они были из числа тех редких людей, беззаветно преданных Херсонесу, которые, говоря словами Гарсиа Лорки, “не расплескали душу в смертной чаше”.

В одном из своих писем к делопроизводителю Императорской Археологической комиссии И.А. Сулову К.К. Косцюшко-Валюжинич писал 23 марта 1900 года: “...и знаете, беспредельно уважаемый Илья Андреевич, я твердо решил всегда быть чернорабочим, – и маленьким Шлиманом без диплома, никогда не завидовавшим ни одному из больших дипломированных кабинетных ученых! Ведь я всегда боюсь только одного, чтобы сделавшись негодным к труду и не имея ни средств, ни пенсии не обращаться к благотворительности. Клянусь, что вопросы честолюбия для меня не играют никакой роли! – Я слишком много перерыл человеческих костей и ясно вижу, что всем один и тот же конец!”. Для Инны Анатольевны вопросы честолюбия тоже были второстепенны, и, как К.К. Косцюшко-Валюжинич, она могла бы написать о себе:

“К чему я признан в день рожденья

Тем и останусь навсегда:

Героем гордого терпенья

И всемогущего труда”.

Для них обоих расстаться с Херсонесом означало то же, что расстаться с жизнью.

Хайрэ, Инна Анатольевна! Древний город, руины которого дремлют у синего моря, будет Вашим памятником на века.

С.Б. Сорочан

Харьковский национальный университет

ПАМЯТИ НИНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ ЛИСИЦЫНОЙ (1921–2000)

3 июля 2000 г. в Москве скончалась Нина Константиновна Лисицына, старший научный сотрудник, ученый секретарь Отдела полевых исследований, проработавшая в Институте археологии РАН 47 лет.

Н.К. Лисицына родилась в Москве 20 декабря 1921 г. в семье служащих. После окончания учебы в средней школе в 1939 г. она поступила на Исторический факультет МГУ. Однако в 1941 г. учебу прервала война. В военные годы Н.К. Лисицына не уезжала из Москвы и участвовала в работах, связанных с обороной города, а в феврале 1942 г., когда начались занятия в университете, сразу же продолжила учебу. После завершения учебы на кафедре археологии она поступила в аспирантуру Института истории материальной

культуры (ныне Институт археологии РАН) по специальности “славянская археология”. В период обучения в аспирантуре она работала в археологических экспедициях в Переяславле Хмельницком и в Чернигове под руководством тогда профессора Б.А. Рыбакова, который вскоре был избран академиком. После окончания учебы в аспирантуре Н.К. Лисицына была принята в Институт и в 1949 г. назначена научным секретарем Комитета полевых исследований (в дальнейшем – отдел полевых исследований), где проработала всю жизнь.

Не будет преувеличением сказать, что на протяжении почти полувека Н.К. Лисицына была тесно связана со всеми археологами-полевыми России и без нее трудно представить российскую полевую археологию 50–80-х годов. Невозможно переоценить ее вклад в дело учета археологических памятников и контроля за их изучением на всей территории Российской Федерации. Ее руками были составлены многие тысячи карточек, которые позднее стали исходным материалом при работе над “Археологической картой России”.

Н.К. Лисицына вела оформление и учет “Открытых листов” и отчетов, поступающих в отдел. Она автор 50 статей. Каждый год она готовила статью для Ежегодника БСЭ “Археология, экспедиции, конференции, публикации ИА АН СССР”, а также статьи об отделе полевых исследований, которые публиковались в изданиях Института (КСИА и СА, а также журнал “История СССР” 1972, № 3).

В 1995 г. Н.К. Лисицына ушла на пенсию. Археологи и все, кто с ней сталкивался, сохраняют память об этом замечательном, скромном, доброжелательном человеке, неутомимой труженице, которая столько сделала для российской археологии.

Институт археологии РАН, Москва

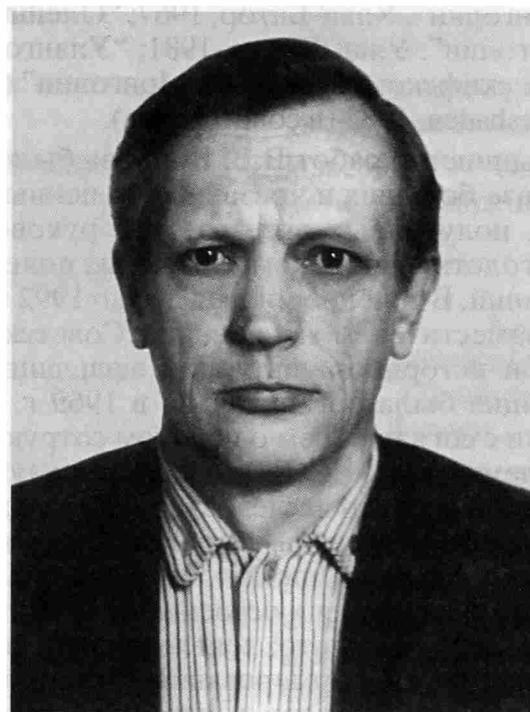
В.В. Седов, К.А. Смирнов

ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВОЛКОВА (1933–2000)

23 ноября 2000 г. скоропостижно скончался известный исследователь древностей Центральной Азии, заведующий Отделом бронзового века, доктор исторических наук Виталий Васильевич Волков.

Виталий Васильевич родился 28 января 1933 г. в пос. Усть-Карск Читинской области. Его отец, Василий Васильевич Волков, потомок ссыльного польского повстанца, по специальности горный инженер, работал главным маркшейдером на прииске “Золотые ключи”. Мать – Зинаида Алексеевна Журавлева, горный коллектор, происходила из многодетной семьи смоленских крестьян, сосланных в годы репрессий в Сибирь. В 1939 г., вскоре после перевода на работу в Иркутск, отец умер. Мать поступила учиться в Иркутский педагогический институт, на филологический факультет. В 1941 г. она вторично вышла замуж за выпускника истфака того же института монгольского подданного Базарына Ширендыба и вместе с сыном переехала на жительство в столицу Монголии г. Улан-Батор. Б. Ширендыб, отчим Виталия Васильевича – ученый и писатель, в дальнейшем академик, видный общественный и политический деятель, основатель и первый ректор Монгольского государственного университета, инициатор и организатор создания Академии наук МНР и ее первый президент. Человек мудрый, душевно щедрый, Ширендыб стал для Виталия отцом и наставником, оказал огромное влияние на становление его личности. Он брал мальчика с собой в поездки по стране, на охоту, прививал интерес к историческому прошлому монгольского народа, поощрял коллекционирование раритетов, даже обучал старомонгольской письменности. С юности Виталий Васильевич был страстным охотником и рыболовом, любителем быстрой езды сначала на мотоцикле, затем на машине по напоенной запахом полыни степи или по каменистой полупустыне, где зарождаются в звенящем воздухе и растворяются призрачные миражи. Говоря словами Ширендыба, “человек чувствующий и понимающий природу – настоящий человек”. Именно таким настоящим человеком, великодушным и бескорыстным, подлинным мужчиной и воспитал он приемного сына.

В 1951 г. В.В. Волков поступил на исторический факультет Московского государственного университета. На кафедре археологии Виталий слушал лекции таких блестящих профессоров как А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, Б.Н. Гра-

ков, Б.А. Рыбаков. Специализировался у члена-корреспондента АН СССР С.В. Киселева. Дипломная работа Виталия Васильевича была посвящена оружию тагарской эпохи на Енисее. По окончании университета вместе со своей первой женой Э.А. Новгородовой он переехал в Монголию.

По возвращении в Улан-Батор В.В. Волков преподавал в Монгольском государственном университете, затем работал в Институте истории АН МНР. В Монголии началась его активная самостоятельная деятельность как полевого исследователя. Разведками он исколесил всю страну вдоль и поперек, побывал в самых труднодоступных местах, зафиксировал тысячи археологических объектов, производил раскопки памятников разных эпох, но главным образом бронзового и раннего железного веков.

После переезда в Москву, с 1962 г. и до конца жизни, Виталий Васильевич работал в Институте археологии РАН. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию “Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии”, в 1990 г. – докторскую “Центральная Азия и скифо-сибирская проблема”. В.В. Волков был высококвалифицированным специалистом по археологии, древней истории и культуре кочевников Центральной Азии и прежде всего Монголии. Его работы посвящены

ключевым проблемам бронзового и раннего железного веков, начальным этапам формирования культур скифского типа, выяснению причин и механизма сложения скифо-сибирского единства, определению роли центральноазиатского региона в общих процессах культурной интеграции, приведших к сложению этого единства. Им опубликовано более 50 научных работ, в том числе три монографии: “Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии”. Улан-Батор, 1967; “Оленные камни Монголии”. Улан-Батор, 1981; “Улангом – могильник скифского времени в Монголии” (на нем. яз.), Wiesbaden, 1982 (в соавторстве).

Большинство работ В.В. Волкова было создано на базе больших и чрезвычайно ценных материалов, полученных в результате руководимых им многолетних широкомасштабных полевых исследований. В течение многих лет до 1992 г. он являлся заместителем начальника Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции. Эта экспедиция была организована в 1969 г. в соответствии с соглашением о научном сотрудничестве Академии наук СССР и Академии наук МНР. В ее задачи входило исследование актуальных, узловых проблем древней, ранней и средневековой истории Монголии. Они включали вопросы первоначального заселения и освоения человеком центральноазиатского плато; появления кочевого скотоводства; путей формирования древних nomadic культур, их роли в истории цивилизации Центральной Азии; этногенеза и этнической истории Монголии. Экспедиционные маршруты, в которых принимал участие В.В. Волков, охватили практически всю территорию Монголии. Он провел значительные раскопки погребальных комплексов и культовых мест – курганов энеолитического времени, плиточных могил, полностью исследовал могильник V–III вв. до н.э. в окрестностях г. Улангом, зафиксировал крупные скопления наскальных рисунков. Едва ли не самыми яркими и ценными памятниками первобытного искусства, изучением которых занимался Виталий Васильевич, явились оленные камни. За время работ экспедиции обнаружено и скопировано более 500 оленных камней. Эти памятники, как показал В.В. Волков, получили особенно широкое распространение на рубеже эпохи бронзы и железного века и отражают трансформацию культуры степных скотоводов в культуру ранних кочевников. Полевые ис-

следования были его подлинной стихией, недаром друзья называли его последним романтиком в археологии.

В.В. Волков участвовал в ряде международных конгрессов и симпозиумов по центральноазиатской проблематике в Италии, Франции и неоднократно в Монголии.

Научная работа постоянно сопровождалась административной и общественной. Человек открытый, всегда готовый прийти на помощь, оказать поддержку, Виталий Васильевич был наделен талантом руководителя, к нему тянулись самые разные люди. Он был четок, сдержан, доброжелателен и, как настоящий мужчина, умел брать на себя ответственность за порученное дело и без шумихи и суеты выполнять его. Все эти качества проявились в его научно-организационной деятельности: 1969–1971 гг. – зав. аспирантурой, 1972–1977 гг. – ученый секретарь Института археологии АН СССР; 1983–1985 гг. – ученый секретарь Отделения истории АН СССР; работал в комиссии АН СССР и АН МНР по сотрудничеству в области общественных наук; с 1994 г. заведовал Отделом бронзового века. Был председателем профкома Института, председателем ГНК.

В начале творческого пути судьба посылала Виталию Васильевичу трудные испытания, но при всех самых сложных жизненных коллизиях он сохранял самообладание, высокое достоинство и свое особое, присущее только ему чувство юмора, в котором причудливо сочетались сарказм и добрая шутка.

Двадцать лет назад он познакомился с Еленой Александровной Жегалло, начальником отряда работавшей в Монголии палеонтологической экспедиции, своей будущей женой. Их союз был скреплен общностью интересов и полным взаимопониманием. С тех пор они не расставались.

Небывалое число людей, пришедших в ясный морозный день на траурный митинг отдать последний долг и проститься с Виталием Васильевичем – наглядное свидетельство неподвластной времени всеобщей любви и безграничного уважения к этому замечательному человеку – мужественному и мудрому, высокопринципиальному и щедрому, скромному и отзывчивому, блестящему полевому исследователю, талантливому руководителю, верному другу, надежному товарищу.

М.А. Дэвлет

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести. СПб.	ИАК	– Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
АИ	– Археологические исследования.	ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук.
АО	– Археологические открытия. М.	Изв. АН Арм. ССР	– Известия Академии наук Армянской ССР. Ереван.
АП	– Археологічні пам'ятки УССР. Київ.		
АПВКМ	– Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново.	Изв. АН Кирг. ССР, сер. ОН	– Известия Академии наук Киргизской ССР, серия Общественные науки. Фрунзе.
АС	– Археологический съезд.		
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.-СПб.	ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
БСП	– Българите в Северното Причерноморие. В. Тырново.	ИОАИЭ	– Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
БСЭ	– Большая советская энциклопедия. М.		
ВА	– Вопросы антропологии.	ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук.
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Свердловск.		
ВДИ	– Вестник древней истории.	ИРОМК	– Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону.
ВССА	– Вопросы скифо-сарматской археологии.	КДСП	– Курганные древности степного Поднепровья.
ВЦНИИКР	– Всесоюзный центральный научно-исследовательский институт консервации и реставрации.	КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры.	КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
ГИБИ	– Гръцки извори за българската история. София.		
ГМИРиА	– Государственный музей истории религии и атеизма.	КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии. М.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж.		
ДАС	– Донецкий археологический сборник. Донецк.	ЛГУ	– Ленинградский государственный университет.
ИАИ	– Историко-археологические изыскания. Самара.	ЛОИА РАН	– Ленинградское отделение Института археоло-

	логии Российской академии наук.	ТГУ	– Томский государственный университет.
МАК	– Материалы по археологии Кавказа. М.	ТМАО	– Труды Московского археологического общества.
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.	Тр. АН Тадж. ССР.	– Труды Академии наук Таджикской ССР. Сталинобад.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.	Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. М.
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.	Тр. ГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа. Л.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.	Тр. ИИ АН Кирг. СССР	– Труды Института истории Киргизской ССР. Фрунзе.
МСЭ	– Малая советская энциклопедия. М.	Тр. ИЭ	– Труды Института этнографии АН СССР. М.
МХЭ	– Материалы Хорезмской экспедиции. М.	Тр. ХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
НиС	– Нумизматика и сфрагистика.	УАЭ	– Уральская археологическая экспедиция.
ОАК	– Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.	УрОРАН	– Уральское отделение Российской академии наук.
ОРФ СОИГСИ	– Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социологических исследований.	ЭО	– Этнографическое обозрение.
РА	– Российская археология.	ААН	– Acta Archaeologica Hungarica.
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов.	АЕ	– Arheologija un Etnografija. Riga.
ПАВ	– Санкт-Петербургский археологический вестник.	АН	– Archaeologica Hungarica. Budapest.
ПВЛ	– Повесть временных лет.	АР	– Arheologia Polskei. Warszawa.
ПСА	– Проблемы скифо-сарматской археологии. М.	АРА	– Acta Praehistorica et Archaeologica.
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей. СПб.; М.	BAR	– British Archaeological Reports. Oxford.
СА	– Советская археология.	Fontes АН	– Fontes Archaeologici Hungariae. Budapest.
САИ	– Свод археологических источников. М.	FsA	– Fennoscandia Archaeologica. Helsinki.
СГЭ	– Сборник Государственного Эрмитажа. Л.	IOSPE, I ²	– Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Ed. 2. Petropoli 1916. Vol. I.
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.	MFME	– A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. Szeged.
СХМ	– Сообщения херсонесского музея. Симферополь.	SIA	– Slovenská Archeológia. Bratislava.
СЭ	– Советская этнография.	ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.
ТАС	– Тверской археологический сборник. Тверь.		